

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*Пётр I в современной историографии:
350 лет великому реформатору*

Как царь планировал кампанию 1695 г.

*Реорганизация местного управления
в начале XVIII в.*

Обвалился ли курс рубля в петровскую эпоху?

Пётр I и православная Церковь

Пётр Великий и западная культура

Слухи и поиски «отравителей» в 1831 г.

Военная медицина на Кавказе в 1914 г.

*Н.А. Семашко, оздоровление населения
и культурная революция*

Венерические заболевания в СССР в 1920-е гг.

*Советская медицина
в борьбе с эпидемиями 1960–1970-х гг.*

МОСКВА

2 март
апрель
2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.К. Сорокин,
В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин,
Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова,
А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: П. ван дер Верфф. Портрет Петра I (ок. 1697 г.)

Пётр I и современная историография: размышления к 350-летнему юбилею великого реформатора

Виктор Захаров

**Peter I and modern historiography:
reflections on the 350th anniversary of the great reformer**

Viktor Zakharov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722020017, EDN: FTEZAF

Этот номер журнала «Российская история» выходит в дни, когда исполняется 350 лет со дня рождения Петра I. Столь знаменательная дата не могла не стать побудительным мотивом к обмену мнениями и суждениями о деятельности Петра I и её итогах, презентации результатов изысканий, анализу современной историографии петровской эпохи. Ряд статей этого юбилейного номера посвящены актуальным проблемам истории преобразований Петра Великого. В нём нельзя не уделить внимания и общим тенденциям современной историографии времени Петра I, что стало целью настоящего очерка. Рамки статьи не позволяют рассмотреть тему в полной мере, но дают возможность коснуться вопросов, представляющихся наиболее значимыми и интересными.

Пётр I относится к числу наиболее выдающихся деятелей российской и мировой истории, масштаб его личности и свершений трудно переоценить. Внимания заслуживают уже собственно биографические параметры его жизни и деятельности. Пётр родился короткой летней ночью, в 0 часов 48 минут 30 мая (9 июня) 1672 г. в Московском Кремле¹. Он был младшим сыном царя Алексея Михайловича. В апреле 1682 г. Пётр 10-летним ребёнком вступил на российский трон и пребывал на нём вплоть до своей кончины 28 января 1725 г., приняв в 1721 г. титул императора. Уже по времени царствования (43 года) Пётр Алексеевич превосходил прочих правителей из династии Романовых, уступая из российских монархов только Ивану Грозному, правившему 51 год. Правда, Иван Васильевич принял наследие отца менее четырёх лет от роду, а шапкой Мономаха его увенчали лишь по достижении совершеннолетия, и царский титул он носил 37 лет (и здесь Пётр I в российской истории оказывается первым)². Если говорить о времени, когда Пётр реально управлял страной (с 1689 г.), то срок его пребывания у власти составил почти 36 лет. По длительности правления он находится в одном ряду с рядом европейских монархов Нового времени – королём Франции Людовиком XIV, императором Австро-Венгрии Францем Иосифом I, королевой Англии Викторией. Пока-

© 2022 г. В.Н. Захаров

¹ Анисимов Е.В. Биохроника Петра Великого (1672–1725) (URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/226713827> (дата обращения 03.03.2022)).

² Петра I венчали «шапкой Второго наряда» – копией шапки Мономаха, а оригинал достался его брату Ивану (Бобровническая И.А. Регалии российских государей. М., 2004. С. 8).

зательно, что авторы многочисленных трудов о Петре I практически не обращают внимания на это обстоятельство. Возможно, оттого что его правление производит впечатление быстротечности, даже мимолетности происходящих событий. В сравнении с предыдущим веком у читателя и исследователя эпохи Петра возникает непреходящее впечатление, что само время в тот период пошло намного быстрее. Происходило множество событий и перемен, но могло бы произойти ещё больше, если бы хватило времени. И, оценивая правление Петра Великого, важно учесть не только то, что он успел сделать, но и то, что задумал.

Итоги и результаты деятельности Петра I, способы и методы их достижения, их мотивы в историческом сознании, как и в науке, оцениваются крайне неоднозначно. Сейчас не стоит говорить о том, насколько прав или не прав был Пётр I, нарушив самобытный ход русской истории, пытаясь привить России якобы чуждый ей «европейский» уклад жизни. Дискуссии на этот счёт имеют скорее мировоззренческий, нежели научный смысл. В современной историографии проблемы, противоречия, итоги и результаты преобразований Петра рассматриваются и оцениваются под иным углом зрения. Можно выделить два основных подхода. Многие историки, признавая крупные достижения Петра I в направлении модернизации страны, остро критикуют социальные, внутривнутриполитические последствия его реформ. Иная тенденция проявляется в сомнениях в значимости реформ Петра I и их переломном характере.

Первое направление имеет более длительную историю. Критическое отношение к социальным последствиям деятельности Петра высказали еще В.О. Ключевский и его последователи. Ключевский отмечал деспотизм власти, опираясь на который Пётр I боролся с косностью народа, надеясь водворить через «рабовладельческое дворянство» европейскую науку и народное просвещение. Но «политическая квадратура круга» совместного действия «деспотизма и свободы», «просвещения и рабства» осталась, по мнению историка, неразрешимой задачей³. Тогда же в критической плоскости возник вопрос о «цене реформ». Наиболее определённо, хотя и чрезмерно категорично, ответ на этот вопрос сформулировал П.Н. Милюков: «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг великой державы»⁴. В советской историографии второй половины XX в. деяния Петра I оценивались выше, чем всех других российских монархов, хотя и отмечались лишения и тяготы народных масс, формирование абсолютизма, усиление крепостного гнёта.

Эти идеи суммированы и развиты в современной историографии, в том числе в обобщающих трудах Е.В. Анисимова, крупнейшего в настоящее время специалиста по истории Петра Великого, автора фундаментальных работ по истории финансов и налогов, государственного управления, а также впечатляющей серии обобщающих научных и научно-популярных работ о Петре и о его преемниках. Нельзя не отметить и составленную Анисимовым полную биографическую хронику жизни царя. В одной из недавних популярных работ учёный смоделировал спор о Петре I по основным направлениям преобразований между «почитателем» и «недоброжелателем»⁵.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 4. М., 1989. С. 203.

⁴ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 546.

⁵ Анисимов Е. В. Пётр Первый: благо или зло для России. М., 2019.

В работах современных авторов подчёркивается противоречивость результатов реформ и отмечаются их негативные последствия. При этом Петру I воздаётся должное как великому деятелю. Подчёркивается, что многие его реформы были необходимы и полезны, при этом указывается, что царь не останавливался перед самым грубым насилием, не считался с любыми затратами и жертвами, многие его затеи оказались сомнительны, бесполезны и даже вредны. Анисимов в одной из своих недавних книг отметил, что результатом реформ Петра I стало отнюдь не благосостояние жителей страны, упрочение их прав и свобод, а усиление самодержавия, крепостничества и развитие бюрократии со всеми её пороками. Развитие экономики также выглядит противоречивым: рост промышленности и многократное увеличение количества предприятий основывалось на расширении использования подневольного труда⁶.

Подобные оценки в целом справедливы или, по крайней мере, имеют солидное обоснование. Опровергать или пересматривать их бессмысленно и контрпродуктивно. Вопрос в другом — подобная критика иногда выглядит чрезмерно односторонней и радикальной, при этом не всегда учитывается объективная ситуация, в рамках которой действовал Пётр, происходит смещение акцентов, и на второй план уходят несомненные достижения России начала XVIII в. В данном очерке я остановлюсь именно на этом.

В самом деле, стоит ли предъявлять счёт Петру I за всемерное укрепление самодержавия и крепостного строя? Это общая тенденция социально-экономической и политической эволюции страны на протяжении нескольких веков. Поддерживая этот тренд, Пётр использовал его для модернизации страны. Проблемой для России эти явления стали одно-два столетия спустя, что вызвало Великие реформы, Великую революцию 1917 г., другие впечатляющие события. Что касается бюрократии, то, абстрагируясь от негативной коннотации этого понятия, нельзя не признать, что современные государство и общество не могут существовать без профессиональных управленцев. Насколько Пётр несёт ответственность за усугубление отрицательных качеств российской бюрократии — вопрос дискуссионный.

Отмечая критический характер оценок преобразований Петра I, рассмотрим некоторые вопросы истории экономики, торговли и связанные с ними проблемы внутренней и внешней политики. Нередко подчёркивается, что преобразования начала XVIII в. тяжело сказались на положении купечества, и действия Петра Великого в области торгового предпринимательства следует рассматривать как крайне разрушительные для торгового люда. Это стало результатом резкого усиления налоговых тягот, выпавших на долю всех занятых торговлей, а также принудительных мер по отношению к купечеству, их насильственного переселения в Петербург, ограничения торговли Архангельска, насильственной организации купеческих компаний. Разумеется, всё перечисленное трудно отрицать. Очевидно, что рост налогов в условиях войны не мог не сказаться на положении купцов (это типичное следствие войн той эпохи, оно характерно для разных стран). Вопрос в том, насколько тяжёл был этот гнёт, насколько он способствовал разорению торговых людей. При этом обычно говорится о разорении купеческих фамилий и сокращении численности купцов, принадлежавших к привилегированным корпорациям. Е.В. Анисимов приводит данные

⁶ Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009. С. 4, 246–247, 266–271, 301–302.

А.И. Аксёнова, согласно которым в 1705 г. гостями являлись представители 27 фамилий, а в 1713 г. — только 10. По подсчётам Н.И. Павленко, из 226 купцов гостиной сотни к 1715 г. лишь 104 сохранили торги и промыслы⁷. Но неустойчивость купеческих капиталов и отсутствие длительной преемственности на протяжении поколений — характерное явление XVII—XVIII вв. Вряд ли причины этого сводятся только к росту налоговой нагрузки на начальном этапе Северной войны. И речь идёт о привилегированных купеческих корпорациях, существовавших ещё в допетровскую эпоху, а в начале XVIII в. прекративших существование, аналогично другим «чинам», возникшим до Петра I (бояре, дьяки, жильцы и проч.). При Петре практика пожалования чина «гостя» сошла на нет: известны всего три таких случая, что не могло компенсировать естественную убыль членов корпорации. Тем не менее в течение всего правления Петра I среди купечества встречались такие «чины», как «гостинный сын» и «гостинный внук», что свидетельствует о сохранении торгового дела в нисходящих поколениях привилегированного купечества. В состав гостиной сотни, второй по значению привилегированной корпорации купечества, по данным Н.Б. Голиковой в 1701–1725 гг. было включено 914 человек. Конечно, немало фамилий лишались этого статуса, но многие сохраняли преемственность. Новых фамилий появилось 177, прежних осталось 208⁸. С одной стороны, это отражает характерную для того времени неустойчивость купеческих капиталов, с другой — мы видим, что имелись предпосылки для развития деятельности купеческих семей, приходивших на место разорившихся.

Если обратиться к иным данным о развитии торговли, то, конечно, мы не увидим расцвета этой отрасли экономики, чего и трудно ждать в период столь тяжёлой войны. Но вряд ли можно говорить о разрушительных последствиях реформ Петра I для российской торговли. Б.Б. Кафенгауз, автор последнего на данный момент обобщающего труда по истории торговли начала XVIII в., констатировал, что в петровскую эпоху спад внутренней торговли наметился лишь в первые годы Северной войны. В дальнейшем, вплоть до конца правления Петра, какого-либо ослабления (как и подъёма) не наблюдалось⁹. Тем не менее именно в петровское время в связи со строительством Петербурга активизировался внутренний хлебный рынок, началась доставка хлеба из внутренних регионов на берега Невы. Этот процесс набирал обороты и в последующие десятилетия¹⁰. Внешняя же торговля, постоянно пользовавшаяся пристальным вниманием Петра I, в его правление получила новый импульс к развитию, что в первую очередь связано с выходом России на берега Балтики. Однако в исторической литературе иногда проявляется скептическое отношение к подобным переменам в России, ставится под сомнение своевременность и значимость войны со Швецией¹¹, скептически оценивается строительство Петербурга, потребовавшее огромных расходов и жертв.

⁷ Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы. С. 106–107.

⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 190–191, 443.

⁹ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 120.

¹⁰ Jones R.E. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013. P. 30.

¹¹ Редин Д.А. Империя Петра Великого: курс — вест, ветер встречный // Российская история. 2021. № 4. С. 15.

Выход к Балтике и основание Петербурга представляют собой настолько существенные достижения Петра I, что их нельзя оставить без внимания, по крайней мере применительно к внешнеторговой и экономической истории. Да, Швеция, к концу XVII в. господствовавшая на Балтике, вовсе не стремилась к войне, поскольку её вполне устраивала ситуация на севере Европы. Но это категорически не могло устраивать Россию. И дело не только в глобальной стратегии и военной безопасности. В эпоху раннего Нового времени всё большее значение приобретало развитие мировой торговли, становившейся чуть ли не главным источником первоначального накопления, существенным фактором процветания государств, преуспевших на этой ниве. Особенно важной становилась морская торговля, поскольку именно морские суда позволяли перевозить наибольшие объёмы товаров.

Для российского рынка, имевшего ключевое значение для товарообмена между Западом и Востоком Европы, выход к удобным морским путям имел первостепенное значение. Через Балтийское море проходил мощный товарообмен между этими регионами, и контроль над ним, а следовательно, и извлечение дохода, представляли особую важность для государства, владевшего портами. Тем более это было важно для России, так как именно российский рынок представлял собой то обширное пространство, откуда исходили массы товаров, направлявшиеся в Западную Европу. Но порты, через которые проходил этот товаропоток, находились в руках другого государства — Швеции, имевшей все возможности извлекать доходы из этого в виде пошлин и контролировать весь процесс.

Вопрос о выходе к Балтике стал актуальным для Российского государства задолго до Петра I, ещё в XVI в. он послужил одной из причин Ливонской войны. Полностью утратив выход к Балтике в ходе Смуты начала XVII в., Россия неоднократно предпринимала дипломатические и военные усилия вернуть утраченные территории и всегда встречала жёсткое сопротивление Швеции, находившейся в зените военного могущества. В течение всего XVII в. Россия стремилась развивать внешнюю торговлю на западном направлении через Архангельск. Швеция же, державшая под контролем товарооборот России через Балтику, не была в этом заинтересована, применяла всевозможные меры, чтобы перенаправить поток товаров с русского рынка в балтийские гавани¹².

По данным регистрации судов, проходивших через пролив Эресунд (Зундский), связывавший Балтийское и Северное моря, количество кораблей, вышедших из портов Восточной Прибалтики, в 1680–1690-х гг. по сравнению с предыдущим периодом существенно выросло. Если в 1660-х гг. их было 130–140 в год, то в последние два десятилетия XVII в. — регулярно превышало 400–500. В 1699 г. в западном направлении прошло 610 кораблей, большая часть которых была нагружена товарами из России. Ещё более убедительным свидетельством роста экспорта на запад через Балтику являются данные по Нарве. В последние годы XVII в. экспорт через этот порт стремительно расширился: в 1696 г. из Нарвы ушло 69 судов, в 1698 г. — 88, в 1699 г. — 139, в 1700 г. — 147¹³. Для сравнения:

¹² Kotilaine J.T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World. Leiden; Boston, 2005. P. 178; Tröbst S. Handelskontrolle — «Derivation» — Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997.

¹³ Пийримяэ Х.А. Тенденция развития и объём торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке // Скандинавский сборник. Вып. 8. Таллин, 1964. С. 99–115, табл. 2. С. 105.

в Архангельск в 1693 г. прибыло 49 кораблей¹⁴. Известно, что суда, приходившие в Архангельск из Западной Европы, отличались большой грузоподъемностью, но и корабли, шедшие из Нарвы в Англию и Голландию через Зунд, тоже были не маленькими, а их количество к концу века составило более ста в год. Даже не располагая точными данными, можно уверенно говорить о стремительном развитии русского экспорта прежде всего через Нарву и другие порты Восточной Прибалтики. Следовательно, в последние годы XVII в. объективные преимущества балтийского направления торговли становились всё более очевидными, и усилия Петра I по обретению выхода к морю именно здесь выглядят своевременными и оправданными.

Уже в 1703 г. (через три года после начала войны), когда выход к морю удалось получить, на Заячьем острове в устье Невы была заложена русская крепость Санкт-Петербург. Многократно говорилось о больших жертвах, которых стоило строительство этого города на болоте. Но оказались ли напрасны эти жертвы (масштаб их пока неизвестен) и усилия? Во-первых, выход к морю следовало надёжно защитить, и строительство крепости на топких островах устья Невы было необходимо, как и возведение Адмиралтейства. А поскольку одним из главных стимулов выхода к Балтике являлись потребности развития внешней торговли, требовался большой морской торговый порт. Что касается неблагоприятных геоморфологических и гидрологических условий для строительства крепости и порта, то в истории России, осваивавшей в течение веков обширные пространства, возведение крепостей и острогов в пустынных степях, дремучей тайге, на вечной мерзлоте стало обычным делом. Здесь Россия — не исключение: вспоминается пример Венеции, Амстердама и большей части Голландии, лежащей на дне осушенного и отодвинутого дамбами моря.

Более обоснованы сомнения в целесообразности сосредоточения власти на берегах Невы и превращения Петербурга в столицу. Возможно, стоило ограничиться крепостью и портом, на что указывал ещё Н.М. Карамзин¹⁵. Но у Петра I имелись свои резоны: стремление быть ближе к зарубежной Европе, любовь к морю и флоту. Пафос обновления и идея «регулярства» требовали создания столицы заново, «с нуля», когда ничто не мешает реализовать некий идеальный план. Объясняя перенос столицы, исследователи нередко подчёркивают какую-то особую «нелюбовь» царя к Москве. На мой взгляд, негативное отношение царя к древней столице не стоит преувеличивать: подобных мыслей ни в его высказываниях, ни в письмах не звучало. Пётр I относился к Москве, как минимум, с должным почтением и уважением, ценил её историческую роль и сакральный статус. В Москве он торжественно отмечал победу под Полтавой в декабре 1709 г. (в те же дни там родилась его дочь Елизавета, царствовавшая впоследствии в Петербурге, но неоднократно и надолго приезжавшая в Москву). На рубеже 1710-х и 1720-х гг. наметились ремонт и реставрация подмосковных царских дворцов¹⁶. В 1724 г. по желанию Петра I в Московском Крем-

¹⁴ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 94; Пийримяэ Х.А. Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 46–47.

¹⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 37.

¹⁶ Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 43.

ле в Успенском соборе состоялась коронация его супруги Екатерины — первая императорская коронация в России. В ходе реформы центрального управления 1710—1720-х гг. ряд центральных учреждений разместились в Москве, там же возникли конторы большинства коллегий. Именно при Петре I возникла редкая в мире и характерная для имперской России «двустоличность». Вплоть до 1917 г. страна официально имела две столицы.

Перемещение правительственной резиденции из средневекового центра в новый регулярный город было в эпоху Нового времени общеевропейским явлением. Так произошло, например, в Испании, когда короли перебрались из Толедо в Мадрид. В большинстве же случаев не происходило перемещения — новый регулярный город создавался на окраине старого средневекового. Так было в Париже, Вене, Берлине, Лондоне. Короли и правители не разрушали древние крепости и соборы, а возводили новые площади и проспекты рядом, на свободной территории. Париж расширялся по благоприятной «розе ветров» в западном направлении от острова Сите и Лувра к новому городу в районе Елисейских Полей, или Лондон — от Тауэра и Сити к монастырским огородам Ковент-Гардена и Вестминстера. То же произошло при Петре I в России с одной лишь разницей: средневековая часть столицы и её «регулярное» продолжение Нового времени разделяет пространство более чем в шестьсот вёрст. В этом смысле Москва и Санкт-Петербург могут рассматриваться как единый столичный центр, а перенос «резиденции» из Москвы в Петербург — как общеевропейский тренд, а не прихоть царя-реформатора.

На «двустоличность» России, возникшую при Петре, указывает и то, что официального указа о прекращении столичного статуса Москвы не было. Общим является мнение, что перемена столицы произошла без специального постановления царя, а «явочным» порядком, когда в 1713 г. двор и Сенат переместились на берега Невы. Ясность в этот вопрос попытался внести П.А. Кротов, обративший внимание, что Санкт-Петербург впервые публично объявлен столицей в «Календаре или Месяцеслове» на 1714 г. Выход календаря в свет датирован 8 мая 1714 г., а поскольку это официальное издание, то дату, по мнению автора, следует считать днём провозглашения Петербурга столичным городом¹⁷. Воздавая должное данной находке и остроумной версии, отмечу, что дата публикации календаря не идентична официальному указу или манифесту. Календарь на 1714 г. лишь отразил или зафиксировал фактическое положение дел: реальный столичный статус Санкт-Петербурга, определившийся не позднее 1713 г.

Возвратимся к внешнеторговым аспектам возникновения и первых лет существования Санкт-Петербурга. Заложив город, Пётр I, как всегда, спешил, надеялся как можно раньше увидеть реализацию своей мечты, которую А.С. Пушкин выразил строкой: «Все флаги в гости будут к нам». Первые десять лет вследствие господства шведского флота на Балтике иностранные корабли в Петербург практически не заходили. Появление голландского корабля в 1703 г., о чём не преминула сообщить первая русская газета «Ведомости», оказалось, по сути, случайным. В действительности этот корабль шёл в Ниеншанц, до самого недавнего времени принадлежавший шведам. Обстановка несколько улучшилась в 1710-х гг. В 1713 г. в Петербург впервые прибыли че-

¹⁷ Кротов П.А. 19 мая 1714 года. Загадка даты обретения Санкт-Петербургом официального статуса столицы России // Родина. 2012. № 7. С. 4—7.

тыре корабля из Англии и один из Амстердама. В 1714 г., когда русский флот одержал победу при Гангуте, только из Лондона пришло 15 кораблей, 10 — из Амстердама, а также появились суда из Испании и Франции¹⁸. В 1713 г. был отстроен и расширен после пожара новый Гостиный двор на Троицком острове¹⁹. Опираясь на эти достижения, Пётр I предпринял известные жёсткие административные меры по ограничению торговли Архангельска в пользу Петербурга. Но нужно отдать правительству должное: как только стало ясно, что эти меры преждевременны и в условиях военных действий на Балтике нереализуемы, их существенно скорректировали в сторону смягчения, так что Архангельск продолжал оставаться основным внешнеторговым портом страны вплоть до окончания Северной войны. В 1715 г. в Архангельск прибыло рекордное число торговых кораблей — 215. К концу десятилетия торговля Петербурга несколько расширилась, тем не менее в 1718 г. в Архангельске побывало 116 кораблей, в то время как в Петербурге — 52²⁰.

Тогда же в интересах развития Петербурга Пётр I издал ещё одно распоряжение, которое также можно подвернуть справедливой критике за жёсткий административный нажим. Царь распорядился принудительно переселить в Петербург знатные купеческие и ремесленные семьи ради обеспечения быстрого расцвета торговли в новой столице. Только из Москвы предполагалось переместить 90 купцов. Реализовать этот указ оказалось непросто. Кроме категорического нежелания многих переселяться в ещё необустроенный город, сказывалась нехватка средств на переселение, которое осуществлялось за счёт общин городов происхождения переселенцев. К 1718 г. в Петербурге закрепились всего трое купцов гостинной сотни, которая должна была дать наибольшее число новых жителей Петербурга²¹, — И. Стрежнев, Н. Мушников и Г. Володимиров. Вскоре они вошли в элиту купечества новой столицы. Постепенно ситуация изменилась. По мере налаживания жизни и быта в Петербурге многие ведущие купцы, как русские так и иностранцы, стали переезжать в город добровольно. По «реестру», составленному в 1719 г., в Петербурге находились уже 29 иностранных купцов²².

С 1721 г. последовала серия жёстких указов, запрещающих поставку товаров к Архангельску со всей территории страны (за исключением бассейна Северной Двины). Всё следовало везти в Петербург. Это буквально обрушило торговлю Архангельска. Пётр I, надо признать, не являлся поборником принципа свободной торговли, не соответствовавшего и даже противоречившего правилам меркантилизма, в то время естественным образом доминировавшего и в экономической политике стран Западной Европы. Он стремился всемерно развивать экспорт, и более удобный петербургский порт нужен был ему как можно быстрее. Таким образом, меры по ограничению торговли на Севере соответствовали объективному ходу событий, они только ускорили замену

¹⁸ Захаров В.Н. Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Пётр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. СПб., 2019. С. 267–268, 274.

¹⁹ Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 28.

²⁰ Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 144, 147.

²¹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 448.

²² РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 63, л. 1–7.

Архангельском Петербурга как главного порта страны на западноевропейском направлении. Уже к 1725 г. по объёму товарооборота столица сравнялась с гаванью на Северной Двине²³. Это вряд ли удалось, если бы российское купечество в результате реформ Петра I оказалось на грани разорения. Ведь именно русские купцы обеспечили контакты Петербурга с внутренним рынком, используя при этом Вышневолоцкую воднотранспортную систему, построенную при поддержке царя. Да, внешнеторговые операции петербургского порта оставались в руках иностранных купцов, но та же ситуация ранее наблюдалась и в Архангельске.

Становление и развитие петербургского порта при Петре обеспечило в дальнейшем глубокое вовлечение России в систему мирового рынка. Около половины товарооборота приходилось на Англию, но в Петербурге в течение XVIII в. в соответствии с заветами Петра расширялось и представительство купцов других стран, в том числе германских земель, Дании и Швеции, Франции, Испании, Португалии, итальянских государств, наконец Северо-Американских колоний (затем Штатов). Русские купцы также вовлекались в этот процесс: например, в 1760-х гг. их доля в товарообороте Петербурга превышала 20%, тогда как при Петре I в Архангельске и Петербурге она составляла лишь 1–2%.

Разумеется, положение русского купечества в первой четверти XVIII в. не следует идеализировать. Его судьба, как и судьбы других сословий, оказалась непростой. При Петре Алексеевиче исчезли существовавшие ранее привилегированные группы купечества. Намечалась реформа, связанная с введением гильдий в городах, что предусматривало закрепление за верхушкой купечества нового привилегированного статуса. Но на деле всё свелось к причислению купцов к плательщикам подушной подати в рамках всей городской общины. Выделение купцов как социальной группы с особыми правами и привилегиями, в том числе в сфере налогообложения, осталось заветом Петра I преемникам, реализованным Екатериной II, фактически и создавшей сословие гильдейского купечества.

В связи с этим стоит отметить, что преобразования Петра I с точки зрения замысла и исполнения можно разделить на три группы. Первая — претворённые в жизнь своевременные и необходимые меры. Вторая — мероприятия, которые внедрялись, но были отставлены или прекращены, когда стала ясна их неэффективность, невозможность или даже ненужность. Третья, и это очень важная группа, — скорее не мероприятия, а планы, сформулированные при Петре, а воплощённые его преемниками, что можно видеть не только на примере политики по отношению к торговле и купечеству, но, как можно предполагать, и в любой другой сфере петровских преобразований.

Ещё одна значимая проблема в современной историографии связана с недооценкой значимости, глубины и собственно новизны петровских преобразований. Так или иначе возникает вопрос: стало ли правление Петра началом новой эпохи? Этот вопрос обусловлен давно сложившимся мнением, что многое из того, что сделал Пётр I, имело место уже в XVII в. Действительно, во второй половине XVII в. Россия двигалась по пути преобразований, делались полез-

²³ По данным Н.Н. Репина, экспорт и импорт Петербурга в 1725 г. превзошёл товарооборот Архангельска 1710-х гг., но следует учитывать некоторый рост цен (*Репин Н.Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Архангелогородский и Петербургский порты. Омск, 1989. С. 26, 38).

ные заимствования на Западе, проводились реформы в местном и центральном управлении, совершенствовалась армия, и деяния Петра выглядят продолжением предыдущей эпохи. Но абсолютизируя эту идею, можно прийти к выводу, что преобразования Петра I не создают значимого рубежа, открывающего новую эпоху в истории России, находятся как бы внутри процесса перемен, начавшихся ранее. Более того, в ряде работ подчёркивается, что в XVII в. процесс преобразований шёл постепенно и последовательно, перемены в области управления, социальной политики, внедрения элементов европейской культуры выглядели более многообещающими, чем поспешные и непродуманные мероприятия начала XVIII в. Пётр внёс сумятицу и неразбериху в этот планомерный процесс, пошёл на напрасные жертвы ради целей, которые и без того были бы достигнуты²⁴. Возникло даже некоторое «противостояние» специалистов по истории XVII в., склонных преуменьшать значение петровских реформ, и тех, кто изучает XVIII столетие и подчёркивает принципиальную новизну и значимость деяний Петра. Эти тенденции отмечены в статье О.Е. Кошелевой о современной историографии российской истории XVII в. По мнению исследователя, нормальному изучению истории XVII и начала XVIII в. мешает барьер, разделяющий эти века и существующий лишь в головах историков²⁵.

Стоит согласиться с выводом автора: ясность будет достигнута только при комплексном изучении второй половины XVII и первой четверти XVIII в. Но, на мой взгляд, такие исследования позволят как раз вполне определённо увидеть, что рубеж между петровской и допетровской эпохами протекает отнюдь не только в головах историков. Чёткому обозначению рубежа между упомянутыми эпохами препятствует несколько обстоятельств. Во-первых, существует инерция исторических процессов, особенно заметная в текущей повседневности. Любой исследователь, погружавшийся в делопроизводство близко стоящих десятилетий допетровского и петровского времени, ощущает единство стиля письма и почерка, оборотов речи и практики документообмена, так что чувство какого-то существенного рубежа между эпохами стирается. Во-вторых, Пётр I и его окружение, оказавшись у власти, не имели какой-либо программы преобразований. Как отмечали историки нескольких поколений, в течение как минимум первого десятилетия XVIII в. все нововведения в финансовой, административной и военной сферах подчинялись мобилизации всех средств и ресурсов на борьбу со Швецией. Отсюда их непоследовательность, хаотичность, временный характер многих создаваемых учреждений. Со всей очевидностью это проявилось в первой губернской реформе²⁶. В-третьих, нельзя отрицать наличие существенных предпосылок преобразований Петра I, накопившихся в XVII в. И, наконец, в-четвёртых, допетровскую и петровскую эпохи объединяет общность социально-экономического и политического развития: усиление монаршей власти (формирование абсолютизма), становление крепостнической системы, подчинение Церкви государственной власти, усиление роли дворянства и иные значимые процессы. В целом изменения социального и политического строя при Петре не произошло. И если можно говорить о революции, то лишь с точки зрения средств, методов и темпов проведения реформ и насилия,

²⁴ Богданов А.П. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания накануне крушения Московского царства // Человек между царством и империей. М., 2003. С. 47–59.

²⁵ Кошелева О.Е. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 283.

²⁶ Редин Д.А. Империя Петра Великого... С. 20.

осуществляемого государством, или, как отмечал В.О. Ключевский, «по приёмам и впечатлению»²⁷.

Так где же пролегает рубеж между допетровской и петровской эпохами? Он всё же присутствует и проявляется, по крайней мере, в двух моментах. Прежде всего это целый ряд крупных новаций, завершающих процессы, шедшие с допетровского времени. Например, с исчезновением Боярской думы и упразднением патриаршей власти в Церкви ушли в прошлое последние атрибуты сословной монархии, самодержавие стало торжествовать в полной мере. С изданием указа о единонаследии и введением Табели о рангах исчезли формальные различия между родовой знатью и массой служилого дворянства. В налоговой политике власть сделала решающий шаг, чтобы объектом обложения стала личность подданного, а не «двор» или «живущая четверть». В таможенном деле произошёл принципиальный переход к введению тарифа, т.е. к обложению конкретных товаров, что открыло путь политике протекционизма. Эти и множество других значимых событий практически во всех областях политики означают завершение переходного периода и начало Нового времени.

Новизна петровского правления отнюдь не сводится к явлениям в сфере социальной и политической. Ещё более важен рубеж мировоззренческий, всегда знаменующий переход от одной эпохи к другой. Ренессанс и Реформация означали переход от Средневековья к Новому времени в Западной Европе. В России этот переход происходил в период распространения рационалистического мировоззрения, обусловившего наступление эпохи Просвещения. Пётр I решительно и последовательно руководствовался этими принципами, внедряя рационализм и «регулярство» во все сферы жизни, перестраивая на этой основе государственный аппарат (особенно с середины второго десятилетия XVIII в.), уподобляя его часовому механизму или кораблю с полным парусным вооружением. Мыслил ли до него кто-либо подобным образом? Возможно, кн. Василий Васильевич Голицын? Но он почти ничего не успел и не сумел.

О торжестве «рацио» в петровскую эпоху свидетельствуют признанные достижения культуры: практически заново была создана инфраструктура науки и светской школы (Кунсткамера, библиотеки, типографии, профессиональные школы), открылась Академия наук, положено начало научным экспедициям по России, запланирована грандиозная Камчатская эпопея В. Беринга, сняты преграды для научных и культурных контактов с зарубежной Европой. Всё это дало мощный импульс развитию просвещения в самом широком смысле, обусловив скорое вступление России в число европейских стран с наиболее высоким уровнем развития науки и культуры.

Победа в Северной войне кардинально изменила международное положение страны. Россия стала одной из ведущих держав на мировой арене. Резко расширились горизонты внешней политики. Свидетельством тому можно назвать Каспийский поход, планы проникновения в Индию, активизация контактов с Китаем, вхождение России в систему союзов в Европе. Принятие Петром I титула императора означало провозглашение России империей, каковой она, по сути, являлась с XVI в. Но Акт 1721 г. означал провозглашение империи на языке и в статусе, принятом в тогдашней Европе, которой теперь нельзя было с этим не считаться. А это опять-таки новое качество. Нельзя не сказать и о создании в России военного флота и превращении её в морскую державу.

²⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 202.

Сложно сомневаться, что именно с Петра I в России началась эпоха Новой истории. Это проявляется как в завершении процессов переходного характера, начавшихся ещё в XVII в., так и в принципиально новых сдвигах в сфере культуры и внутренней и внешней политики, осуществлённых в первой четверти XVIII в. В то же время Пётр I положил начало многим процессам и изменениям в России, его преобразования следует считать началом длительного периода необратимых реформ, распространившихся на весь XVIII в. Подобный подход к пониманию истории всего столетия уже применялся исследователями²⁸, и он представляется более конструктивным, чем противопоставление деяний Петра бездействию его преемников, что также имело и имеет место в исторической мысли. В самом деле XVIII в. — это век реформ, открывающийся преобразованиями Петра I, которые оказали глубокое воздействие на дальнейшее развитие страны вплоть до нашего времени. В этом и следует видеть главную заслугу великого юбилея.

²⁸ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999.

Пётр I и реформа Русской Церкви

Ольга Агеева

Peter I and the reform of the Orthodox Church of Russia

Olga Ageeva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722020029, EDN: FTFMHC

Реформа Русской Православной Церкви являлась одним из самых значительных преобразований Петра I и проходила более 20 лет в несколько этапов. Историки ещё в первых биографиях царя, созданных в XVIII в., приводили различные факты относительно его религиозности. В XX в. отношение к религии и формы верования монарха-реформатора рассмотрели в особых главах и подразделах своих трудов П.В. Верховской и И.К. Смолич. В 1972 г. вопрос о специальном рассмотрении религиозности Петра I поставила Т.С. Майкова¹. Практически все исследователи писали, что царь-реформатор являлся искренне верующим православным человеком, хотя могли добавить, что его православное мировоззрение «крайне трудно поддаётся определению», и что он не был верующим «старинного московского типа», богомольным, церковным, «обрядовером старого отживавшего типа»². В религиозной деятельности православного царя авторы отмечали веяния европейского рационализма и обращение к протестантским образцам³, проявившимся, в частности, при замене патриаршества Синодом, и ставили вопрос о сложном различающемся отношении к религии и Церкви Петра как государственного деятеля и Петра как частного лица⁴.

Основу религиозности монарха заложило его православное воспитание и обучение. Под руководством Н.М. Зотова чтению и письму маленький царевич традиционно учился по Часослову, Псалтыри, Евангелию и Апостолу и в дальнейшем демонстрировал отличное знание богослужебных книг. В 1698 г. в Англии он четыре часа беседовал «о многих вещах» с англиканским епископом Бёрнетом, отметившим, что царь «обладает такой степенью знания, какой я не ожидал видеть в нём. Он тщательно изучал Св. Писание»⁵. Пётр любил богословские разговоры, по памяти цитировал Библию, себя видел православным человеком и свою страну — только православной. Записку-наставление племяннице, вышедшей замуж за иностранного принца, Пётр

© 2022 г. О.Г. Агеева

¹ Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Т. 1. Исследование. Ростов н/Д, 1916. С. 46–95; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 64–71; Майкова Т.С. Пётр I и православная церковь // Наука и религия. 1972. № 7. С. 38.

² Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии... Т. 1. С. 46, 54, 60.

³ Реснянский С.И., Киенков А.А. Церковно-государственная политика Петра I в отечественной историографии. М., 2016. С. 36, 51, 53; Колосова И.В. Голландский протестантизм и политика Петра I // Религия и политика на евразийском пространстве. М., 2009. С. 78–86.

⁴ Майкова Т.С. Указ. соч. С. 38.

⁵ Шубинский Н.С. Пётр Великий в Дептфорде // Исторический вестник. Т. 34. 1888. № 11. С. 413.

начал с пункта о сохранении «до конца неотменно» веры и закона, в которых она родилась⁶. С государственных позиций он подходил к вольнодумству, атеизму, воспринимаемому как пагубный для «благоустройства» грех. Царь полагал, что отрицание религии есть разрыв «цепи, все в устройстве содержащей». Свою власть Пётр-монарх полагал имеющей божественное происхождение, «Богоданной», был убеждён, что всё находится в руках Всевышнего, себя называл «христианским самодержцем», в письмах писал о своих действиях как об исполнении долга перед Богом, указывая, что трудится во славу Божию, чтобы быть победителем против врагов имени Иисуса Христа⁷.

При этом Пётр I уже в 1690-х гг. хорошо знал и критически осмысливал католическую веру и учения протестантов⁸. Царю импонировали протестантские добродетели — умеренность в образе жизни, активная трудовая деятельность, порицание расточительства и др.⁹ Однако менять православные формы верования и институты Церкви на протестантские царь-практик не стремился и прибегал к заимствованиям, только имея на то веские основания. Не случайно историки, споря о реформе, писали о её причинах, лежащих в интересах самой Русской Церкви, целях государства, неспособности духовенства самостоятельно решить накопившиеся вопросы¹⁰.

Для Петра как верующего человека Нового времени были исключительно важны религиозно-этические представления и только затем внешние формы богопочитания. Об этом свидетельствуют его собственноручные записки (например, «О блаженствах против ханжей и лицемеров»), требование от клириков и монахов «разумения» «божественного писания и учения»¹¹, организованный для образованных подданных перевод западной богословской литературы (в том числе И.Ф. Буддея), поручение перевести и издать католический, лютеранский и кальвинистский катехизисы, исправить Новый Завет. Для простого народа с подачи царя следовало написать «книжицы» о догматах Церкви и должностях чинов, с проповедями о догматах, грехах и добродетелях. В записке Синоду 1724 г. Пётр ратовал за истолкование людям, которые « всю надежду кладут на пение церковное, пост и поклоны », прямого пути к спасению — мало известного им понимания веры, надежды и любви¹².

Отстранённый, «без пиетета» взгляд на внешнюю сторону верования позволил молодому монарху пересмотреть своё участие в церковных обрядах и церемониях. Уже в начале 1690-х гг. Пётр, занимаясь созданием новой армии, флота, походами под Азов и другими делами, начал решительно сокращать «время церкви», т.е. отказался от участия в повседневной традиционной жизни двора. Как писал кн. Б.И. Куракин, после рождения у Петра сыновей Алексея и Александра (т.е. после 1690–1691 гг.) придворные церемонии стали «изся-

⁶ РГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 64, л. 1.

⁷ Духовный регламент. М., 1897. С. 3; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён // *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. 7. Т. 14. М., 1991. С. 536; *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 65–67.

⁸ *Терновский Ф.* Император Пётр I в его отношениях к католичеству и протестантству. Киев, 1869. С. 7–10.

⁹ *Колосова И.В.* Голландский протестантизм... С. 84.

¹⁰ *Реснянский С.И., Киенков А.А.* Церковно-государственная политика Петра I... С. 17–30.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 7. № 4450; *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 67–68.

¹² *Шлафли-младший Д.Л.* Пётр и иезуиты // Пётр Великий. М., 2007. С. 148–149; *Барсов Т.В.* Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897. С. 52–53; *Акимов М.* Феофил Кролик // Русский биографический словарь (далее — РБС). Т. 25. СПб.; М., 1913. С. 474; Духовный регламент. С. 23–25; ПСЗ-I. Т. 7. № 4493.

кать», «а наипервых выходы в соборную церковь отставлены были»¹³. Между тем богомольные царские «выходы» на праздники, а их насчитывалось до 60 в году, не считая воскресных, по мнению И.Е. Забелина, составляли «одну из самых видных сторон древнего царского быта». Посещение храмов сопровождалось обрядами с участием патриарха и многолюдными шествиями. Одновременно при дворе в 1690–1700-х гг. угасали «обветшавшие» обычаи — церемонии новолетия 1 сентября, зимнего водосвятия, пасхальный обмен яйцами, исчезли «тайные выходы» царя в тюрьмы и богадельни, кормление нищих во дворце. С ними ушли в прошлое обряды с участием царя и главы Церкви, включая вождение Петром «осля» патриарха в Вербное воскресенье¹⁴. Очевидно, что, помимо новых взглядов, одной из причин этого стали трения в отношениях Петра и патриархов. В посланиях Иоакима, а затем Адриана публично осуждалось то, что являлось частью образа жизни молодого монарха — общение с иностранцами, усвоение их обычаев, например, бранобрития и европейского платья, назначение иноземцев на русскую службу. Были и иные конфликты. Например, в начале 1690-х гг. по требованию святителя против воли царя с одного из пиршеств в Кремле удалили иноверца П. Гордона¹⁵. В ответ Пётр «отстранился» от жизни кремлёвского двора и иносказательно пародировал церковные порядки и самого патриарха в действиях всешутейшего собора¹⁶. Но, главное, шаг за шагом он начал формировать соответствовавшие его взглядам новые «серьёзные» формы религиозной жизни двора и столиц.

Пётр стал приезжать в храмы как частное лицо, без пышного сопровождения, на службах часто стоял не на царском месте, а на клиросе, где пел вместе с певчими. Стихийно царь определил для себя новый круг почитаемых святых. Он старался не пропускать двенадцатые праздники, богослужения в сочельники, на Пасхальной неделе, дни царских ангелов и др., но более 20 праздников московского двора оставил без внимания. Среди них были дни Спаса Нерукотворного, св. Георгия, Казанской иконы Богородицы и Покров, праздники русских святых Сергия Радонежского, Саввы Сторожевского и царевича Димитрия¹⁷. Пётр с окружением перестали ходить для поклонения мощам, в 1716 и 1717 гг. добились от Константинопольского патриарха разрешения царю и воюющей армии не соблюдать пост¹⁸.

При этом, однако, Пётр I как православный государь ввёл обязательное отправление православного культа в армии и на флоте, освящал православные

¹³ Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. 1. СПб., 1890. С. 68.

¹⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. 1. Ч. 1. М., 2000. С. 393–396, 404–405, 407, 412–414, 417–418, 426–428, 432–436; Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.). СПб., 1906. С. 71; Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873. С. 44, 60, 108.

¹⁵ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 74.

¹⁶ Семевский М.И. Пётр Великий как юморист // Семевский М.И. Слово и дело. 1700–1725. СПб., 1884. С. 284; Путешествие через Московию... С. 108; Зицер Э. Царство преображения. М., 2008. С. 117, 122, 139, 163, 192–193.

¹⁷ Камер-фурьерские церемониальные журналы. Походные журналы Петра I. 1711–1725 гг. СПб., 1855.

¹⁸ Вебер Х.-Ф. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 9. Стб. 1620; Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. М.; Л., 1988. С. 69; ПСЗ-I. Т. 5. № 3020; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее — ОДДС). Т. 1. СПб., 1868. № 32/11.

церкви в завоёванных городах, после одержанных побед служил благодарственные молебны, поднял на государственный уровень культ крестителя русских земель Андрея Первозванного и ранее скромно почитавшегося покровителя Ижорской земли Александра Невского. Следуя средневековой традиции, в невской столице Пётр освящал храмы во имя своих небесных покровителей и в честь побед под Полтавой, у Гангута и при Гренгаме, взятия Нарвы и других сражений Северной войны¹⁹. В новые ежегодные светские царские и военные празднества царь ввёл утренние церковные службы с молебнами и проповедями. В дни этих торжеств, блистая красноречием, с церковного амвона произносили «слова» Стефан (Яворский), Гавриил (Бужинский), Феофан (Прокопович), Феофилакт (Лопатинский) и другие архиереи и архимандриты²⁰. Их панегирики, где сливались религиозная догматика, элементы светской публицистики и восхваление преобразований, дали лучшие образцы новой проповеднической школы, сложившейся в первой четверти XVIII в. Специальные службы были написаны для празднования годовщин Полтавской битвы, дня св. кн. Александра Невского и на тезоименитство Екатерины I²¹.

Развлекаясь в дни Святков, Масленицы и на Святой неделе языческими ряженьем, катанием с гор и гуляньями, Пётр добавил к ним светские маскарады, фейерверки и шутовские застолья. Однако при проведении свадеб, крестин и погребений члены царской семьи и русская знать, сохранив главные обряды православных таинств, заменили светскими увеселениями традиционные обычаи и обряды, восходящие к средневековой христианской религиозности и язычеству. На свадьбах оказались отставлены молитвы на покровение головы невесты и возжигание свечей, полные символики старинная русская одежда, пища, предметы чертожного места. Очевидно, что всё это потеряло прежнюю святость и осмеивалось, как, например, на свадьбе шута Шанского в 1702 г.²²

«Разумный» взгляд царя на обычаи народного благочестия привёл к широкой борьбе с тем, что было осмыслено им как суеверия. В конце XVII столетия этим новым словом обозначали особые деяния, осуждаемые как преступления против веры и составлявшие «бесовское служение», или «еллинское беснование, и волхование, и чародеяние»²³. XVIII в. добавил к этой трактовке новый рассудочный тип оценки суеверий, осуждаемых теперь как невежество, а в случаях с «изобретателями чудес» — как мошенничество. Поэтому официальное толкование суеверий в «Духовном регламенте» определяло их как «что-либо... лишнее,

¹⁹ Семёнова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 206–211; Агеева О. Г. Культовые памятники Москвы и Петербурга петровского времени: к вопросу о традиции и новациях в русской культуре нового времени // Актуальные проблемы истории русской культуры. Сборник научных трудов. М., 1991. С. 60–74.

²⁰ Стефан (Яворский). Проповеди. Т. 1–3. М., 1803–1805; Гавриил (Бужинский). Проповеди. Юрьев, 1901; Феофан (Прокопович). Сочинения. М.; Л., 1961; Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в. Панегирическая литература петровского времени. М., 1979.

²¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. В 4 т. (далее — ПСПиР). Т. 2. СПб., 1872; № 936; Т. 4. СПб., 1876. № 1347, 1390, 1453; Дмитриев А. Пётр I и церковь. М., 1931. С. 86; Служба благодарственная о победе над шведами под Полтавой 1709 г. // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. М., 2009. С. 357–371.

²² Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5 при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государынею Евдокиєю Лукьяновною из рода Стрешневых. М., 1810; Семевский М. И. Указ. соч. С. 284.

²³ Стоглав. Текст, словоуказатель. М.; СПб., 2015. С. 224–230.

ко спасению непотребное, на интерес только свой от лицемеров вымышленное, и, аки снежные заметы, правым истинным путем идти возбраняющее»²⁴.

Следствием этого в начале XVIII в. стало расширение круга порицаемых «неутверждённых» властью и не ведущих к спасению суеверных святынь и обычаев, часто имевших языческие корни или относившихся к христианской средневековой религиозности, стихийно множавшей в народе местных святых и чудеса. Так, в начале XVIII в. запретили обычаи хождения по домам с крестом, святой водой и иконами из церквей и монастырей, обычай славленья, кроме рождественского²⁵. Запрет наложили на праздничное купание в проруби и обливание водой, что объяснялось «тщетой» «здравию... и животу» и воспоминанием языческих «мерзких идолов», некоего «купало»²⁶. При сохранении почитания икон и уголовного преследования надругательств над ними запрещались «суеверные» привесы к образам, хранение икон частных лиц в храмах; было уменьшено их число на кораблях флота; запрещены резные и отливные образа. Теперь как мошенничество жестоко каралось появление и почитание новых «плачущих» икон с «вымысливанием» ложных чудес. В Новгороде за такое ложное «чудо» казнили местного дьячка²⁷.

В продолжение решений собора 1666–1667 гг. при Петре I остановили стихийную местную канонизацию святых, комиссии Синода начали освидетельствование почитаемых в народе «сумнительных» останков «мертвых телес», а с 1723 г. и привезённых святых мощей (тогда одни из них оказались слоновой костью)²⁸. Сам же Пётр проявил научный интерес к нетленности, для чего отправил лейб-медика и доктора медицины Оксфордского университета Р. Арескина изучать мощи в Киевские пещеры²⁹.

Рациональный подход к нишелолюбию позволил Петру I поднять на новый уровень наметившуюся в 1670–1680-х гг. политику помощи нищим, которых уже тогда делили на действительно неимущих, больных и престарелых и нищих здоровых и «ленивых»: последних следовало «приставить к работе»³⁰. С начала 1690-х гг. «притворных» бродячих попрошаек задерживали и наказывали, а для нуждающихся на средства казны и церковных доходов строили богадельни при церквях, архиерейских домах и монастырях, определив в них новые нормы содержания³¹. Только в Москве в 1721 г. действовало 93 богадельни, в которых

²⁴ Духовный регламент. М., 1722. Л. 15–15 об.; *Смилянская Е.С.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII в. М., 2016. С. 7–8, 286. В современной литературе под суевериями понимаются «религиозные практики, противоречащие принятому религиозному учению» (*Живов В.М.* Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия // *Антропология революции. Сборник статей.* М., 2009. С. 330).

²⁵ ПСЗ-I. Т. 6. № 3888, 3910, 3975; Т. 7. № 4549; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. Казань, 1873. С. 679–680.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 6. № 3771.

²⁷ Там же. Т. 5. № 2985; Т. 6. № 3759, 3888, 4079; ПСПиР. Т. 3. СПб., 1875. № 999; *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // *Лавры Полтавы.* М., 2001. С. 235; ОДДС. Т. 1. № 306/270; *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 408–436.

²⁸ ПСЗ-I. Т. 5. № 2985; ПСПиР. Т. 3. № 963, 1065.

²⁹ *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе // *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете.* 1871. Кн. 2. С. 110.

³⁰ *Соколов А.Г.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2007. С. 109.

³¹ ПСЗ-I. Т. 3. № 1424, 1489; *Горчаков М.И.* Монастырский приказ (1649–1725 гг.). СПб., 1868. С. 186–190.

находились 4 411 человек. По-новому продолжалось и признание отставных военных. С 1700-х гг. нуждающихся дряхлых и увечных офицеров и рядовых с членами их семей определяли «по пропорции» в богадельни и монастыри, а с 1722 г. — на вакантные места монахов, сокращая численность последних на треть или половину. В 1724 г. только в 50 обителях центра России на 2 113 монашествующих приходилось 570 отставников (не считая членов их семей и иных лиц). Обслуживать «прямых нищих» должны были «бездельники» монахи³².

Контакты с представителями Западной Европы, являвшиеся необходимым условием развития страны в Новое время и ставшие частью образа жизни людей этой эпохи, определили политику веротерпимости Петра I. Уже с конца 1680-х гг. молодой царь позволял европейцам строить храмы и заводить школы в России, а будучи в Амстердаме в 1698 г., «паче всего» отметил «миролюбие, с каким жили в одном месте люди столь многих разных исповеданий». После 1700 г. он допустил присутствие иностранцев в царских дворцах, русских храмах, домах подданных. В 1702 г. Манифест о вызове иностранцев в Россию гарантировал им «свободное отправление веры»³³. При этом сам Пётр, Сенат и затем Синод установили строгий контроль за действиями иноверцев и не допускали прозелитизма: выносили решения об аресте лиц, впавших в католичество, строго запрещали указами и постановлениями переход православных в другие религии³⁴. За попытки получить влияние в русском обществе царь без задержек в 1689 и 1719 гг. выслал из страны иезуитов, а в 1724 г. — капуцинов и францисканцев³⁵. Он отклонил предложения об унии, сделанные в 1717 г. католическими богословами Сорбонны и англиканскими епископами³⁶. Терпимое отношение к лицам иной веры привело его к изменению взгляда на раскольников и первой попытке их легализации. Взаимовыгодной была деятельность разрешённых царём мирных хозяйственно-религиозных общин, плативших государству налоги или работавших на заводах (например, Выговской пустыни). Однако введение в 1710-х гг. переписи и двойного налогообложения староверов завершилось неудачей³⁷.

Вводя, подчас хаотично, разумные порядки и запрещая устаревшее, Пётр активно продолжил начатое его предшественниками создание православной религиозности России Нового времени, включавшей сохранение православных догматов, борьбу с суевериями народного православия и веротерпимость,

³² ПСЗ-I. Т. 6. № 3576; Т. 7. № 4450; ПСПиР. Т. 2. № 536; *Горчаков М.И.* Указ. соч. С. 187–188, 192–195; *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010. С. 66–67, 188.

³³ Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Я. Штелиным. М., 1830. С. 155–156; Письма и бумаги императора Петра Великого (1702–1703). Т. 2. СПб., 1889. № 421. С. 39–50.

³⁴ ПСЗ-I. Т. 5. № 3356; *Андреев А.Н.* Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007. С. 103–104.

³⁵ ПСЗ-I. Т. 3. № 1351; Т. 5. № 3356; Законоположения и правительственные распоряжения, до Римско-католической церкви в России относящиеся, со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867 г. включительно. Вильна; СПб., 1868. С. 1–3; *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 117, 135–144; *Шлафли-младший Д.Л.* Указ. соч. С. 137–155.

³⁶ РГАДА, ф. 93, оп. 1, 1717 г., д. 5; *Толстой Д.А.* Указ. соч. С. 157–169, 399–410; *Цветавев Д.В.* Памятники к истории протестантизма в России. Ч. 1. М., 1888. С. XIX–XX.

³⁷ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 1–71; *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002; *Агеева Е.А.* Ветка // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 46–49.

не допускавшую вероотступничества православных. Однако слишком быстрое проведение реформы народного благочестия с «аморфной» идейной основой привело к её отбрасыванию после смерти Петра I в народе³⁸ и корректировке в среде дворянства, чей образ жизни не предполагал средневековой погружённости в религиозность и допускал значительную духовную секуляризацию.

Разумный взгляд Петра I, остро нуждавшегося в средствах на реформы и ведение войн, касался не только форм верования, но и оценки православной Церкви и её хозяйства. Из 15 млн подданных царя православные составляли 84,5%³⁹. В стране насчитывалось более 15 тыс. православных церквей и более 1 200 монастырей. С подворной переписи 1678 г. до первой ревизии 1719 г. численность духовенства выросла с 40 до 140 тыс. человек мужского пола, около 10% из них составляли монашествующие⁴⁰. По переписи 1678 г. патриарший и 19 архиерейских домов, 365 обителей (а с приписными около 600) и более 200 церквей были душевладельцами, им принадлежало 148 997 крестьянских дворов. К началу XVIII в. численность крестьян Церкви достигла 715 тыс. душ и в 1720-х гг. превысила 791 тыс., т.е. вопреки точке зрения об общей убыли населения в эпоху Петра I (П.Н. Милюков, М.В. Ключков⁴¹), увеличилась на 11%. В общей численности сельских жителей России церковные крестьяне в 1678 г. занимали вторую (16,4%), а в конце петровских реформ третью позицию (13,8% от 5 722 332 душ мужского пола) после помещичьих и государственных крестьян⁴².

Полагая вправе для «общего блага» использовать все материальные ресурсы государства, абсолютный монарх Пётр I уже в 1690-е гг. обратил внимание на церковные владения. В 1697 г. он указал собрать сведения об их доходах и расходах и в отдельных случаях начал использовать богатства Церкви для своих дел, предписав, среди прочего, создание 17 духовных «кумпанств» для строения кораблей⁴³. Однако пока в своих действиях царь был ограничен, так как считался с влиянием в обществе главы Церкви. Смерть патриарха Адриана в ночь на 16 октября 1700 г. устранила барьер на пути церковных преобразований. 16 декабря 1700 г. Пётр I начал реформу Русской Православной Церкви. Он отложил выборы нового патриарха и назначил местоблюстителя патриаршего престола. Им стал Стефан (Яворский), с подачи царя не так давно получивший Рязанскую кафедру⁴⁴. Европейски образованный малоросс, знакомый Петру менее года, разделял его взгляды и являлся «чужаком» среди великорусских иерархов, что могло препятствовать их сплочению против начавшейся реформы.

К тому же власть нового главы Церкви сразу ограничили, создав в январе 1701 г. для управления и получения налогов с патриарших и архиерей-

³⁸ Лавров А.С. Колдовство и религия в России... С. 437–444.

³⁹ Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917). М., 2008. С. 16–18.

⁴⁰ Фёдоров В.А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 20, 22, 29, 30, 58; Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 108.

⁴¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 201–202; Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. СПб., 1911. С. 71–79.

⁴² Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 42–52, 55–58.

⁴³ ПСЗ-I. Т. 3. № 1613; Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Ч. 1. СПб., 1864. С. 52–74, 163–164, 168–181.

⁴⁴ ПСЗ-I. Т. 4. № 1818.

ских «домов», монастырских вотчин и церковей светский Монастырский приказ во главе с боярином И.А. Мусиным-Пушкиным. Под его ведением оказались 137 823 крестьянских двора, Богаделенная контора и Патриарший дворцовый приказ с патриаршей казной и вотчинами. Получая все виды сборов, приказ был обязан производить выплаты служителям своих структур и патриаршего дома, епархиям и монастырям, содержать церковные богадельни, типографии, учебные и прочие заведения⁴⁵, но главное — обеспечить получение прибыли государством. Для этого по царским указам 1701 г. приказ начал перепись монастырских людей, церковной казны и вотчин и объявил новый торг (переоброчку) на все церковные оброчные статьи — мельницы, рыбные ловли и прочее⁴⁶, переданные в 1704 г. Семёновской канцелярии. Последние, по отрывочным данным, приносили казне около 54 тыс. руб. в год⁴⁷.

Вследствие «разумного» взгляда Петра на жизнь монастырей декабрьским указом 1701 г. устанавливались три вида содержания-окладов монахов и монахинь. В богатых обителях его ограничили 10 руб. в год, хлебом и дровами (в дальнейшем, в 1705 г., «ради Свейской войны» оклад монашествующих уменьшили вдвое); в небогатых монастырях оставили в прежнем, меньшем размере; в обителях, неспособных прокормить братию, определили «по самой нужде»⁴⁸.

В 1705 г. перепись церковного хозяйства в основном завершилась, и светская власть впервые получила точные сведения о его доходах⁴⁹. Это позволило Петру перейти к основному этапу экономической реформы. В 1705–1710 гг. царь исключил из ведения Монастырского приказа, вернув им управление хозяйством, маловотчинные монастыри, которые не давали доходов государству, а также пять епархий, расположенных в основном на границах страны (Киевскую, Новгородскую, Псковскую, Сибирскую и Астраханскую)⁵⁰. Но главное, Петр изменил способ содержания богатых монастырей и архиерейских домов. Для прямого получения определённого государством содержания-окладов им в их управление вернули необходимую часть вотчин, названных «определёнными». Оставшейся частью «заопределённых» вотчин продолжал управлять Монастырский приказ, взимая доходы, становившиеся государственными. Всего с 1706 по 1710 г. такое «определение»-деление прошли ведомые в Приказе 11 архиерейских домов (получали от 1 тыс. до 2 014 руб., а также оброчный хлеб и пашню) и 60 монастырей (с содержанием деньгами от 6 до почти 2 тыс. руб. или хлебом и десятинной пашней)⁵¹. Остальные небогатые церковные собственники, именуемые «неопределёнными», получали содержание из доходов приказа.

Все ведомые на этот момент в приказе 15 архиерейских домов и 298 монастырей со 111 394 крестьянскими дворами имели денежный доход в размере

⁴⁵ Там же. № 1829; *Горчаков М.И.* Указ. соч. С. 121–123, 129–133, 203–242; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство... С. 363–373.

⁴⁶ ПСЗ-І. Т. 4. № 1834, 1839.

⁴⁷ Там же. № 1956, 1959; *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 99.

⁴⁸ ПСЗ-І. Т. 4. № 1886; *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 112–113.

⁴⁹ В 1705 г. общий доход с церковных владений составлял деньгами 132 505 руб. 34 коп.; в виде оброчного хлеба — 32 801 четвертей; хлеба с десятинной пашни — 27 238 десятин и 247 нив (*Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 108–109).

⁵⁰ *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 105–107, 113; *Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764. Казань, 1907. Приложения. С. 46–47.

⁵¹ *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 114–123, 161–168.

147 102 руб., а также хлеб оброчный и хлеб с пашен. Из этих поступлений Церковь получала около 67% денежных сборов, государство — более 33%; оброчного хлеба, соответственно, — около 91 и 9%; хлеба с пашен — 85 и 15%. Доходы Патриаршего дома почти полностью поступали в царскую казну. В целом за первые 10 лет реформы церковное хозяйство принесло государству 1 млн руб. чистого дохода или около 100 тыс. руб. в год (почти половину давали оброчные статьи)⁵². Установившееся к 1710 г. деление сборов с незначительной корректировкой сохранялось до конца правления Петра I и далее до реформы 1764 г.

Между тем круг обязанностей Монастырского приказа в 1710-е гг. постоянно сокращался. Сначала сбор налогов с «заопределенных» вотчин передали из приказа во вновь созданные губернии, затем в 1719 г. финансовые дела приняли Камер-коллегия и Штатс-контор-коллегия⁵³.

Не менее значимыми, чем денежные поступления, для государства были людские ресурсы для несения службы и тягла. Прагматично оценивая трудолюбие и полезность для государства монашествующих (в большинстве своём «тунеядцы суть»), Пётр не только обязал монахов заниматься призрением нуждающихся, а монахинь рукоделием, но и стремился сократить их численность. Указами 1701 и 1703 гг. царь запретил постригать «малолетних» мужского пола и женщин до 40 лет, а в начале 1720-х гг. повысил возрастной ценз мужчин до 30 лет, а женщин до 50–60 лет⁵⁴. С 1701 г. для пополнения рядов светских служащих и тяглецов, а с 1705 г. и солдат было повелено удалять из обителей и архиерейских домов всех мирских людей (дьячков, певчих, архиерейских дворян и др.) и направлять на службу клириков из числа белого духовенства, не имевших мест, членов их семей и с 1708 г. не желавших учиться поповских детей. При первых же наборах из этих праздных лиц составили два драгунских и один пехотный полк⁵⁵.

С 1711 г. власти взялись за установление контроля за ростом численности служащих священнослужителей, требовали сократить «множество попов» в приходских храмах и не строить «лишние» церкви, «дабы потом не пустели»⁵⁶. Указы 1718 и 1722 гг. точно определили численность причта (от 5 до 17 человек) в разного рода храмах — от приходских со 100 дворами прихожан до епархиальных соборов⁵⁷. С 1722 г. при получении разрешения на возведение храмов стало обязательным указание числа дворов прихода и руги, что также ограничило численность клира⁵⁸. Запреты для экономии средств и из-за боязни раскола распространили на строительство часовен, домовые церкви и содержание крестовых священников (при исключении, сделанном для членов царской семьи и «для немощи» знатым лицам)⁵⁹. В апреле 1722 г. вышел указ о переписи

⁵² Там же. С. 122–123, 130. Сумма общего дохода, указанная в источнике 1740 г. и тогда же оспоренная Синодом, приведена в книге: *Титлинов Б.В.* Правительство Анны Иоанновны. Вильна, 1905. С. 347–356.

⁵³ *Горчаков М.И.* Указ. соч. С. 127–129.

⁵⁴ ПСЗ-I. Т. 4. № 1856; Т. 7. № 4450; Духовный регламент Петра Первого. С прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». М., 1897. С. 115–120, 125–126.

⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 4. № 1834, 1839, 1848, 2186, 2308; *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 109–110; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство... С. 359–360, 363.

⁵⁶ ПСЗ-I. Т. 4. № 2352; Т. 6. № 4122.

⁵⁷ Там же. Т. 6. № 4072; ОДДС. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1879. № 756.

⁵⁸ ПСЗ-I. Т. 5. № 2985; Т. 6. № 3991, 4122; Духовный регламент. С. 31, 128.

⁵⁹ ПСПиР. Т. 1. СПб., 1869. № 246; Т. 2. № 533; ПСЗ-I. Т. 5. № 3171; Т. 6. № 3964; Т. 7. № 4187, 4320; Духовный регламент. С. 75, 76.

всех московских церквей с указанием числа приходских дворов и (впервые) об уничтожении лишних уже существующих храмов. Последнее исполнено не было, так как Пётр, будучи прагматиком, отказался от этой меры, опасаясь народного возмущения⁶⁰.

Помимо экономики, с первых лет реформы важные шаги были предприняты в области церковного суда. С 1700—1701 гг. после ликвидации Патриаршего разряда в церковных владениях началась передача судебных исков по гражданским и уголовным делам приказу и иным светским учреждениям, а затем в 1719 г. их приняла Юстиц-коллегия⁶¹. Церковным властям, Стефану (Яворскому) и в дальнейшем Синоду⁶², оставили духовные дела по расколу, «противностям» Церкви и ересям, а также дела самих духовных лиц. Контроль за судебными решениями сохраняли царь и Сенат. Важной стороной политики Петра стало нормативное оформление гражданских прав духовенства, в том числе служащего в армии и на флоте.

Исключительное значение Пётр придавал участию Церкви в развитии просвещения и культуры. В 1698—1699 гг. в беседе с патриархом Адрианом он указывал Святейшему на то, что знатные персоны вынуждены отдавать детей в школы иноверцев, и ставил перед ним вопрос об изменении системы церковного образования, которое должно было готовить кадры не только для церковной, но и для гражданской службы, военного дела, строительства и медицины⁶³. Отклика не последовало, и царь сам стал заводить светские школы, а реформу церковных учебных заведений начал проводить только после причисления их к Монастырскому приказу. В 1701 г. протектор Стефан (Яворский) по образцу западных коллегий и университетов завёл «учения латинские» в Славяно-греко-латинской академии (круг новых предметов, диспуты, учебный театр)⁶⁴. В дополнение к действовавшим Киево-Могилянской академии, Черниговской семинарии были устроены новые епархиальные школы в Ростове, Новгороде, Смоленске и других городах. Они давали среднее образование лицам всех званий, но особое значение имели для детей духовенства. Неоднократно повторяемое в указах требование обучения последних в школах архиереев стало обязательным и превратилось в условие поставления на места священнослужителей в храмах. Как следствие, назначение в службу клира оказалось под архиерейским контролем⁶⁵. С учётом запрета дворянам поступать в духовно-учебные учреждения это означало для духовенства превращение службы в наследственную, а в сочетании с закреплёнными указами привилегиями (освобождение от прямого налога, рекрутской повинности, поста) привело к социальной обособленности белого духовенства и превращению его в особую профессионально-социальную группу, «свободное сословие»⁶⁶.

⁶⁰ ПСЗ-I. Т. 6. № 3964.

⁶¹ Там же. Т. 4. № 1818, 1829; *Горчаков М.И.* Указ. соч. С. 68—101.

⁶² Духовный регламент. С. 73—75, 77, 80—81.

⁶³ *Рункевич С.Г.* К биографии патриарха Адриана (по документам Государственного архива) // Странник. 1905. № 5. С. 741.

⁶⁴ *Смирнов С.С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855; *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 644—654.

⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 4. № 2186, 2308; Т. 6. № 4105; Т. 7. № 4291; ПСПиР. Т. 2. № 890, 896; Т. 3. № 109.

⁶⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 98—104, 108; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 2019. С. 12, 242—247, 262—266.

В области книжного дела приписанный к Монастырскому приказу Патриарший печатный двор в 1700-х гг. развернул невиданную прежде деятельность по выпуску как церковных, так и светских словарей, учебников, реляций, «Ведомостей» и других изданий. Первым в России он стал использовать новый гражданский шрифт. И только в 1710-е гг., когда на его базе в Петербурге открылись светские типографии, Печатный двор вернулся к выпуску духовной литературы. То же за редким исключением церковное направление имели киевская, черниговская и основанная при Александро-Невском монастыре в 1720 г. типографии⁶⁷. Таким образом, в условиях слабого развития светских учреждений культуры в начале 1700-х гг. церковная школа и книгопечатание получили расширенные функции и способствовали становлению светской культуры России Нового времени.

Между тем церковные преобразования 1700–1710-х гг. подвели царя к необходимости изменения формы управления Церковью. Ключевые события этого политического акта пришлось на 1720 и 1721 гг., но решение о замене патриаршества Духовной коллегией Пётр I принял в 1718 г.⁶⁸ С её идеей царь познакомился как минимум в 1698 г., когда в Англии учёный Ф. Ли представил ему проект учреждения семи коллегий, в том числе коллегий распространения религии и улучшения нравов. Тогда же о власти короля над англиканской Церковью с русским монархом беседовали Вильгельм III Оранский и епископ Бёрнет. В 1711 г. идею духовной коллегии представил царю Г. Лейбниц⁶⁹. Тем не менее применять протестантский образец к России Пётр I в те годы не собиравшись и сохранял ситуацию «отложенного патриаршества»: вплоть до 1717–1718 гг. существовали патриаршие приказы, патриаршие «дом», ризница, кафедра в Успенском соборе и др.

Только в конце 1710-х гг. у царя появились веские основания искать новую форму управления Церковью. Одним из них стало ясное осознание глубокого недовольства духовного чина экономической реформой и резкой борьбой с суевериями, выявленного в 1718 г. в ходе процесса царевича Алексея Петровича. Среди его сторонников, ратовавших за возврат к старине, оказались представители Церкви вплоть до иерархов, а в планы самого наследника престола входило при помощи духовенства поднять народ против отца-монарха⁷⁰. Другой причиной явилось резкое ухудшение в 1710-е гг. отношений царя со Стефаном (Яворским), в 1712 г. даже произнёсшим проповедь с иносказательными обвинениями в адрес монарха⁷¹. Хорошо осознавая опасность появления

⁶⁷ ПСЗ-I. Т. 4. № 1839; Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры: В 3 ч. Ч. 1, 2. М., 2007, 2011; Горчаков М.И. Указ. соч. С. 184–186; Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 2. СПб., 1862; Берков Н.И. Русская книга кирилловской печати конца XVII — первой четверти XVIII в. // Описание изданий, напечатанных кириллицей. М.; Л., 1958. С. 10, 15–16, 18–23, 25; Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997. С. 179–187.

⁶⁸ Обзор мнений о времени принятия решения об уничтожении патриаршества см.: Реснянский С.И., Киенков А.А. Церковно-государственная политика Петра I... С. 26–28.

⁶⁹ Шубинский Н.С. Указ. соч. С. 413; Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. С. 463–464; Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии... Т. 1. С. 145–148.

⁷⁰ Рындзюнский П.Г. Церковь в дворянской империи (XVIII век) // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 241.

⁷¹ Текст проповеди см.: Живов В.М. Из церковной истории времён Петра Великого. М., 2004. С. 266–281.

патриарха, который может выступить противником реформ, Пётр, просчитавшись с назначением местоблюстителя, стал искать формулу власти, исключая возможность такой ошибки в будущем. Решением стало устранение в Церкви единоначалия. Ещё одной проблемой, связанной со Стефаном (Яворским), были накопившиеся из-за его пассивности «нестроения», нерешённые текущие дела Церкви, отсутствие должного контроля за выполнением царских повелений иерархам. Исправить всё это могло только дееспособное новое церковное учреждение.

В результате Пётр занялся воссозданием церковного правления, но с удалением патриаршества и переустройством верхушки духовной власти. Занятый с 1715–1718 гг. введением вместо приказов коллегий, царь в случае с Церковью решил использовать тот же образец государственного учреждения и создать ещё одну коллегия — духовную. Термин «духовная коллегия» Пётр употребил впервые 20 ноября 1718 г. в резолюциях на пункты-вопросы Стефана (Яворского)⁷². В конце 1718 или начале 1719 г. он поручил Феофану (Прокоповичу) подготовить проект нового учреждения. 11 февраля 1720 г. «Книга сия Духовного коллeгиума описание» легла на стол монарха и была им утверждена. На первом этапе — 23, 24 и 27 февраля 1720 г. — проект слушали, незначительно правили и одобрили («учинено изрядно») Сенат, шесть иерархов и три архимандрита. На втором этапе в Москве широкое подписание архиереями и архимандритами уже «закреплённого» царем проекта организовал полковник С. Давыдов. К январю 1721 г. под документом стояли 174 подписи, принадлежащие Петру I, сенаторам, архиереям, архимандритам и другим лицам. После подписания закон получил название «Духовный регламент», дату — 14 февраля 1721 г., и в сентябре его напечатали⁷³.

К тому времени Духовная коллегия уже действовала. 25 января 1721 г. объявили Манифест о её создании с текстом Регламента, определившего структуру коллегии и обязанности духовенства. В учредительных документах Синода объявлялось о «самодержавной» власти монархов, упразднении патриаршества и учреждении «соборного правления» и лучшем решении церковных дел «умами многими», прямо указывалось и на желание исключить опасность отечеству от «мятежей и смущения», происходящих от «единого» духовного правителя⁷⁴. 26 января Сенат утвердил личный состав коллегии, президентом которой стал Стефан (Яворский), а вице-президентами — архиепископы Феофан (Прокопович) и Феодосий (Яновский). 14 февраля при начале работы коллегии царь по прошению иерархов одобрил повышение её статуса до «равного достоинства» с Сенатом (два «правительствующих» учреждения) и замену названия на «Святейший правительствующий Синод». Определение «святейший» взяли из титула патриарха, слово «синод» как греческое было более близким к право-

⁷² ПСЗ-I. Т. 5. № 3239.

⁷³ *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии... Т. 1. С. 156–170, 174–175. При Петре I Духовный регламент публиковали в сентябре 1721, в 1722 (с прибавлением) и 1723 гг. Правка Регламента после подписания и до публикации, оцениваемая как «фальсификация», «принудительный» сбор подписей и др. вызвали в конце XIX — начале XX в. полемику о законности Духовного регламента и Синода (*Никодим (Казанцев), еп.* О Святейшем Синоде // Богословский вестник. 1905. Т. 3. Октябрь. С. 193–211; *Верховской П.В.* К вопросу о «фальсификации» Духовного регламента // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Декабрь. С. 316–330). См. также: *Реснянский С.И., Киенков А.А.* Церковно-государственная политика Петра I... С. 30–34, 38).

⁷⁴ Духовный регламент. С. 3–8, 10–14.

славному богослужебному языку, чем латинское «коллегиум»⁷⁵. 11 мая 1722 г. по аналогии с чином «ока государева» при Сенате Пётр назначил полковника И.В. Болтина обер-прокурором Синода, т.е. контролёром синодальных дел⁷⁶.

Отношение духовенства к новому органу духовной власти, формально ставшему частью государственного аппарата, было различным. Немногочисленные близкие к Петру иерархи приветствовали новое учреждение и прославляли его в проповедях. Большинство архиереев, архимандритов и игуменов, порицая детище Петра, подчинились и оказались «безразлично молчаливы». Глава Синода Стефан (Яворский) избегал собраний, подавал особые мнения и часто не подписывал протоколы. Обращение Петра I к Константинопольскому патриарху с извещением о создании Синода в сентябре 1721 г. завершилось его признанием в ответных грамотах восточных патриархов 1723 г.⁷⁷

Процедура основания нового церковного учреждения и назначения членов коллегии сопровождалась формированием синодальных управленческих структур. Ещё в 1720 г. был решен вопрос о церковном хозяйстве. Указом от 17 августа ненавистный церковникам Монастырский приказ ликвидировали, а 16 октября того же года все «заопределенные» вотчины вернули бывшим владельцам — монастырям и архиерейским домам⁷⁸. Условием возврата стало внесение в казну положенных налогов. Таким образом, светская власть после 20 лет реформы полностью сняла с себя управление оставшимися у Церкви владениями, что, очевидно, могло смягчить оппозиционные настроения среди духовного чина в период ликвидации патриаршества. После создания Синода по просьбе духовенства ведение вотчинами перешло к этому высшему церковному учреждению, создавшему для управления хозяйством новый, теперь подконтрольный Церкви, орган со старым названием — Монастырский приказ⁷⁹. Помимо приказа в области церковной экономики действовали бывшие патриаршие Казённый и Дворцовый приказы и в дальнейшем синодальная Камер-контора⁸⁰. Приняв на себя все дела Церкви, Синод сформировал свои конторы: Школ и типографий, Судных и тиунской палаты дел, Раскольничьих дел, Инквизиторских дел⁸¹; принял из Оружейной палаты Контору изуграфств, ведавшую иконописанием и художниками⁸²; создал для управления синодальными областями Санкт-Петербургскую тиунскую палату-контору и Московскую духовную дикастерию с подчинёнными подразделениями⁸³.

Новое церковное учреждение закрепило за собой прежние судебные полномочия в области духовных дел и благочиния, усилило работу с раскольниками, приступило к созданию штатов обителей и архиерейских домов, остановлен-

⁷⁵ ПСЗ-I. Т. 6. № 3718; *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии... Т. 1. С. 180–182, 497–500.

⁷⁶ ПСЗ-I. Т. 6. № 4001, 4036; *Благовидов Ф.В.* Обер-прокуроры Святейшего синода в XVIII в. и в первой половине XIX столетия. Казань, 1900. С. 9–23, 34–89.

⁷⁷ *Рункевич С.Г.* Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). Т. 1. СПб., 1900. С. 147–153, 166–167.

⁷⁸ Всего от 144 до 153 тыс. крестьянских дворов (*Горчаков М.И.* Указ. соч. С. 145). Безвозвратными потерями стали пожалованные в вечное владение имения (1 683 двора) и часть ненаселённой земли (*Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 128–129).

⁷⁹ ПСЗ-I. Т. 6. № 3659, 3734; *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 130–132.

⁸⁰ *Барсов Т.В.* Указ. соч. С. 183–186, 204–213.

⁸¹ *Горчаков М.И.* Указ. соч. С. 248–251; *Барсов Т.В.* Указ. соч. С. 42–71.

⁸² ПСПиР. Т. 2. № 534, 885; *Барсов Т.В.* Указ. соч. С. 161–167.

⁸³ *Барсов Т.В.* Указ. соч. С. 93–95, 126–137.

ному смертью Петра I, активизировало контроль над печатной продукцией, иконописанием, работу в сфере просвещения (были открыты 14 епархиальных школ, малые школы для духовенства и учительские семинарии)⁸⁴. В административной области был поставлен вопрос об учёте приходского населения (ведение метрики)⁸⁵ и духовном надзоре за прихожанами, введении и учёте обязательных ежегодных исповедей и причастий⁸⁶. Появилось и самое критикуемое в петровской реформе требование доносить об открытом на исповеди намерении политических преступлений против государства (бунт, измена), трактуемое в литературе как нарушение тайны исповеди. На практике же это требование не использовалось вследствие надуманности ситуации сообщения священнику о планируемом преступлении, в котором верующий не каялся. К тому же за нарушение тайны исповеди законы установили суровую кару вплоть до лишения священства и телесных наказаний⁸⁷.

Проведение церковной реформы показывает резкость мер Петра I, но, с другой стороны, известную гибкость в решении вопросов, связанных с выбором её исполнителей. Так, в Монастырский приказ для проведения жёстких экономических мер назначались исключительно светские лица. Кадровой политике среди самих церковников были присущи длительное неизбрание патриарха, неназначение архиереев на «вдовствующие» епархии (иногда их насчитывалось до четверти и трети)⁸⁸ и так называемая украинизация Русской Церкви. Её показателем стало назначение в Великороссии из числа выходцев с Украины и Западной Белоруссии с 1700 г. и до учреждения Синода 14 архиереев, значительное число настоятелей монастырей и монахов, преподавателей Московской славяно-греко-латинской академии, епархиальных школ, служителей типографий, священников в армии и на флоте, духовников царской фамилии, певчих и переводчиков⁸⁹.

Пётр как абсолютный монарх полагал своим долгом для достижения «общего блага» устроить «расположение правильное всех дел в государстве», включая Церковь⁹⁰. Однако при этом «расположении» он учитывал отрицательные настроения духовенства и общества и мог менять уже принятые решения. В силу этого многие его действия выглядят половинчатыми, а подчас и отступлением назад. Последнее, в частности, проявилось в секуляризации церковного иму-

⁸⁴ ПСПиР. Т. 3. № 1131; Горчаков М.И. Указ. соч. С. 181–182; Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. С. 24–42, 94–103, 123, 128–131; Феофан Прокопович // РБС. Т. Яблоновский-Фомин. С. 407; Лихуды Иоанникий и Софроний // РБС. Т. Лабзина – Ляшенко. М., 2000. С. 504–506; Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997. С. 187–199; Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862. Т. 1. С. 107–121; Харлампович К.В. Указ. соч. С. 634–635.

⁸⁵ ПСЗ-I. Т. 4. № 1908; Т. 7. № 4480; Духовный регламент. С. 113–114.

⁸⁶ ПСЗ-I. Т. 6. № 3914, 4052; Духовный регламент. С. 71–73, 107–108.

⁸⁷ ПСЗ-I. Т. 6. № 4012, 4022; Духовный регламент. С. 97–101; Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 167, 181–182; Мионов Б.Н. Социальная история России... Т. 1. С. 415. Именной указ от 28 апреля 1722 г. и прибавление к Регламенту поясняли форму такого доноса (объявление о преступлении без точного сообщения, о чём именно шла речь на исповеди, и др.).

⁸⁸ Шапов А.П. Русский раскол старообрядства. Казань, 1859. С. 359, 361–364; Живов В.М. Церковные преобразования в царствование Петра Великого // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 370–371; Харлампович К.В. Указ. соч. С. 470.

⁸⁹ Харлампович К.В. Указ. соч. С. 510, 551, 561–632; Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 8. Т. 15. М., 1993. С. 92–95.

⁹⁰ ПСЗ-I. Т. 7. № 4450.

щества, закончившегося установлением долгосрочного налога в 100 тыс. руб. в год, а также в отказе от сокращения «лишних» храмов в Москве.

Что касается главной политической реформы, замены патриаршества коллективной формой правления, то она установила новые властные отношения государства и Церкви, светского и церковного в русском обществе. В историографии синодальная реформа получила множество подчас противоположных оценок⁹¹. Одни авторы писали об использовании Петром протестантского образца и о том, что «Духовный регламент» не основан на каноническом праве⁹². Другие отмечали, что синодальную реформу провели «без нарушения каких-либо канонических основ», что положение о Синоде составлено православным иерархом и принято подавляющим большинством высших чинов Церкви⁹³. С XIX в. получила распространение оценка отношения светских и церковных властей синодального времени как цезаропапизма (присвоения государями функций Церкви), сменившего так называемую симфонию властей, имевшую место до XVIII в.⁹⁴ В историографии последних лет ей противостоит точка зрения, что говорить о цезаропапизме Петра I не позволительно из-за невмешательства государства во внутреннее церковное право, а утверждение в начале XVIII в. синодальной системы связано с влиянием протестантской доктрины территориализма (главенства монарха над всей территорией государства, включая Церковь) и так называемой государственной церковности (обеспечения прав большинства населения, относящихся к главному вероисповеданию государства)⁹⁵.

Очевидно, что светская власть не стремилась полностью взять в свои руки управление Церковью. Создавая Монастырский приказ, она преследовала прежде всего экономические цели и желала использовать в большей мере Церковь для развития образования и новой культуры. После достижения нужного результата государство восстановило способное на практике управлять церковными делами ведомство, лишив его, однако, единоначалия, что уничтожало возможность острого соперничества Церкви со светской властью и переносило политическое противостояние в среду глав епархий. К тому же светская власть установила наблюдение за принимаемыми решениями через синодального обер-прокурора. Содержание Духовного регламента (названного В.О. Ключевским программой русской Реформации) показывает, что государство, не вмешиваясь в канонические основы веры, предполагало, что Синод будет проводить намеченную Петром I политику Нового времени.

Представляется, что учреждение Синода можно считать историческим феноменом, возникшим в силу сочетания ряда объективных и субъективных причин эпохи реформ, обеспечивших переход страны к Новому времени. Говорить можно и о небольшом отрезке времени, всего нескольких годах, когда поли-

⁹¹ *Реснянский С.И., Киенков А.А.* Церковно-государственная политика Петра I... С. 15–74.

⁹² *Фроловский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 82–97; *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии... Т. 1; *Колосова И.В.* Голландский протестантизм... С. 82–86.

⁹³ *Рункевич С.Г.* К биографии патриарха Адриана... С. 748.

⁹⁴ *Суворов Н.* Учебник церковного права. М., 1913. С. 39; *Николин А., свящ.* Церковь и государство (история правовых отношений). М., 1997. С. 88. О формах взаимоотношений властей см.: *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Указ. соч. С. 235; *Троицкий С.И.* Церковь и государство в России. М., 1909. С. 15–20; *Николин А., свящ.* Указ. соч. С. 13–15; *Цыпин В., прот.* Церковное право. Учебное пособие. М., 1996. С. 414–422.

⁹⁵ *Цыпин В., прот.* Церковное право... С. 420–421.

тическая жизнь остро поставила вопрос об укреплении церковного управления в сочетании с нейтрализацией Церкви в области политики. Среди причин замены патриаршества Синодом следует отметить рост значения государства, принявшего форму абсолютной монархии; действия светской власти в критических условиях войн и реформ, что само по себе предполагает мобилизацию всех ресурсов страны и жёсткую организацию общества; неготовность большинства церковных иерархов Великороссии участвовать как в области материальной, так и в сфере идеологии и культуры в преобразованиях, проводимых светской властью, и, разумеется, их недовольство ущемлением экономических интересов Церкви.

Исключительную роль в политической реформе сыграл субъективный фактор: личность Петра I, практика-преобразователя, который был способен резкими действиями продвигаться к достижению неясного народу «общего блага», но также учитывать реальность, в том числе настроения подданных. Для достижения поставленных целей царю требовалось работающее и согласное с его программой переустройства церковных дел высшее учреждение Русской Православной Церкви, каковым и должен был стать учреждённый Синод. Коллегиальная форма этого высшего органа духовного правления, удобная и приемлемая для времени расцвета абсолютной монархии, не соответствовала представлениям народа о церковной власти и оказалась недостаточно действенной в период ослабления монархического государства. Это сделало неизбежным появление в будущем острой критики Синода и постановку вопроса о восстановлении патриаршества.

Был ли Пётр Великий Романовым?

Павел Кротов

Was Peter the Great Romanov?

Pavel Krotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020030, EDN: FTONHI

Считал ли Пётр I себя Романовым? Ведь, как часто утверждается в отечественной и зарубежной научной и учебной литературе, «с 1613 года эта фамилия закрепились за новой царской династией в России»¹. Однако в официальных документах представители правящего дома стали именоваться Романовыми не ранее начала XIX в. Характерно, что вел. кн. Николай Павлович при поступлении в роту Дворянского полка (шефом которого состоял его старший брат цесаревич вел. кн. Константин Павлович) был записан поручиком Романовым 1-м, как если бы на тот момент никто из членов его семьи на службе ещё не состоял, но затем уже числился штабс-капитаном Романовым 3-м². В 1852 г., отправляясь в заграничное путешествие, его сыновья — великие князья Николай и Михаил Николаевичи получили паспорта как флигель-адъютанты Романов 9-й и Романов 10-й³. А 6 декабря 1852 г. детям вел. кн. Марии Николаевны и скончавшегося герцога Максимилиана Лейхтенбергского «в ознаменование происхождения их от незабвенного родоначальника дома нашего» было даровано «наименование князей и княжон Романовских»⁴. С конца 1880-х гг. вел. кн. Константин Константинович публиковал свои стихи под монограммой «К.Р.»⁵. При проведении же первой всеобщей переписи 28 января 1897 г. «хозяин земли русской» Николай II в графе «Фамилия (прозвище), имя и отчество или имена, если их несколько» записал: «Романов Николай Александров.»⁶. Тем не менее, как отмечает А.М. Агамов, «официальная фамилия российского императорского дома не была узаконена, фактически на принадлежность к правящей династии указывали только титулы (великих князей/княгинь/княжон)»⁷.

Пётр I постоянно именовал себя Петром Алексеевичем Михайловым, а в особых обстоятельствах (например, при желании сохранить инкогнито) по-простому, без «-вича» — Пётр Алексеев сын Михайлов. В некоторых случаях так обращались к нему и его подданные. Патриарх Адриан, отправляя

© 2022 г. П.А. Кротов

¹ Шуцкая Г.К. Бояре Романовы. К 400-летию воцарения Михаила Фёдоровича Романова. М., 2013. С. 119.

² Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. Изд. 2. СПб., 2011. С. 274.

³ Путешествие великого князя Николая Николаевича по Италии в 1852 году / Публ. Е.И. Жирихиной. М., 2017. С. 30.

⁴ ПСЗ-II. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26840. С. 753.

⁵ Новые стихотворения К.Р., 1886–1888. СПб., 1889.

⁶ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2, л. 2, 4 (См. также: romanovy.rusarchives.ru).

⁷ Агамов А.М. Династии Европы 400–2016: Полная генеалогия владетельных домов. М., 2017. С. 892.

своё послание царю, 13 августа 1697 г. писал: «Господину Петру Михайлову сие да вручится»⁸. При этом монарх ни разу не назвал себя Романовым. Чем же это объяснялось?

По мнению Г.К. Шуцкой, Пётр I «знал и чтит... вековую традицию», согласно которой использовалась «трёхчастная форма имени: имя собственное — имя отца — имя деда». Так, боярин Фёдор Никитич (будущий патриарх Филарет) и его братья с конца XVI в. назывались Романовыми по имени своего деда — Романа Юрьевича Захарьина⁹. Н.И. Павленко полагал, что «в повседневной деятельности Пётр выступал как бы в двух качествах. Когда он служил бомбардиром, капитаном, полковником, генерал-лейтенантом, контр-адмиралом, корабельным басом (шкипером), то выступал под именем Петра Михайлова. В этом качестве он в ряду других высших офицеров поздравлял свою супругу с коронацией, присутствовал на семейных праздниках сослуживцев, участвовал в похоронах лиц, услуги которых высоко ценил при жизни, и т.д.»¹⁰. Поэтому «отделить царя-плотника от царя — абсолютного монарха не всегда представляется возможным, как не всегда можно отделить Петра Михайлова от Петра Алексеевича, ибо оба они выступали в одном лице». Как правило, «Пётр Михайлов выступал в роли частного лица на том ограниченном поприще, где он находился в данный момент. Удел монарха Петра Алексеевича — забота об общем благе подданных. Иными словами, активность Петра Михайлова являлась частным случаем деятельности Петра Алексеевича»¹¹.

Действительно, в официальных документах упоминался без какой-либо фамилии царь, а позднее император Пётр Алексеевич. Но когда речь шла об исполнении им тех или иных должностей, то появлялся Пётр Михайлов, Пётр Алексеев сын Михайлов или Пётр Алексеевич Михайлов. Это соответствовало всё шире распространявшейся в России трёхчастной форме обозначения личности (имя — отчество — фамилия) и было вполне логично, поскольку именно Михаил Фёдорович стал основателем новой династии на русском троне, тогда как боярский род, к которому он принадлежал, угас в 1655 г., не раз сменив в XV–XVI вв. своё прозвание.

В обычной делопроизводственной записи 8 сентября 1703 г. упоминалось про «карабль “Штандарт”» и о том, что «капитан на сем карабле пошел в поход — господин Петр Алексеевич Михайлов»¹². В другом документе указывалось: «1713-го ноября в 28 де[нь] отписать из Военной морскаго флота канцелярии в Адмиралтейскую канцелярию. Карабелному шаутбенахту Петру Алексеевичу Михайлову великого государя денежного жалованья, по чему ему на месяц и на сей 713 год дача была ль. По справке в Военной морскаго флота канцелярии по списку морскаго флота флагманов нынешнаго 713-го году великого государя годовой денежной оклад арир-адмиралу (контр-адмиралу. — П.К.) Петру

⁸ ОР РГБ, ф. 205, д. 419, л. 251 об.

⁹ Шуцкая Г.К. Бояре Романовы... С. 16, 119. Встречаются и курьёзные версии, будто царь именовал себя Петром Михайловым «для конспирации в военное время» (Вербовой А.О., Конев А.Э. Гангутская победа // Морской сборник. 2014. № 8. С. 79).

¹⁰ Павленко Н.И. Пётр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 56.

¹¹ Там же. С. 59–60.

¹² Цит. по: Шарымов А.М. 1703 год // Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. С. 673.

Михайлову тысяча восемь сот рублей, и оного жалованья на сей 713-й год из Военной морского флота канцелярии не было»¹³.

Весьма показательно и представление монарха к очередному чину: «1721 сентября в 7 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал имянным своим великого государя указом вице-адмирала от синяго флага Петра Михайлова за многую ево службу написать в адмиралы от красного флага и его, великого государя, жалованье давать ему по ево рангу и указу, и сей указ в Адмиралтейской коллегии записать в книгу». Данный текст, способный сбить с толку человека, не знакомого с особенностями эпохи, подписали генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, шавтбенахт (контр-адмирал) галерного флота М.Х. Змаевич, генерал-майор Г.П. Чернышёв, цейхмейстер Х.Г. Отто и полковник Г.В. Норов¹⁴.

Ещё С.М. Соловьёв обратил внимание на то, как менялась фамилия будущей Екатерины I: «Счастливая соперница Анны Монс называлась сначала Катериною Василевскою — так она названа в собственноручной записке Петра от 5 января 1708 года... По принятии православия она начала называться Катериною Алексеевною по восприемнику своему царевичу Алексею. При этом же переменена была и фамилия: вместо Василевской её начали называть Михайловою, фамилия, которую, как известно, носил и сам Пётр»¹⁵. Соловьёв подметил и перемену в стиле обращений к царской возлюбленной светлейшего князя А.Д. Меншикова. Последнее письмо от него «Катерине Алексеевне Михайловой» датировано 12 марта 1711 г. Но уже 30 апреля он обращался к ней: «Всемиловейшая государыня царица!»¹⁶. Став супругой монарха, Екатерина перестала именовать себя Михайловой — видимо, старинная традиция называть членов царской семьи исключительно по имени и отчеству ей нравилась больше.

Однако внук Петра I, император Пётр II, тоже именовался Петром Михайловым. Будучи сержантом от бомбардиров, он после восшествия на престол, судя по официальному списку офицеров лейб-гвардии Преображенского полка, получил новый чин: «Великий князь Петр Михайлов 727 году мая с 7 дня [назначен] господином полковником»¹⁷. Это позволяет предположить, что к тому времени трёхчастное имя «Пётр Алексеевич Михайлов» уже превратилось в привычные нам «имя, отчество и фамилию».

Тем самым Пётр Великий оставил своим потомкам фамилию «Михайловы», но после скорострительной смерти Петра II и дальнейшей «династической чехарды» XVIII в. она не удержалась. Память о боярском роде Романовых, из которого вышли первая жена Ивана Грозного царица Анастасия Романовна и царь Михаил Фёдорович, оказалась в верхах русского общества более прочной, и именно к ней обратились затем представители Гольштейн-Готторпской династии, правившей в Российской империи в 1761–1762 и 1796–1917 гг.

¹³ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 87, л. 280.

¹⁴ Там же, ф. 212, Указы, д. 4, л. 159–160.

¹⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 16. М., 1993. С. 356.

¹⁶ Там же. С. 357.

¹⁷ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, д. 47, л. 36 об. Это заставляет скорректировать наблюдение Е.В. Пчелова, писавшего, что «единственными примерами присутствия имени Михаил в романовской антропонимии до конца XVIII в. является самоименование Петра Алексеевича Петром Михайловым (в качестве обозначения своей родовой принадлежности), равно как и именование будущей императрицы Екатерины I Катериной Михайловой» (Пчелов Е.В. Антропонимия династии Романовых: Основные тенденции и закономерности // Именослов. Историческая семантика имени. М., 2007. С. 307).

Молодой Пётр как стратег: планирование военной кампании 1695 г.

Андрей Гуськов, Степан Шамин

Young Peter as a strategist: planning a military campaign of 1695

Andrey Guskov, Stepan Shamin

(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722020042, EDN: FTPGNH

Покорение Азова традиционно определяется историками как первое важное деяние Петра Великого. Однако попыток системно проанализировать военную кампанию 1695 г. до сих пор не предпринималось. Вопросы о том, каковы были её цели, как конкретно проходила подготовка и осуществлялось стратегическое планирование, какие силы были задействованы на разных направлениях, в значительной мере остаются открытыми.

На протяжении длительного времени рассказы исследователей о начале Азовского похода 1695 г. не отличались разнообразием. Ещё Н.Г. Устрялов писал: «Желая по возможности облегчить покорение столь важного пункта, Пётр старался отвлечь внимание неприятеля в другую сторону и нагрянуть на Азов внезапно лучшими войсками своими. Для этой цели в начале 1695 года сказан поход на Крым и ни слова не упомянуто об Азове... По первому подножному корму Белгородская армия, огромная масса ратных людей, наиболее конных, старинного московского устройства в числе 120 000 человек поднялась с сборных мест своих». Этот рассказ сопровождался пометой на полях издания: «20 января». Вместо ссылки на источник информации автор упомянул дневник П.И. Гордона, где сообщалось, что царь желал держать поход на Азов в секрете¹. Вопрос о том, откуда Устрялов взял приведённые данные, остаётся открытым. Авторитет историка заставил учёных некритически отнестись к изложенным им фактам. На протяжении долгого времени взгляд на описываемые события принципиально не менялся.

Однако отметим, что этот рассказ во многих значимых пунктах противоречит тому, что говорится в указе о начале боевых действий 1695 г., а также реальному ходу событий. Длительное сохранение таких взглядов на важнейшие исторические события можно объяснить лишь их исключительным удобством для иллюстрации происходящих в стране перемен. Первым серьёзным ударом по данной схеме стало диссертационное исследование А.В. Багро о походе российской армии в 1695 г. на днепровские городки. Она показала, что в наступавших на противника войсках Б.П. Шереметева абсолютно преобладали полки нового строя. Поместная конница московских служилых чинов в походе под Казы-Кермен действительно имелась, однако она насчитывала лишь 1584 человека². Утверждение, что армия «старого» строя пошла на Днепр, а «нового» — на Дон, оказалось умозрительным построением. В целом отправленные

© 2022 г. А.Г. Гуськов, С.М. Шамин

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 223–224.

² Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 84–88, 287.

на Днепр полки по своим боевым качествам соответствовали тем, что двинулись к низовьям Дона.

Наблюдения Багро подтверждаются другими исследованиями последних лет. Формирование российской армии нового типа активно разворачивалось уже в годы русско-польской войны 1654–1667 гг. Унификация служилых людей «полковой службы» в целом завершилась к началу 1680-х гг., что получило отражение в документации Разрядного приказа³. Шереметеву неоткуда было взять целую армию «старинного московского устройства». Да и посылать конницу штурмовать турецкие укрепления не имело смысла.

Вопрос выработки общей стратегии действий российской армии в 1695 г. также оказался не столь простым и однозначным. Установить это помогли новые документы, выявленные в фонде Разрядного приказа. Исследователи неоднократно отмечали, что наиболее ранние сведения о подготовке большого наступления содержатся в письме П. Гордона И. Куртцу от 21 декабря 1694 г.: «Верю и уповаю, что сим летом мы свершим нечто важное для блага христианства и общего союза»⁴. Таким образом, уже к 20-м числам декабря 1694 г. решение о принципиальной смене стратегии было принято.

Документы показывают, что зимой 1694/95 гг. велась весьма серьёзная подготовка к кампании 1695 г. В декабре 1694 – январе 1695 г. на воеводстве в Белгороде временно оставался младший из Шереметевых – Михаил Борисович, явно не имевший достаточного опыта и авторитета для столь значимой должности. Он замещал уехавшего в Москву отца⁵. Между тем именно в эти месяцы опасность нападения татар была особенно высокой. Очевидно, что поездка старшего Шереметева в столицу связана с подготовкой кампании 1695 г. 9 декабря Гордон обедал у Б.П. Шереметева, 15 декабря Шереметев и кн. Б.А. Голицын провели в доме Гордона около двух часов⁶. Наверняка состоялись и другие встречи.

В декабре 1694 г. ещё один сподвижник Петра – А.А. Виниус приезжал к украинскому гетману И.С. Мазепе. Обсуждался вопрос возможного похода на Казы-Кермен. Гетман выступил против того, чтобы, взяв город, «отворить» Днепр «своевольным» запорожцам. Он настаивал на том, чтобы весной 1695 г. напасть на Буджак⁷. Много лет спустя Виниус вспоминал, что ездил к гетману «о совете Озовского obleжения»⁸. Надо полагать, что он имел в виду не столько вопрос о походе на Азов (о чём в документах посольства не говорится), сколько кампанию в целом.

5 декабря 1694 г. в Москву с Дона приехала большая «зимовая» станица во главе со станичным атаманом Борисом Даниловым, включавшая 125 казаков.

³ Малов А.В. Сметы и сметные росписи Разрядного приказа (1630–1681 годов) в контексте военного строительства в России XVII века // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород, 2020. С. 59. См. также: *Бабунин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. С. 70–82; *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...». Чигиринская кампания 1677 г. М., 2019; *Курбатов О.А.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2019.

⁴ Гордон П. Дневник, 1690–1695 / Публ. Д.Г. Федосова. М., 2014. С. 565.

⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 156, 435.

⁶ Гордон П. Указ. соч. С. 309, 310.

⁷ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 43.

⁸ Миллюков С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 251.

Они сообщили, что с азовцами «размирились» ещё весной, а также поведали о ходе боевых действий в прошедшем году. В их рассказе особенно любопытны сообщение о сражении казаков, отправившихся в морской поход, с 30 вражескими кораблями при подходе к устью Дона, а также известие об укреплении Азова янычарами и местными жителями, восстановившими стену, «вывалившуюся» в прошлое «лето»⁹. Около года спустя резидент цесаря О.А. Плейер отмечал, что перед первым походом Пётр расспрашивал донского атамана об Азове¹⁰. 15 февраля 1695 г. казаков принимал у себя Гордон¹¹.

28 января 1695 г. М.Б. Шереметев послал из Белгорода в Москву (надо полагать, по отцовскому запросу) захваченного ещё летом 1694 г. азовского ахреянина¹² Дёмку Ларина сына Башмака¹³. 8 февраля его расспросили, а затем отправили в Преображенское в съезжую избу к кн. Ф.Ю. Ромодановскому. Рассказы Башмака оказались ценны для московских властей тем, что он хорошо знал положение дел в Азове. Среди его сообщений особое внимание привлекает известие о малом числе людей в азовском гарнизоне: «А в Озове де людей было служилых янычан и жилецких людей тысячи з две»¹⁴. Судя по рассказам пленника, Азов представлялся весьма лёгкой добычей.

Гордон упоминает об Азове в дневнике в записи от 6 февраля: «На военном совете в Пушечном дворе, где уладили кое-какие вещи касательно нашего марша к Азову». На следующий день Гордон отметил, что беседовал с государем и «с Его В-вом записали все боевые припасы и прочее необходимое, что нам надо взять с собою». Здесь же Гордон описал предстоящий путь к Азову — до Царицына по воде, а оттуда переход к Паншину¹⁵. Очевидно, что одним из результатов данной беседы стало составление грамоты от 10 февраля на Дон к атаману Фролу Минаеву с указом изготовить в Черкасском ледники и заполнить их льдом «к нынешнему вешнему раннему времени»¹⁶. Таким образом, к началу февраля 1695 г. планы нападения на Азов были фактически сформированы, требовалось лишь уточнить детали.

10 февраля 1695 г. к Мазепе отправили грамоту о том, что московские войска «ранним вешним временем» отправятся водой к Царицыну, оттуда к донским казачьим городкам, а затем под Азов. И.С. Мазепе и Б.П. Шереметеву предписали не позволить крымскому хану оказать помощь Азову. Для этого гетману следовало связаться с воеводой и обсудить ряд вопросов: «в которые места для воинского же промыслу под неприятельские жилища» идти, где встретиться, «в которых местах запорожцам сухим и водяным путем воинские же промыслы над неприятели чинить», где стоять севскому воеводе кн. П.Л. Львову. Обо всем этом Мазепа должен был «помыслить накрепко с старшиною генеральною и с полковники», после чего о принятом решении написать госу-

⁹ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1694 г., д. 4, л. 14–15, 21.

¹⁰ *Avakov P. Azov v strategicheskikh planakh tsaria Petra I, 1695–1696 gg.: Reviziia istoriograficheskoi traditsii // Cahiers du Monde Russe. Vol. 61. 2020. № 1–2. Janvier–juin. P. 197.*

¹¹ *Гордон П.* Указ. соч. С. 322.

¹² Ахреянами называли казаков-«изменников», переселившихся либо в Крым, либо на Кубань (старообрядцы). Какая-то часть из них переходила в ислам, иные сохраняли старую веру (*Сень Д.В.* Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII в. // *Российская история.* 2009. № 6. С. 141–145).

¹³ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 214–216.

¹⁴ Там же, л. 217–227.

¹⁵ *Гордон П.* Указ. соч. С. 319, 320.

¹⁶ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1694 г., д. 4, л. 157.

дарям без промедления¹⁷. Как видим, 10 февраля вопрос о конкретном направлении движения второй армии лишь начали рассматривать, хотя обсуждение кампании 1695 г. велось с Мазепой и Шереметевым ещё в декабре 1694 г.

12 февраля был обнародован указ о предстоящих военных действиях. Так как этот важнейший документ ещё не введён в научный оборот, приводим его текст по одной из копий, отложившейся в архиве Разряда: «203-го [1695] февраля в 12 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, при помощи всесильнаго в Троице славимаго Бога, и за предстательством Пресвятыи и Всеславныи Владычицы нашеи Богородицы и Приснодевы Марии, и за молитвами всех святых указали за многие к ним, великим государем, хана Крымского с ордами неправды, и для отомщения за пролития от них, бусурманов, христианские крови, и для избавления страждущих православных христиан из плена их бусурманского послать с Москвы на свою, великих государей, службу свои, великих государей, рати для промыслу под Азов город в плавной [поход] вешним ранним временем.

А боярину и воеводе Борису Петровичю Шереметеву Белгородцкого полку с своими, великих государей, ратными с конными и с пешими людьми к походу быть во всякой готовности. Да в полку же с ним, боярином и воеводою, быть своим, великих государей, ратным людям по наряду: с Москвы стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом по росписке. А в полку стать им на указные сроки: украинских, и резанских, и заозких городов помещиком и вотчинником апреля 1-е, а замосковных и низовых городов помещиком же и вотчинником апреля же 15-е число нынешняго 203-го году. А из Белагорода ему, боярину и воеводе, а Воиска Запорожского обоих сторон Днепра гетману Ивану Степановичю Мазепе, regimentу ево, с полками из Батурина итить для воинского же промыслу и для отвращения и удержания хана Крымского с ордами от азовской помочи и обороны, на которые места пристойно. И смотреть и беречь того всячески, чтоб при помощи Божии и по общему с ним, гетманом, совету и согласию ево, хана, с ордами или посланных от него салтанов с ордами же удержать и на помочь, и на оборону к Азову всякими способы не допустить. И над ними промысел чинить, чтоб он, хан, приходом своим или посылкою азовцом вспоможения не учинил. И о том ему, боярину и воеводе, иметь усердное радение и прилежное тщание, и з гетманом с Ываном Степановичем ссылатца и советовать почасту. А итить ему, боярину и воеводе, из Белагорода для того промыслу и ханского с ордами удержания, и з гетманом случитца, в которое время пристойно же, по тому же по общему с ним, гетманом, совету и согласию, не отписываясь к ним, великим государем.

А во время того ево походу для береженья украинских городов от приходов бусурманских стоять по Белгородцкой черте в пристойных же местех из Севска околничему и воеводе князю Петру Лукичю Львову Севского полку с ратными с конными и с пешими людьми. Да в полку же у него, окольничего и воеводы, быть ратным же московских же чинов людям по росписке же. И стать им в Севску на вышеписанные же указные сроки. Да ис черкасских полков дву полком, которым быть пристойно, по ево же, боярина и воеводы, рассмотренью. А в которое время из Севска ему, окольничему и воеводе, итить

¹⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 419–420. Содержание грамоты передаётся по переказу в более позднем документе.

и где в пристойных местех стоять, также и товарищам же ево, боярина и воеводы, сходным, ис Курска стольнику и воеводе Илье Дмитриеву Мамонову, ис Чюгуева думному дворянину и воеводе Василию Петровичу Вердеревскому с полками же в то время где быть, о том учинить ему, боярину и воеводе, по своему же рассмотрению. И о том ему, боярину и воеводе, к нему, окольниковому и воеводе, от себя писать. И о том о всем к нему, боярину и воеводе, и в Севеск к окольному и воеводе послать свои, великих государей, грамоты из Розряду. А в приказ Малыя Росии о том для ведома и о посылке к гетману к Ивану Степановичю своей, великих государей, грамоты послать память»¹⁸.

Официальный указ в общих чертах соответствовал тому, что было написано в письме Мазепе. Однозначно говорилось о «плавном» походе на Азов. Не раскрывался лишь известный к тому времени маршрут продвижения полков к устью Дона. Столь же определённо говорилось о войсках, которым предписано оборонять «украины» по Белгородской черте. Шереметеву лишь предстояло уточнить место их дислокации. Поставленные же перед другими войсками цели чётко не описаны. Указана лишь самая общая стратегическая задача — отвлечь основные силы Крыма. Особое внимание привлекает фраза о том, что принимать решения Шереметев и Мазепа должны были, «не отписываясь к ним, великим государем». Такой уровень самостоятельности представляется беспрецедентным. Забегая вперёд, скажем, что воевода и гетман распоряжение действовать без государева указа проигнорировали.

16 февраля 1695 г. Ф. Лефорт сообщил в письме своему брату Ами, что объектом нападения станет Азов. Об этом он писал подробно, указывая даже количество и качество отправляемой с его полком артиллерии. О направлении другого удара Лефорт сообщил лишь в общих чертах: войско двинется «со стороны Перекопа или Казы-Кермена и нападёт на несколько городов»¹⁹. Если сравнить его письмо с текстом указа, то получается, что царский любимец, один из командующих армии, действительно не знал, куда именно направятся войска Шереметева и Мазепы, хотя указ об их выступлении уже обнародовали. Скорее всего, Лефорт назвал те цели, между которыми пытались сделать выбор в предыдущий период подготовки кампании 1695 г.

Впрочем, и планы Азовского похода продолжали уточняться. 20 февраля Гордон встретился с Петром для обсуждения предстоящего похода. Шотландец писал об этом событии так: «Мы совещались о нашем походе и по моим убеждениям решились на блокаду Азова, но окончательное решение было отложено до военного совета назавтра». На следующий день на «малочисленном» военном совете решили отправить к Азову Гордона с его полком и донскими казаками, чтобы «не допустить прихода туда никакой поддержки»²⁰.

25 февраля Е.И. Украинцеву направили указ о начале подготовки похода под Азов «московского выборного» полка Гордона, вместе с которым «всякий промысел чинить» предписывалось «Войска Донского атаману и казакам», которые ведались в Посольском приказе. От думного дьяка требовалось послать соответствующую грамоту на Дон²¹. Данный указ подготовили в Иноземском

¹⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 357–359. В нижней части л. 359 окончание скрепы: «...Деревнин». Текст подготовлен согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

¹⁹ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 157–158.

²⁰ Гордон П. Указ. соч. С. 323.

²¹ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1694 г., д. 4, л. 258.

приказе²². Об этом говорит тот факт, что в нижней части указа стоит помета дьяка Никифора Зайцева, а на обороте — «справа» подьячего Григория Зыкова²³. Оба они на начало 1695 г. работали в указанной структуре²⁴. Несколько тяжеловатый слог документа объясняется тем, что приказные служащие могли записывать указ со слов государя.

2 марта в Посольском приказе расспрашивали атамана всё ещё находившейся в Москве зимней станицы. Судя по его ответам, ведомство интересовала возможность обеспечения двигающейся к Азову армии лошадьми за счёт казаков верховых городков. Атаман ответил, что в этих местах мало кто держит лошадей сверх необходимого. Под расспросными речами более мелким небрежным почерком вписан государев указ о подготовке в верховых городках 1 тыс. подвод для московского войска. Предписывалось также гнать в Черкасский скотину и вести «харч», которые будут покупаться «повольною ценою»²⁵.

Этот эпизод показывает, каким образом в данный период принимали решения по значимым вопросам кампании. Один из сподвижников царя (Гордон) выдвинул идею, существенно корректирующую ход будущих военных действий, убедил царя в её правильности, а потом общий совет ближайших соратников принял итоговое постановление. Дальнейшую разработку планов передали на более низкий уровень по административной подведомственности, где и решались частные вопросы. Отметим, что инициатива Гордона изменила соотношение войск, подчинённых разным командирам. Ещё 16 февраля Лефорт хвастался в письме, что ему, первому из генералов, подчинено более 12 тыс. человек, в то время как его шурина Гордону 8 тыс.²⁶ Теперь же ставший передовым полк Гордона насчитывал 10 тыс. человек, ему же в подчинение дали ещё 6 тыс. казаков²⁷.

Тем временем разработка планов похода Шереметева и Мазепы существенно отставала. Гетман получил грамоту с требованием начать подготовку похода 17 февраля и тут же написал об этом Шереметеву²⁸. Надо полагать, что отправляемые против татар военачальники договорились между собой, но не о походе, а о том, чтобы совместно требовать от Москвы конкретных указаний. Мазепа отправил в столицу письмо, полученное там 27 февраля, прося дать предписание с указанием места встречи с Шереметевым. 2 марта гетману выслали распоряжение съехаться в городе Сумского полка Белополье и прислать «статьи» по итогам встречи в Москву²⁹.

Шереметев получил указ действовать, «не описався» с государями, 21 февраля. Его ответ был отправлен в Москву 27 февраля и попал туда 5 марта. Предполагаем, что неделя размышлений понадобилась на проведение переговоров с Мазепой. Воевода отметил, что ему велено действовать совместно с гетманом, не ссылаясь с государем, но «о котором времени тому моему... с ним,

²² В исследуемый период руководство Иноземским приказом было объединено с Рейтарским (Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; СПб., 2015. С. 162).

²³ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1694 г., д. 4, л. 258–258 об.

²⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 190, 200.

²⁵ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1694 г., д. 4, л. 259, 259 об.

²⁶ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. С. 157–158.

²⁷ Гордон П. Указ. соч. С. 323.

²⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 456.

²⁹ Там же, л. 419–421.

гетманом, походу быть, и для задержания хана с ардами в которые места итить, и где б над ним промысл и поиск пристойно чинить, и прежде того походу для общего совету... в которых числах и где, в которых местех, съехатца и видетца, и о том, о чем ему, гетману, мне... говорить... статей ко мне... из Розряду и ис приказу Малые Росии не прислано»³⁰. Фактически Шереметев отказался от самостоятельности в принятии стратегических решений.

Далее воевода писал государю, что перед прежними Чигиринскими и Крымскими походами воеводы и гетманы съезжались, а сейчас съехаться невозможно из-за плохих дорог и занятости Мазепы в отражении вражеских войск: «Зима сходит, а вешняя пора являетца, и что мне... также и ему, гетману, не блиской переезд до порубежных городов, где бы прилучилось с ним, гетманом, мне... съехатца, а пуще еще в теперешнем ево походе для охранения целости украинских городов». Воевода отмечал, что «желает он, гетман, то вседушно, как бы съехатися ему со мною, холопом вашим, и всесловесно пространно посоветовать, и о всем о том деле постановить на мере, что сносно, а через письма де и пересылки совершенного намерения постановить не мочно, а в которых урочищах с ним, гетманом, съехатца, о том он требует от меня»³¹.

Шереметев, безусловно, обдумывал варианты похода. Это понятно из следующей фразы: «И в полку у меня... верховых огнестрельных пушек самое малое число, а инженеров, и подкопщиков, и огнестрельных мастеров, и гранатчиков нет»³². Как видим, воевода размышлял о возможностях осадить какую-то из крепостей и пришёл к выводу, что у него нет для этого необходимых средств. Доступных же целей для осады у Шереметева было две — Перекоп и Казы-Кермен с другими днепровскими городками, о которых упоминал в письмах Лефорт. Очевидно, что такие возможности рассматривались во время недавнего приезда Шереметева из Белгорода в Москву. Всё это позволяет сделать вывод, что воевода, так же как и гетман, считал на тот момент штурм турецких крепостей несвоевременным.

Тем временем о больших российских приготовлениях к новой военной кампании стало известно за рубежом. Об этом резидент Венеции в Варшаве Г. Альберти написал венецианскому дожу 12(22) марта 1695 г.³³

Днём позже, 13 марта, Шереметев съехался с Мазепой в Белополье, как того требовал государев указ. Военачальники определили общие контуры предстоящей кампании. Они постановили идти на реки Миус и Кальмиус, поскольку именно там проходили основные пути передвижения «бусурман» между Азовом и Крымом. Через ту же территорию осуществлялось нападение на приграничные российские и украинские города. Обсудили они и варианты похода под Казы-Кермен и под Перекоп, но отвергли их. Воевода и гетман пришли к выводу, что к Перекопу их не допустят, а в случае начала похода на днепровские городки татары вовремя сообщат о наступлении и пошлют подкрепление к их гарнизону, а также позовут на помощь Белгородскую орду. При этом крымский хан сможет пройти к Азову по бродам через реки Миус и Кальмиус³⁴. Таким образом, поход к Казы-Кермену ставил бы под вопрос выполнение царского

³⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 451–456.

³¹ Там же, л. 457.

³² Там же, л. 458.

³³ *Шмура Е. Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903. С. 10, 11.

³⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 565–568.

указа об отвлечении орды от Азова. Выступать к Миусу предполагалось одновременно с ратями, идущими под Азов, поскольку иначе силы от «стояния» в степи истощатся раньше времени. Полководцы отмечали, что запасов, которые полки смогут взять с собой, хватит не больше, чем на три месяца. Сойтись украинским и русским войскам предстояло у речки Берестовой.

Было также сформулировано несколько вопросов и предложений. Мазепа и Шереметев хотели получить указ о том, что им делать, в случае если хан отправит помощь к Азову, прежде чем туда подойдут московские войска. Они интересовались, двигаться ли им в таком случае к Миусу, или же «для промысла итить к иным которым бусурманским местам»? Военачальники также отмечали необходимость добиться от запорожцев разрыва перемирия с Крымом. После этого запорожцы должны совместно с донскими казаками напасть сухим и морским путём на крымские города, прежде чем выступят другие войска. Предлагали также написать о походе к польскому королю, чтобы организовать совместное выступление против татар. Кроме того, Мазепа и Шереметев хотели привлечь к походу калмыков и черкес, взяв у них аманатов, а также организовать почту от Москвы до казачьих городков в низовьях Дона для быстрой связи с будущим лагерем российской армии под Азовом³⁵.

Пока военачальники договаривались об основных параметрах кампании, в окружении Петра постепенно вырабатывался иной взгляд на данный вопрос. В письме от 18(28) марта 1695 г. резидент Венеции в Варшаве Альберти со ссылкой на письмо Лефорта сообщал о том, что Мазепа идёт на «Перекоп, чтобы сделать диверсию в Крыму»³⁶.

22 марта статьи, выработанные воеводой и гетманом, пришли в Москву³⁷. Неделю спустя, 30 марта, по ним приняли решение: великие государи «не указали» войску двигаться к рекам Миусу и Кальмиусу, а велели идти «для промыслу под городки турецкие, под которые будет удобнее и прибыльнее», для чего Шереметеву следовало сойтись с Мазепой, «где пристойнее». Заметное место в указе уделено использованию судов и паромов для переправы через Днепр. Их предписывалось взять в Киеве и сплавить вниз по Днепру, хотя бы до порогов. «Верховые пушки» для осады предлагалось вывезти из Белгорода, Севска и Путивля; там же планировалось забрать боеприпасы. В случае если последних оказывалось недостаточно, для их снаряжения посулили прислать «гранатчиков» из Москвы и стрельцов, обученных «гранатному делу». Обещали также отправить из столицы инженера. Запорожцев указали «пропустить» на море. Шереметеву разрешалось по согласованию с гетманом писать к польскому королю. Получила развитие идея об организации почтового сообщения с действующей армией: «с Москвы до полков их поставить почту из Розряду». Под Азов же депеши предлагалось возить донским казакам. Постановление об организации почты из казачьих городков указали послать из Розряда в Малороссийский приказ³⁸.

Более полно понять процесс составления документа позволяет его черновик. В нём целью похода названы «городки турецкие Ахкермень и Казы-Кермен»³⁹ (т.е. днепровские городки). В итоговый документ эти названия не

³⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 568–576.

³⁶ Шму́рло Е. Ф. Указ. соч. С. 11.

³⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 565.

³⁸ Там же, л. 577–583.

³⁹ Там же, л. 583а.

попали. Очевидно, изначально озвучивался конкретный объект для нападения, но потом от этого отказались, и бремя определения цели переложили на полководцев. Впрочем, вряд ли в Москве сомневались в результате. Трудности похода на Перекоп были очевидны. Так что делегировалась скорее ответственность, чем право выбора. Как видим, стратегический замысел кампании существенно трансформировался. Отвлекающий удар Мазепы и Шереметева окончательно превратился в самостоятельный поход.

Позже, в сентябре 1695 г., в письме запорожцам инициативу похода на Казы-Кермен Мазепа приписал себе: «безпрестанне великим государем нашим и царскому пресветлому величеству докладываньями нашим о том докучали»⁴⁰. Приведённые документы доказывают неискренность слов гетмана. В реальности Мазепа мог избрать лишь объект штурма — Казы-Кермен или Перекоп, хотя сам хотел разорять Буджак. Противоречивость его позиции объяснима. Общаясь с запорожцами, гетман стремился показать, что отстаивает их интересы перед царём. В пересылке же с Москвой он, напротив, демонстрировал, что выступает главной опорой российской власти среди своевольного казачества. На практике Мазепу в большей степени интересовали усиление личной власти и добыча от разграбления владений Османской империи. Присланный же из Москвы указ должен был его расстроить.

Шереметев, надо полагать, также испытал замешательство, получив царское послание. Однако по документам этого не заметно. Судя по бумагам, боярин приступил к активной подготовке к походу. Он требовал (и получал) как материальное обеспечение, так и дополнительные воинские контингенты. Ему разрешили взять с собой смоленские «салдацкие да стрелецкие» полки, «соболиную казну» для жалования «польским и литовским присланным, также и запорожским казаком», образцовое письмо, чтоб посылать, «написавши от себя в тое полскую сторону листы», лекаря Ягана Кушне, полковых «подъемных» лошадей, священников, пушки, инженера, «гранатчиков», огнестрельных мастеров и подкопщиков⁴¹. В целом подготовку к походу удалось завершить оперативно, что и обеспечило успех операции.

Как видим, выступлению российской армии в поход в 1695 г. предшествовало длительное и весьма сложное обсуждение военных планов. Понятно, что соратники Петра старались влиять на государя и предлагать ему свои решения. Но последнее слово в спорных вопросах оставалось за правителем. Других высших авторитетов, которые могли бы покончить со спорными вопросами, в это время среди московских властей не имелось. Приведённые материалы не только позволяют понять, как определялись задачи военной кампании 1695 г., но и дают возможность оценить юного царя как стратега. Очевидно, что Пётр считал правильным осаждать и брать вражеские города, а не маневрировать войсками. В итоге, за два года боевых действий удалось захватить два стратегически важных комплекса укреплений — днепровские городки и Азовскую крепость. Развитию успехов в этом направлении помешал лишь отъезд царя из страны.

Государь умел настоять на своём мнении, несмотря на сопротивление старших по возрасту и опыту соратников. Но даже если предложение подчинённых отвергалось в целом, конкретные инициативы могли быть не только под-

⁴⁰ Багро А.В. Украинское казачество... С. 197.

⁴¹ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 585–973.

держаны, но и получали дальнейшее развитие, как было с предложением об организации почты между армиями и Москвой. Запрошенные полководцами для выполнения поставленной задачи средства реально выделялись, хотя ради решения связанных с этим организационных проблем царь явно затягивал начало основного похода. Особенно следует подчеркнуть, что царь настойчиво добивался, чтобы полководцы, перед которыми ставилась общая задача, действовали максимально самостоятельно.

И это не было разовым решением. 10 марта 1696 г., ставя задачи на новую кампанию Мазепе и Шереметеву, царь писал из Воронежа: «О походе боярском и гетманском под Очаков, и тот поход велено положить на их разсуждение: если когда то учинить, и суды к тому времени поспеют ли, а естли суды не поспеют, и им итить в иные места или стоять в пристойных местех, и каким делом нибудь конечно неприятеля отвращать»⁴².

На этот раз Шереметев не стал требовать дополнительных царских указов. Он написал в Разряд с предложением послать против неприятеля и для охранения городков «плавною вниз рекою Днепром» отряд, достаточный для обороны взятых в предшествующем году днепровских городков⁴³. Основная же часть войск под командованием Мазепы и Шереметева отправилась в поход к речкам Орчик и Берестовой и встала там, создавая угрозу для войска крымского хана и не позволяя ему двинуться под Азов⁴⁴. Это в точности совпадало с предложениями, которые Мазепа и Шереметев столь неудачно направляли государю в предыдущем году. Как видим, последовательные требования Петра к военачальникам действовать самостоятельно приносили плоды.

Вместе с тем в стратегической подготовке походов 1695 г. имелись и явные недостатки, характеризующие Петра (по крайней мере, на данном этапе развития его личности) не меньше, чем очевидные достоинства принятых им решений. Связанные с планированием кампании документы, в том числе официальный указ о походе на Азов, составлены непоследовательно. Надо полагать, именно это привело к путанице в исследовании Устрялова. Второстепенным документам уделялось ещё меньше внимания, что приводило к резкому падению их качества. К примеру, в одном распоряжении могли объединяться задачи, подведомственные разным приказам.

Серьёзным недостатком в подготовке кампании стало то, что, обсуждая как минимум два месяца нападение на Азов, Пётр так и не решил, куда двинется вторая половина его армии. Хотя вопрос об этом, вне сомнения, поднимался. Очевидно, что государь, увлекшись своим «плавным» походом к Азову, днепровским направлением не особенно интересовался. В итоге данный вопрос проработали только по настоянию посылаемых полководцев. На это ушёл почти месяц, что сильно сократило время, необходимое для подготовки к нанесению удара и задержало отправление войск к Азову. В последний же момент стратегическая задача отправленных в днепровский регион войск была изменена. Шереметев и Мазепа, готовившиеся к походу в степь против татар, внезапно оказались перед необходимостью планировать штурм турецкой крепости. Впрочем, эта непоследовательность в подготовке операций принесла удачу на Днепре. В то время как турки перебрасывали снаряжение и подкре-

⁴² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 1124.

⁴³ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1406, л. 51–52.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений... Т. 7. Стб. 1142–1143.

пления в Азов, гарнизон Казы-Кермена не ожидал серьёзного штурма. В результате город пал.

Блистательной победе на Днепре (при неудаче на Дону) способствовали и кадровые решения Петра. Шереметев смог договориться о скоординированных действиях с Мазепой и показал себя лучшим полководцем, чем приближённые царя Гордон и Лефорт, которые, соперничая за милостивое внимание Петра, мешали друг другу при осаде Азова. Характерно, что на следующий год царь эту ошибку исправил, поставив главнокомандующим над войсками А.С. Шеина. Если взять менее статусную (но не менее важную) позицию военного инженера, то и здесь выбор квалифицированного специалиста предопределил достигнутые в бою результаты. В 1695 г. минные работы под Азовом шли не особенно удачно; укрепления же Казы-Кермена были успешно взорваны, что и привело к взятию города. Инженер Тафридерех Фаншвенгел, находившейся в 1695 г. в полку Шереметева⁴⁵, уже с февраля 1696 г. числился под именем Отто Фридерих Фаншфенгеля в полку идущего под Азов Шеина⁴⁶. Таким образом, фактическое распределение ресурсов и кадров превратило поход Шереметева и Мазепы из вспомогательной операции в основное достижение военной кампании 1695 г. Однако для истории этот факт остался малозаметным.

Царь и сам не особенно много внимания уделял неожиданной добыче Мазепы и Шереметева. Вопрос о том, что делать с днепровскими городами после их взятия, в царском указе даже не ставился. Мазепе пришлось специально спрашивать об их дальнейшей судьбе⁴⁷. Казы-Кермен, из четырёх днепровских городков находившийся в наиболее удобном со стратегической точки зрения месте, был сильно повреждён во время штурма. И хотя гетман предлагал отстроить его вновь⁴⁸, основным опорным пунктом российских войск стал Мустриткермен (Таванск) на Таванском острове. Здесь расположился небольшой гарнизон⁴⁹. Пётр в письме из-под Воронежа от 10 марта 1696 г. указывал, что «Тованскому городу в такое краткое время строиться невозможно, а выручать сколько мочно, а естли нельзя держать по-прежнему, и его разорить, а людей из него вывести»⁵⁰. Пригодные к длительной обороне укрепления на Таванском острове удалось создать в экстренном порядке только в 1697 г., когда стало известно о движении к крепости большого турецкого войска⁵¹. Произошло это уже после отъезда Петра за границу.

Вопрос о судьбе днепровских городков подводит нас к одному из центральных дискуссионных вопросов в области военной истории 1690-х гг. — выбору главной цели для удара российской армии в кампании 1695 г. Конечно, Азов был важен тем, что отрезал ногайских татар и черкесов Кубани от Крыма⁵². Однако захват Казы-Кермена позволял контролировать переброску войск крымских татар в европейский регион, что представляется гораздо более важным.

⁴⁵ Багро А.В. Украинское казачество... С. 120.

⁴⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1460, л. 44.

⁴⁷ Багро А.В. Украинское казачество... С. 81, 259.

⁴⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1456, л. 39–41.

⁴⁹ Заруба В.Н. Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 123.

⁵⁰ Памятники дипломатических сношений... Т. 7. Стб. 1124.

⁵¹ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1644, л. 61–62.

⁵² Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 71.

Кроме того, до Перекопа от днепровских городков было всего около 80 км — расстояние несопоставимое с тем, что пришлось пройти российской армии во время Крымских походов В.В. Голицына.

Значимость днепровских городков подтверждается тем, что именно сюда в 1697 г. во время попытки возвращения Казы-Кермена турки перебросили войска с других фронтов Великой турецкой войны, а также направили большой флот (морские суда того времени могли подниматься до днепровских городков даже летом)⁵³. При заключении мира турки согласились с потерей Азова, но добились возвращения территории, где располагались днепровские городки. Почему же для Петра приоритетом стал Азов?

Первоначально этот вопрос пытались решить исходя из того, что кто-то из соратников Петра I предложил юному государю идти на Азов, и тот согласился. Назывались возможные авторы данной идеи⁵⁴. Однако такая постановка проблемы оказалась необоснованно упрощенной. Системный взгляд на военно-политическую историю России того времени позволяет убедиться, что в случае начала наступательной войны против Османской империи и Крыма у московского командования при выборе объекта нападения имелось всего три варианта — Азов, Перекоп и Казы-Кермен. У этих городов российские войска уже успели побывать между началом войны в 1686 г. и петровскими походами. Так что специально привлекать к ним внимание царя не требовалось. Вне зависимости от того, кто предложил активизировать войну, выбор из трёх направлений для удара все равно предстояло сделать.

Утверждалось также, что Азов стал первоочередной целью, поскольку царь желал построить там флот. Однако П.А. Аваков в недавней работе убедительно показал, что строить морской флот в Азове Пётр до лета 1695 г. не планировал. По крайней мере, в современных событиях источниках об этом не говорится. Появление идеи о строительстве флота стало результатом первого похода, а не его причиной. Целью же похода было активизировать войну с Османской империей⁵⁵. С тем, что Пётр хотел возобновить активные боевые действия, трудно не согласиться, но выбора направления удара это не объясняет.

Не удалось найти ответа и в указе от 12 февраля 1695 г., приведённом выше. В нём причиной похода названы «неправды» крымского хана. Крымские набеги действительно разоряли окраины России. Татары убивали и уводили в плен множество русских людей. Нападения со стороны Крыма были хорошим объяснением причин походов войны для подданных, которым приходилось платить дополнительные налоги. Однако бросается в глаза, что русские войска отправлялись не к Перекопу, являвшемуся воротами в Крым, а на османские крепости, хотя турецкий султан в документе не упомянут.

С.М. Соловьёв писал о причинах похода на Азов следующее: «Лефорт хотел, чтоб Пётр предпринял путешествие за границу, в Западную Европу; но как показаться в Европе, не сделавши ничего, не принявши деятельного участия в священной войне против турок. Не забудем, что тотчас по взятии Азова предпринимается путешествие за границу: эти два события состоят в тесной свя-

⁵³ Гуськов А.Г., Шамин С.М. Оборона днепровских городков в 1697 году — ключевой эпизод русско-турецкой войны 1686–1700 годов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 27–35.

⁵⁴ Станков К.Н. Генерал Патрик Гордон и борьба за Азов в конце XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4(86). С. 76–77.

⁵⁵ Avakov P. Azov v strategicheskikh planakh... P. 177–204.

зи»⁵⁶. При таком подходе получается, что Азов был выбран в качестве наиболее лёгкой добычи, призванной создать для Петра славу победителя турок.

Против высказанной Соловьёвым гипотезы выступил А.Г. Брикнер, отметивший, что не существует данных, позволяющих утверждать, что Пётр планировал поездку за границу до похода на Азов⁵⁷. Однако в свете новых данных возражение Брикнера следует скорректировать. В окружении Петра всё же обсуждался вопрос о морском путешествии в Европу. Проникшие за границу слухи привели к тому, что летом 1694 г. король Дании с придворными и голландским резидентом ждали российского монарха в прибрежном замке Кронбурх. Перевод голландской газетной публикации на эту тему был даже включён в куранты⁵⁸. Сложно предположить, что столь значимые по своему положению лица ожидали приезд Петра безо всякой на то причины. Если же статья в газете не имела под собой реальных оснований и передавала пустые слухи, то включённая в куранты публикация сама по себе становилась источником идеи о путешествии царя в Европу. Ведь с материалами курантов Пётр и его окружение в любом случае знакомились. Вряд ли столь интригующая новость не привлекла к себе внимания монарха.

Предположению Соловьёва есть косвенное подтверждение. А.А. Виниус, много лет спустя писавший о своих заслугах в подготовке азовских походов, отмечал в качестве их результата то, что это богоугодное дело увенчало Петра венцом славы во всей Европе⁵⁹. Безусловно, одного этого недостаточно, чтобы считать гипотезу Соловьёва доказанной. Если же историк прав, то Пётр выбрал Азов в качестве наиболее удобного объекта нападения. На этом фоне становится понятным его невнимание к днепровским городкам, неожиданный захват которых не имел прямого отношения лично к государю. Всё это позволяет по-новому взглянуть на Петра как на военачальника и стратега. Вероятно, дальнейшие исследования смогут поставить точку в данной дискуссии.

⁵⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. М., Кн. 7. 1991. С. 508.

⁵⁷ Брикнер А.Г. История Петра Великого. Т. 1. СПб., 1882. С. 132.

⁵⁸ Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 195–196.

⁵⁹ Милюков С.Г. Неизвестное послание... С. 251.

**«Починить против прежнего, без всякой отмены»:
восстановление старых подмосковных дворцов
в контексте мемориальной и династической
политики Петра I**

Андрей Топычканов

**«To restore to the former state, without any exception»:
restoration of old palaces near Moscow in the context of the memorial and
dynastic policy of Peter the Great**

*Andrey Topychkanov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722020054, EDN: FTQLSW

Представление о петровском царствовании как о времени полного разрыва с предшествующей традицией, кажется, уходит в прошлое. Исследователи признали «несовременность» (*non-modernity*) этой эпохи¹, заговорили о «возвращении... кремлёвской культуры»² и «восстановлении (*instauration*) или, иными словами, реставрации (*restoration*) адамического знания» в царствование Петра I³, обнаружили влияние средневековых градостроительных принципов на формирование Санкт-Петербурга⁴ и преобладание в его культурном слое «вещей традиционных типов, восходящих к русскому средневековью»⁵. В этой статье рассматривается ещё одна сфера, для которой связь новой эпохи с XVII в. имела чрезвычайно важное значение — практика восстановления старых подмосковных дворцов.

В течение длительного времени Пётр I не проявлял особого интереса к старым дворцам Москвы и Подмосковья. Даже если бы он не проводил столь масштабных реформ, его отказ сохранять наследие XVII в. или его участие в уничтожении памятников прошлого были бы совершенно естественными и в полной мере соответствовали общемировой практике⁶. Однако на рубеже

© 2022 г. А. В. Топычканов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20–09–42021.

Выражаю признательность С. И. Барановой, Л. А. Беляеву, И. В. Курукину и А. Е. Ухналеву за ценные замечания, сделанные в процессе подготовки статьи.

¹ *Waugh D. C.* We Have Never Been Modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 2001. Bd. 49. H. 3. S. 321–345.

² *Погосян Е. А.* Пётр I накануне петровских реформ // *Лотмановский сборник*. Вып. 3. М., 2004. С. 35.

³ *Collis R.* The Petrine Instauration: Religion, Esoterism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden, 2012. P. 358.

⁴ *Лебедев Г. С.* Первоначальный Петербург как компонент городского пространства // *Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда*. Материалы научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2002 г. СПб., 2003. С. 137, 142; *Сорокин П. Е.* Археологические исследования в Санкт-Петербурге // *Клио*. 2015. № 7. С. 131.

⁵ *Михайлова Е. Р.* Находки в Колтовской и Шневенской слободах: Материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX в. // *Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв.* М., 2020. С. 360.

⁶ *Lowenthal D.* The Past Is a Foreign Country. Ed. 2, revisited. Cambridge, 2015. P. 136–144.

1710–1720-х гг. Пётр I неожиданно обратил внимание на старые подмосковные загородные резиденции и начал масштабные и дорогостоящие работы по их восстановлению⁷. Первым в этом ряду стал деревянный Коломенский дворец, выстроенный в 1667–1672 гг.⁸ Именным указом от 5 января 1719 г., написанным «за его царского величества собственною рукою», Пётр I распорядился заменить ветхие брёвна на новые и подвести под дворец каменный фундамент: «В бытность нашу на Москве видели мы, что в Коломенском у старых наших хором снизу бревна ветхи, а верхняя еще здоровы, того для мы разсудили те гнилыя бревна снизу выбрать и подделать вместо того каменной фундамент»⁹. В именном указе Петра I президенту Камер-коллегии кн. Д.М. Голицыну уточнялось: «Ежели которые покои обветшали, те вели починить против прежняго строения, а кровля в которых местах худа, там вели починить против прежняго ж». Указ недвусмысленно требовал восстановить дворец без изменений — «без всякой отмены»¹⁰. В значительной степени поставленную задачу выполнили в 1722–1724 гг., о чём сообщил Ф.В. Берхгольц в мае 1724 г.: «Старый дворец снабдили совершенно новым фундаментом и вообще поправили, так что он теперь долго ещё может стоять; изменений однако ж в нём никаких не сделано, напротив сохранено всё в первобытном виде»¹¹. Основные работы по восстановлению дворца завершились к торжествам по случаю коронации Екатерины Алексеевны. Посещение Коломенского дворца членами императорской фамилии, включённое в коронационные торжества, состоялось 12–14 мая¹².

Хуже изучена история восстановления царского дворца в Преображенском, что связано с существованием на его территории трёх дворцов: Старо-Преображенского, Ново-Преображенского и хором царевича Алексея Петровича¹³. Согласно расходным книгам приказа Большого дворца, на протяжении 1722 — начала 1723 г. деньги выдавались «плотником, которые в селе Преображенском на его императорского величества дворе разбирали старые хоромы, Петру Антошову с товарищи тритцети человеком за збирку старых хором, конюшни, заборов, ворот и поставить против прежнего, как были»¹⁴. Помимо плотничной артели в работах участвовали 35 дворцовых крестьян, присланных «в село Преображенское на его императорского величества двор, где строят вновь хоромы, для собрания старых хором»¹⁵.

В исследованиях Д.В. Желудкова и А.В. Бугрова все восстановительные работы отнесены к Ново-Преображенскому дворцу: якобы «старый» Ново-

⁷ В статье не рассматривается практика сохранения дворцов в других городах, в том числе петербургского Домика Петра I, для сохранения которого в 1723 г. по проекту архитектора Д. Трезини выстроили каменный «чехол».

⁸ Желудков Д.В. Возобновление деревянного Коломенского дворца в 1720-е годы и эстетическая программа Петра Великого // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1998. М., 1999. С. 534–544.

⁹ Копии указа известны в нескольких списках: РГАДА, ф. 9, оп. 1, отд. 1, кн. 12, л. 8 об.–9; оп. 3, отд. 2, кн. 45, л. 244.

¹⁰ Там же, оп. 1, отд. 1, кн. 16, л. 57а. Черновик см.: Там же, кн. 57, л. 259.

¹¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. М., 1860. С. 60.

¹² Походный журнал 1724 г. СПб., 1855. С. 7; Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 59–60.

¹³ После смерти царевича хоромы были пожалованы корабельному мастеру Ф.М. Склеяву и в дальнейшем именовались «двором Феодосия Склеява».

¹⁴ РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 437, л. 19, 48, 108.

¹⁵ Там же, д. 357, л. 13; д. 356, л. 34.

Преображенский дворец разобрали, на его месте построили новый, затем на новом месте «старый» дворец собрали и сожгли 24 февраля 1723 г.¹⁶ За сжиганием наблюдал Берхгольц. По его словам, Пётр I сказал присутствовавшему герцогу Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому, «что потому захотел сжечь свой старый дом, что в нём решил вопрос относительно войны (Северной. — А.Т.), которая теперь, слава Богу, кончилась миром, почему и этот дом должен уничтожиться и исчезнуть с глаз долой»¹⁷.

Вызывает сомнение, что сожгли восстановленный дворец, поскольку плотничная артель Петра Антошова, разбиравшая и собиравшая «старый» дворец, работала, по крайней мере, до конца марта 1723 г., т.е. уже после того, как его якобы сожгли. Во-вторых, в источниках прямо утверждается, что старый дворец собрали на государевом дворе¹⁸, а не на новом месте, где, следуя описанию Берхгольца, уничтожили «старый дом, в котором прежде жил император»¹⁹. Кроме того, Берхгольц утверждает, что дом, предназначавшийся для сожжения, поставили на площади, однако артель плотников под руководством Петра Антошова осуществляла «збирку старых хором» вместе с конюшней, заборами и воротами²⁰. Исходя из этого, следует пересмотреть локализацию строительных работ в Преображенском и отнести указанные восстановительные работы к Старо-Преображенскому дворцу, где прежде жила царица Наталья Алексеевна. Происхождение сожжённого «старого дома» требует специального исследования: собрали ли его из ветхих брёвен, оставшихся после восстановления Старо-Преображенского дворца или ремонта других дворцов²¹, либо он являлся имитацией одной из клетей какого-либо дворца в Преображенском. Во время коронационных торжеств 1724 г. члены императорской фамилии также останавливались в Старо-Преображенском дворце²².

Одновременно велось восстановление «деревянного городка» на Яузе — знаменитого Прешбурга, построенного в 1680-х гг. напротив Старо-Преображенского дворца. 8 июня 1722 г. Пётр I «указал в Преображенском по реке Яузе деревянный городок, где преж сего был, построить вновь тем же маниром и к тому определить камисара заобычного, а денги на то строение отпустить из збору с возов»²³. В общей сложности на восстановление Прешбурга отпустили 1600 руб. Руководителем работ назначили капитана Ивана Иванова сына Колемина. В его доношениях перечисляются следующие постройки: «го[родок] и в нем столовые и протчие две светлицы и подъем[ной] мост». О характере работ свидетельствует сообщение Колемина: «в столовой светлицы потолок и окна по старому манеру»²⁴.

Практика восстановления дворцов не распространялась на поздние московские дворцы, в том числе на неоднократно перестраивавшиеся хоромы на

¹⁶ Желудков Д.В. Дворцовое строительство в Преображенском // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 504; Бугров А.В. Преображенское и окрестности. Очерки истории. М., 2004. С. 34–39.

¹⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 3. М., 1860. С. 40.

¹⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 437, л. 19, 48, 108; д. 357, л. 13; д. 356, л. 34.

¹⁹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 3. С. 38–40.

²⁰ РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 437, л. 19.

²¹ Практика сжигания ветхих изб встречается при строительных работах в других дворцах. Например, 13 июня 1724 г. «у бывшего Головинского дому старая избы жгли» (Походный журнал 1724 г. С. 8).

²² Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 61–62, 65.

²³ РГАДА, ф. 248, оп. 2, д. 57, л. 142.

²⁴ Там же, л. 147, 151.

Красном (Царицыном) лугу. Например, 22 декабря 1722 г. Пётр I распорядился «на Красном лугу у светлиц прежнее попорченное строение в ызбах и в сараях починить и вновь построить»²⁵. Все работы следовало выполнить до 30 декабря, поскольку 1 января во дворце намечалось застолье²⁶. Если сравнить распорядительную документацию на строительные работы на Красном лугу с требованиями, предъявленными Петром к дворцам в Коломенском и Преображенском, бросается в глаза отсутствие требования построить дворец «против прежняго ж, без всякой отмены», «против прежнего, как были» или «по старому манеру». Действительно, в ходе строительства на Красном лугу в планировку дворцовой территории внесли изменения, поставив новые двухсаженные избы — «елевую» и «сосновую»²⁷.

Одновременно с организацией масштабных работ в старых дворцовых усадьбах Пётр I решил приобрести усадьбу графа Ф.А. Головина (за неё родственникам последнего выплатили 10 тыс. руб.)²⁸. Работы по обновлению усадьбы поручили царскому врачу Николасу Бидлоо. 12 мая 1722 г. «дохтур» подал царю, находившему в Преображенском, перечень вопросов, напротив которых тот написал распоряжения. В частности, на вопрос: «Хоромы и старое люцкое строение ломать ли?» Пётр распорядился: «Деревянное все ломать». А на вопрос: «Конюшню или иное какое строение, в чем нужда будет, строить ли, и в которых местах оные строения строить?» он написал: «Не строить до нашего возврата»²⁹. Таким образом, и эту усадьбу Пётр не планировал оставлять в первоначальном виде, хотя в процессе проектирования приняли решение частично сохранить два старых парка — Головинский и Петровский — в составе нового ансамбля³⁰.

Из современников только Берхгольц упомянул о причине восстановления дворцов. Он осмотрел Коломенский дворец 22 июня 1722 г. в составе свиты герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Вероятно, со слов «шталмейстера императрицы», показавшего им здание, Берхгольц записал следующее: «Коломенский дворец построен 60 лет тому назад отцом его величества императора, который и сам не более как за 27 лет ещё жил в нём и *потому* назначил теперь известную сумму на его возобновление» (выделено мною. — *А.Т.*). Такое объяснение не убедило посетителей, решивших, «что оно не стоит того, потому что в нём уж мало хорошего, между тем как такие поправки требуют больших издержек и трудов, не обещая всё-таки сделать его обитаемым»³¹. Современники связывали восстановление этого и других дворцов с тем, что в них жил Пётр I.

В историографии сформировались два взгляда на практику восстановления дворцов в Коломенском и Преображенском. По мнению О.С. Евангуловой, «с появлением Петербурга Москва превратилась в старый город, носитель и за-

²⁵ Там же, ф. 396, оп. 3, д. 358, л. 218. См. тетрадь «от росходу подьячего Гаврила Васильева», где фиксировали закупку строительных материалов на ремонт дворца и оплату работы артели П. Антошова в декабре 1722 г. (Там же, л. 218–231).

²⁶ Упоминается закупка вина и работа повара на застолье (Там же, д. 437, л. 75, 86).

²⁷ Там же, д. 358, л. 222, 224 об.

²⁸ Там же, ф. 9, оп. 1, отд. 1, д. 57, л. 217 об.

²⁹ Там же, л. 178.

³⁰ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 38–39.

³¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 2. М., 1860. С. 166.

конный продолжатель средневековых традиций. На протяжении всего XVIII в. и Пётр, и все его преемники рассматривали Москву и её древнюю архитектуру как национальное наследие. Достаточно вспомнить, как Пётр заботился о неприкосновенности Коломенского, подчёркивая необходимость починить его “против прежнего строения”, “против прежнего без всякой отмены”. Горячо любя всё новое, он чётко выделял те сферы, в которых изменения казались неуместными даже в его богатое реформами время»³².

Д.В. Желудков занял противоположную позицию. Он детально проследил историю возведения дворца на Царицыном лугу, названном им «одной из первых построек, целиком принадлежавших Новому времени», рассказал о «попытке организовать современный дворцовый центр Москвы» в Преображенском и попытался вписать в этот контекст восстановление дворца в Коломенском. По его словам, «восстановление внешнего облика дворца “против прежнего строения” говорит не о простом сохранении его в прежнем виде, а лишь о имитации прежнего здания. Причина этого лежала вовсе не в сентиментальных воспоминаниях императора... а в изменившихся требованиях к дворцовым резиденциям. Поэтому воссоздание Коломенского дворца в первоначальном виде должно свидетельствовать о его “актуальности”». Эту актуальность исследователь связывает с тем, что Коломенский дворец либо соответствовал «слагающимся тогда тенденциям эстетики рококо», либо воспринимался как «вариант модного ориентализма»³³. В статье, специально посвящённой возобновлению Коломенского дворца в 1720-е гг., Желудков остановился на втором объяснении. По его словам, «Коломенский дворец, как, впрочем, и Преображенский городок, был выбран в качестве наиболее показательного образца порождённой логикой развития допетровского искусства “старомосковской” архитектуры, ставшей уже исторической, но оказавшейся равноценной “этнографической” китайской и потому оценённой и востребованной в новых условиях». В этом примере автор видит «пробуждение “самосознания” национальной культуры»³⁴. Несмотря на различия интерпретаций, оба исследователя во многом точно определили характер строительных работ в Коломенском и Преображенском, где в начале 1720-х гг. Пётр I пытался сохранить именно старые дворцы XVII в. Однако нет причин видеть в этой практике воплощение представлений о «национальном наследии» или результат «пробуждения “самосознания” национальной культуры». В архитектурной реставрации влияние этих представлений обнаруживается значительно позже»³⁵.

Для понимания цели восстановления дворцов в Коломенском и Преображенском следует обратить внимание на то, что работы начались в конце 1710-х — начале 1720-х гг., хотя Пётр и ранее прекрасно знал о ветхом состоянии Коломенского дворца и Прешбурга. Последний раз он останавливался

³² Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы... С. 43.

³³ Желудков Д.В. Новые материалы о дворцовом строительстве в Москве петровского времени // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 124, 128, 132–133.

³⁴ Желудков Д.В. Возобновление деревянного Коломенского дворца... С. 541, 542.

³⁵ Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002; Топычканов А.В. Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII — начале XX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. Коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. М., 2012. С. 327–354.

в Коломенском дворце в 1702 г.³⁶ Приехав сюда для подготовки к Полтавскому триумфу в 1709 г., Пётр был вынужден жить в избушках³⁷.

Рубеж 1710–1720-х гг. стал важным этапом в осмыслении Петром I истории своего царствования и в осознании своей исторической миссии. Данный процесс активизировался после его заграничного путешествия в 1716–1717 гг. и особенно после подписания Ништадского мира и провозглашения Петра императором в 1721 г. К тому времени относятся формирование протомузеев, указы о собирании древностей, деятельность первого «истории описателя» — аббата Ивана Крушалы, составление плана «Генеральной Российской истории», подготовка «Гистории Свейской войны» и многие другие царские инициативы³⁸. В реализации ряда проектов Пётр принимал непосредственное участие, подготовив Морской регламент (1720) с обширным историческим предисловием («не токмо утрами, но вечерами, по дважды на день, оное делано в разные времена») и отведя субботнее утро для работы над «Гисторией Свейской войны»³⁹.

Он собственноручно изложил историю находки ботика «Святой Николай» в Измайлове, вошедшую в предисловие к Морскому регламенту⁴⁰. В нём подчёркивалось историческое значение находки, вызвавшей живой интерес Петра: «Кто бы тогда подумал, что охота сия государева к большому делу произойдет, а не в игрании толко юношеском останется. Но так собственно от протчих удивителен показался государь сей, что и юношеская его игранья вменися в дела важныя и в историях написовать достойны явились»⁴¹. В итоге ботик превратился в один из важных символов петровского царствования и уже в январе 1722 г. участвовал в московских торжествах по случаю годовщины заключения Ништадского мира⁴². 7 февраля 1722 г. мемориальную политику распространили и на остатки Потешной флотилии на Переяславском озере: император повелел «беречь остатки кораблей, яхт и галеры»⁴³. По сути, Пётр превращал Коломенский, Старо-Преображенский дворцы и Прешбург в такие же памятники своего царствования. Возможно, если бы к тому времени не перестрои-

³⁶ Бруин К., де Путешествие через Московию. М., 1873. С. 61.

³⁷ Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 гг. СПб., 1854. С. 23 (4-я паг.); Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 475.

³⁸ Строев В.Н., Варыпаев П.И. Участие Кабинета Петра Великого в составлении истории Петровского царствования // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. С. 130–172; Пешищ С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. Л., 1961; Майкова Т.С. Пётр I и «Гистория Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 103–132; Смирнова Е.И. Документы Петровского времени из архива Оружейной палаты о создании экспозиции в Мастерской и Оружейной палате Московского Кремля // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 96–99; Погосян Е.А. Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001; Майкова Т.С. История создания «Гистории Свейской войны» // История Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 15–45; Серов Д.О. Юрьевская степенная книга: рукописная традиция, история создания, автор, текстология // Юрьев И.Ю. Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских / Подгот. Д.О. Серов. М., 2013. С. 11–95.

³⁹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. С. 94, 115.

⁴⁰ Веселаго Ф.Ф. Сведения о ботике, дедушке русского флота, за 200 лет с 1688 по 1888 г. СПб., 1888. С. 3–13.

⁴¹ Предисловие к доброхотному читателю // Морской устав. СПб., 1720. С. 6.

⁴² Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 20.

⁴³ ПСЗ-I. Т. 6. № 5903. С. 510.

ли Измайловский дворец, то и его бы включили в программу восстановления дворцов XVII в. — слишком большую роль Измайлово сыграло в жизни Петра.

Нельзя не обратить внимания на связь мемориальной и династической политики, свидетельством чего стало включение восстановленных дворцов Коломенского и Преображенского в программу коронационных торжеств мая 1724 г. Возможно, эта связь существовала и ранее. В указе о восстановлении Коломенского дворца от 5 января 1719 г. говорится, что царь видел дворец «в бытность нашу на Москве». Последний раз перед этим он был в Москве с 21 декабря 1717 по 18 марта 1718 г. Именно в тот приезд Пётр решил осмотреть в Кремле «царские венцы и платья», причём сделал это 30 января, накануне приезда царевича Алексея Петровича. После изучения Мастерской и Казённой палаты царь повелел «на вышеписанные царские венцы, и платье, и на все вещи устроить шафы дубовые, и чтоб все вышеписанные царские венцы, и платье, и все вещи устроить в тех шафах явственно за стеклы. А которые царские венцы и иные вещи в той Казенной полате попортились, починить вновь»⁴⁴. 3 февраля в Ответной палате Московского Кремля царевич Алексей Петрович просил прощения у отца за свои «преступления», а затем в Кремлёвском Успенском соборе присягнул, что отказывается от наследования престола в пользу царевича Петра Петровича. Решение вопроса о престолонаследии, должно быть, не случайно совпало с музеефикацией собрания «царских венцов и платья» и посещением Коломенского. По крайней мере, в ключевой династический акт этого времени — царский манифест от 3 февраля 1718 г. — включены рассуждения мемориального содержания: о «наследнике государства», «славе и чести народа российского» и сохранении того, «что чрез помощь Божию отец получил»⁴⁵. Связь мемориальной и династической политики Петра I явно прослеживается в программе коронационных торжеств 1724 г., перед которыми восстановили дворцы не только в Коломенском и Преображенском, но и в Кремле⁴⁶. С конца XVII в. Кремлёвский государев двор не использовался и пришёл в крайне ветхое состояние⁴⁷. Масштабные восстановительные работы здесь начались в мае 1722 г. и завершились к маю 1724 г. Императрица переночевала в Кремле две ночи: до и после коронации⁴⁸.

Получается, что три дворца XVII в. — Кремлёвский, Коломенский и Старо-Преображенский — восстановили к коронации Екатерины Алексеевны 7 мая 1724 г. Пётр придавал этому событию чрезвычайно большое значение. Приняв титул императора, он не стал устраивать собственной императорской коронации, зато организовал коронацию Екатерины Алексеевны, заложив основные традиции этого церемониала. Именно Пётр определил, что императорская коронация должна проходить в Успенском соборе Московского Кремля, задействовал в церемониале Грановитую палату, Кремлёвский дворец, Ар-

⁴⁴ Смирнова Е. И. Документы Петровского времени... С. 96.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 5. № 3151. С. 536. В последующих династических актах Пётр больше апеллировал к историческим примерам, ссылаясь в Уставе о наследии престола 1722 г. на Степенную книгу, а в Указе о коронации Екатерины Алексеевны 1723 г. на византийскую историю.

⁴⁶ Восстановительные работы в московских дворцах начались задолго до образования коронационной комиссии (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739) и велись независимо от неё.

⁴⁷ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / Собр. и изд. И. Е. Забелин. Ч. 1. М., 1884. Стб. 250–252, 1283–1350.

⁴⁸ Описание коронации ея величества императрицы Екатерины Алексиевны. СПб., 1724. С. 5, 24; Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 58, 59.

хангельский собор и собор Вознесенского монастыря, включил в программу коронации посещение загородных резиденций⁴⁹. Традиционный характер церемониала демонстрировался с помощью не только указанной топографии, но и регалий: новая «корона цесарская» должна была выглядеть как «якобы старая, а не вновь сделанная»⁵⁰.

Согласно министру голштейн-готторпского герцога Г.Ф. Бассевичу, накануне коронации император сказал, «что назначенная на следующий день церемония гораздо важнее, нежели думают; что он коронует Екатерину для того, чтобы дать ей право на управление государством; что спасши империю, едва не сделавшуюся добычею турок на берегах Прута, она достойна царствовать в ней после его кончин; что она поддержит его учреждения и сделает монархию счастливой»⁵¹. Французский посланник Ж. де Кампредон понял смысл коронации точно так же, о чём сообщил в донесении от 26 мая 1724 г.: «Весьма и особенно замечательно то, что над царицей совершён был, против обыкновения, обряд помазания, так что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга»⁵².

Проживание императрицы Екатерины Алексеевны в трёх дворцах XVII в. — Кремлёвском, Коломенском и Старо-Преображенском — в контексте коронационных торжеств приобретает символическое значение: таким образом Пётр объявил её наследницей Московского царства и династии Романовых. Это символическое значение не нашло отражения в панегирических и драматических произведениях, приуроченных к коронации Екатерины Алексеевны. Архиепископ Феофан (Прокопович) в начале своей проповеди, произнесённой в Успенском соборе, прямо сказал, что «не кровь близкая, не естественный наследия жребий корону сию исходатайствовал». О преемственности он упомянул только в обращении к императорской семье: «Благословенна и ты, высокая фамилия монаршая! Ваш се свет, ваша радость, ваша слава свойственнейшая, яко крови толиких родителей, тако и славы их участницы есте»⁵³. Чуть больше внимания этой теме уделил архимандрит Софроний Лихуд — автор «Слова похвального на преславное венчание благочестивейших великих государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны»: «Время же в будущем сохранит народные нотации твоих превосходных дел, якоже всяк град и царство хранит своя истории, чтоб весь век сих не загладил. Что же более, аще присносущность (вечность. — А.Т.) дала, негли ведение древности, чтоб не возгорделася власть немощи, коея противу тебе, но да хранит тя и соблюдает на многа лета в сем благоцветном стоянии императорскаго величества благодатию Божиею, да узриши чада и чада чад к бла-

⁴⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002. С. 100–112; Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, 2007. P. 170–204; Курукин И.В. Екатерина I. М., 2016. С. 146–160; Аронова А.А. Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I — Екатерина II // Искусствознание. 2017. № 3. С. 172–190.

⁵⁰ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739, л. 2 об.—3. Подробнее см.: Быкова Ю.И. Придворный ювелир Самсон Ларионов и императорские короны первой половины XVIII в. // Государственный музей «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 27. М., 2016. С. 195–221.

⁵¹ Бассевич Г.Ф. Записки о России при Петре Великом. М., 1866. Стб. 159–160.

⁵² Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 52. СПб., 1886. С. 220.

⁵³ Феофан (Прокопович), архиеп. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. Ч. 2. СПб., 1761. С. 105, 110.

гополучнейшему преемству императорского вашего величества в веки веков, и по сих да восприимете и присносущность»⁵⁴.

На восстановленное материальное наследие Романовых не обратили внимания ни Феофан (Прокопович), ни Софроний Лихуд, ни Фёдор Журовский, автор пьесы «Слава российская», показанной царской семье в Московской госпитали 18 мая 1724 г.⁵⁵ Исключение составило «Описание коронации ея величества императрицы Екатерины Алексиевны», изданное Сенатом 5 сентября 1724 г. В нём подчёркивалось, что Кремль — «замок в середине города Москвы, в котором прежние императоры всероссийские, предки его, ныне счастливо владеющего его императорского величества, обыкновенную свою резиденцию имели», что «болше 20 лет их императорския величества во оных не резидовали» и что Пётр и Екатерина «в императорских покоях того замка начевать изволили»⁵⁶, хотя Пётр в Кремле, скорее всего, не ночевал⁵⁷. О посещении других дворцов в «Описании...» не говорилось.

Судя по всему, старые дворцы в 1724 г. играли исключительно символическую роль. Они не отвечали требованиям изменившегося придворного церемониала и не соответствовали новым эстетическим вкусам и представлениям о комфорте⁵⁸. Ещё в декабре 1723 г. Пётр распорядился построить на территории Головинской усадьбы светлицы, где планировал остановиться в следующем году⁵⁹. Там императорская чета в основном и жила во время коронационных торжеств⁶⁰. В том же 1724 г. император поручил вернувшимся из Италии П.М. Еропкину и Т.Н. Усову подготовить проект новой усадьбы рядом со Старо-Преображенским дворцом⁶¹. Увидеть реализацию этого проекта ему уже не довелось.

Восстановление Коломенского и Старо-Преображенского дворцов в 1720-х гг. следует рассматривать в контексте мемориальной и династической политики Петра I. Занимаясь конструированием мифа о Российской империи и своей роли в её преображении, Пётр восстановил в Москве серию памятников, обозначающих этапы его жизни и царствования: Кремлёвский дворец — Коломенский дворец — Старо-Преображенский дворец — Прешбург. Впервые он обратился к двум мемориальным образам (Кремль и Коломенское) в 1718 г., когда решался вопрос о наследнике престола. Восстановление всех четырёх архитектурных ансамблей приурочили к торжествам по случаю коронации Екатерины Алексеевны. И хотя императорская семья остановилась в 1724 г. в Головинском дворце, Екатерина Алексеевна по несколько дней жила в Кремлёвском, Коломенском и Старо-Преображенском дворцах. Так Пётр показал,

⁵⁴ *Софроний Лихуд, архим.* Слово похвальное на преславное венчание благочестивейшия великия государыни нашае императрицы Екатерины Алексиевны / [Сообщ. В.М. Ундольский] // Русский архив. 1863. № 10–11. Стб. 767.

⁵⁵ Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 256–283.

⁵⁶ Описание коронации ея величества... С. 1–2, 5.

⁵⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 44, 58, 59.

⁵⁸ Например, поездку в Коломенское 12–14 мая 1724 г. Пётр и Екатерина смогли совершить лишь с небольшим числом придворных, что вызвало подозрения у французского посланника (Сборник ИРЮ. Т. 52. С. 221, 232).

⁵⁹ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы... С. 39–42.

⁶⁰ Дневник камер-юнкера Берхгольца, 1721–1725. Ч. 4. С. 43, 59.

⁶¹ *Евангулова О.С.* Московская архитектура и её создатели, первая половина XVIII в. М., 2014. С. 102–108.

кто полноправный хозяин этих дворцов и кого он наделил правом наследовать Московское царство и стать главой Российской империи⁶².

Возведя Екатерину Алексеевну на императорский престол, Пётр преследовал ещё одну цель: он активизировал переговоры о заключении династических браков своих дочерей — присутствовавших на коронации цесаревен Анны и Елизаветы — с представителями европейских династий⁶³. После 1718 г. династический вопрос приобрёл особенную остроту, что заставило Петра I прибегнуть к символическому капиталу, унаследованному от предшествующих поколений династий Рюриковичей и Романовых, воплощённому не только в церемониале, монарших регалиях, некрополе Архангельского собора и собора Вознесенского монастыря, но и в архитектурных памятниках царских резиденций. Кремлёвский и подмосковные дворцы подкрепляли идею наследственной монархии, а потому были восстановлены и интегрированы Петром I в складывающийся церемониал императорской коронации. Двору и представителям других государств, присутствовавшим на коронации 1724 г., продемонстрировали преемственность от Московского царства к Российской империи, от Петра I к Екатерине Алексеевне и их дочерям — Анне и Елизавете.

⁶² Коронация Екатерины Алексеевны послужила важным аргументом, когда обсуждался вопрос о преемнике Петра I после его смерти (*Курукин И.В.* Эпоха «дворцовых бурь». Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 85–97).

⁶³ *Bushkovitch P.* Succession to the Throne in Early Modern Russia: the Transfer of Power, 1450–1725. Cambridge, 2021. P. 242–327.

Пётр Великий и западная культура

Пол Бушкович

Peter the Great and the Western culture

Paul Bushkovitch
(Yale University, New Heaven, USA)

DOI: 10.31857/S0869568722020066, EDN: FTQXJZ

Пётр Великий и его сподвижники сумели преобразовать Россию главным образом в двух сферах — государственной (включая военную) и культурной. В отличие от них, культурные изменения сохраняют своё значение как в российском, так и в общеевропейском контексте. Нужно сказать, что их исследовали в основном литературоведы, искусствоведы и книговеды, накопившие огромный запас ценных фактов и наблюдений¹. Однако вопрос, какое значение имела «оксидентализация» (термин Т. Сармана)² русской культуры в XVIII столетии, остаётся открытым. Была ли она действительно серьёзным делом или лишь поверхностным приукрашиванием? И ещё один существенный вопрос: из каких частей многообразной Европы шли заимствования?³

Сравнение преобразований, проводимых Петром I, с западными образцами уже долгое время является предметом исследований историков и размышлений публицистов. Ещё в 1902 г. М.М. Богословский указал на широкое использование шведского опыта и законов для подготовки петровских указов и регламентов⁴. Славист и историк права К. Петерсон обнаружил шведские источники русского законодательства начала XVIII в.⁵ В свою очередь шведские коллегии стали отчасти оригинальным творением, а отчасти заимствованием структур центрально-европейских учреждений. К тому же преобразование российского государственного управления оказалось не только практической деятельностью, но и культурным явлением. Сама терминология была иностранной — коллегия, регламент, ассессор.

Всё это хорошо известно, однако часто забывается, что образцы государственных нововведений находились именно в северных и центрально-европейских государствах — Швеции, Англии, Шотландии, Голландии, Германии, не на католическом Юге и не во Франции. В России самое большое число иностранцев составляли германские офицеры и чиновники, в результате чего, например, А.Д. Меншиков и сам Пётр научились говорить по-немецки⁶.

© 2022 г. П. Бушкович

¹ Редким исключением является работа историка Д. Кракффта: *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge; L., 2004.

² *Sarmant T. Pierre le Grand: La Russie et le monde*. P., 2020. P. 8.

³ А.И. Заозёрский отмечал, что в культуре Европы петровского времени было «большое разнообразие стилей и направлений» (*Заозёрский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев*. М., 1989. С. 190).

⁴ *Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.* М., 1902. С. 29–32.

⁵ *Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception*. Stockholm, 1979; *Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого*. СПб., 1997; *Cracraft J. The Petrine Revolution...* P. 144–192.

⁶ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698*. СПб., 2008. С. 167–168; *Бушкович П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725)*. СПб., 2008. С. 347.

К началу XVIII в. главенствующую роль в европейской культуре и науке играла Франция. Однако поначалу она Петра мало интересовала, и в этом он был вполне созвучен со своим временем. В описании Франции, составленном гр. А.А. Матвеевым в 1706 г., множество подробностей, но очевидно, что для русского дворянина (в данном случае очень образованного) эта страна оставалась почти сказочной⁷. Пётр побывал в Париже только в 1717 г.⁸, и великая столица, преобразованная Людовиком XIV, не очень ему импонировала. Царь писал молодому архитектору Ивану Коробову: «Во Франции я сам был, где никакого украшения в архитектуру нет, и не любят, только гладко и просто, и очень толсто строят»⁹. Тем не менее к концу петровской эпохи французская культура начала проникать в Петербург, оказывая всё большее влияние на садово-парковое искусство, морское дело и многие другие сферы.

Государственная польза и личные вкусы влекли Петра к Северной Европе. Это направление было совершенно новым в русской культуре. Царский двор и церковная элита с 1650-х гг. обращались к Польше, к Киевской академии и к учёным, получившим в ней образование. В Москве они стали заметными учителями, проповедниками, поэтами, авторами речей для русских придворных и духовных лиц. К традиционному церемониалу русского двора прибавили поэзию и новую барочную риторику¹⁰. Киевская культура означала ориентацию на католическую Европу, на Польшу, а через неё — на Италию¹¹. Украинско-польская литература и учёность нашли русских продолжателей, например — придворного поэта, иеромонаха Чудова монастыря Кариона (Истомина). Так называемые грекофилы также несли в Россию латинскую, в сущности католическую культуру. Братья Иоанникий и Софроний Лихуды, получившие образование в Падуе, преподавали, следуя примеру и учебникам иезуитских школ. В Славяно-греко-латинской академии они обучали студентов неоаристотелизму именно в его иезуитском варианте. Никакого «византизма» там не было¹². В результате в России возник совершенно новый тип учёности, безусловно западноевропейской по своей природе, но довольно односторонней, и к 1700 г. уже ставшей немного старомодной.

На этом фоне поворот Петра к Северной Европе стал чем-то радикальным и достаточно неожиданным. Его знаменитое путешествие с посещением Германии, Голландии, Англии и только потом Вены во многом предопределило будущее России. Царь стремился ознакомиться с технологиями кораблестроения, хотя в Амстердаме он также посещал культурные, в особенности естественнаучные, учреждения. В Германии он встречался с правителями, включая императора Священной Римской империи Леопольда I, но по пути посещал рудники и железные мануфактуры. Пётр знал о красоте Рима: в его библиотеке хранились книги и альбомы с гравюрами памятников античности и Ренессан-

⁷ Шаркова И.С. Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972.

⁸ Бушкович П. Пётр Великий... С. 353–354.

⁹ Пилявский В.И. Иван Кузьмич Коробов (материалы к изучению творчества) // Архитектурное наследство. Вып. 4. М.; Л., 1953. С. 60; Вагеманс Э. Царь в Республике. СПб., 2013. С. 76–77. О поездке Петра в Париж см.: Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2015.

¹⁰ Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Oxford, 1992. P. 128–175; Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

¹¹ Сазонова Л.И. Литературная культура... С. 118–124.

¹² Там же. С. 73–84; Chrissidis N.A. An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb, 2016.

са¹³, но его посещение Италии ограничилось Венецией. Сыграла свою роль и международная политика: Франция воевала с Австрией, союзником России, а папа Иннокентий XII был склонен поддерживать Париж.

Создание российского военно-морского флота требовало обучения кадров, и не только в Голландии. Корабли с успехом использовались при осаде Азова, но это были не линейные корабли атлантического типа, а традиционные для Средиземноморья галеры. Возможно, поэтому из 67 волонтеров, посланных в Западную Европу в 1697 г., 45 отправились в Венецию, а ещё 5 — в Берлин для изучения «свободных наук»¹⁴. Среди «венецианцев» оказались князья Б.И. Куракин, Д.М. и П.А. Голицыны, Ю.Ю. Трубецкой и П.А. Толстой. Проведённое в Италии время оставило заметный след не только в их жизни и карьере, но и в русской культуре¹⁵.

Несмотря на личные вкусы царя, новая ориентация на Западную и Северную Европу сложилась в России не сразу. Латинско-польское направление дольше всего держалось в Церкви, и в первые годы Пётр поддерживал его. Он назначил местоблюстителем патриаршего престола Стефана (Яворского), создателя «Камня веры» — произведения, написанного на основе сочинения св. Роберто Беллармино, иезуита и кардинала¹⁶. Пришедший на смену Стефану Феофан (Прокопович) был человеком совершенно другого склада ума и отошёл от киевской традиции в сторону протестантской Европы.

Поворот Петра к культуре североевропейских стран отчасти определялся его особым интересом к «математике», которая в то время включала в себя технические науки, навигацию, гидравлику, фортификацию, землемерие, астрономию и др. Расцвет математики в XVII в. совпал с перемещением центра развития естествознания из Италии в Северную Европу. В последние десятилетия XVII в. в Голландии (К. Хёйгенс), Англии (И. Ньютон) и Германии (Г. Лейбниц) произошли главнейшие открытия в технике и естественных науках. Их успех во многом опирался на новые учёные общества и академии, конкурировать с ними могла только Франция. Нужды флота заставляли Петра ехать в страны последних достижений науки и техники. Он пытался организовать обучение морскому делу с помощью шотландских и английских математиков. В «навигационных» школах главную роль играли британцы, хотя руководили ими А.А. Курбатов и Л.Ф. Магницкий¹⁷. Техника не могла развиваться без знания иностранных языков и элементарного знакомства с гуманитарными науками. Самый яркий пример — «Арифметика» Магницкого¹⁸, который во многом оста-

¹³ В библиотеке Петра хранились книги итальянского писателя Д.П. Беролли. Неизвестно, приобрёл он их до 1697 г. или позже (*Боброва Е.И.* Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978. С. 147; Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Авт.-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 221–222; *Sénéchal P.* Les guides de la Rome antique dans la bibliothèque de Pierre le Grand // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 51. 2010. № 1. P. 87–100).

¹⁴ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство... С. 176–177; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 9. СПб., 1868. С. 11–12.

¹⁵ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. СПб., 1858. С. 565–567; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство... С. 357–362; Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе: 1697–1699 / Сост. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1992.

¹⁶ *Морев И.* «Камень веры» митрополита Стефана Яворского. СПб., 1904.

¹⁷ *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигационная школа и позднемосковские книжники // *Российская история*. 2014. № 4. С. 80–101.

¹⁸ *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 69–108; *Брагоне М.-К.* Стихотворение в Арифметике Леонтия

вался человеком мира барокко и сторонником Стефана (Яворского), хотя, скорее всего, не был связан с киевской учёностью.

Несмотря на возрастающее влияние французского, главным языком всех наук в Европе оставался латинский. Основной труд Ньютона о солнечной системе и законе всемирного тяготения — «*Principia mathematica*» — был написан на латыни. Книги по истории или политике переводили на латинский, чтобы гарантировать им международную аудиторию. К примеру, С. фон Пуфендорф своё «Введение в историю Европы» издал на немецком языке в 1684 г., но почти сразу появился и латинский перевод¹⁹. В России изучение иностранных языков ещё не было систематическим, хотя и вводилось в некоторых школах.

Помимо естествознания, важнейшим научным импортом в петровское время являлись западные учения о государстве. Суть их составляла идея о появлении государства в результате потребностей человечества. Никто не отрицал божественное происхождение власти монархов, но оно больше не ставилось во главу угла. Основой государства объявлялся естественный закон, и каждое государство как таковое (не важно, республика или монархия) обладало суверенитетом. В течение XVIII в. западные политические учения всё больше распространялись среди русских дворян и образованной публики²⁰. Теоретики, которых Пётр приказал перевести на русский (Пуфендорф) а Феофан (Прокопович) цитировал (Г. Гроций), не агитировали за ту или иную форму правления, а анализировали саму природу государства. Т. Гоббс был малоизвестен и не цитировался. Г. Гурвич это понял ещё в 1916 г., хотя историки России целое столетие утверждали обратное²¹.

В последние годы своей жизни Пётр успел преобразовать ещё одну часть русского общества — царский двор. Для людей раннего Нового времени королевский двор являлся центром политической жизни, а государства той эпохи были не просто бюрократическими учреждениями, послушно исполнявшими волю государя. За расположение монарха шла постоянная борьба группировок придворных, которые, как в театре, выступали среди декораций и интермедий. Русский двор XVII в., конечно, резко отличался церемониями и всем своим обликом. При нём не было театра (если не считать кратковременного опыта последних лет царствования государя Алексея Михайловича), балов и других подобных развлечений. Пётр всё это постепенно, но основательно изменил. В первые годы Северной войны двор как таковой фактически перестал суще-

Магницкого // *History and Literature in Eighteenth-Century Russia* / Ed. by S. Bogatyrev, S. Dixon, Jm. Hartley. L., 2013. P. 1–28.

¹⁹ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. СПб., 1862. С. 437–439; Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гурвич. М.; Л., 1955. С. 246–247.

²⁰ Hamburg G. *Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801*. New Haven, 2016; Бугров К.Д., Киселёв М.А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016; Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. Очерки истории общественного сознания. М., 2017.

²¹ На влиянии Гоббса настаивал совершенно без доказательств и вопреки заключениям самого Гурвича его научный руководитель Ф.В. Тарановский. Неясно также, был Гоббс абсолютистом в смысле предпочтения одной единственной формы государства или превозносил всякое сильное государство (Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и её западноевропейские источники. Юрьев, 1915. С. VIII–IX, 109–110; Bushkovitch P. *Succession to the Throne in Early Modern Russia: the Transfer of Power, 1450–1725*. Cambridge, 2021. С. 307–308).

ствовать. С превращением Санкт-Петербурга в столицу царь восстановил двор, но с новой архитектурой, новыми церемониями, развлечениями и обычаями, заимствованными в Европе²².

Западная культура легко узнаваема в архитектуре первоначальных Зимнего и Летнего дворцов, утраченной деревянной Троицкой церкви на Петербургской стороне и первого собора св. Исаакия Далматского. Летний сад Пётр украсил итальянской скульптурой, портреты царской семьи писали художники-иностранцы, реже — русские, но обязательно работавшие по последней европейской моде²³. Развлечения, конечно, были разнообразными, начиная от собраний шутовской компании и ассамблей до фейерверков и более серьёзных фестивалей (дней рождения и т.п.), всё по примеру западных дворов. Вероятно, Пётр не особенно интересовался театральным искусством, так как первые драматический и музыкальный театры основала императрица Анна Иоанновна.

Заимствование и адаптация культуры и методов государственного управления разных стран Западной Европы продолжались в течение XVIII в. и не вызвали заметного отторжения дворянства. Неясно, однако, в какой степени оно разделяло петровское видение будущего России и значение западной науки. Тем не менее люди новой культуры появились ещё в первые годы царствования Петра. Яркий пример — гр. Ф.А. Головин, ещё в 1670-х гг. получивший образование европейского типа. Во время переговоров с Китаем в Нерчинске иезуит Т. Перейра, состоявший на службе китайского императора, доносил, что Головин понимал латынь и что учителем его был переводчик миссии Андрей (Ян) Белобоцкий²⁴. В 1704 г., на пике своего могущества при дворе, Головин послал Петру свою рукопись перевода Овидия²⁵. Гр. И.А. Мусин-Пушкин учился в Славяно-греко-латинской академии и играл заметную роль в церковных делах и в публикации иностранных книг²⁶. Гр. А.А. Матвеев в молодости переводил книги с польского и латинского языков, составил описание Франции на основе личных наблюдений. Магницкий также освоил латинскую культуру, только с математическим уклоном и знанием немецкого языка.

С течением времени ближайшее окружение Петра всё больше включало людей с европейским образованием, в том числе иностранцев (Я. Брюс, Г. Гюйссен, Г.В. де Геннинг, А.И. Остерман). Некоторые приближённые к царю (П.П. Шафиров, А.В. Макаров, П.И. Ягужинский) обладали писательским талантом²⁷. Во многом это было результатом образования, менявшего

²² Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008. С. 19–95; Тюхменёва Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. М., 2005; Погосян Е. Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

²³ Андросов С.О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб., 1999; Vasser L. *Europäischer Hofkünstler in St. Petersburg in der ersten Hälfte der 18. Jahrhunderts*. Berlin, 2015.

²⁴ Sebes J. *The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689): the Diary of Thomas Pereira*. Rome, 1961. P. 232–233. Белобоцкий также преподавал латинский язык гр. П.М. Апраксину (Горфункель А.Х. Андрей Белобоцкий — поэт и философ XVII — начала XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 18. Л., 1962. С. 191).

²⁵ Письма и бумаги Петра Великого. Т. III. СПб., 1893. С. 601.

²⁶ Рамазанова Д.Н. Ученики Иоанна и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской академии (1685–1694 гг.) // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. / Сост. Л.А. Тимошина. М., 2008. С. 362.

²⁷ П.П. Шафиров переводил с немецкого в Посольском приказе в 1690-х гг. (Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы

культурный профиль молодого поколения. К примеру, дипломаты, братья А.П., И.П. и Ф.П. Веселовские учились в немецкой школе в Москве; обер-прокурор Правительствующего сената Г.Г. Скорняков-Писарев и А.Г. Головкин — в Германии²⁸. В.Н. Татищев учился в Москве и попал в Германию только в 1713–1716 гг. для совершенствования своего образования, но уже зная иностранные языки²⁹.

Меншиков построил свой дворец в Петербурге по канонам западной архитектуры (Фонтана, Г.И. Шедель). В комнатах висели привезённые из-за рубежа картины и гобелены, в облицовке использовалась голландская фаянсовая плитка с библейскими сюжетами³⁰. Барочная церковь в усадьбе Г.Ф. Долгорукова в Подмоклово прекрасно иллюстрирует вкусы хозяина, обучавшегося в Венеции в 1697 г. и потом служившего посланником в Варшаве³¹.

Остаётся нерешённым вопрос о том, участвовали ли «противники» Петра в распространении новых веяний с Запада?³² Нужно сказать, что устоявшиеся термины историков — «противники» или сомневающиеся — не вполне подходят к группе придворных, составлявших партию царевича Алексея. Она стала заметной уже с 1707 г., но привлекла пристальное внимание Петра только после бегства его сына осенью 1716 г.³³ В XIX в. часто писали, что сам Алексей был сторонником старомосковской культуры, однако его образование, библиотека, связи и личные бумаги опровергают эту легенду. Царевич дружил с украинскими духовными лицами, внимательно читал и делал выписки из церковной истории иезуита Ч. Баронио, изданной Петром в русском переводе³⁴.

Возможно, что в некоторой степени недовольными были кн. Д.М. Голицын, Б.И. Куракин и фельдмаршал Б.П. Шереметев. Однако последний отличался приверженностью к киевской культуре (не старомосковской) и близостью к митрополиту Киевскому Иосифу (Кроковскому)³⁵. Библиотека кн. Голицына показывает, что он собирал переводы с латинского, польского и немецкого языков³⁶. Несмотря на годы, проведённые на губернаторской службе в Киеве, он не был учёным киевского типа. Записки кн. А.Б. Куракина на русском, польском и итальянском языках, составленные в Венеции, представляют род Куракиных как Гедиминовичей. Личный архив не оставляет сомнений в том, что Куракин испытывал обиду и ненависть к Меншикову³⁷, но в нём также нет и следа влияния Киевской академии. Культурный профиль сторонников

к словарю. М., 2021. С. 223–225) и написал «Рассуждение о Северной войне». Макаров составил «Гисторию Северной войны», Ягужинский — «Записку о состоянии России».

²⁸ Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 29–31, 36, 70–71, 215–232, 258–259.

²⁹ Василий Никитич Татищев. Записки. Письма, 1717–1750 гг. / Сост. А.И. Юхт. М., 1990. С. 7.

³⁰ Андреева Е.А. Плитки с библейскими сюжетами во дворце А.Д. Меншикова в Петербурге. Происхождение, источники, аналоги // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей. Вып. 8. СПб., 2018. С. 622–836.

³¹ Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 41; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство... С. 357.

³² Уже Заозёрский отмечал, что боярство не было консервативной силой (Заозёрский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 190).

³³ Бушкович П. Пётр Великий... С. 260–261, 345–389.

³⁴ Там же. С. 346–348.

³⁵ Заозёрский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 12–33.

³⁶ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 242–243.

³⁷ Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. СПб., 1890. С. 37–78, 101–287.

царевича Алексея противоречив, но никак не указывает на их приверженность к старомосковским традициям.

К концу петровского правления западная культура успела завоевать читательские, бытовые, художественные вкусы дворянской элиты и тех, кто сумел приблизиться к правящей верхушке. Как к этим переменам относились дворянство и народ — другой, гораздо более сложный вопрос. Так или иначе, но культура не является исключительной прерогативой салонов, кабинетов или музеев. Из неё произрастают идеи, которые имеют свои последствия.

Двадцать лет назад А.Б. Каменский сравнил Россию, преобразованную Петром, с Османской империей³⁸. На первый взгляд, сходств много: турки тоже перестроили флот на западный лад, заимствовали технологии, нанимали западноевропейских офицеров, обновили свой артиллерийский парк. Но, в отличие от русских, они не изучали латынь и европейские языки, закрытой для них осталась и западная гуманитарная культура. Каменский пришёл к выводу, что политика османов периода так называемых традиционных реформ, основанная на идеализации прошлого, не принесла пользы Турции, которая неуклонно шла к упадку. Для России единственным возможным путём была европеизация. С самим термином можно поспорить, ведь основы древнерусской цивилизации шли из Византии, а византийцы и греки — тоже европейцы, но заключение верно по своей сути.

XVIII в. — не только век Просвещения, европейских войн и подготовки к Французской революции, но и начало господства Запада над всем миром. В 1757 г. в битве при бенгальской деревне Плесси британская Ост-Индская компания положила начало завоеванию Индии. Именно британские торговцы, а не государство, установили контроль над родиной одной из старейших и главнейших мировых цивилизаций. Известные торговые капитуляции в течение XVIII в. утвердили решающую роль западных стран в экономических отношениях Османской империи. В XIX в. очередь дошла до Китая, попавшего в зависимость от западных держав после опиумных войн. Лишь Япония избежала этой участи благодаря тому, что освоила и внедрила западные технологии, гуманитарные и естественные науки, отправляла молодых людей учиться в европейские и американские университеты. Сами того не сознавая, японцы следовали примеру петровских реформ в развитии своей страны.

Россия в XVIII в. избежала судьбы большинства восточных стран во многом благодаря заимствованию и развитию военных технологий. Однако ещё большую роль сыграла способность принять и освоить западную культуру в целом, для того чтобы преобразовать государственное устройство, обычаи, быт, мышление элит и всего народа. Без этого невозможно было бы выжить в мире жестокого международного соперничества.

³⁸ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 148–164.

Странная реформа: реорганизация государственного управления в России в 1700–1710-х гг.

Дмитрий Редин

**Strange reform:
Reorganization of state administration in Russia in the 1700s–1710s**

Dmitry Redin

*(Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Yekaterinburg)*

DOI: 10.31857/S0869568722020078, EDN: FTYPFD

Как известно, Пётр I умел и любил писать. Исследование его письменного наследия позволяет судить о богатстве речевых оборотов монарха, метафоричности и образности созданных им текстов, их дидактической наполненности, широком использовании приёмов вторичных номинаций (пользуясь современным определением)¹. Всё это равно относится как к частной и личной переписке Петра, так и к текстам нормативных законодательных актов, которые царь, как правило, писал сам или тщательно редактировал. Сравнение его неофициальной корреспонденции и законодательства нередко демонстрирует их стилистическую близость. Письма Петра, например, к супруге или другим конфидентам, с одной стороны, и ряд официальных документов — с другой, зачастую показывают искреннее стремление объяснить с адресатом, доходчиво раскрыть свою мысль, своё состояние, настроение, намерения, растолковать их с помощью ясных формулировок и образности речи. В таких случаях через письменную подачу как будто прорывается устная, разговорная интонация, что придаёт даже формальному тексту особую доверительность и побуждает внимательнее отнестись к его содержанию, не воспринимая последнее в качестве «фигуры речи», дежурного пустословия, так или иначе присущего казённым обращениям к народу.

В указе, опубликованном 22 декабря 1718 г., царь, предпослав основному тексту обширную преамбулу, пустился в пространные и, в сущности, житейские рассуждения, которые должны были пояснить читателю (или слушателю) мотивы, побудившие издать указ. На фоне многих других указов, появившихся в это время, этот документ едва ли мог быть оценён позднейшими историками как «судьбоносный». Речь в нём шла о том, что челобитчикам не следовало подавать свои жалобы лично царю. Признавая, что каждому «своя обида есть горька и несносна», Пётр сетовал, что он просто не в состоянии рассматривать такой огромный поток прошений лично. «Возможно ль одному человеку за так многими усмотреть?» — восклицал государь. Ему же приходилось нести

© 2022 г. Д.А. Редин

¹ Помимо собственных наблюдений сошлюсь на специальное лингвистическое исследование: Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания). Алматы, 2002.

бремя разнообразных государственных забот, но «несмотря на такие свои несносные труды в сей тяжкой войне, в которой не только что войну вести, но все вновь людей во оной обучать, правы и уставы воинские делать принужден был... и сие... в такой доброй порядок привел, что какое ныне перед прежним войском стало и какой плод принесло, всем есть известно». Теперь же, «управля оное... и о земском справедливом правлении не изволил пренебречь, но трудится и сие в такой же добрый порядок привести, как и воинское дело (здесь и далее курсив мой. — Д.Р.)»². Первыми плодами этого доброго земского управления царь назвал создание коллегий, призвав подданных отправлять жалобы на рассмотрение в соответствующие учреждения.

Неизвестно, какое впечатление произвели на население эти проникновенные слова их государя и были ли они вообще услышаны. Утилитарность мышления редко побуждает обращать внимание на введения и преамбулы к государственным узаконениям: людям больше хочется понять, какими новыми неприятностями грозит им само нововведение, а не то, что мотивировало законодателя к его созданию. Но в приведённых цитатах содержится много интересного для историка, занятого исследованием петровских административных реформ. В них заложена информация, идущая от первого лица и раскрывающая собственное отношение преобразователя к тому, что и когда было сделано им на поприще государственного строительства.

О чём же способна поведать преамбула процитированного указа? Полагаю, в ней Пётр недвусмысленно, в нескольких фразах дал оценку своей деятельности предшествующих лет. Все эти годы главной его целью было ведение войны, для чего ему не только приходилось заниматься собственно военными делами, но и одновременно реформировать вооружённые силы, реализовывать сложнейший процесс их структурной организации, не сводившийся к переобучению войск, но вынуждавший проводить военное строительство во всей полноте этого понятия. Все связанные с этим заботы не оставляли времени и сил для чего-либо иного, но привели к весомым результатам, очевидным для всех. Занятый войной и военной реформой, царь не уделял внимания организации гражданского управления, и лишь теперь, на исходе 1710-х гг., удовлетворившись достигнутым на военном поприще, начал приводить в такой же «добрый порядок» «земское управление».

Принципиально значимым в этом деле Пётр считал учреждение коллегий. Монарх пояснял, в чём коллежская система будет более эффективной в сравнении с прежней, приказной. Главным положительным отличием должно было стать коллегиальное устройство управления: оно положит предел произволу «старых судей», принимавших решения единолично. Президенты коллегий станут решать вопросы с «соизволения товарищей своих», руководствуясь регламентами или уставами, которые вскоре будут приняты для пресечения «старых поползновений» и опубликованы «для ведения сего полезного дела народу». В указе подробно объяснялось, что в скором времени подданные получают «для полного удовольствия челобитчикам всем суда правового» судебные учреждения во всех городах. Эти суды и судьи отныне будут руководствоваться законами, которые не позволят «вершить дела неправдою» или «волочить их за срок». У подданных появится возможность подавать прошения вышестоящим судам: надворным («в знатных губерниях»), в Юстиц-коллегию и в Сенат.

² ПСЗ-I. Т. 5. № 3261.

Итак, на исходе 1718 г. Пётр сообщил о начале грандиозного переустройства системы государственного управления на новых принципах коллегиальности, разделения властей и развитой инстанционности судов, признавая, что *все предшествовавшие годы страна управлялась по-старому*, на приказной основе, неэффективно и неправосудно. Никаких административных реформ им не предпринималось: новую систему ещё предстояло создать, но процесс этот виделся монарху скорым (с горизонтом планирования в два года)³.

Историографическая традиция между тем иначе трактует историю государственного управления до 1718 г. С 1840–1850-х гг. (т.е. со времени начала научного изучения Петровского царствования) до сего дня в специальной литературе утвердилось представление о так называемом *первом периоде административных реформ*, нижним хронологическим рубежом которых принято считать 1708 г. — дату принятия указа «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов»⁴, как назвали его составители «Полного собрания законов Российской империи». Этот документ знаменовал начало первой областной, или губернской реформы, заложившей новые принципы административно-территориального деления и местного коронного управления России. Другой заметной вехой в процессе административных реформ 1700–1710-х гг. определяется создание в феврале 1711 г. Правительствующего Сената, обраставшего в последующие годы разнообразными подведомственными учреждениями, главным образом контрольного, надзорного и ревизионного характера. Наконец, ещё одним этапом первого периода преобразований называется ландратская реформа (1713–1715), усложнившая архитектуру местного звена управления. Верхний хронологический рубеж административных преобразований первого периода Петровского царствования в историографической традиции оказывается размытым между 1717 (указом об учреждении коллегий) и 1719/20 гг. — введением новой модели местного управления (вторая областная реформа).

Таким образом, разница в оценке характера системы управления самим Петром и историками очевидна и существенна. Монарх признавал, что до конца 1710-х гг. *управление осуществлялось на старых основаниях*; учёные, при всех различиях трактовок, видели в структуре и функционировании госаппарата 1700–1710-х гг. *признаки реформы*. Неудачной, спонтанной, лишённой концептуальной целостности, но реформы.

Что лежит в основе такого разногласия? «Трудности перевода», естественное непонимание людей, разделённых значительной временной дистанцией и бездной социокультурного несходства? Разными смыслами, вкладываемыми в одинаково звучащие слова? В разной культуре вербальных маркировок одних и тех же событий? За Петром — несомненное лучшее «знание материала», непосредственное участие в процессах и их организация. За учёными специалистами последующих веков, как минимум, — возможность взглянуть на эти процессы с дистанции исторического и профессионального опыта, возможность «увидеть за деревьями лес».

³ В именном указе об учреждении коллегий от 11 декабря 1717 г. повелевалось: «Начать надлежит всем президентам с нового года сочинять свои коллегии и ведомости брать, а в дела не вступаться до 1719 году, а с будущего году, конечно, зачать свои коллегии управлять; а понеже новым образом еще не управились, того ради 1719-го *управлять старым манером в тех коллегиях*» (ПСЗ-I. Т. 5. № 3129).

⁴ ПСЗ-I. Т. 4. № 2218.

Полагаю, что поиск ответов на эти вопросы уместно начать с выявления общих рамочных критериев, позволяющих отличить реформу от не-реформы. Этот подход может оказаться продуктивным при учёте двух обстоятельств. Во-первых, определяя состояние государственного администрирования интересующей нас эпохи как реформируемое или не-реформируемое, следует опираться не только на дискурсивные коннотации *понятий*, но и на семантическую основу *слов*. Во-вторых, постараться проанализировать и оценить действия властей в исследуемый период по возможности целостно, не дробя их, как в учебнике, на отдельные «реформы».

Начну с того, что сам Пётр не использовал слова «реформа» и производных от него в своём лексиконе. Я не проводил тотального контент-анализа всех петровских текстов, но в тех из них, которые удавалось держать в поле зрения, это слово не попадалось. И хотя этимологические словари указывают, что в русский язык слово вошло в XVIII в.⁵, в числе частоупотребимых оно не укоренилось и до конца столетия: в «Словаре Академии российской» 1794 г. оно отсутствует⁶.

Но отсутствие или незнание слова не обязательно означает отсутствие явления. Мольеровский Журден говорил прозой, хотя и не подозревал о том. В этом отношении мне близка мысль, высказанная А.Б. Каменским в ходе дискуссии 2011 г. на конференции, посвящённой исследованию феномена реформ в Европе в начале Нового времени: «Феномен реформ и понятие реформ — это разные вещи. Это не равнозначные категории»⁷. Как известно, понятие реформ пережило свою эволюцию, изначально родившись в церковном словоупотреблении и, переключиваясь в светский политический лексикон, долгое время продолжало подразумевать такое действие, которое вело к исправлению существующих недостатков, злоупотреблений, «нестроений» путём *возврата* к «неиспорченным» практикам, якобы существовавшим в прошлом; имевшего целью, по словам П.Ю. Уварова, «восстановить изначальную форму, осуществить “ре-форму”, вернуться к изначальному, поскольку лучше старого могло быть только ещё более старое»⁸. Представление о реформах как действии, обращённом в будущее, как о неких нововведениях, призванных улучшить существующее положение дел, укоренялось в умах политической и интеллектуальной элиты стран Европы в течение длительного времени. Французский историк Ф. Минар сообщает, что даже во Франции, стране, традиционно предстающей в историографическом нарративе как «образец» развития, отношение к реформам как процессу, устремлённому к лучшему будущему, сформировалось только к середине XVIII в., но и тогда, даже в среде «прогрессистов»-просветителей, такое понимание не вызывало всеобщей поддержки⁹.

⁵ Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3, испр. и доп. М., 1975. С. 388.

⁶ Словарь Академии российской. Ч. V. СПб., 1794.

⁷ Каменский А.Б. Реформы как историческое понятие и как феномен раннего Нового времени (из дискуссии) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 176.

⁸ Уваров П.Ю. Проекты преобразований во Франции в период правления Генриха II (1545–1559) // Феномен реформ... С. 36.

⁹ Минар Ф. «Реформа» во Франции и Англии в XVIII в.: значение слова и его судьба // Феномен реформ... С. 220–221.

Итак, отношение к реформе как к *полезной новизне* или нововведению — явление относительно позднее, порождённое принципиально новой, рациональной прогрессистской философией Нового времени, имевшее в странах Европы разное по времени и интенсивности распространение. В России, где традиционная политическая культура¹⁰ долгое время доминировала, а «новизны» во всех их проявлениях категорически отвергались Церковью и нехотя, лишь время от времени, признавались светской властью, о реформах в нововременном смысле, казалось бы, нельзя вести и речи. Тем не менее нет нужды доказывать, что к началу XVIII в. Российское государство подошло вовсе не в том состоянии тотального «варварства» и косности, которое ему приписывал западный стереотип. Вторая половина предшествовавшего столетия принесла ощутимый опыт модернизирования в строительстве вооружённых сил, в экономике и общественно-политической мысли, бытовой культуры и проч. Конечно, степень глубины и распространения этих перемен не может быть преувеличена, но то, что разнообразные новшества сказались на эволюции элитарной культуры и сформировали в столичной среде (а возможно, и в социальных верхах некоторых крупных городов, ориентированных на контакты с Западом) определённые группы людей, нашедших для себя смысл и пользу нововведений, не следует недооценивать. Пётр, с юных лет открытый новациям, при всей своей власти и неукротимом характере едва ли смог бы добиться каких-то заметных инновационных результатов в одиночку, в атмосфере всеобщего скрытого неприятия перемен и саботажа в среде социально-политической элиты. Собрав вокруг себя сторонников из старых русских «западников», новых выдвиженцев и иностранных специалистов, царь довольно рано начал апеллировать к понятию новизны как полезного изменения, призванного исправить прежние недостатки. Слово «новый» с коннотациями «полезный», «разумный» вошло в язык административных текстов с первых лет XVIII в. Уничтожение «древних обычаев» уже не рассматривалось властью как кощунственное посягательство на отеческие заветы, но провозглашалось введением «благу служащих перемен», как это, например, фиксировал апрельский манифест 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы исповедания»¹¹. Считаю важным повторить: это не означало тотального переворота в национальном сознании, но было знаковым изменением властного дискурса, формированием представлений о новациях — реформах как стремлении к улучшению в будущем. Такой дискурсивный поворот, произошедший в части элитарной среды, сплочённой вокруг монарха, стал доминирующим вектором развития страны, своеобразной развилкой, значение которой можно охарактеризовать словами А.Б. Каменского: «Когда... стремление к изменению как восстановлению прошлого трансфор-

¹⁰ В данном случае, вслед за В.В. Бочаровым, я понимаю традиционную политическую культуру в качестве «сложившейся естественным образом системы отношений по поводу власти и управления, регулируемой посредством традиции», но считаю возможным не согласиться с тем, что, присутствуя на всех стадиях развития общества, традиционная политическая культура со временем уходит в тень, «регулируя властно-управленческие отношения преимущественно на периферии социально-политического организма (в семье, социальных группах, субкультурах и т.д.)» (Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 5). Новейшие российские и зарубежные исследования в области истории неформальных отношений как одного из механизмов организации политической власти доказывают живучесть и влияние элементов традиционной политической культуры во властно-управленческих системах всех стран Европы Нового времени.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 4. № 1910.

мируется в стремление к новизне, тогда и происходит переход от Средневековья к Новому времени»¹².

Тем не менее *представления* о необходимости внедрения полезных нововведений, этот дух реформирования в его нововременном прочтении, по-разному и неравномерно трансформировались в *понятия* о реформах. Рискну заметить, что различия между представлениями и понятиями базируются на разных (хотя диалектически связанных) источниках их возникновения: на основе восприятия и на основе мышления. Если перевести это на язык конкретных примеров, то в ношении голландской одежды, бритье бород и курении трубки, с одной стороны, и во введении новых форм административного делопроизводства или учреждении академии — с другой, можно одинаково усматривать проявления реформ и долго спорить о равном или различном их влиянии на общий процесс преобразования России (примеры этого в изобилии даёт нам историография). Но если первые действия были спровоцированы *восприятием* (Пётр, исходя из личных предпочтений и опыта, считал, что так лучше, хотя, наверное, едва ли сам мог внятно объяснить, почему), то вторые являлись результатом *мышления*, спровоцированного пониманием практической пользы этих новаций. Вероятно, этим обуславливались как формы, так и иерархия приоритетов в реализации преобразований. В качестве инструментальных терминов, позволяющих нащупать грани этой «иерархии реформирования», я бы использовал понятия «экземплификации» и «таргетированного модернизма»¹³, понимая под первым подражательные заимствования, ощущаемые как полезные (без особых рефлексий по поводу объяснения этой полезности), а под вторым — осознанное, отрефлексированное установление чёткой грани между «прогрессивным/модерным» (а значит, лучшим, эффективным) и «отсталым» и приложение усилий для изживания или полной трансформации этого «отсталого»¹⁴. В данном случае основным критерием, разделяющим две дефиниции, является степень осознанности действия. Она влечёт за собой настойчивость в достижении цели, поиск наиболее эффективного способа её достижения, рациональную последовательность действий.

Если попытаться применить понятие «таргетированного модернизма» к ранним нововведениям Петра, то окажется очевидным: наиболее осознанным приоритетом его усилий являлись вооружённые силы. Для царя доставшаяся ему армия была отсталой, а современные армии ведущих европейских держав — прогрессивными, не потому что первая не нравилась, а вторые нравились, а потому что вторые доказали своё несомненное практическое преимущество. Отсюда преобразования (прежде всего в военной сфере) реализовывались именно как реформы. Трансформация отсталой армии в прогрессивную осознавалась, декларировалась как одна из важнейших задач и реализовывалась на практике в комплексе взаимосвязанных мер.

Одной из этих мер стали действия по корректировке системы управления под военные нужды. Война сама по себе — дело затратное. Масштабные и технологичные (в сравнении со Средневековьем) войны Нового времени обострили экономическую сторону военного конфликта; отныне победа достигалась не

¹² Каменский А.Б. Реформы как историческое понятие... С. 174.

¹³ Эти термины были сконструированы мною и моими коллегами К.Д. Бугровым и С.В. Соколовым в 2014–2015 гг.

¹⁴ Вопрос о том, насколько считающееся «прогрессивным» лучше «отсталого», — тема отдельного разговора.

столько оружием, сколько возможностью длительного ресурсного обеспечения войск. Перед Петром, практически потерявшим в начале Великой Северной войны сухопутные войска и артиллерию, стояла трудная задача: не просто победить одного из сильнейших в Европе противников, но в кратчайшие сроки восстановить и модернизировать армию, создав, кроме прочего, новые рода войск и виды вооружённых сил. Это требовало проведения беспрецедентной по масштабам и интенсивности ресурсной мобилизации и, соответственно, создания эффективного и простого административного механизма, способного её обеспечить. Что следовало сделать для создания такого механизма, ни Пётр, ни его советники не знали, но полностью отказываться от традиционных форм и принципов управления, похоже, не собирались. На длительные и глубокие размышления на этот счёт не оставалось времени, а банальная ликвидация прежних административных структур равнялась бы тотальной катастрофе; их надо было как-то *перенастроить*. Приходилось действовать по ситуации, с использованием прежнего опыта в условиях затяжной войны.

Наблюдения за действиями, предпринимаемыми Петром в русле приспособления административного аппарата под военные нужды, оставляют впечатление, что он и его сподвижники реализовывали цепочку ситуативно обусловленных мер, не представляя, к каким дальнейшим шагам подтолкнёт их предыдущий шаг. Сказанное касается и так называемой первой городской реформы (и созданной в её рамках Ратуши), и Семёновской приказной палаты — будущей Ингерманландской канцелярии, и института прибыльщиков. В этом ряду важные последствия имело создание Ингерманландской губ. в 1702 г. — первоначально очень скромной территории на отвоёванных у шведов землях Нотебургского лена (бывшего русского Ореховского уезда Водской пятины) в истоках Невы. Стремительно разросшаяся новая административно-территориальная единица, отданная под управление А.Д. Меншикова, уже к 1708 г. включала в себя Великий Новгород, Псков, Ладогу, Порхов, Гдов, Опочку, Изборск, Остров, Старую Руссу, Великие Луки, Торопец, Бежецкий Верх, Пустую Ржевю с Заволочьем, Устюжну Железопольскую, Олонец, Белозеро, Каргополь, Пошехонье, Володимерову Ржевю, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь и Торжок. Из бывших шведских владений в неё входили вся Ингерманландия от Ивангорода на западе до Шлиссельбурга на северо-востоке, Нарва с округой, Дерпт с уездом¹⁵, а её центром стал основанный в 1703 г. Санкт-Петербург, ещё не обретший статуса новой столицы.

Примечательно, что с самого начала эта единица не была включена в состав Новгородского уезда, к которому «тянула» издревле, а оказалась выделена в отдельный округ и обрела не свойственное русской традиции родовое наименование губернии («губернации», «губернемент»). Более того, она оказалась выведена из общерусской государственной структуры управления. Нормативно такая административная эксклюзивность была зафиксирована в инструкции Меншикова копорскому коменданту Н.Я. Римскому-Корсакову от 12 марта 1706 г. В ней подчёркивались исключительные права губернских властей над вверенной территорией: «А из других приказов и из городов никаких указов не слушать и оных не принимать»¹⁶. Но и до 1706 г. источники свидетельствуют об особом статусе этой губернии.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 4. № 2218.

¹⁶ Там же. № 2097.

Конечно, эксклюзивный статус Ингерманландской губ. был обусловлен совокупностью разных причин (символической значимостью отвоёванных территорий для Петра, их прифронтовым положением, необходимостью быстрой интеграции недавних шведских крепостей и городов в российское политическое пространство). Но главным, по крайней мере, в рамках рассматриваемой темы, стало то, что материальные ресурсы губернии были полностью *направлены на прямое снабжение войск* — частей Ингерманландского корпуса¹⁷, а позднее — и на выполнение ряда мероприятий, связанных с обеспечением военных нужд (в первую очередь, возведением и ремонтом крепостей, транспортировкой строительных материалов для флота, организации военного производства). Центральный приказный аппарат при этом как бы устранился из цепи передачи денег и натуральных припасов от тягловцев к армии. Собственно говоря, отмеченное выше быстрое расширение территории подведомственной губернии за счёт (в основном) приписки к ней богатых ресурсами великорусских уездов, часть из которых исторически никогда не была связана с первоначальным ядром региона, обуславливалось именно мобилизационными целями. Кстати, на другом фланге западных рубежей России, в Приазовье и на Дону, по такому же принципу — концентрации ресурсов для оперативного решения прорывных задач на том или ином направлении — и тоже за несколько лет до так называемой первой губернской реформы, создавались Азовское и Воронежское ведомства¹⁸. Подобный метод не являлся новацией; похожее можно усмотреть в развитии разрядной системы XVII в., на что обращали внимание ещё дореволюционные историки — Ф.М. Дмитриев и особенно П.Н. Милюков, вполне обосновавший преемственность прежних военно-административных округов-разрядов и ранних петровских губерний¹⁹.

Но именно Ингерманландская губ., в силу ряда обстоятельств сложившаяся в завершённый и устойчивый административно-территориальный организм²⁰, стала моделью, по аналогии с которой несколько лет спустя стали формироваться остальные губернии. Видимо, её практика по обеспечению военных потребностей показалась царю наиболее оправданной и достойной проецирования на Россию в целом. Несомненно, что идея прямого содержания армии населением не покидала Петра до конца его дней и легла в основу податной реформы 1719 г. В литературе распространено мнение, что она родилась под влиянием вездесущих шведских образцов. Не стану отрицать наличие «шведского следа», его можно заметить в том интересе, который монарх проявлял к практике обеспечения войск в Шведском королевстве, хотя и не только в нём, а и в немецких княжествах, в частности, в Бранденбурге-Пруссии²¹.

¹⁷ Данченко В.Г. Губернская реформа Петра на Северо-Западе России: Административное управление Санкт-Петербургской губернией. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 9.

¹⁸ Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д, 2009. С. 10–13.

¹⁹ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях // Дмитриев Ф.М. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1859. С. 436, 445–446; Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 251–255.

²⁰ Подробнее см.: Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. С. 139–160.

²¹ См., например, описание системы содержания рейтар в шведской Лифляндии в «Мемориале», подготовленном в 1717 г. по распоряжению А.Д. Меншикова кем-то из лифляндцев русской

Но то, что он начал практиковать в Ингерманландской губ., мало напоминало систему индельты. Динамика войны и здравый смысл подсказывали, в каком направлении надо действовать, лучше, чем зарубежные примеры. Управленческий аппарат Ингерманландской губ. строился на вполне традиционных для России принципах персонального поручения/ответственности и единоначалия. Губернатор назначался царём и был ему подотчётен; по сути, Меншикову отдали губернию «в приказ». Кадровые назначения внутри губернии производил Меншиков, лично сочиняя инструкции подчинённым. По содержанию эти инструкции практически не отличались от прежних воеводских наказов и в ряде своих пунктов прямо апеллировали к ним. Основной административно-территориальной единицей внутри губернии оставался уезд с той лишь разницей, что его руководитель здесь раньше, чем где-либо в России, стал именоваться комендантом. Но оттого, что едва ли не главным предназначением губернии было материальное удовлетворение военных нужд, её коменданты, в отличие от воевод, оказались гораздо больше нагружены обязанностями хозяйственных агентов государства и получили в подчинение целую сеть чиновников — комиссаров и провиантов (провиантмейстеров), которые, в отличие от комендантов, обладали исключительно *специализированной компетенцией* сборщиков денежных платежей и продовольственных поставок. Последнее стало новшеством (хотя, думается, лишь количественным) в административной практике России; исполняя свои обязанности, прежние городовые воеводы не располагали такой сетью, имея дело непосредственно с представителями местного самоуправления, ответственными за фискальную сферу (с различными выборными головами и целовальниками).

Разветвлённый фискальный аппарат потребовал особой должности управленца губернского ранга, который мог бы осуществлять общий и повседневный оперативный контроль над всем кругом хозяйственных дел, над обширным и подвижным штатом комиссаров, провиантмейстеров и над комендантами в той части их полномочий, которые касались обеспечения войск квартированием, фуражом, продовольственным и денежным снабжением, транспортным обеспечением и проч. Такой фигурой стал губернский ландрихтер, львиная доля обязанностей которого, вопреки названию должности, сводилась не к судебным, а именно к хозяйственным делам. В помощь ему учреждались ещё несколько общегубернских должностей: обер-комиссара, обер-провианта и особого комиссара, ответственного за приём, хранение и отпуск денежной и хлебной казны. Факт учреждения этого губернского аппарата и характер его полномочий зафиксировала инструкция от 17 января 1707 г. упоминавшемуся выше Н.Я. Римскому-Корсакову, первому ингерманландскому ландрихтеру²².

Опыт, накопленный в первые годы существования Ингерманландской губ., позже перенесли на всю страну. Учреждение в России губерний в 1708, а реально — в 1711 г. (когда, наконец, более или менее укомплектовался их штат), имело исключительно фискальный смысл. Именным указом, данным в Ближней канцелярии 14 января 1711 г., все полки действующей армии повелевалось распределить по губерниям для содержания за счёт губернских средств²³. Чуть

службы (РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 74, л. 323–326 об.); Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. Ч. I. СПб., 1897. С. 108.

²² ПСЗ-I. Т. 4. № 2135.

²³ ПСЗ-I. Т. 4. № 2313.

больше месяца спустя, 19 февраля того же года, губернаторы получили точные штаты кавалерийских и пехотных полков, закреплённых за губерниями²⁴.

Даже учреждение Сената в том же году имело мощную фискально-мобилизационную мотивировку²⁵. В именном указе от 2 марта 1711 г., впервые очертившем круг обязанностей этого нового высшего органа власти, из девяти (а по сути, десяти) пунктов только один не касался вопросов экономии средств, поиска источников казённых доходов и контроля за исполнением бюджетной дисциплины. Показательно, что и этот — первый — пункт, гласивший, что Сенат должен был «суд иметь нелицемерный, и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения», появился лишь во второй из трёх редакций указа²⁶. Мысль о правосудии как функции Сената пришла Петру в голову явно не в числе приоритетных. Ещё более характерным, на мой взгляд, стало то, что канцелярия Сената — структурное подразделение, на которое легла вся тяжесть текущей работы, — сформировалась как орган, курировавший губернские администрации. К ноябрю 1711 г. в результате интенсивной организационной работы в её структуре 7 из 11 столов непосредственно занимались делами местного управления (так называемые губернские столы), а ещё два, общегосударственного значения — Секретный и Разрядный, — были к этим делам причастны. На вопросах местного управления сосредоточивалась и большая (в количественном и квалификационном отношении) часть канцелярского аппарата²⁷. В июле—августе 1711 г. при Сенате появилось особое учреждение — Кригс-комиссариат, ведавший всем войсковым снабжением по финансовой, продовольственной, оружейной, мундирной, амуниционной, фуражной и транспортной частям²⁸. Между губернскими кассами, Кригс-комиссариатом как сенатским учреждением и полками была установлена связь в лице губернских комиссаров при Сенате и полках. Созданная таким образом административная машина стала работать исключительно на вооружённые силы. Фискальная функция системы управления страной затмила собой все остальные. Это убедительно доказал ещё П.Н. Милюков, это же доказывает весь корпус известных на сегодняшний день источников.

Показательно, что как в Ингерманландской губ. (с 1710 г. переименованной в Санкт-Петербургскую), так и во всех остальных номенклатура чинов местного управления действовала без какого-либо общего нормативно-законодательного регулирования. Единых должностных инструкций не было не только у комендантов и комиссаров, но даже у губернаторов и других старших чиновников. Определения на все должности осуществлялись на основании традиции, восходившей к практике воеводских назначений, только роль кадрового распределительного центра вместо упраздненного Разряда занял Сенат, утверждавший кандидатов на служебные вакансии с подачи губернаторов. Последние назначались лично царём. За всю историю петровской комендатуры (1704—1720) был издан только один общий законодательный акт, касавшийся

²⁴ Там же. № 2319.

²⁵ Что, несомненно, усугублялось подготовкой войны с Турцией.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 4. № 2330. Ср.: Письма и бумаги Петра Великого (далее — ПБПВ). Т. 11. Вып. 1. М., 1962. № 4288 (первая редакция), 4289 (вторая редакция). С. 100—102.

²⁷ РГАДА, ф. 248, кн. 4, л. 877—885; *Редин Д.А.* Сенат в системе местного коронного управления и формирование штата его канцелярии // Уральский исторический вестник. 2021. № 4(73). С. 173—182.

²⁸ ПСЗ-I. Т. 4. № 2412.

статусной характеристики комендантов — ключевого звена местного управления. Им стал именной, объявленный из Сената, указ от 2 февраля 1712 г., дававший губернаторам право самостоятельного назначения комендантов, и о судебном подчинении комендантов губернскому кригс-рехту (военному суду)²⁹. Набор управленческих должностей и учреждений в губерниях был разным и не отличался единообразием. Формы делопроизводства во многом оставались прежними, лишь увеличился их объём и изменились видовые названия. Гражданская администрация, сосредоточенная на обеспечении вооружённых сил, пропускавшая через себя огромные денежные, натуральные и людские потоки (рекрутов, даточных, мобилизованных работников), финансировалась по остаточному принципу. Только в 1715 г. верховная власть озаботилась сочинением единой тарифной сетки по оплате труда чинов местного аппарата. Это был режим ручного управления, основанный, как отмечалось выше, на традиционных началах. В нём не просматривалось никаких принципиальных новаций, кроме отмеченной выше развитой специализации в сфере фиска.

Некоторый намёк на реформу (как осознанное и прогрессивное улучшение) в области гражданского управления даёт в эти годы, пожалуй, только история с учреждением ландратуры (1713–1715). Во всяком случае, в ней прослеживаются: а) вполне понятный зарубежный прототип (остзейская ландратура); б) представление царя о полезности этого, не имевшего аналогов в России, института; в) стремление к качественной реорганизации структуры и принципов местного коронного управления с помощью адаптации ландратуры к российской системе управления (введение принципа коллегиальности, превращение ландратуры в высший коллективный орган управления губернией, широкое внедрение выборных механизмов при занятии ландратских должностей и поощрение через это общественной активности местного дворянства). Но, судя по всему, это было лишь первое свидетельство того, что у Петра стали вызревать идеи о необходимости проведения *собственно административных реформ*. Будучи очень поверхностно осведомлённым в сути остзейской ландратуры, несколько раз за три года поменяв нормативные параметры её функционирования в русских губерниях, царь как будто так и не уяснил для себя смысл учреждения этого института, быстро выродившийся в странный дополнительный орган фискального управления, скорее, ненужно усложнив конструкцию местного госаппарата и так и не оправдав возлагавшихся на него надежд.

В этой истории примечательно лишь время проведения ландратской реформы — середина 1710-х гг. Военная реформа — главное детище петровских забот — в целом реализовалась, убедительно продемонстрировав свою эффективность: с помощью вооружённых сил удалось сломить шведскую военную машину; русский корпус стоял в Мекленбурге; Северный союз был восстановлен, и даже поражение на Пруте не превратилось в катастрофу. Вероятно, всё это подвигало Петра к мысли о том, что наступает пора заняться «приведением в порядок земских дел». К этому подводил накопленный опыт преобразований армии и осмысление причин могущества ведущих западных держав, чья военная мощь и общее процветание основывались на развитой экономике и «регулярстве» (хорошо организованном управлении). Но до полного понимания новых задач оставалось ещё несколько лет.

²⁹ ПСЗ-I. Т. 4. № 2484.

Активное использование в административном лексиконе губернии иностранных наименований часто служит доказательством того, что уже в 1700-х гг. Пётр I приступил к административным реформам, призванным внедрить в русскую управленческую практику западные (в данном случае — балтийско-немецкие и шведские) принципы. Несомненно, что представления о самом факте существования комендантов, ландрихтеров, комиссаров, провиантмейстеров и какие-то сведения об их функционале царь получил во время войны в Прибалтике. Но не следует преувеличивать значение этого обстоятельства. Вплоть до второй областной реформы, а в первое десятилетие XVIII в. особенно, все иноземные заимствования сводились лишь к усвоению русским административным языковым обиходом новых названий. Иногда монарх даже не имел точного представления о служебном смысле того или иного термина, как это хорошо видно на примере ландрихтера, бывшего в остзейской практике исключительно судебским, но никак не хозяйственным чиновником³⁰. Ещё ярче это проявилось в истории с учреждением ландратуры в великорусских губерниях. В те годы мода на переименования носила характер игры, подражательства с элементами культурной мимикрии. Мотивы заимствования иностранных административных терминов русской практикой прекрасно раскрываются в одном из писем П.М. Апраксина Петру I 1707 г. Назначенный воеводой в Астрахань, Пётр Матвеевич просил царя, «дабы я не был писан чином воеводства, но чином генерала и губернатора, против других стран»³¹. Это желание быть «как в других странах» (европейских, разумеется), несомненно, руководило русскими «западниками» не только в случае с Петром Апраксиным.

Так что же произошло с системой государственного управления в России в 1700—1710-х гг.? Можно ли считать возникновение губернского аппарата со всеми инстанциями, связывавшими его с Сенатом и сенатскими учреждениями, реформой? Если понимать, вслед за современными толковыми словарями, под реформой некое преобразование, переустройство какой-либо стороны общественной жизни, какой-нибудь области государственного устройства, осуществляемое «сверху», т.е. самим государством, то ответ будет положительным. В таком случае и относительно недавнее переименование милиции в полицию — несомненно, реформа. Если же под реформой понимать оторефлексированное стремление достичь некоего нового качества состояния, то едва ли. И в этом случае следует признать, что Пётр, без сожалений расставшийся с функционировавшей в эти годы административной моделью (функционировавшей, кстати говоря, плохо, о чём следует говорить отдельно), нисколько не лукавил и был гораздо ближе к истине, чем последующие историки его царствования, декларируя в 1718 г. начало *не очередного этапа* административных преобразований, а создание принципиально новой системы.

Если подвести итог этому, в сущности, тезисному изложению, то можно затеять следующее.

1. До 1717—1718 гг. изменения в структуре коронного управления сводились к перенастройке госаппарата под потребности военного времени. Единственная цель, ради которой были предприняты изменения административно-территориального деления и управления страны, состояла в обеспечении в сжатые сроки масштабной ресурсной мобилизации, призванной дать сред-

³⁰ Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 385.

³¹ ПБПВ. Т. 5. СПб., 1907. № 1585. С. 89.

ства для ведения войны при одновременном реформировании вооружённых сил. Несмотря на усвоение заимствованной иностранной административной лексики по принципу экземплификации (подражательства) — процесса, выполнявшего роль своего рода политической мимикрии (достижения эффекта «узнаваемости» русской администрации населением завоёванных территорий и внешними контрагентами), *качественные характеристики* административной системы мало чем отличались от прежней. Губернское деление напоминало укрупненную систему округов-разрядов, а механизмы прямых и обратных связей внутри управленческой иерархии, сами принципы управления воспроизводили приказные схемы.

2. Новые административные институты и номенклатура возникали исключительно под воздействием текущих потребностей и не имели единой унифицированной нормативно-правовой базы. Исследование форм делопроизводства первого периода Петровского царствования показывает стихийный и эволюционный процесс их модернизации, существенное влияние традиций приказного документирования.

3. Интересы ресурсной мобилизации вызвали гипертрофированное развитие специализированных органов фиска. Это стало заметно в ходе функционирования первой губернии — Ингерманландской, — возникшей за несколько лет до всеобщего распространения губернской модели. В дальнейшем разнообразные финансовые комиссары и провиантмейстеры стали характерной приметой времени.

4. Хотя подобная перенастройка системы управления позволяла приобретать новый опыт административных практик (та же практика *специализации*), реформа вооружённых сил давала новые управленческие навыки, а сам Пётр в эти годы (особенно с 1712—1715 гг.) начал интересоваться опытом управления в зарубежных странах, период до 1717—1718 гг. едва ли справедливо рассматривать как самостоятельную реформу государственного управления (первый этап административных реформ). Представляется, что все перемены в этой сфере корректнее определять в качестве *составной части реформы вооружённых сил; административным сопровождением военной реформы.*

Полицмейстерская канцелярия в системе управления Санкт-Петербургом в 1718–1727 гг.

Марина Накишова

**The Police chancellery in the management system of Saint Petersburg
in 1718–1727**

Marina Nakishova

*(Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)*

DOI: 10.31857/S086956872202008X, EDN: FUALAU

25 мая 1718 г. указом Петра I в Санкт-Петербурге для «лучших порядков» была создана Полицмейстерская канцелярия, первым руководителем которой стал генерал-адъютант Антон Мануилович Девьер (1682–1745)¹. До того полицейские функции на территории города и Ингерманландской губ. выполнялись либо уже имевшимися органами власти, управлявшими определёнными территориями (Адмиралтейством, Губернской канцелярией и проч.), либо временными чрезвычайными командами². Новому государственному органу поручалось (с 1721 г. — совместно с Главным магистратом) «добрую полицию учредить» и всячески поддерживать, поскольку «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства»³. Царь рассчитывал с помощью этого института обеспечить как эффективность управления населением, так и благосостояние подданных⁴. Власть канцелярии с самого начала распространялась на всю территорию Санкт-Петербурга. Столь широкими полномочиями ранее пользовалась только учреждённая в 1703 г. Канцелярия городских дел (с 1723 г. — Канцелярия от строений)⁵, тогда как другие органы местной администрации действовали обособленно в более узких границах: под руководством генерал-губернатора кн. А.Д. Меншикова находилась лишь правая

© 2022 г. М.Т. Накишова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42022 «“Ментальное государство” Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.».

¹ ПСЗ-I. Т. 5. № 3203. С. 569–571; Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 372.

² Агеева О.Г. Чиновники-полицейские Петербурга 1711–1718 гг. До создания полиции // Петровское время в лицах — 2004. СПб., 2004. С. 3–7.

³ ПСЗ-I. Т. 6. № 3708. Регламент, или Устав Главного магистрата. Гл. 10. С. 297.

⁴ Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2(47). С. 331–333.

⁵ Обычно образование Городовой канцелярии относят к 1706 г. (Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 18; Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. С. 84). Однако Е.А. Андреева установила, что она была учреждена в 1703 г. для строительства и восстановления крепостей Ингерманландской губ. В 1706 г. лишь изменилась её основная задача, которая состояла теперь в руководстве каменным строительством Санкт-Петербурга (Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005. СПб., 2005. С. 22).

сторона Невы — Городовой остров, а затем Васильевский остров и прилегающие территории; левая же сторона реки с Адмиралтейским островом первоначально лежала вне городской черты и управлялась Адмиралтейством во главе с гр. Ф.М. Апраксиным⁶.

Как ни странно, функции генерал-полицмейстера и его подчинённых, пределы их компетенции в петровском Санкт-Петербурге и использовавшиеся ими методы до сих пор системно не анализировались. Поэтому ещё предстоит выяснить, ограничивались ли они исключительно надзором и каково было их значение для «регулярного» государства Петра I. В частности, при рассмотрении повседневной жизни Санкт-Петербурга и его обитателей, планов городской застройки⁷, мероприятий по заселению и благоустройству территории⁸, а также реакции на них общества⁹, функционирование Полицмейстерской канцелярии освещается фрагментарно, и это не позволяет аргументированно оценить степень эффективности её деятельности. В работах же историко-юридического характера, как правило, не учитываются особенности реализации законодательных положений на практике¹⁰ за исключением некоторых исследований, посвящённых созданию и эволюции полицмейстерской службы в XVIII в. или судебной функции полиции, которые не потеряли своей актуальности¹¹. При этом историки, писавшие непосредственно о деятельности Девиера, уделяли внимание скорее его личной

⁶ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — Град Святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб., 1999. С. 137–140.

⁷ Луппов С.П. Планы Петербурга первых лет существования города: по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук. Т. IV. М.; Л., 1959. С. 324–332; Кукушкина В.В. Топонимика Санкт-Петербурга XVIII в. по планам города (Из фондов отдела картографии Российской национальной библиотеки). СПб., 2001; Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование. СПб., 2003.

⁸ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб., 1884; Божерянов И.Н. С.-Петербург в Петрово время. СПб., 1903; Князьков С. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом. СПб., 1914; Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений — застройка и застройщики. М., 2013; Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л., 1955; Луппов С.П. История строительства Петербурга...; Анисимов Е.В. Юный град...

⁹ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...»; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

¹⁰ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903; Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1(73). С. 13–22; Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел. 2017. № 2(81). С. 161–171; Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер и законотворчество в сфере полицейского права: общее управление и надзор за градостроительством // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 28–30; Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер у истоков (и законотворчество в сфере) полицейского права в России: обеспечение безопасности, охрана порядка и борьба с преступностью // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 8–11.

¹¹ См., в частности: Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5–39; Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 307–308.

жизни (особенно якобы долгосрочной вражде с кн. А.Д. Меншиковым¹²), чем государственной службе¹³.

Вместе с тем для реконструкции усилий генерал-полицеймейстера по благоустройству Санкт-Петербурга учёные привлекают обширный круг источников, включающий именные указы Петра I (как опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, так и хранящиеся в архивах¹⁴), документы Сената, Санкт-Петербургской губернской канцелярии, Походной канцелярии гр. Апраксина, Канцелярии генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, Московской полицмейстерской канцелярии, Канцелярии городских дел, личного фонда кн. Меншикова¹⁵. Активно используются также мемуары, записки иностранцев, сборники анекдотов о Петре I и его современниках, планы и гравюры Санкт-Петербурга. Однако эти комплексы изучены крайне неравномерно. Более того, некоторые ценные публикации (например, письма Девьера к кн. Меншикову¹⁶) привлекаются лишь в немногих исследованиях. Явно недооценивается, как это ни удивительно, и значимость бумаг, отложившихся в фонде Кабинета Петра I (РГАДА, ф. 9), куда поступали письма, доношения, ведения, реестры и описи, посылавшиеся Девьером в 1718–1727 гг. Петру I, Екатерине и кабинет-секретарю А.В. Макарову. Как известно, генерал-полицеймейстер подчинялся не только Сенату, но и непосредственно царю¹⁷, и ему приходилось отчитываться перед монархом. Поскольку в отсутствие царской четы в Санкт-Петербурге он управлял двором царевен Анны и Елизаветы, то должен был вести переписку и с Екатериной. Кроме того, непосредственное участие Кабинета в благоустройстве Санкт-Петербурга делало неизбежными постоянные деловые контакты Девьера с Макаровым¹⁸. Именно это заставляет обратить особое внимание на данный комплекс документов.

Как утверждает О.Г. Агеева, в первое десятилетие XVIII в. Санкт-Петербург создавался с целью обеспечения русских экономических и военных интересов на Балтике. Но уже в 1710–1720-х гг. его репрезентативная роль стала домини-

¹² О деловых и личных отношениях А.Д. Меншикова и А.М. Девьера см.: *Накишова М.Т.* А.М. Девьер как первый генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга (историографический аспект) // *История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (8–9 октября 2019 г.)*. М., 2019. С. 34–40; *Накишова М.Т.* Письма генерал-полицеймейстера А.М. Девьера к князю А.Д. Меншикову 1718–1727 гг.: опыт содержательного анализа // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 11. 2020. Вып. 12(98). Ч. II.

¹³ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. М., 1836; *Шубинский С.Н.* Первый петербургский генерал-полицеймейстер // *Исторический вестник*. Т. 48. 1892. № 5. С. 427–448; *Дивьеры* // *Русский биографический словарь*. Т. 6. СПб., 1905. С. 370–376; *Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-en-Provence, 2013; Rougle W.* António Manuel de Vieira na Corte Russa no Século XVIII. Lisboa, 1983; *Девьер Антон Мануилович* // *Руководители Санкт-Петербурга*. СПб.; М., 2003. С. 164–166; *Бердников Л.И.* Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М., 2018.

¹⁴ РГАДА, ф. 1451; РГИА, ф. 1329.

¹⁵ РГАДА, ф. 26, 198, 248, 931; РГИА, ф. 467; РГА ВМФ, ф. 233; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2.

¹⁶ Письма и выписки из писем с.-петербургского генерал-полицеймейстера Девьера к князю А.Д. Меншикову. 1719–1727 // *Русский архив*. 1865. № 7–12. Стб. 1233–1276.

¹⁷ *Шубинский С.Н.* Указ.соч. С. 436; *Сизиков М.И.* Полицейская реформа Петра I. С. 49; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 145–146.

¹⁸ Единичные ответные письма и ордера Макарова сохранились среди именных указов Петра I: РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 23; РГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 22.

рующей, «град Петров должен был превратиться в символ новой, просвещённой в ходе реформ России, создать “славу” стране в Европе»¹⁹.

Создание по воле царя города-парадиза являлось делом не лёгким, не одномоментным и относилось к компетенции различных институтов как общегосударственного (Сенат, Кабинет), так и местного (генерал-губернатор, Губернская канцелярия, Канцелярия городских дел, канцелярия коменданта Санкт-Петербургской крепости, Главный магистрат²⁰ и др.) уровня. К 1718 г. Санкт-Петербург существовал на карте России уже 15 лет, и всё это время кто-то занимался его строительством и благоустройством. Поэтому задача генерал-полицмейстера и других должностных лиц его канцелярии состояла в том, чтобы встроить полицию в уже функционирующую систему управления городом, разделить сферы компетенции с действующими органами власти и выработать механизмы взаимодействия с ними. С.П. Луппов полагал, что после 1718 г. губернская канцелярия совершенно не занималась городскими делами, а «функции органа местного управления в Петербурге в значительной степени перешли к Полицмейстерской канцелярии»²¹. По мнению Агеевой, хотя благоустройство столицы принято связывать с деятельностью Канцелярии городских дел и Полицмейстерской канцелярии, «всё управление городом, его строительством и хозяйством осуществлялось под руководством петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А.Д. Меншикова»²². Вместе с тем, как считает большинство исследователей, возложенная на Полицмейстерскую канцелярию «регламентация вида и типа домов, застройки улиц, частей города была элементом тотального полицейского контроля над жизнью петербуржцев»²³. Полиция выступала скорее органом надзора, а не реального управления.

Ещё в середине 1710-х гг. Пётр I задумал возвести на Васильевском острове регулярный город²⁴. Было решено ликвидировать малочисленную застройку, разработать план идеального нового города (соответствующие проекты создавались в 1716–1717 гг. архитекторами Д. Трезини и Ж.Б. Леблонем) и принудительно переселить на его улицы представителей шляхетства и купечества²⁵. В 1719 г. вышел указ, определявший детали строительства (размер участка, тип дома, местонахождение в городе) и вводивший имущественный ценз, согласно которому на острове следовало разместить дворян, владевших не менее чем 40 дворами, и тех купцов, кто нёс 40 руб. тягла²⁶. Со временем, когда выяснилось, что данный ценз не соответствует реальным возможностям, положения указа изменили, принудив к строительству только тех дворян, у кого имелось более

¹⁹ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» С. 61.

²⁰ Для Санкт-Петербурга Главный магистрат играл роль городской ратуши.

²¹ Очерки истории Ленинграда. Т. I. С. 156.

²² Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» С. 135.

²³ Анисимов Е.В. Юный град... С. 345. См. также: Петров П.Н. История Санкт-Петербурга...; Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата...; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова...; Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2.

²⁴ Подробнее о застройке Васильевского острова см.: Агеева О.Г. История домов У. Сенявина и А. Волкова на Васильевском острове (до их передачи Сухопутному Шляхетному корпусу) // Петровское время в лицах — 2009 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 47). СПб., 2008. С. 5–17; Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I...

²⁵ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» С. 121–122.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 5. № 3305. С. 665.

100 дворов, а купцам и вовсе разрешив селиться «вольно»²⁷. Более того, на Васильевском острове приказывалось обустриваться и тем, кто имел дома на Адмиралтейской стороне и Городском острове. Не удивительно, что подобные требования вызвали противодействие, и даже те, кто располагал достаточными средствами, не спешили исполнять царскую волю.

Пётр поощрял каменное строительство, что объяснялось не только его желанием увидеть на Неве подобие Амстердама, но и соображениями противопожарной безопасности. При этом 9 октября 1714 г. он запретил возводить здания из камня где-либо, кроме новой столицы. Однако в городе, в котором даже мазанковые дома возводились без большого желания, «попытка заставить большую часть жителей Петербурга строить дорогостоящие каменные дома была обречена на провал»²⁸. В 1723 г. императору пришлось разрешить деревянные постройки на Васильевском острове и одновременно ограничить каменное строительство на Адмиралтейской и Московской сторонах зданиями по набережной Невы.

Учёт домовладельцев, включая тех, кому ещё только предстояло ими стать, и надзор за ними возлагался на Полицмейстерскую канцелярию. Правда, она не обладала достаточными ресурсами для принуждения тех, кто упорно игнорировал правительственные распоряжения, ссылаясь на разного рода «веские» причины. Тем не менее Девиер регулярно собирал сведения о строящихся объектах и их собственниках, составлял списки нарушителей и разрабатывал планы сооружения «штрафных» домов за счёт строптивых москвичей²⁹. В ответ на доношения генерал-полицмейстеру посылались указы, например, о строении на Васильевском острове по чертежу лавок для обывателей всякого звания, имеющих на площади дворы, о копании по чертежу каналов, прудов и приготовлении всего необходимого для предотвращения пожаров, и т.д.³⁰

Полицмейстерская канцелярия контролировала процесс застройки Адмиралтейской и Московской сторон, уделяя особое внимание принципу регулярности: «Також бы никакое строение за линию, или из линии строилось, но чтоб улицы и переулки были ровны и изрядны»³¹. Девиер сообщал в Кабинет о ломке построенных не по плану домов³², о количестве дворов на той или иной территории³³, о числе сооружений, конфискованных у «строившихся за указом»³⁴, о необходимости выделить участок для строительства³⁵, о переносе здания на другое место³⁶, об устройстве жилищ для бедных³⁷, а также о необходимых для отделки материалах³⁸. Нередко к Девиеру обращались за советом. Так, в июне 1721 г. Макаров просил его инструкций о том, с кем «пристойнее»

²⁷ Там же. № 3332. С. 680–681; № 3348. С. 691.

²⁸ Луннов С.П. История строительства Петербурга... С. 49–50.

²⁹ РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1206, л. 46–93 об.; ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 59, л. 1125–1130; д. 63, л. 1314–1314 об., 1329–1329 об.; д. 78, л. 1224–1225. Ответный ордер см.: РГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 22, л. 23а.

³⁰ РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 20, л. 2.

³¹ ПСЗ-I. Т. 5. № 3203. С. 570.

³² РГАДА, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 36, л. 22; д. 46, л. 31–39; оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1260–1270 об.

³³ Там же, оп. 3, отд. II, д. 40, л. 854–857; д. 46, л. 40–99.

³⁴ Там же, д. 40, л. 842–844; оп. 4, отд. II, д. 66, л. 881–882 об.

³⁵ Там же, оп. 4, отд. II, д. 63, л. 1328.

³⁶ Там же, оп. 3, отд. II, д. 46, л. 25–25 об.

³⁷ Там же, д. 40, л. 831 об.; оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1259–1259 об.

³⁸ Там же, оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1297–1298; д. 63, л. 1336–1337.

строиться тестю кабинет-секретаря — совместно ли с братом Макарова или с Синявиным. Отвечая, Девиер передал Алексею Васильевичу образец челобитной по данному делу³⁹.

Кроме того, полиция занималась также борьбой с пожарами⁴⁰, регулярно наносившими ущерб городу⁴¹. Согласно инструкции, полученной генерал-полицимейстером (п. 8), ему следовало проверять, чтобы «печи, комели и печные трубы были б по указу», и «по всякую четверть года у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и прочее, где огонь водится, и предостерегать, дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось»⁴². А в 1723 г. Девиер жаловался Макарову на купца Барсукова, который постоянно докучал ему, прося разрешить застройку на Петербургском острове между постоянным двором и старым дворцом, где, по словам Антона Мануиловича, «порозжаго места явилось тринацать сажень с половиною, и ежели они то построят, опасаясь я, от того пожарного случая чтоб тому дворцу вреда не учинилось, понеже к такому строению место имеетца тесно»⁴³.

В обязанности генерал-полицимейстера входила и организация из горожан специальных бригад для тушения пожаров, поскольку людей, из которых можно было бы сформировать квалифицированную пожарную службу, катастрофически не хватало. Для петербуржцев пожарная повинность являлась одной из самых тяжёлых, от неё не освобождалось даже духовенство. По инструкции 1716 г. каждые 100 дворов выставляли по 70 человек (30 — с топорами, 20 — с вёдрами, 10 — с двумя лестницами, 10 — с вилами и крюком) и по 5 караульчиков, которые вели наблюдение посменно. Ещё 30 человек дежурили при своих домах. Для усиления в команды включались военные. Со своей стороны, Девиер заботился об обеспечении их пожарными заливными трубами с рукавами⁴⁴.

Собственно городом обязанности Девиера не ограничивались. Так, он разведывал марциальные воды вблизи Санкт-Петербурга и в декабре 1721 г. сообщил императору о найденных им недавно источниках, которые «лучше по свидетельству дохторскому явились первых в Переведенской слободе против адмиралтейской гошпитали, а что от них будет ползы и противу Олонецких какову иметь будут силу, впредь Вашему величеству доносить буду»⁴⁵. В феврале 1722 г. царь получил от генерал-полицимейстера подтверждённый доктором реестр лиц, использовавших воды и вылечившихся с их помощью⁴⁶. Однако, поскольку «проба чинена как наискоряе, чтоб о том известием не умедлить, и тогда де вода была не очень свежа, ибо ненасные дни тогда были и оттеплев»⁴⁷, в конце года пришлось брать новые образцы и переделывать заключение⁴⁸.

³⁹ Там же, л. 1294 об.—1296 об.

⁴⁰ До создания Полицимейстерской канцелярии за противопожарной безопасностью следили специальные команды (*Лунтов С.П.* История строительства Петербурга... 145–149; *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» С. 139–140).

⁴¹ О пожарах в Санкт-Петербурге подробнее см.: *Лунтов С.П.* История строительства Петербурга... С. 145–149; *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова... С. 118–123; *Базарова Т.А.* Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. СПб., 2014. С. 133–156.

⁴² ПСЗ-I. Т. 5. № 3203. С. 570.

⁴³ РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 63, л. 1330–1330 об.

⁴⁴ *Лунтов С.П.* История строительства Петербурга... С. 147, 149.

⁴⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1304–1304 об.

⁴⁶ Там же, д. 59, л. 1050–1050 об.

⁴⁷ Там же, л. 1125 об., 1127.

⁴⁸ Там же, д. 63, л. 1314.

Организаторские способности Девиера проявлялись в мероприятиях по благоустройству каналов, берегов рек, мостов, дорог, рынков, Прядильного и Мытного дворов и т.д. Судя по материалам Кабинета, генерал-полицимейстер не только контролировал расположение и качество построек, но и участвовал в их проектировании, в поиске подрядчиков и необходимых средств. Во многом это было связано с прекращением в 1718 г. практики строительства по разнарядке, которую признали неэффективной и убыточной⁴⁹.

Бремя поиска подрядчика и контроля за его работой легло на генерал-полицимейстера при создании пруда, канала и моста в Новой Голландии⁵⁰. В 1718 г. Девиер отчитывался: «По указу Вашего величества подрядил делать в Новой Голландии пруд в отделку с уступком, как на чертеже показано, за 1700 рублей, кроме бревен и досток, и выливания воды, и о том Ваше величество как соизволит, и ежели позволено будет ныне делать, чтоб на оное строение приказали денги выдать, чтоб время не упустить. А подрядился оной пруд делать подрядчик, которой подрядился делать канал в Адмиралтействе». Предполагалось, что пруд «будет длины 48 сажень, а ширины 15, и того 720 сажень, а кругом сваи снаружи надлежит вынимать по полусажени земли для запуска и прибавления щитов. И того будет, кроме уступки, 783 сажени, а около пруда и уступки ему же выкладывать дерном»⁵¹. В 1719 г. в Новой Голландии провели канал. Пытаясь урегулировать расчёты с исполнявшим этот подряд С. Крюковым, Девиер передал в Кабинет подробную роспись расходов и предложил Макарову выдавать плату за работу частями, дабы «взяв деньги, не истратил подрядчик, недоделав своего дела»⁵². В следующем году генерал-полицимейстер занимался возведением на деньги Кабинета нового подъёмного моста через канал от Адмиралтейства к Новой Голландии⁵³.

При этом канал или какое-либо иное сооружение могли находиться под «смотрением» других учреждений, например, Канцелярии городских дел, а затем передаваться в ведение полиции, и наоборот⁵⁴. Это объяснялось тем, что каналы требовали регулярной чистки, а ведомство Девиера, судя по его подробным отчётам, поступавшим в Кабинет, умело справлялось с данной задачей⁵⁵.

⁴⁹ Этот порядок позволял бесперебойно обеспечивать столичные стройки рабочими, которых по разнарядке присылали из разных уездов страны. Крестьян, выбранных для исправления данной повинности, снабжали инструментами, одеждой, деньгами на дорогу и еду. В 1718 г. обер-комиссар Канцелярии городских дел кн. А.М. Черкасский констатировал неэффективность подобной организации труда, инициировав перевод строительства на подрядную основу. Желающих наняться по договору стало значительно больше. Подробнее см.: *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 95–105.

⁵⁰ Их устройство также увязывалось с соображениями противопожарной безопасности (*Лунов С.П.* История строительства Петербурга... С. 127).

⁵¹ РГАДА, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 36, л. 24.

⁵² Там же, д. 40, л. 830–830 об., 841.

⁵³ Там же, д. 46, л. 30; ф. 1451, оп. 1, д. 23.

⁵⁴ О конфликтах, возникавших на этой почве, подробнее см.: РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 379, л. 65–67 об., 77–77 об.; д. 557, л. 168 об.–169; *Накишова М.Т.* Деятельность петербургского коменданта Я.Х. Бахмеева: строительство постоянных дворов (1722–1725 гг.) // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (11–14 октября 2021 г.). М., 2021. С. 57–65; *Накишова М.Т.* Комендант Северной столицы Яков Хрисанфович Бахмеев: исполнение служебного долга в петровское время // *Quaestio Rossica*. 2022. № 1. С. 290–305.

⁵⁵ В целом надзор за чистотой водных объектов относился к компетенции Полицимейстерской канцелярии. По словам Анисимова, «“Парадиз” вонять не имел права» (*Анисимов Е.В.* Юный

Кроме благоустройства водных объектов, значение которых лишь усиливалось в связи с постоянной угрозой наводнений⁵⁶, генерал-полицмейстер следил за состоянием и освещением дорог и улиц. Образцовый масляный фонарь был изготовлен в 1720 г. и установлен около Зимнего дома Петра I. Затем подобные фонарные столбы появились возле государственных учреждений на Петербургском, Адмиралтейском и Васильевском островах⁵⁷. Для них требовались стёкла, которые, по мнению Девиера, могли сделать только на ямбургских заводах кн. Меншикова⁵⁸. Поэтому 9 сентября 1721 г. генерал-полицмейстер просил князя приказать в течение осени лить и полировать стекло для заготовки 595 фонарей и по возможности снизить цену для Полицмейстерской канцелярии⁵⁹. В 1723 г. Пётр I ввёл особый налог, который собирался на содержание в чистоте улиц и установку фонарей⁶⁰.

Большое внимание Девиер уделял строительству Мытного и Пряильного⁶¹ дворов и Морского рынка, а также созданию их инфраструктуры⁶². В 1719 г. он докладывал Макарову о намерении поручить постройку по составленному чертежу Мытного двора на Адмиралтейском острове на р. Мье голландцу Т. Фонармусу, поскольку «дешевле одного подрядчика никто не берет». В прилагавшейся к письму смете указывалась цена с необходимыми материалами и уточнялись детали: «а лавок будет внизу 116; а на верху толикое ж число будет покоев, где жить станут те, которые лавки будут нанимать, и, по моему мнению, можно положить на каждую лавку с верхним pokojом по 30 рублей, и того будет в год 3 480 рублей, а оной подрядчик просит 22 702»⁶³. В 1720 г. Девиер сообщил кабинет-секретарю об отделке лавок внутри Мытного двора⁶⁴. К февралю 1721 г. работа была закончена, и Двор перешёл в ведение Камер-коллегии, которой было необходимо вернуть в Кабинет потраченные на строение деньги⁶⁵.

Таким образом, согласно материалам Кабинета, в процессе городского строительства полиция выполняла по преимуществу контролирующие функции. При этом ведомство генерал-полицмейстера могло самостоятельно руководить мероприятиями по созданию объектов общественного пользования, будь то каналы, пруды, дворы или торговые помещения. Полицмейстерская канцелярия тесно взаимодействовала с другими органами власти и должностными лицами (Адмиралтейством, Губернской канцелярией, петербургским комендантом Я.Х. Бахмеотовым и т.д.). Наиболее плотно она контактировала с Канцелярией городских дел, также занимавшейся строительством и благоустройством города и распоряжавшейся средствами, собранными на эти цели с населения. Именно Канцелярия городских дел заключала договоры с архи-

град... С. 347). О чистке р. Мьи (Мойки) см.: РГАДА, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 46, л. 15; оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1271–1271 об., 1273–1273 об., 1279 об., 1295, 1301; д. 59, л. 1054.

⁵⁶ О наводнениях в Санкт-Петербурге см.: *Пекарский П.Н.* Петербургская старина // Современник. Т. 81. 1860. № 4. С. 318–319; *Каратыгин П.П.* Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб., 1889; *Беспярых Б.Н.* Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013.

⁵⁷ *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 346.

⁵⁸ РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 557, л. 100.

⁵⁹ Там же, л. 100–101.

⁶⁰ *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 346–347.

⁶¹ РГАДА, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 46, л. 13–13 об.

⁶² Там же, оп. 4, отд. II, д. 71, л. 971–972; д. 78, л. 1229–1229 об.

⁶³ Там же, оп. 3, отд. II, д. 40, л. 851–852 об.

⁶⁴ Там же, д. 46, л. 11–11 об.

⁶⁵ Там же, оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1303; д. 59, л. 1049–1049 об.

текторами, мастеровыми и работными людьми, обеспечивала их всем необходимым для составления и воплощения проектов, планов и смет. Руководившие ею в разное время обер-комиссары У.А. Синявин и кн. А.М. Черкасский нередко выступали инициаторами царских указов, касавшихся застройки Санкт-Петербурга⁶⁶. Полицмейстерская канцелярия преимущественно осуществляла надзор за качеством построек и их соответствием принципу регулярности. Не имея собственных материальных ресурсов и квалифицированных строителей, Девиер не вёл строительных работ своими силами, а заключал подряды или обращался за помощью в другие учреждения.

Рассматривая деятельность Полицмейстерской канцелярии, направленную на поддержание общественного порядка, исследователи зачастую находятся под заметным влиянием концепции полицейского государства (*Polizeistaat*)⁶⁷ и представлений о том, что Пётр I стремился создать в России такой политический режим, который регламентировал бы все сферы развития общества. Следить за реализацией царских указов и преследовать их нарушение должны были генерал-полицмейстер и его подчинённые. Полиции надлежало знать «о каждом человеке, находящемся в Петербурге: кто он, где проживает и на каком основании. Тот, о ком ей было неизвестно, оказывался подозрительным лицом и брался под караул»⁶⁸. Однако в условиях военного времени, продолжавшегося с переменным успехом вплоть до заключения Ништадтского мира в 1721 г., в быстро растущем и меняющемся городе даже элементарный учёт населения и распределение повинностей (особенно — постоянной) давались с трудом.

Наблюдая за строительством, Полицмейстерская канцелярия старалась наладить контроль не только за количеством, расположением и внешним видом домов, но и за численностью проживавших в них людей. Девиер посылал в Кабинет списки строений, находившихся в разных частях города, с фамилиями тех, кому они принадлежали⁶⁹. Пристальное внимание уделялось как представителям шляхетства и купечества, которым было предписано построиться в столице в ближайшее время⁷⁰, так и мастеровым и работным людям⁷¹. Все владельцы недвижимости в Санкт-Петербурге, согласно инструкции генерал-полицмейстеру 1718 г., были обязаны сообщать в полицию о любом человеке, приехавшем или уехавшем от них⁷². Подселяться в дома петербуржцев позволялось только по специальным разрешениям, а хозяину следовало оформить в Полицмейстерской канцелярии «жилую запись» с поручительством⁷³.

⁶⁶ Луппов С.П. История строительства Петербурга... С. 62.

⁶⁷ О концепции полицейского государства см.: Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Императорский период. Самара, 2000. С. 48–79; Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо... С. 328–340; Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М., 2016.

⁶⁸ Подробнее см.: Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства.

⁶⁹ РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 54, л. 1259–1271; д. 71, л. 969–970.

⁷⁰ Там же, д. 59, л. 1126, 1129; д. 63, л. 1329; д. 78, л. 1224.

⁷¹ Подробнее см.: Семёнова Л.Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.) (Труды ЛОИИ. Вып. 8). Л., 1967. С. 126–167.

⁷² ПСЗ-I. Т. 5. № 3203. С. 571.

⁷³ Семёнова Л.Н. Правительство и рабочий люд... С. 136–137; Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства.

В 1722–1723 гг. петербургский комендант Бахмеотов устроил специальные постоянные дома, сдававшиеся на откуп или в наём⁷⁴. Правда, они оказались не слишком востребованными, приезжие явно предпочитали останавливаться у обывателей⁷⁵.

В ведение генерал-полицмейстера перешла организация в столице постоя армейских и гвардейских частей, хотя первоначально в данной ему инструкции об этом не упоминалось⁷⁶. Девиер контролировал размещение солдат и офицеров по квартирам, принимал жалобы и просьбы об освобождении от постоянной повинности, разрешал возникавшие конфликты. Например, в 1720 г. он писал Макарову, просившему поставить «большого мужика Николая Буржуа» на постоя: «В доме Арескина поставить нельзя для того, что продан торговому иноземцу Элмсалю по его царского величества имянному указу, а в доме Ивана Михайловича стоят ея величества государыни царицы золотыри и портной мастер, и покоев порозжих нет, и для того и тут поставить не можно»⁷⁷. Вместе с Макаровым генерал-полицмейстер разбирал спор между гвардии капралом Г. Бесчастным и полковником Фолголмом. Их распределили на один двор иноземца Я. Брислинга, но Фолголм, получивший указ раньше, занял все покои и не пускал Бесчастного на квартиру⁷⁸.

Особое внимание в Полицмейстерской канцелярии обращали на иностранцев. Они были обязаны посетить её, въезжая в город или покидая его, чтобы предъявить или получить паспорт. Однако полицейский контроль за местонахождением иностранных подданных оставлял желать лучшего. Например, в марте 1724 г. Макаров просил Девиера без промедления направить в Москву армянина Л. Ильина. Поскольку тот в канцелярии не объявился, полицейским служащим пришлось учинить розыск. 4 апреля генерал-полицмейстер сообщил: «О отправлении Луки Арменина сим известую, что он сыскан и сказывал, что и откуда он об отъезде в Москву пашпорта не имел и не был одержан, но затем он здесь медлил в разных коллегиях для торговых своих нужд и хотел скоро ехать по указу, и мы ево на будущей недели толка отправим с половины; а прежде сказал, что нельзя, понеже справлетца с своим торгом». 13 апреля Ильина выслали на почтовых в Москву⁷⁹.

В 1722 г. в отсутствие царской четы в Санкт-Петербурге на Девиера возлагалось руководство двором царевен Анны и Елизаветы, вследствие чего он погрузился в повседневную жизнь царской семьи и посещавших её отечественных и иностранных государственных деятелей. Так, в июне–августе 1722 г. он докладывал о прибытии, времяпрепровождении и планах шведского посланника Г. Середкрейца, добивавшегося аудиенции у царевен⁸⁰. В письмах Девиера к Екатерине, перед которой он отчитывался как руководитель двора царевен,

⁷⁴ РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 379.

⁷⁵ Бахмеотов регулярно отправлял кн. Меншикову рапорты, в которых указывал число занятых помещений и сумму взятых за постоя денег. При этом он признавал, что желающих селиться в постоянных домах немного (*Накишова М. Т.* Деятельность петербургского коменданта Я. Х. Бахмеотова... С. 57–65).

⁷⁶ Указы об организации постоя см.: РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 24.

⁷⁷ Там же, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 46, л. 14.

⁷⁸ Там же, оп. 4, отд. II, д. 66, л. 861–861 об.

⁷⁹ Там же, л. 865–866, 869. По-видимому, речь шла про купца Луку Ильина, который сотрудничал с Коллегией иностранных дел и переводил для неё документы с армянского языка (Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II. Ч. II. Ереван, 1967. С. 30–31).

⁸⁰ РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 59, л. 1065–1065 об., 1068, 1072, 1073–1073 об., 1079, 1081 об.

нередко упоминалось об отъезде или возвращении из поездок кн. Меншикова, С.Л. Рагузинского, датского министра Вестфалена, императорского чрезвычайного министра гр. Кинского и др.⁸¹ Делился генерал-полицмейстер и сведениями о кораблях, прибывавших в город с различными товарами⁸².

Помимо учёта населения и наблюдения за пребыванием в столице отдельных лиц, Полицмейстерская канцелярия заботилась о поддержании общественного порядка, выявляя и отлавливая подозрительных или потенциально опасных людей — мелких преступников, нищих и «гулящих», воров, держателей нелегальных шинков, раскольников и т.п.⁸³ Полицейские служащие их задерживали, допрашивали и при необходимости наказывали (били кнутом и взымали штрафы)⁸⁴. С 1718 г. Девиер не раз писал об арестованных мелких преступниках кабинет-секретарю, который принимал в исполнении приговоров непосредственное участие, определяя мелких правонарушителей на работу на петербургских мануфактурах до покрытия назначенного полицией штрафа (отработанные средства возвращались при этом в Полицмейстерскую канцелярию)⁸⁵. Если же провинившийся занимал какую-либо должность либо находился в подчинении того или иного ведомства, его могли, наложив соответствующее наказание, отослать для дальнейшего разбирательства к месту службы⁸⁶.

Для облегчения действий полиции в городе устанавливались «шлахбаумы» (рогатки), возле которых находились подчинявшиеся Канцелярии специальные команды из местных жителей и военных. Правда, особым рвением они не отличались⁸⁷. В результате, «в начале 1720-х годов на улицах города выставлялся 171 караул, на которые выходило по очереди 342 человека караульщиков», тогда как требовались 1200 сторожей. Недостаток восполняли военные⁸⁸. Для обеспечения безопасности в ночное время действовал комендантский час. Горожанам, которым всё-таки разрешалось выйти на улицу (например, повивальным бабкам и т.п.), предписывалось в случае поздней прогулки брать с собой фонари⁸⁹.

Изначально полиции поручалось только отлавливать нарушителей городского порядка. При создании Полицмейстерской канцелярии она не рассматривалась Петром I как орган правосудия и, соответственно, не имела судебных функций⁹⁰. В 1721 г. в резолюции на докладе Сената к её компетенции были отнесены дела об убийствах, кражах, грабежах и разбоях, участники ко-

⁸¹ Там же, л. 1061, 1065, 1075, 1078.

⁸² Контроль за торговыми рядами, чистотой на рынках, качеством товаров, соблюдением норм мер и весов также входил в сферу компетенции Полицмейстерской канцелярии (Там же, л. 1056 об., 1064, 1077, 1083).

⁸³ ПСЗ-I. Т. 5. № 3203. С. 571.

⁸⁴ РГАДА, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 40, л. 821–822 об., 825–825 об.; д. 46, л. 5–6, 23.

⁸⁵ Там же, д. 36, л. 23–23 об.

⁸⁶ Например, подобным образом Девиер поступил с крестьянином кн. Прозоровского, отданном учиться на каменщика и подчинявшимся Канцелярии городовых дел (РГИА, ф. 467, оп. 4, д. 53).

⁸⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1206, л. 342–373; ф. 198, оп. 1, д. 557, л. 358–384; РГИА, ф. 467, оп. 4, д. 52, л. 1–3. См. также: Семёнова Л.Н. Правительство и рабочий люд... С. 134–135.

⁸⁸ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» С. 147.

⁸⁹ Анисимов Е.В. Юный град... С. 348–349.

⁹⁰ В Инструкции генерал-полицмейстеру (п. 7) говорилось: «Когда на рынках или улицах случаются какие драки, и таких людей иметь и отсылать к их надлежащему суду с их допросами и делом» (ПСЗ-I. Т. 5. № 3203. С. 570). Подробнее см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I... С. 307–308.

торых задерживались на месте преступления⁹¹. Иногда Полицмейстерская канцелярия включалась и в более важные судебные-следственные разбирательства. Так, в 1722 г. полицейским служащим доверили проведение конфискации дворов и пожитков арестованного обер-фискала А.Я. Нестерова, при описи писем которого была обнаружена отписка «о великой важности и протчих делах»⁹². На всякий случай Девиер удержал её у себя, отправив Петру I и в Прокурорскую канцелярию лишь копии. В декабре того же года генерал-полицмейстер уведомлял Екатерину о пойманном за непристойные речи конюхе Тяпкине, который в ходе следствия «во всем дерзновенном своем речении винулся»⁹³.

К компетенции Девиера относилась также организация ассамблей. Характерно, что сам указ об их проведении был оглашён генерал-полицмейстером, поскольку он обладал исключительным правом объявлять царские распоряжения, касавшиеся Санкт-Петербурга. По мнению П. Кинана, подобное поручение вносило в эти формально неофициальные собрания элемент надзора: «Каждый дом, где предполагалось устроить ассамблею, тщательно проверялся полицией заранее, чтобы установить, отвечает ли он соответствующим требованиям, и, как не раз случалось на собраниях в обществе в петровские времена, участников “приглашали” остаться подольше вооружённые гвардейцы»⁹⁴. Впрочем, в письмах Девиера встречаются лишь отдельные упоминания относительно этих мероприятий⁹⁵. Судя же по дневнику голштинского камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, перед началом ассамблей генерал-полицмейстер лично проверял помещения на предмет их готовности и вместимости, а затем вёл учёт собравшихся. Так, 29 января 1718 г. Девиер заранее прибыл в дом герцога Голштинского, где намечалось проведение ассамблеи, и «привёл с собою 5 писарей, которые должны были записывать всякого, кто приедет, и расставил их в разных местах, где они каждого приезжавшего спрашивали, как его фамилия». Во время же самой ассамблеи, «так как император через полицейского майора (*Policeymajor*) приказал дамам остаться ещё с час после императрицы, то они очень охотно принялись снова за танцы, которые и продолжались, таким образом, до двенадцатого часа»⁹⁶. Других сведений о задержании участников ассамблей пока обнаружить не удалось.

Таким образом, как показывают материалы Кабинета, деятельность созданной в 1718 г. Полицмейстерской канцелярии условно распадалась на два основных направления. К первому из них относились мероприятия по строительству и благоустройству общественного пространства Санкт-Петербурга, ко второму — обеспечение безопасности населения и поддержание порядка. Несмотря на то что служащие Полицмейстерской канцелярии вели перепись домов и их жителей, следили за нормами строительства и межевания земель, устанавливали постоянную повинность, регулировали въезд и выезд, боролись с преступностью, тотальный контроль над жизнью строящейся столицы, состав и численность населения которой постоянно менялись, на практике едва ли был реализуем. Для этого петровская полиция в принципе не имела человече-

⁹¹ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 631–633.

⁹² РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 59, л. 1123–1123 об.

⁹³ Там же, л. 1120–1122, 1133.

⁹⁴ Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М., 2020. С. 51.

⁹⁵ РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 66, л. 872–872 об.

⁹⁶ Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / Публ. К.А. Залеского, В.Е. Климанова, И.В. Курукина. М., 2018. С. 496–497.

ских и материальных ресурсов⁹⁷. Более того, функции генерал-полицмейстера и его подчинённых отнюдь не ограничивались надзором. Они активно участвовали в решении административных задач. В разное время Полицмейстерская канцелярия руководила строительными проектами и мероприятиями по благоустройству городской территории, занималась озеленением города, контролем за торговлей и ввозимыми товарами, регулированием мер, цен и весов и т.д.⁹⁸ Довольно быстро полиция получила и судебные полномочия.

Полицмейстерская канцелярия органично вписывалась в сложившуюся систему управления Санкт-Петербургом и в какой-то степени облегчала нагрузку, ложившуюся ранее на другие учреждения (Адмиралтейство, Канцелярию городских дел, Губернскую канцелярию и др.). В целом её деятельность не только обеспечивала реализацию петровской идеи города-парадиза и позволяла государственным структурам контролировать население, но и улучшала условия повседневной жизни горожан, защищая их от наводнений, ветров, пожаров, противодействуя преступникам и мошенникам. Насколько это удавалось на деле и в какой мере подобным стремлениям соответствовали используемые методы, во многом зависело от конкретных обстоятельств и возможностей, имевшихся в той или иной ситуации.

⁹⁷ С.-Петербургская столичная полиция...; *Сизиков М.И.* Становление центрального и личного аппарата...; *Сизиков М.И.* Полицейская реформа Петра I. С. 88–96; *Кошелева О.Е.* Полиция есть душа гражданства.

⁹⁸ РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 20, 23, 24; ф. 198, оп. 1, д. 557; РГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 22, 23; Письма и выписки из писем... Стб. 1233–1276.

Обвалился ли курс рубля после денежной реформы Петра I?

Артём Ефимов

Did the ruble collapse after Peter I's monetary reform?

Artem Efimov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020091, EDN: FUARGG

В историографии не раз отмечалось, что одним из результатов петровской денежной реформы 1698–1704 гг. стало резкое падение курса рубля. Это убеждение во многом основано на свидетельствах иностранцев. Так, секретарь австрийского посольства О. Плейер в одном из донесений в 1704 г. утверждал, что в России рейхсталер, стоивший ранее 50–60 коп., подорожал до 120 коп., и это парализовало вексельный обмен и внешнюю торговлю¹. Английский посол Ч. Уитворт в начале 1707 г. писал, что если прежде рубль равнялся 10 шиллингам, то теперь за 110 коп. дают крону (5 шиллингов)², т.е. в 2,2 раза меньше³.

Английский капитан Дж. Перри указывал, что в 1701 г. «риксдолар... ходивший во времена старых денег [по] 55 копеек... сделался рублём и получил ценность 100 копеек». Но это относилось не к обменному курсу, а к серебряному содержанию рубля. Курс же, по словам Перри, «упал на 30% или 40%»⁴, и рубль стал стоить ~80–90 коп.

Талер («риксдолар» у Перри, или «ефимок» по-русски) в петровскую эпоху являлся важнейшей международной торговой монетой. Собственно, это была не валюта, а денежный стандарт, по которому чеканили свои деньги многие государства, в том числе Нидерланды, Испания, Швеция, немецкие княжества и города. Львиная доля русской внешней торговли велась в талерах. В них же, как правило, заключали контракты с иностранными наёмниками. Поэтому логично анализировать курс рубля именно относительно этого стандарта.

Отправная точка: три курса рубля во второй половине XVII в. Крупнейшим покупателем талеров в России была казна: западноевропейские монеты служили сырьём для производства русских денег, поскольку собственными серебряными рудниками страна не располагала (поэтому и процесс изготовле-

© 2022 г. А. В. Ефимов

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1858. С. 630.

² Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. № 101 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 361–362 (см. оригинальный текст, так как перевод не вполне корректен).

³ Если верить экстракту Монетной канторы 1729 г., то до 1698 г., когда началось падение курса рубля, «чужестранные товары против нынешнего чуть не вполы покупались» (Документы для истории монетного дела царствования императрицы Анны Иоанновны. № 17 / Изд. вел. кн. Георгий Михайлович. СПб., 1901. С. 21).

⁴ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 2. С. 160–161 (4-я паг.). Первое издание книги вышло в 1716 г.

ния рублей назывался «денежным переделом»). При этом сосуществовали как минимум три курса талера. *Указный* устанавливался законодательно. По нему казна платила рублями жалование иностранцам, взимала у иностранных купцов торговые пошлины и плату за казённые экспортные товары. Он же использовался в казённой меняльной конторе, где европейские коммерсанты должны были обменивать свои талеры, чтобы официально торговать на порубежных ярмарках, например Архангельской и др.

Если же московское правительство хотело купить талеров сверх того, что получало от принудительного обмена, то возникал второй курс — *рыночный*, определявшийся договорённостью продавца и покупателя. С 1649 г. закупка талеров составляла казённую монополию⁵. Впрочем, её часто нарушали, и частные лица оказывались обладателями значительных запасов талеров. Кроме того, талеры наряду с русскими и польскими деньгами продолжали свободно ходить на территории Гетманщины, где монополия не действовала.

Наконец, третий — *паритетный* — курс определялся по серебряному содержанию. Согласно ст. 73 Новоторгового устава 1667 г., полновесным («добрым») считался талер весом «по 14 в фунте»⁶, т.е. ~29,3 г (409,536 г ÷ 14). Фактическая весовая норма копейки (единственной русской ходячей монеты) в то время составляла ~0,46 г⁷. Таким образом, по паритету серебряного содержания «добрый ефимок» должен был стоить ~63,7 коп. (29,3 г ÷ 0,46 г). В 1655 г. были ненадолго выпущены в обращение «ефимки с признаком» (талеры, надчеканенные копеечным штемпелем) по 64 коп.⁸ Кстати, именно эту сумму Г.К. Котошихин называл «полной ценой» ефимка⁹. В идеале рыночный курс совпадал с паритетным, но на практике риски и издержки обеих сторон сделки вносили свои коррективы.

Согласно ст. 50 того же Новоторгового устава, указный курс полновесного талера составлял 50 коп.¹⁰ Значит, ~29,3 г талерного серебра приравнивались к 23 г (0,46×50) копеечного. Таким образом, указный курс рубля (2 талера) был завышен относительно паритетного (~1,56 талера) на ~27%. По сути, это являлось дополнительным налогом на торговлю иностранцев в России и имело принципиальное фискальное значение, поскольку обеспечивало прибыльность денежного передела.

Официально это завышение обосновывалось высокой пробой серебра, из которого чеканились копейки. В первой половине XVII в. талеры при переделе плавил на костяных углях. Это устраняло почти все примеси. Угар (потери в весе лигатурного серебра при плавке, резке и проч.) в высокопробных талерах составлял 6–8%, а в низкопробных достигал 20–25%). В результате копеечное

⁵ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. № 55. С. 189–190.

⁶ Новоторговый устав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4 / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 128. Образцом служили «любские ефимки» — ганзейские [любские] талеры XVI в. При этом в обращении находились в основном более новые, сравнительно легковесные талеры из северогерманских городов, а также из Нидерландов — их принимали «с довесом».

⁷ Формально — чуть больше, «по 3 алтына в золотнике», т.е. ~ 0,474 г (РГАДА, ф. 16, д. 31, л. 46). См.: Янин В.Л. К истории денежной реформы Алексея Михайловича // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 17. Л., 1985. С. 157; Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 209.

⁸ Мельникова А.С. Указ. соч. С. 200–201.

⁹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 111.

¹⁰ Новоторговый устав. С. 126.

серебро оказывалось чище талерного. Ещё в 1635 г. посольство кн. А.М. Львова-Ярославского, отправленное в Речь Посполитую для закрепления мирного договора после Смоленской войны, отвергало идею уравнивания польских и русских денег, поскольку, «хотя [копейки] и дробны (т.е. мелки. — А.Е.), зато сделаны из чистого серебра»¹¹. Это составляло предмет гордости Московского государства. Но уже в середине XVII в. русские денежные дворы отказались от плавок «на костях», и копеечное серебро стало не таким уж чистым¹². А по мнению А.С. Мельниковой, проба копейки сравнялась с талерной даже раньше — около 1626 г.¹³

Тем не менее русские чиновники продолжали настаивать на чистоте копеечного серебра вплоть до самого конца XVII в. Веря им, тот же Перри писал, что копейки до петровской денежной реформы «были чистого серебра и имели полный вес, соответствующий лучшим деньгам в других странах»¹⁴. В экстракте Монетной конторы в 1727 г. утверждалось, что копейки чеканили «ис сплавленного серебра с костей» до 1698 г.¹⁵

В 1681 г. серебряное содержание копейки снизилось до 0,4 г¹⁶. По-видимому, именно после этого указный курс талера повысился до 55 коп., достигнув базового уровня, от которого отсчитывали обесценивание рубля в начале XVIII в. Перри, Уитворт, Плейер и др. Серебряное содержание талеров в среднем также снижалось: многочисленные государства, выпускавшие их, экономили серебро, стандарт подвергался эрозии, а старые монеты теряли в весе из-за износа. Фактически норма талера к концу XVII в. составляла 28 г, позднее она была принята в ходе петровской реформы и для рубля. Тем самым паритетный курс талера составлял 70 коп. ($28 \div 0,4$). Следовательно, завышение указного курса рубля (1,81 талера) относительно паритетного (~1,43 талера) осталось прежним: ~27%.

При этом и старая весовая норма талера (~29,3 г), и даже старый указный курс (50 коп.) продолжали то и дело «всплывать» (например, в ст. 4 наказа архангельским таможенным головам 1699 г.¹⁷). Более того, курс талера в 50 коп. оказался закреплён Бирженским договором 1701 г. между Петром I и Августом II.

В конце XVII в. при подготовке денежной реформы подьячий Приказа Большой казны Б. Иванов докладывал, что «прежних лет деньги деланы весом крупны, а пробую высоки, из самого чистого серебра, пробую по 96 золотни-

¹¹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 9 // Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. 5. М., 1990. С. 172.

¹² Спасский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 117–118.

¹³ Мельникова А.С. Указ. соч. С. 198.

¹⁴ Перри Дж. Указ. соч. С. 160.

¹⁵ РГАДА, ф. 16, д. 31, л. 46.

¹⁶ Согласно экстракту Монетной конторы 1727 г., «по 3 алтына по 3 денги из золотника», т.е. по ~0,406 г. Это была одна из многих перемен в русской фискальной системе 1678–1681 гг., наряду с отменой таможенных и кабацких откупов, введением стрелецкой подати и переходом к подворному обложению. Подробнее см.: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 27–30; Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 61–66; Голубцов И.А. К истории податной реформы 1679–1681 гг.: приговоры 1679 г. о подворном обложении стрелецким хлебом // Исторический архив. 1959. № 5. С. 155–167; Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 341–346; Бушкович П. Пётр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 85–128.

¹⁷ ПСЗ-I. Т. 3. № 1687. С. 617.

ков»¹⁸. По словам Иванова, вплоть до 1698 г. иноземцы скупали на Архангельской ярмарке высокопробные копейки, давая «на рубль наддачи по 5 копеек» (т.е., видимо, с премией 5% к паритетному курсу), вывозили их за море и переплавляли в талеры «пробой по 82 золотника», выгадывая по 14 золотников с каждого фунта. При подобных параметрах валютной спекуляции курс рубля достигал 1,5 талера (1,43+5%), а цена талера составляла ~67 коп. Привезя в Архангельск, к примеру, 100 талеров, спекулянт обращал их в 67 руб., что составляло 2680 г (67×40 г) чистого копеечного серебра. Его спекулянт вывозил, скорее всего, в Амстердам — мировой центр валютных операций и торговли драгоценными металлами. Чтобы привести серебро к талерной пробе 82 золотника, к нему примешивали по 14 золотников меди на фунт, т.е. разбавляли на 14,6%. Из полученного сплава выходило ~109 талеров (по 28 г), т.е. прибыль составляла 9% за вычетом транспортных и производственных расходов¹⁹. В действительности же она была ещё меньше, поскольку копеечное серебро не являлось химически чистым.

Сообщение Иванова о 5% премии при покупке русских денег для вывоза в Западную Европу указывает на цену, по которой талер ходил на Архангельской ярмарке помимо казны, т.е. на его рыночный курс. Итак, к 1698 г., когда началась реформа, паритетный курс талера составлял 70 коп., указанный — 55, а рыночный — 67 коп. Как же изменилось их соотношение в дальнейшем?

Денежная реформа 1698–1704 гг. и закупки талеров в 1700-е гг. Меры, предпринятые в 1698–1704 гг., включали понижение серебряного содержания рубля, введение медных денег и сложной системы номиналов, техническое совершенствование денежного производства²⁰. П.Н. Милуков считал, что эти действия преследовали сугубо фискальную цель — увеличить денежную эмиссию для финансирования растущих военных расходов²¹. По мнению же А.И. Юхта, царь-преобразователь руководствовался более широкими экономическими и политическими соображениями и хотел создать новую, более гибкую и удобную денежную систему, лучше соответствовавшую международному престижу России и её положению в мировой торговле²².

В сущности, реформа представляла собой порчу денег: новые монеты были на 30% легче старых, но имели тот же номинал — разница, за некоторыми вычетами, составляла прибыль казны. На пике она достигала в 1702 г. почти 1,3 млн руб., покрывая около половины военных расходов.

В 1698 г. началась чеканка копеек весовой нормой 0,28 г. Судя по данным на 1702 г., мастерам при плавке серебра было «велено в сплавку класть по полтретья пуда [меди]»²³. Тем самым разбавление серебра, по-видимому, с целью компенсировать угар стало частью технологического процесса передела. В 1704 г. появилась рублёвая монета весом 28 г. Сперва это были переобжатые талеры: иностранные монеты плющили, чтобы стереть прежнее изображение,

¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 103, л. 1–1 об. Золотниковая проба — количество золотников чистого серебра в фунте сплава. В фунте 96 золотников. Соответственно, 96-я проба — это химически чистое серебро.

¹⁹ Перри писал, что вскоре по приезде в Россию в 1698 г. он «получил два или три процента прибыли» от обмена «небольшой суммы, посланной... в Англию» (*Перри Дж. Указ. соч. С. 160*).

²⁰ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 9–36.

²¹ Милуков П.Н. Указ. соч. С. 148–153.

²² Юхт А.И. Указ. соч. С. 12–16.

²³ РГАДА, ф. 160, 1702 г., д. 20, л. 3.

а затем чеканили поверх новое²⁴. Поскольку рубль и талер теперь имели одинаковые вес и пробу, паритетный курс стал 1:1. Вместе с тем в Москве не могли больше утверждать, что копеечное серебро чище талерного, и официальное обоснование завышения указного курса рубля исчезло.

Большая часть талеров, ввезённых в Россию, оказывалась в конечном итоге на денежных дворах. В отчётных приходо-расходных книгах Приказа Большой казны и Монетного двора Приказа воинских морских дел, сданных в Ближнюю канцелярию²⁵, сохранились ведомости денежного передела 1701–1710 гг. В них иногда указывался курс, по которому выкупались талеры (в 1702 г. — 58 коп.²⁶, 1703 г. — 70²⁷, 1706 г. — 80²⁸, 1707 г. — 84 коп.²⁹).

Таблица

Закупки талеров в казну (1701–1708)

Год	Приобретено талеров		Стоимость (руб.)	Курс (коп.)	Содержание сделки	с/в курс (коп.)
	количество	вес (кг)				
1701	[190 500]	5 334	115 066,00	[60]	Цена 2 487 бочек поташа, проданных Большой казной (РГАДА, ф. 396, д. 1, л. 15 об.)	[57,2]
	[323 129]	9 047,6	179 962,72	[56]	Талеры куплены Большой казной через подрядчиков (Там же, л. 18)	
	[72 479]	2 029,4	40 388,00	[56]	Цена поташа и смольчуга, проданных Большой казной (Там же)	
1702	132 144	[3 700]	85 893,48	[65]	Цена 2 083 бочек поташа, проданных Большой казной иноземцу Карлусу Гутфелю (Там же, д. 35, л. 133 об.)	[57,9]
	[306 964]	8 595	171 051,20	[56]	Талеры куплены Большой казной через подрядчиков (Там же, л. 138)	
	[100 021]	2 800,6	55 734,36	[56]	Цена поташа, проданного Большой казной (Там же, л. 138 об.)	
	[5 754]	161,1	3 229,95	[56]	Талеры скуплены Монетным двором в Смоленске (Там же, д. 37, л. 97)	
	[19 189]	537,3	10 623,83	56	Талеры куплены Монетным двором у иноземцев Христофора Бранта, Ивана Любса и Даниила Шхарботура (Там же, л. 99)	

²⁴ [Шлаттер И.А., Нартов А.А.] Историческое описание, до монетного дела принадлежащее // Горный журнал. 1832. Ч. 3. Кн. 8. С. 239.

²⁵ РГАДА, ф. 16, д. 554, ч. 2; ф. 19, д. 2, 128; ф. 396, оп. 3, д. 1, 18, 35, 37, 60, 66, 86, 96, 105, 111, 123, 128, 139, 144, 157, 163.

²⁶ Там же, ф. 396, оп. 3, д. 35, л. 131.

²⁷ Там же, д. 60, л. 108 об.

²⁸ Там же, д. 128, л. 115 об.

²⁹ Там же, д. 144, л. 114.

1703	13 746	385	9 621,85	70	Цена икры и карлучного клея, проданных Приказом Большого двorca (Там же, д. 60, л. 108 об.)	[67,1]
	101 749	2 803,3	67 196,33	[66]	Талеры куплены Приказом воинских морских дел «для посольских посылок» (Там же, д. 66, л. 149 об.—150)	
	25 000	[700]	17 500,00	[70]	Талеры куплены Монетным двором у кадашевца Андрея Турки (частью в долг, который погашен в 1705 г.) (Там же, д. 111, л. 301 об.)	
1704	[32 761]	917,3	18 816,00	[57]	Цена смольчуга, проданного Большой казной (Там же, д. 86, л. 91)	[58,5]
	[117 064]	3 277,8	65 238,18	[56]	Цена поташа, проданного Большой казной (Там же)	
	[18 311]	512,7	10 203,80	[56]	Талеры куплены Большой казной через подрядчиков (Там же)	
	[14 971]	419,2	11 712,54	[78]	«Ефимки дворцовые покупные», поступившие в денежный передел (Там же, д. 86, л. 92 об.)	
	15 152	[424,3]	10 000,00	[66]	Талеры скуплены подрядчиком Монетного двора Афанасием Прокудиным на Украине (Там же, д. 96, л. 236)	
1705	20 000	[560]	12 000,00	[60]	Погашение долга казны перед иноземцем Андреем Стельсом и его братом (Там же, д. 105, л. 96)	[62,9]
	[7 950]	222,6	5 584,25	[70]	Талеры куплены Монетным двором (Там же, д. 111, л. 261 об.)	
1706	1 500	[42]	1 200,00	80	Талеры куплены Монетным двором (Там же, д. 128, л. 115 об.)	[62,4]
	6 001	175,3	[3 480,58]	58	Цена юфти, пеньки и сала, проданных Монетным двором Карлусу Гутфелю и маркизу Кармартену (Там же, л. 68)	
1707	[9 236]	258,6	8 059,34	[87]	Талеры куплены Монетным двором на медные деньги (Там же, д. 144, л. 118)	[86]
	4 500	126,7	4 050,00	90	Талеры куплены Монетным двором на медные деньги (Там же, л. 120)	
	[22 439]	628,3	18 988,96	[85]	Талеры куплены Монетным двором через подрядчиков (Там же, л. 120 об.)	
1708	52 307	1 535	47 076,33	90	Талеры куплены Монетным двором на медные деньги (Там же, д. 163, л. 97 об.)	[89,2]
	3 000	—	2 100,00	[70]	Вексель, принятый Монетным двором в уплату ефимочной пошлины (Там же, л. 98 об.)	
	22 222	647,1	20 000,00	90	Талеры скуплены Монетным двором «розных чинов у людей» на медные деньги (Там же, л. 101)	

Составлено по: РГАДА, ф. 396, д. 1, 35, 37, 60, 66, 86, 96, 105, 111, 128, 144, 163.

В тех частых случаях, когда талеры приобретались не по счёту, а на вес, могла отмечаться цена их фунта. При весовой норме талера 28 г фунт содержал 14–15 монет ($409,536 \div 28$). Согласно книгам Большой казны, в 1701 г. фунт талеров стоил 8 руб. 15 коп. (курс талера ~56 коп.)³⁰, в 1703 г. — от 8 руб. 40 коп. до 9 руб. 80 коп. (58–67 коп. за талер)³¹, а в 1708 г. — 12 руб. (~82 коп.)³².

В книгах Большой казны отдельные сделки по обмену талеров фиксировались только до 1704 г. В последующие годы в них вносились лишь остатки талеров на денежных дворах, а также их суммарный «завод» (капитал) и суммы «в отдаче» (оборотный капитал) приказа и Купецкой палаты (московской казённой меняльной конторы). В книги Монетного двора отдельные сделки записывали до 1708 г.

В таблице сведены данные о сделках Большой казны и Монетного двора по обмену талеров. Учитываются только сделки с населением или с иностранными поставщиками, но не с другими приказами (больше всего их заключалось с Ратушей). Список, разумеется, не претендует на полноту, но вполне репрезентативен. В тех случаях, когда в источнике указано только количество или только вес приобретённых монет, недостающий показатель вычислен, исходя из весовой нормы 28 г (количество округлено до целых, вес — до десятых). В этом есть доля условности: в тех случаях, когда в источнике указаны и количество, и вес талеров, можно рассчитать их средний вес, и он оказывается иногда больше, а иногда меньше 28 г. Но эти отклонения никогда не превышают 3%, поэтому 28 г можно принять за среднее значение.

Курс в некоторых случаях прямо указан в источнике, а в остальных — вычислен делением стоимости талеров на их количество (результаты округлены до целых). Для каждого года рассчитан средневзвешенный (с/в) курс: общая стоимость талеров, разделённая на их количество (результаты округлены до десятых). Все показатели, которые не взяты из источника, а высчитаны, даны в квадратных скобках.

В таблице обращает на себя внимание падение средневзвешенного курса талера в 1704 г. и его резкий рост в 1707 г. Это не означает, что котировка талера упала. В этот период заметно сократился объём прямых закупок талеров в казну: в 1702 г. он составлял более 300 тыс., в 1703 г. — более 100 тыс., 1704 г. — менее 50 тыс., 1705 г. — 7950, 1706 г. — 1500. Похоже, русские чиновники и иностранные купцы не могли договориться, и сделки совершались лишь тогда, когда купцы по тем или иным причинам соглашались на сильно заниженный относительно паритетного курса. Объём закупок снова превысил 30 тыс. талеров в 1707 г., когда казна стала покупать талеры на медные деньги, соглашаясь на более высокий курс.

О заботах лиц, отвечавших за денежное дело, можно судить по письмам дьяка Я.К. Борина, заведовавшего Монетным двором Приказа воинских морских дел, главе этого учреждения ближнему боярину Ф.А. Головину. Их переписка продолжалась с 1701 г., когда начал работу Монетный двор, до смерти Головина в июле 1706 г.³³

³⁰ Там же, д. 1, л. 17 об.

³¹ Там же, д. 60, л. 103.

³² Там же, д. 157, л. 70.

³³ Там же, ф. 160, 1701 г., д. 12; 1702 г., д. 20; 1703 г., д. 24; 1704 г., д. 31; 1705 г., д. 16; 1706 г., д. 18.

11 сентября 1702 г. Борин сообщал со слов архангельского бурмистра С. Казакова: «У иноземцев ефимки продажные есть, просят по 20 алтын [60 коп.] за ефимок, а меньше не берут». Но ни дьяк, ни бурмистр «не смели» покупать их по такому курсу³⁴. В 1703 г. Борин писал, что иностранцы отказываются продавать талеры на русские деньги, предпочитая обменивать их на товары³⁵. Проблема, очевидно, заключалась в том, что коммерсанты не могли договориться с чиновниками о курсе. При этом казна была монопольным поставщиком поташа, юфти, пеньки, сала и некоторых других товаров на экспорт и, продавая их за талеры, могла навязывать покупателям выгодный для себя курс. Но это оказалось более приемлемо, поскольку потери на курсе могли компенсироваться благодаря высокой марже.

В августе 1703 г. Борин писал: «От скупщиков, которые скупают ефимки и продают из прибыли, денежный двор останавливается. Ефимкам цену вздорожали: недавно ефимки покупали по 20 алтын [60 коп.], а как стали слитки покупать на денежный двор, и в те слитки сплавливать ефимки учили, покупать по 21 алтыну с двумя гроши [64 коп.]. А ныне... просили скупщики по 22 алтына [66 коп.]». Борин убеждал Головина в необходимости указа о смертной казни за нарушение казённой монополии на скупку ефимков³⁶.

В это самое время некий А.Г. Ланской, назвавшийся смоленским шляхтичем и знакомцем боярина Б.П. Шереметева, предложил Монетному двору купить 28 500 талеров по 70 коп. «А указная, государь, цена покупать в казну великого государя ефимки — по 20 алтын [60 коп.] в довес, — отмечал Борин, — а мимо государевой казны никому покупать и продавать ефимков не велено». При этом «а по приказу, государь, твоему сверх указной цены покупали ефимки в шет ценою по 21 алтыну по 2 денги [64 коп.], а другая цена — по 22 алтына [66 коп.], а больше той цены не покупали». Ланской, по рассказу Борина, сначала говорил, будто выставил на продажу талеры Шереметева, потом уверял, что они принадлежат ему самому, затем признал их собственностью фельдмаршальского сына Михаила Борисовича. Между тем казначей Шереметева категорически отрицал наличие в боярском доме такого количества серебра. «[3]натно, — полагал Борин, — такому великому пожитку у того знакоца [Ланского] быть невозможно: чаю, он человек небогатый. А знатно, что он те ефимки набрал у скупщиков из прибыли»³⁷.

Любопытно, что в письме упоминался указный курс талера (60 коп.), который ещё годом ранее считался слишком высоким. Казна, очевидно, пыталась законодательно замедлить снижение стоимости рубля. По долгам 1703–1704 гг. Монетный двор расплачивался «по 20 алтын за полновесный ефимок, а за фунт по 8 рублей по 13 алтын по 2 денги»³⁸, т.е. по 58–60 коп. В 1703 г. зафиксирована закупка тем же Монетным двором более 100 тыс. талеров по 66 коп. (см. табл.). Вместе с тем Борин явно стремился использовать возможности, связанные со свободой денежного обращения на Украине. В том же году купцы А. Прокудин из Старого Оскола и Р. Ветчинин из Курска получили с Монетного двора 10 тыс. руб. «на покупку [ефимков]

³⁴ Там же, ф. 160, 1702 г., д. 20, л. 12–12 об.

³⁵ Там же, 1703 г., д. 24, л. 8 об.–9.

³⁶ Там же, л. 57–58.

³⁷ Там же, л. 21–22 об. Согласно боярским спискам, А.Г. Ланской с 1703 г. был жильцом и служил адъютантом в Большом полку, т.е. и впрямь мог быть знаком с Шереметевым.

³⁸ Там же, ф. 396, оп. 3, д. 111, л. 301 об.

по черкасским городам»³⁹ и в 1704 г. поставили 15 152 талера (см. табл.), купленных по 66 коп.

Но затруднения из-за падения курса рубля возникали не только при закупке талеров для денежного передела. В Бирженском договоре 1701 г. Августу II была обещана субсидия «200 000 ефимков или 100 000 рублей»⁴⁰. По договору, подписанному 1 октября 1703 г. в Варшаве с Августом, Пётр увеличил её ещё на 300 тыс. руб., и его союзник, очевидно, рассчитывал на 600 тыс. талеров. Однако курс на сей раз не был прямо оговорен. Когда же в начале 1704 г. адъютант саксонского курфюрста Арнштедт приехал в Москву, гр. Головин, возглавлявший Посольский приказ, объявил, что готов вручить ему 300 тыс. руб. «московскими деньгами». Арнштедт отказался их принять, понимая, что они обесценены реформой и не могут быть обращены в 600 тыс. талеров. Он требовал либо вексельного перевода, либо увеличения субсидии в рублях до такой суммы, чтобы при обмене получить 600 тыс. талеров. Графу пришлось взять на вексель 200 тыс. талеров у английских и голландских купцов в счёт их будущих ефимочных пошлин. Причём ближний боярин согласился платить Августу II по 63 коп. за талер, хотя векселя достались ему по курсу 70 коп. Параллельно Фёдор Алексеевич вступил в переговоры об обмене рублей с еврейскими менялами и отправил 40 тыс. руб. гетману И.С. Мазепе для скупки талеров на Украине. Однако канцлер настаивал на том, что в дальнейшем субсидии будут выплачиваться рублями⁴¹.

Таким образом, падения курса рубля вдвое в начале XVIII в. всё же не наблюдалось. Если в начале 1700-х гг. его стоимость составляла (по крайней мере, по указному курсу) ~1,82 талера, то к концу десятилетия ~1,1 талера. Падение составило 40% — Перри оказался точен в оценках. Но необходимо учитывать, что высокая проба русских денег во второй половине XVII в., по-видимому, не была просто фикцией. Во всяком случае, многие современники в неё верили и основывали на этом схемы валютных спекуляций. Официальный отказ от претензий на исключительную чистоту копеечного серебра — один из важнейших аспектов реформы 1698—1704 гг. Причины этого шага понятны: Пётр хотел финансировать военные расходы за счёт эмиссии и не мог смириться с потерями серебра на угаре. Но в результате иностранные контрагенты казны утратили веру в особую чистоту русских монет и больше не желали приобретать их по завышенному курсу. Тем самым один из традиционных источников прибыли государства — денежный передел — стал истощаться.

Падение стоимости рубля происходило довольно плавно. Указный курс снижался постепенно, от года к году, нагоняя рыночный, а тот, в свою очередь, падал, стремясь к паритетному 1:1 (см. график). Впрочем, выше 90 коп. цена талера не поднималась. В 1711 г. Сенат распорядился закупать талеры по 12 руб. за фунт⁴², т.е. по ~82 коп. за талер. В 1713 г. сенатор В.А. Апухтин, курировавший денежное дело, обнаружил, что фактически талеры закупаются по 90 коп., и счёл возможным своим распоряжением снизить закупочную цену до 85 коп.⁴³ Тогда же голландский купец И. Любс подрядился поставить в 1714 г. 100 тыс. талеров по 87 коп.⁴⁴

³⁹ Там же, д. 66, л. 183.

⁴⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. № 365, п. 6. С. 437.

⁴¹ Там же. Т. 3. № 624, примеч. С. 588—591.

⁴² ПСЗ-I. Т. 4. № 2371. С. 691.

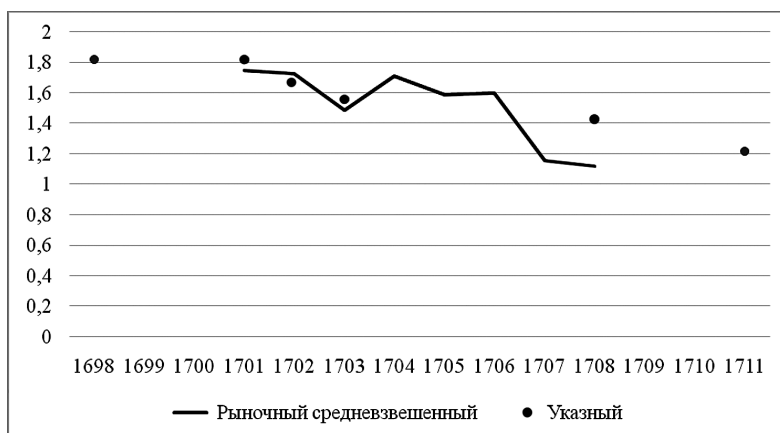
⁴³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 3. Кн. 2. СПб., 1887. № 1205. С. 1320.

⁴⁴ Там же. С. 1324.

Итак, рыночный курс рубля к концу 1700-х гг. стабилизировался в диапазоне 1,1–1,2 талера, т.е. на 10–20% выше паритетного. Иностранные купцы будучи достаточно заинтересованными в русских товарах, соглашались на такие издержки. Казна же благодаря этому продолжала получать прибыль от денежного передела, хотя, конечно, о сверхприбылях речи уже не шло. Этой стабилизацией завершился первый этап становления петровской денежной системы. Стабильность, конечно, оставалась весьма относительной: Северная война, даже после Полтавы, была далека от завершения, реформы набирали обороты, государственные расходы продолжали расти, не прекращались поиски новых источников дохода и, в частности, эксперименты с эмиссией. Но это был уже следующий этап, который нужно анализировать особо.

График

Курс рубля к талеру в 1698–1711 гг.

Едва ли правомерно оценивать то, что случилось с рублём в 1698–1711 гг., как «обвал». В России не просто снизилось серебряное содержание денег, а возникла новая система. Отказ от претензий на исключительную чистоту монетного серебра стал идейным переломом. Первоначально на него пошли ради резкого увеличения эмиссии и сверхприбылей от денежного передела, которые обеспечили финансирование военных издержек в самый напряжённый период Северной войны — от поражения под Нарвой в 1700 г. до победы под Полтавой в 1709 г. Эта мера потребовала пересмотра принципов монетарной политики: государству пришлось в конце концов смириться с тем, что оно больше не может директивно завышать курс рубля на 27%. Это было, конечно, болезненно и не только потому, что сверхприбыли сошли на нет за несколько лет (П.Н. Милюков не вполне справедливо упрекал за это Петра и его соратников⁴⁵), а поскольку перестал действовать механизм извлечения дохода из денежного передела, работавший по меньшей мере с середины XVII в. Более того, снижение пробы русских денег до уровня иностранных наносило удар по престижу государства. Курс рубля стал в гораздо большей степени определяться рыночными силами — спросом и предложением, торговым балансом — и в гораздо меньшей мере — мистическими соображениями чистоты серебра и царской воли, дающей деньгам платёжную силу.

⁴⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 152.

«Чтоб над нами Русь не владела»: отношение донских казаков — участников булавинского восстания к России и русским

Евгений Трефилов

**«So that Russia does not own us»: the attitude of the Don Cossacks —
participants in the Bulavin's uprising to Russia and the Russians**

Evgeniy Trefilov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020108, EDN: FUNHCF

В научной литературе встречаются разные точки зрения относительно времени возникновения общероссийского патриотизма и его сущностного содержания¹. Вряд ли кто-то усомнится в том, что в петровское время идея служения не только государю, но и отечеству разделялась частью интеллектуальной и политической элиты. Более того, тогда уже оформилось представление о том, что и сам монарх должен служить отечеству². Неясно, впрочем, насколько широко подобные идеи были распространены среди подданных царя-реформатора. О.Г. Агеева пришла к выводу, что «понимание службы царю в петровскую эпоху, судя по песням, в военной среде включало и поглощало идею служения отечеству»³. В научной литературе высказывается мысль о том, что русские простолюдины в XVII–XVIII вв. зачастую были привязаны лишь к родным местам и не осознавали идей общегосударственного патриотизма⁴.

Вышеприведённые выводы, основанные на конкретных источниках, выглядят убедительней, чем голословные заявления о патриотизме, возникшем, по мнению ряда исследователей, задолго до петровской эпохи и присущем широким слоям населения Российского государства⁵. И всё же наблюдения, сделанные на базе узкого круга источников, не позволяют прийти к однозначному выводу о том, что в петровское время большая часть россиян предпочитала служить царю, а не отечеству, и была привязана лишь к месту проживания. Для решения этой задачи необходимо выяснить, как в то время относились к малой

© 2022 г. Е.Н. Трефилов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42050.

¹ Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 6–50; Плехий С. Происхождение славянских наций. Домодерные идентичности в Украине и России. М., 2018. С. 34–40.

² Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII века // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989. С. 28–43.

³ Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России // Мировосприятие и самосознание русского общества... С. 45–47.

⁴ Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества... С. 20.

⁵ Черепнин Л.В. Исторические труды академика Д.С. Лихачёва // Вопросы истории. 1977. № 1. С. 135.

родине и России отдельные группы населения. Следует обратить внимание не только на заявления о том, кому или чему люди готовы служить. Нужно понять, считали ли жители одного региона «своими» людей, проживавших в других областях страны, включали ли они их в своё «воображаемое сообщество». Если да — было ли это «сообщество» религиозным, этническим, социальным или строилось на осознании людьми себя подданными одного монарха или жителями одной страны?⁶

В рамках статьи невозможно проанализировать интересующие нас представления у различных народностей и социальных групп петровского времени. Я остановлюсь лишь на одном, но весьма важном для выбранной темы эпизоде — восстании под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина (1707—1708). В источниках любого крупного восстания в той или иной степени отражается отношение повстанцев к стране, её жителям и области, где происходит возмущение, ибо восставшие ищут или, напротив, не желают искать союзников в других частях страны, собираются изменить положение во всем государстве или только в своём регионе. Остановиться на булавинском движении важно, поскольку проблема отношения участников этого движения к России в историографии стоит особенно остро.

Активными участниками булавинского восстания являлись донские казаки, по мнению ряда историков обладавшие особой идентичностью, отличной от русской. Согласно этой точке зрения, казаки чётко отделяли Дон от России⁷. В научной литературе можно встретить заявления о том, что во время булавинского восстания донская колония (и даже республика) противостояла метрополии (или Дон «Руси»)⁸. Не все историки разделяли этот подход. В советской историографии высказывалось мнение о том, что булавинское восстание не было чисто казачьим выступлением, а являлось крестьянской войной, и русское крестьянство, бедное казачество и прочие выходцы из социальных низов единым фронтом выступили против эксплуататоров⁹. Приверженцы этой точки зрения иногда остро реагировали на заявления «донских буржуазных автономистов», считавших, что казаки осознавали «свою государственную и национальную обособленность от России»¹⁰. Впрочем, было бы большим упрощением делить учёных на два вышеназванных лагеря. Некоторые историки, писавшие о противостоянии колонии и метрополии и о защите восставшими

⁶ Б. Андерсон называл нацию «воображаемым сообществом», потому что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 47). Эти слова применимы и к другим «воображаемым сообществам», например, религиозным.

⁷ Boeck B.J. Imperial boundaries: Cossack communities and empire-building in the age of Peter the Great. Cambridge, 2009. P. 86—97; Брехуненко В.А. Козаки на Степовому Кордоні Європи: типологія козацьких спільнот XVI — першої половини XVII ст. Київ, 2011. С. 229—252, 294—308, 319—328.

⁸ Об этом в эмиграции писал С.Г. Сватиков (*Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549—1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону.* Белград, 1924. С. 2, 20, 142, 145, 147). Похожие мысли высказывали и советские историки в первой половине 1930-х гг. (Чаев Н.С. Булавинское восстание 1707—1708 гг. // Булавинское восстание. М., 1935. С. 38, 49—52, 58; См. также: Boeck B.J. Op. cit. P. 172.

⁹ Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. М., 1962; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 203—288; Буганов В.И. Булавин. М., 1988.

¹⁰ Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны... С. 245.

казацких вольностей, подчёркивали, что не следует преувеличивать обособленность казаков-булавиновцев от России¹¹. И, напротив, отдельные исследователи, называвшие это возмущение крестьянской войной, писали, что «Булавин и его атаманы, придававшие большое значение подъёму крестьянского движения вне территории Войска Донского, всё-таки считали восстание прежде всего делом донского казачества»¹². В научной литературе на данный момент нет специального исследования, где бы детально рассматривалось отношение булавиновцев к России и русским. Попытаюсь отчасти восполнить этот пробел.

Несмотря на то что в научной литературе по-разному описываются взаимоотношения Дона и Российского государства, ни у кого из историков не возникает сомнений в том, что в социальном и правовом отношении донские казаки во многом отличались от других жителей России и на протяжении многих лет обладали широкой автономией. И хотя с конца XVII в. правительство начало активное наступление на казачьи права и вольности, особым статусом Войско Донское обладало вплоть до 1917 г.¹³ На первый взгляд, именно с этими особенностями связано то, что в разные времена, в том числе накануне и во время булавиновщины, казаки и жители России отделяли Дон от «Руси», казачьи населённые пункты от русских, а самих казаков от русских людей. Например, в войсковой отписке в Посольский приказ (не позднее 7 июля 1705 г.) говорится, что на Дон «присланы с Москвы из Розряду нарочно стольники ради сыску... беглых от работ и всяких русских людей». Далее отписка сообщает, что разысканных беглых отправили «в Русь по-прежнему». В той же отписке можно встретить и более чёткое противопоставление казаков русским. Говоря о населении некоторых городков, составители документа отметили: «А населены они из розных городков старожилыми казаками, а не вновь пришлыми русскими людьми». Здесь же отделяются друг от друга «твои, великого государя... городы» и «наши, холопей твоих, казачьи городки». О размежевании казачьих городков с государевыми и русскими городами говорится и в других документах, созданных черкасской администрацией. В войсковой отписке (не ранее 24 октября 1707 г.) в Москву сообщали, что пленных булавиновцев «ис козачьих горотков» верные царю донцы отправили «в русские города»¹⁴. По всей видимости, казаки-булавиновцы мыслили похожим образом. Свои обращения, адресованные людям, проживавшим вне территории Войска Донского, они обозначали как воззвания «в русские города» или «в русские великого государя городы». Документы, созданные повстанцами, чётко отделяли Дон от Руси и городов великого государя, людей, бежавших на Дон, именуют «русскими людьми», а царские войска «русскими полками»¹⁵.

Важно отметить, что противопоставления казачьих территорий русским и государевым, а также донцов русским людям можно встретить не только в источниках, исходивших от казаков. От черкас и русских донские казаки

¹¹ Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 142; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 230–231.

¹² Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны... С. 247.

¹³ Сватиков С.Г. Указ. соч.; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998; Мининков Н.А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI — начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 1. Ростов н/Д, 2006. С. 25–37; Boeck B.J. Op. cit.

¹⁴ Булавиновское восстание. С. 109, 111, 112, 133.

¹⁵ Там же. С. 450, 453, 454, 456, 457, 459–461, 464, 466.

отделяются в памяти из Разряда в Посольский приказ от 19 октября 1704 г., где указано, что на реку Бахмут запрещается без царского указа принимать «русских людей, и черкас, и донских казаков». В именном указе Петра I от 6 июля 1707 г. государевы и русские города противопоставлены казачьим городкам. О необходимости «отнять» казачьи городки, которые «внове поселились» и расположены «близь наших городов», писал царю во время подавления булавинщины (15 июля 1708 г.) усмиритель восстания кн. В.В. Долгорукий. Адмирал Ф.М. Апраксин 3 августа предлагал некоторые казачьи территории отписать на государя¹⁶. Почему в начале XVIII в., когда государство пыталось подчинить себе казаков, не только черкасская администрация или казаки-булавицы, но и российские власти, в том числе и сам царь, продолжали отделять территорию Войска Донского от Руси и государевых городов?

Отмечу, что в источниках того времени не только Донская земля отмежевалась от Руси. Авторы словаря XI–XVII вв. отметили, что словом «Русь» иногда могла обозначаться центральная Россия, и в данном случае это название не распространялось на северные окраины, Астрахань и Сибирь¹⁷. Действительно, Сибирь и Астрахань в различных источниках чётко отделяются от Руси, причём подобные границы проводили в том числе и представители центральных властей¹⁸. Это были как бы отдельные единицы (Сибирское и Астраханское царства или государства), входившими в состав Российского царства¹⁹. Однако в источниках XVII – начала XVIII в. от Руси отграничивались и некоторые территории, не именовавшиеся царствами и не имевшие особого статуса (наподобие Войска Донского), в частности, Царицын (как и сама Волга)²⁰. Неудивительно, что города «на Руси» в отличие от сибирских или волжских могли называться «русскими городами»²¹.

На первый взгляд, всё вполне очевидно: размежевание Руси с Доном и различными окраинами носило лишь географический характер и не свидетельствовало о каком-то политическом противостоянии, тем более что казаки (в том числе и булавицы) называли себя государевыми холопами или рабами, т.е. людьми, находящимися во власти царя. В пользу того, что размежевания такого рода носили формальный характер, может свидетельствовать и то, что противники булавицев, в том числе представители российских властей, не всегда включали недавно завоёванный Азов в число государевых «украинных городов»²². Но не всё так просто. Иногда слово «Русь» на языке казаков означало нечто большее, чем географическое наименование, и тогда размежевание Дона и Руси могло превращаться в политическое противостояние. Именно так следует понимать заявление одного из выдающихся булавицких атаманов Семёна Драного. В его послании запорожским казакам (не ранее 26 мая 1708 г.)

¹⁶ Булавинское восстание. С. 91–93, 95, 96, 98–100, 102, 105, 113, 299; Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПБПВ). Т. 8. Вып. 2. М.; Л., 1951. С. 473.

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 175, 261.

¹⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. М., 1954. С. 231; Т. 4. М., 1976. С. 57; Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Акты земских соборов. М., 1985. С. 229; Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сборник документов / Подгот. Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 60; РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 458, л. 196 об.

¹⁹ Крестьянская война... Т. 3. М., 1962. С. 147.

²⁰ Булавинское восстание. С. 278; Крестьянская война... Т. 1. С. 162, 231, 235; Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 20, 31, 32.

²¹ Крестьянская война... Т. 1. С. 196, 221; Т. 2. Ч. 1. С. 187; Т. 4. С. 57.

²² Булавинское восстание. С. 107–112, 114, 115, 226, 237, 266, 454–456.

казацье сообщество отделялось от Руси и противопоставлялось ей. Отношение Драного к Руси было явно негативным. Атаман писал, что «по указу великого Войска Донского» казакам велено «выступить против идущих на нас для разорения наших казацких городков московских полков», уточняя, что из-за происков А.Д. Меншикова и кн. Д.М. Голицына на Дон «идет с русскими полками князь Василей Володимирович Долгорукой, хотя наши казацки городки свести и всю реку разорить». Поэтому атаман призывал запорожцев к совместному выступлению, заявляя, что «и мы вам в какое ваше случение ради с вами умирати заедино, чтоб над нами Русь не владела и общая наша казацья слава в посмех не была». Интересно, что под Русью подразумевается некое враждебное образование, связанное скорее со «злыми боярами», чем с царём. Враждебных выпадов в адрес Петра I в послании нет. Не исключено, что казацки сообщества противопоставлял Руси сам Булавин. Побывавшие в Запорожской Сечи разведчики 29 января 1708 г. сообщали, что находившийся там мятежный атаман заявил запорожцам, будто донцы «хотят итти на Русь. А из запорожцов просят на вспоможение, для того [что] в Руси их, казаков, ругают и живут не в благочестия»²³.

Итак, Семён Дранный, и, возможно, Кондратий Булавин, отзывались о Руси неприязненно. Добавлю, что восставшие не призывали защищать Российское государство, тогда как в источниках можно встретить немало примеров местного, донского патриотизма. Мятежные казаки собирались «побить стариков», т.е. старшин, за то, «что они реку продали бояром»²⁴. Здесь казаки имели в виду не только Дон и прочие реки, но и земли, где они проживали, а порой и само казачество. Булавин призывал защищать Донскую землю, называя её «старым полем». Интересно, что казаки-повстанцы звали постоять «за все великое Войско Донское» не только донцов, но и людей, проживавших на территории России²⁵.

Основываясь на вышеприведённом материале, можно предположить, что и в тех случаях, когда казаки не высказывались враждебно о Руси, но отделяли её от Донской земли, они не всегда подразумевали лишь географическое размежевание. Создаётся впечатление, что казаки в действительности считали Дон своей, а не государственной территорией. В одном из посланий повстанцы угрожали Петру, что если правительственные войска придут на Дон, то «мы войском реку Дон и со всеми полными реками тебе, великому государю, уступим и на иную реку пойдем»²⁶, следовательно, эта территория станет царской, лишь когда её покинут казаки.

Размежевание проходило не только на территориальном уровне. Источники подтверждают, что у донских казаков (во всяком случае, у какой-то их части) к началу XVIII в. сформировалась особая казацья идентичность, не совпадавшая с русской. Напомню, что в булавинских посланиях правительственные войска назывались русскими полками, чего не обнаруживается в документах, созданных современниками и соседями донских казаков, участниками астраханского бунта 1705–1706 гг., хотя Астрахань, как и Дон, территориально отмежёвывалась от России. Из различных источников очевидно, что право-

²³ Булавинское восстание. С. 368, 459–460.

²⁴ Новое о восстании К. Булавина / Публ. Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 1960. № 6. С. 138; Булавинское восстание. С. 206.

²⁵ Булавинское восстание. С. 134, 205, 230, 451, 452, 455–457, 459, 461–463, 467.

²⁶ ПБПВ. Т. 7. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 652; Булавинское восстание. С. 454.

славные жители Астрахани и Астраханского края считали себя русскими, и что таковыми их называли другие жители страны, в том числе и представители властей²⁷. Донские же казаки как накануне, так и во время булавинского восстания, почти никогда не называли себя русскими. Лишь однажды в известных мне источниках один казак о другом сказал, что он «из русских людей». Это был противник булавиновцев бахмутский атаман Семён Кульбака, 8 мая 1708 г. сказавший азовскому губернатору И. Толстому: «Он же, Семен, слышал от единомышленника Булавина, от Стрельчонка, которого держат ныне в Азове за караулом, что вор Булавин природою подлинно салтовец из русских людей»²⁸. Впрочем, и жители Российского государства русскими казаков называли крайне редко. В отписке новобогородицкого воеводы отмечено: «В Запорожской Сечи... в тех де радах был русской человек, знатно донской казак, с письмом»²⁹.

И хотя в источниках начала XVIII в. не встречается случаев отказа казаков от родства с русскими людьми или презрительных высказываний о них (что обнаруживается в источниках более позднего времени)³⁰, некоторую обособленность казаков от русских на уровне повседневного общения можно наблюдать уже в рассматриваемое время. С последних десятилетий XVII в. казачество в силу разных причин стало превращаться в замкнутое сообщество, не нуждавшееся в значительном увеличении, а потому русские, прибывавшие на Дон, нередко становились уже не полноправными казаками, а лишь «бурлаками», работавшими на казаков. Вероятно, накануне булавинского восстания казаки даже брали взятки с беглых за возможность проживания на Дону, чего ранее не бывало³¹.

На первый взгляд, в пользу того, что русские стали казакам «чужими» может свидетельствовать повстанческий террор. На Дону восставшие, расправляясь со старшинами и прочими врагами, не убивали и физически не истязали их жён и детей (возможно, лишь держали под арестом или отправляли в ссылку)³², да и других женщин и детей повстанцы, по всей видимости, на территории Войска Донского не обижали. Но во время налёта на находившееся за пределами Донской земли сельцо Ивановское в Леонтьевых буераках (май 1708 г.) повстанцы избили жену хозяина сельца и увели с собой крестьян с жёнами и детьми³³. Куда хуже пришлось жителям тамбовских деревень (март 1708 г.), где булавиновцы грабили, мучили и убивали как мужчин, так и женщин. Если некоторых людей повстанцы убивали за то, что «им противятца», то другие

²⁷ Социальные движения... С. 31, 41, 60, 86–88, 93, 98, 114, 132, 134, 137, 138, 152, 153, 162, 182, 183, 187, 204, 207, 208, 211, 212, 214, 235, 255, 258, 259, 266, 292, 299, 377, 378.

²⁸ Новое о восстании... С. 126.

²⁹ Булавинское восстание. С. 385.

³⁰ Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Вып. 1. М., 1885. С. XXVIII–XXIX; Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д, 1992. С. 17. Подробнее о самоидентификации казачества в это время см.: Морозова О.М. О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. – 1920 г.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 105–120.

³¹ Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 184–187; Boeck B.J. Op. cit. P. 86, 87, 91, 93–97; Булавинское восстание. С. 187, 261, 362, 453.

³² Об этом мы узнаём в том числе из показаний противников восставших. Правда, есть сведения, что Булавин грозил жёнам, детям и прочим родственникам своих врагов смертью. Однако, насколько известно, эту угрозу не исполнили (Булавинское восстание. С. 463; Новое о восстании... С. 126, 130, 131).

³³ РГАДА, ф. 11, 1708 г., д. 6, л. 1–40.

погибли, не желая расстаться с деньгами, а одну женщину «запытали до смерти неведомо за что»³⁴.

Несмотря на это, обособленность донского казачества от России и русских не следует абсолютизировать, как не стоит преувеличивать и действенность преград, мешавших беглецам проникать на Дон накануне булавинщины. Бегство людей на Дон в то время было серьёзной проблемой не только для помещиков, но и для правительства, в том числе и для царя. Именно поэтому для сыска беглых на Дон отправили отряд кн. Ю.В. Долгорукова (нападение на его отряд казаков Булавина в октябре 1707 г. и послужило началом восстания)³⁵. Различные группы казаков противились сыску беглых не только потому, что боялись лишиться дешёвой рабочей силы. «Новопришлые» служили в составе казачьих отрядов, принимавших участие в подавлении астраханского восстания и в военных действиях на территории Речи Посполитой, т.е., видимо, были полноправными казаками³⁶. Не собирались отгораживаться от вчерашних крестьян и прочих беглецов «старые природные» казаки, принимавшие участие в булавинском восстании. «Новопришлые» сыграли важную роль в возникновении восстания, да и в дальнейшем беглецы с Руси приходили на Дон и пополняли ряды повстанцев. Это продолжалось и во время пребывания мятежных казачьих отрядов за пределами Войска Донского³⁷. Даже среди полноправных казаков, принявших участие в булавинском восстании, встречались уроженцы России. К числу последних, вероятно, принадлежал и сам Булавин, родившийся в Слободской Украине³⁸.

Не следует забывать, что в России булавинцы вели себя порой как завоеватели, но такие поступки — скорее исключение из правил. Ошибочно полагать, что булавинцы поступали с русскими людьми также, как поступали донцы с калмыками, татарами, их жёнами и детьми, чей увод на Дон был как раз правилом³⁹. Не идёт ни в какое сравнение отношение булавинцев к русским людям с действиями против русских участников башкирских восстаний начала XVIII в. В отличие от башкир, никто не обвинял «воровских казаков» в смерти и пленении тысяч людей, разорении сотен деревень и уничтожении десятков церквей⁴⁰.

Хотя при встрече мятежных казаков с русскими как на Дону, так и в России от насильственных действий булавинцев могли пострадать представители разных слоёв населения, повстанческий террор в первую очередь направлялся

³⁴ Булавинское восстание. С. 179, 183–185.

³⁵ *Проништейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны... С. 219–222, 224–229.

³⁶ Булавинское восстание. С. 116, 117, 344; РГАДА, ф. 111, 1707 г., д. 6, л. 1–3 об.

³⁷ *Подъяпольская Е.П.* Указ. соч. С. 70–107.

³⁸ Новое о восстании... С. 132–135, 138–141; *Усенко О.Г.* К уточнению биографии К.А. Булавина // Россия в XVIII столетии. Вып. 1. М., 2002. С. 103–104; *Сапелин Р.А.* Вопросы места рождения и социального происхождения вождя казачьего восстания К.А. Булавина // История военного дела: исследования и источники. 2020. Т. XI. С. 51–58 (URL: <http://www.milhist.info/2020/01/23/sapelin> (дата обращения 23.01.2020)).

³⁹ О характере нападений на соседние народы со стороны казаков см.: *Брехуненко В.А.* Козаки на Степовому Кордоні Європи... С. 389–404. О захвате татар и калмыков в начале XVIII в. см.: Булавинское восстание. С. 360, 401, 418, 460–461; Новое о восстании... С. 127–129, 131.

⁴⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М., 1936. С. 251–252. Есть данные о разорении булавинским атаманом Н. Колычевым Мигулинского монастыря на территории Войска Донского. К сожалению, эта информация не поддаётся проверке (Булавинское восстание. С. 278). Утверждение о массовом разорении церквей не подтверждается источниками (*Овсянников Е.* Булавинский бунт как расколыническое движение на Дону // Воронежская старина. Вып. 13. 1914. С. 146).

против социальной верхушки. Это особенно хорошо видно в случаях, когда в руки булави́нцев попадали люди, не оказавшие им серьёзного сопротивления: восставшие убивали дворян, офицеров, разного рода начальных людей и представителей социальной верхушки, например, посадской. Рядовых же простолюдинов булави́нцы обычно отпускали на волю, предварительно, правда, ограбив⁴¹. Некоторые источники утверждают, будто при нападении на отряд кн. Ю.В. Долгорукова помимо самого командира, офицеров и начальных людей восставшие убили солдат и рядовых казаков. На допросе в Посольском приказе (4 ноября 1707 г.) черкасский старшина Е. Петров заявил, что восставшие убили как Долгорукова, так и «при нем будучих офицеров и салдат побили». В тех же показаниях читаем и иное: «А которые при нем, полковнике, были конные казаки и салдаты, и тех те воры пограбя отпустили, и пошли те салдаты и казаки пешие в Троицкой». Действительно, если сравнить социальный состав и количество жертв в долгоруковском отряде с примерным количеством солдат и казаков, находившихся в нём на момент нападения булави́нцев, увидим, что значительная их часть могла остаться в живых⁴².

Иногда повстанцы щадили и представителей социальной верхушки: даже в долгоруковском отряде одного офицера помиловали⁴³. В отряде полковника И. Бильса, подвергшегося нападению под Донецким городком (сентябрь 1708 г.), повстанцы во главе с атаманом Никитой Голым убили трёх офицеров, и, возможно, лекаря, оставив в живых солдат и остальных офицеров. Об этом известно и из показаний самих офицеров, что опровергает сведения источников, указывающих, будто тех истребили поголовно⁴⁴. Нередко булави́нцы вовсе избегали летального насилия в отношении людей, не оказывавших им сопротивления. Во время налётов на торговые суда восставшие никого не убивали, хотя и грабили и, возможно, мучили находившихся на них людей. Нет сведений о том, что повстанцы кого-либо убили во время налётов весной 1708 г. на селения Воронежского, Козловского и Борисоглебского уездов, а также на сам Борисоглебск⁴⁵. Порой восставшие сохраняли жизнь и сопротивлявшимся. Булавин отпустил на волю азовских пушкарёв, которые «били из пушек» по его войску во время осады Черкаска. Пощадили восставшие часть защитников Царицына, хотя те отчаянно бились с булави́нцами. Обращает на себя внимание то, что повстанцы сохранили жизнь не только солдатам, но и офицерам. Из донесения астраханского губернатора П.М. Апраксина Петру I от 3 августа 1708 г. узнаём, что, ворвавшись в крепость, булави́нцы «Афанасья Турченина (местного воеводу. — *Е.Т.*) убили, великою злобою умуча, отсеки голову, и с ним подьячего, и пушкаря, и дву стрельцов; а... афицеров и салдат...

⁴¹ ПБПВ. Т. 7. Вып. 1. Пг., 1918. С. 557, 620; Булави́нское восстание. С. 147–148, 149, 150–151, 155, 156, 158, 163, 166, 167, 169–171, 174, 176, 178, 179, 183, 186, 197, 340, 341, 403, 421, 423, 426, 437, 439, 440–445, 447; Новое о восстании... С. 130.

⁴² Булави́нское восстание. С. 127–128, 136–140, 143, 146, 148, 153, 155, 156; Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 123, 124, 128, 129–130, 132, 133.

⁴³ Крестьянская война... Т. 4. С. 216.

⁴⁴ Булави́нское восстание. С. 336–339, 343, 347, 348, 350–352; ПБПВ. Т. 8. Вып. 2. С. 774, 791, 810–813, 1018; Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707–1709 гг. / Публ. Е.П. Подъяпольской // Материалы по истории СССР. Вып. 5. М., 1957. С. 534–536, 538.

⁴⁵ ПБПВ. Т. 7. Вып. 1. С. 131, 132, 600, 617; Вып. 2. С. 709; Булави́нское восстание. С. 166–168, 171, 174, 175, 179, 182–184, 187–189, 191, 197, 198, 203, 283, 310, 342, 418, 437, 438, 441, 442; Новые материалы... С. 547–549, 552; Новое о восстании... С. 130, 138, 139.

разобрав за караулы и обрав ружье и платье, ругаясь много в воровских своих кругах, оставили быть на свободе»⁴⁶.

В большинстве случаев отказ от летального насилия трудно объяснить прагматическими соображениями. Возможно, с помощью офицеров булави́нцы надеялись повысить боеспособность своих отрядов, однако, насколько известно, вступать в эти отряды помилованных офицеров никто не принуждал, да и солдат восставшие зачастую не заставляли пополнять свои ряды⁴⁷. Сравнительно мягкое отношение к солдатам и простолюдинам наверняка объясняется тем, что и сами булави́нцы принадлежали к социальным низам. Но как объяснить то, что порой повстанцы отказывались убивать представителей социальной верхушки? О.Ю. Куц, изучавший отношение донцов к Московскому государству в годы, предшествующие разинщине, пришёл к выводу, что «сознание своей принадлежности к православному миру, к Русскому государству казаки зачастую не теряли даже во время военных предприятий, прямо направленных против России и её населения». И это, по мнению исследователя, проявлялось в том, что, нападая на русские караваны на Волге, «в большинстве случаев казаки лишь грабили свои жертвы, сохраняя им жизнь и отпуская их». А вот с «басурманами» донцы поступали гораздо жёстче⁴⁸. Возможно, сознание принадлежности к православному миру являлось фактором, и булави́нцев удерживавшим от чрезмерного насилия. Сами они подчёркивали религиозную связь с жителями России: «все мы христианя», а также заявляли, что не хотели бы проливать «напрасно крови христианские». О религиозной связи «воровских казаков» с жителями России свидетельствует и то, что Булавин и прочие бунтовщики призывали донцов и русских сражаться за веру и «за дом Пресвятыя Богородицы». Призыв постоять «за дом Богородицы» объединял их с другими жителями России: в том или ином виде он звучал в XVII — начале XVIII в. в источниках, созданных как донскими казаками, так и жителями России⁴⁹.

Стремление постоять за веру, конечно, связано с обеспокоенностью как «воровских казаков», так и русских судьбами православия, которое враги будто бы хотят заменить на иную веру. Такие толки порождались разными петровскими новшествами, противоречившими устоявшимся религиозным и культурным нормам⁵⁰. В воззвании Булавина, обращённом к русским людям (март 1708 г.), утверждалось, что «князья», «бояре», «прибыльщики» и «немцы» «вводят нас и всех вас в елинскую веру, а от истинной веры христианской отворотили всякими своими знаменьями и чудесы прелесными». Позднее врагом веры Булавин и его окружение объявляли уже самого царя: «И потому мы от своего государя отложимся, что нашу веру христианскую в Московском царстве пе-

⁴⁶ Булави́нское восстание. С. 233, 238, 263, 437, 438; Новое о восстании... С. 122–123; *Подьяпольская Е.П.* Указ. соч. С. 37.

⁴⁷ Крестьянская война... Т. 4. С. 216; Булави́нское восстание. С. 127–164.

⁴⁸ Куц О.Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 402–404.

⁴⁹ Булави́нское восстание. С. 196, 230, 290, 450–452, 455–457, 463, 464, 466; Крестьянская война... Т. 1. С. 253; Т. 2. Ч. 1. С. 91, 252, 447; Т. 2. Ч. 2. С. 74, 75, 94; Т. 3. С. 158; Т. 4. С. 33, 110; Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов / Сост. Н.Г. Савич. М., 1976. С. 36, 38; Социальные движения... С. 14.

⁵⁰ В особенности такие опасения проявились во время астраханского восстания 1705–1706 гг. (*Трефилов Е.Н.* Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 123–124).

ревел»⁵¹. Говоря о религиозной связи Дона с Россией, нужно помнить, что казаки и русские на территории Российского государства почитали одни и те же святыни. Донцы приезжали им поклониться, в том числе и перед восстанием. Часть казаков (приверженцев официальной Церкви) нуждались в помощи российских духовных и светских властей в решении церковных вопросов. Среди казаков имелись приверженцы «раскола», но последний на Дон также пришёл из России⁵².

До некоторой степени объединяла булавинцев с русскими людьми и фигура царя. Несмотря на сложности, связанные с представлениями о царской власти у казачества, восставшим не было чуждо почтительное отношение к персоне монарха, а потому повстанческие призывы постоять за государя, обращённые к русским людям и донцам, могли быть вполне искренними. Среди казаков-повстанцев, как и среди русских, в особенности простолюдинов, ходили различные слухи, связанные с Петром I⁵³. Правда, весьма распространённые на территории России слухи об «обменном царе» или о «царе-антихристе» в источниках восстания напрямую не отразились.

Мятежных казаков с русскими роднило и понимание того, что они живут в одной стране. Булавинцы не собирались отстаивать только казачьи территории — они совершали походы за пределы Донской земли, да и вообще намеревались на русских территориях вместе с тамошними простолюдинами навести порядок, побив бояр, прибыльщиков, немцев и прочих врагов⁵⁴. Для этого планировался поход на Москву. Возможно, даже казаки, обдумывавшие уход из-под власти русского царя, всё же не оставляли этой идеи. В середине мая 1708 г. противники восставших утверждали, что в случае победы отправленных Кондратием Булавиным на борьбу с царскими войсками атаманов Игната Некрасова и Семёна Драного предводитель повстанцев намеревается «итить под Азов и под Троицкой в Русь по городам до Москвы». Говоря о походе на Москву, повстанцы не называли эту территорию царской вотчиной, да и вообще царя упоминали редко. Лишь атаман Драный заявлял, что возглавляемые им восставшие «идут к Москве, уведомляючись, где государь, и для ускромения бояр»⁵⁵. Это позволяет предположить, что Русь, а точнее, территория расселения русских людей, отделялась в сознании «воровских казаков» от персоны монарха.

Если ограничиться только изучением заявлений повстанцев о том, кого или что они собирались защищать, мы получим дополнительное подтверждение тому, что люди в петровское время предпочитали служить не Российско-

⁵¹ Булавинское восстание. С. 230, 451, 452, 461, 464, 466.

⁵² РГАДА, ф. 111, 1702 г., д. 21, л. 1–2; д. 13, л. 1–3; д. 18, л. 1; 1704 г., д. 8, л. 1–8; 1706 г., д. 17, л. 1–3; *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889; *Подъяпольская Е.П.* Указ. соч. С. 101–107, 112, 113, 185, 198; *Усенко О.Г.* К уточнению биографии К.А. Булавина. С. 104, 105; *Римский С.В.* Почитание святых донскими казаками в XV–XVII столетиях // Мир истории. 2000. № 6 (URL: <http://www.tellur.ru/~historia/rimsky.htm>).

⁵³ Булавинское восстание. С. 196, 230, 450–452; *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 121–155; *Трефилов Е.Н.* Особенности казачьего монархизма конца XVII — начала XVIII вв. // Российская история. 2009. № 6. С. 125–140.

⁵⁴ Цели некоторых походов могли быть связаны с расширением казачьих территорий (Булавинское восстание. С. 206).

⁵⁵ Там же. С. 130, 133, 134, 165–167, 174–176, 187, 189, 196, 199, 200, 203, 204, 206, 220, 226, 230, 244, 290, 291, 339, 340, 351, 365, 440, 450–452, 466, 467; ПБПВ. Т. 7. Вып. 2. С. 876.

му государству, а государю. Впрочем, и российскому государю хотели служить отнюдь не все булави́нцы. Подтверждается мысль, что простолюдинам того времени был присущ не государственный, а локальный патриотизм. Следует учитывать и то, что у некоторых повстанцев, вероятно, уже сформировалась особая казачья идентичность, а порой и неприязненное отношение к Руси. Однако более глубокий анализ воззрений «воровских казаков» на Россию и русских людей показывает, что картина сложнее. Несмотря на трудности во взаимоотношениях, мятежные казаки всё же считали русских своими, включая их в одно с собою «воображаемое сообщество». В первую очередь речь идёт о русских простолюдинах, с которыми казаки имели много общего, в том числе и в мировоззрении. Не следует забывать, что у казаков и русских были общий царь и религия. Хотя «воровские казаки» не называли себя жителями России и не призывали сражаться за неё, они всё же понимали, что у них с русскими одна страна. В процитированном выше письме кубанским казакам булави́нцы писали: «И потому мы от своего государя отложимся, что нашу веру христианскую в Московском царстве перевел». Обращает на себя внимание, что государь — «свой», вера — «наша», а значит, и само это царство — не чужое.

«Пираты приятнее примут протекцию его императорского величества»: колониальные проекты Петра Великого и якобитские заговоры 1718–1725 гг.

Дмитрий Копелев

«Pirates will more pleasantly accept the patronage of his imperial majesty»: colonial projects of Peter the Great and Jacobite conspiracies (1718–1725)

Dmitriy Kopelev

(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956872202011X, EDN: FUKFCT

Военное время диктует свои законы. Поэтому какой бы характер ни приобретал внутренний раскол в стране, он всегда несёт в себе угрозу её элитам, расширяя возможности для интриг и вмешательства неприятеля. Пытаясь обратить в свою пользу политические, династические, религиозные и региональные раздоры, противоборствующие стороны пускают в ход разнообразные средства, многие из которых определяются в теневых кабинетах и применяются при участии лиц, чья деятельность не выставляется на первый план, хотя именно она закладывает фундамент будущего государства. Если же задуманное по каким-либо причинам не удаётся осуществить, то подобные проекты и связанные с ними события отступают в тень, зачастую приобретая репутацию предприятий авантюрного характера.

После «Славной революции» 1688 г. противники Лондона могли влиять на внутренние дела королевства, пользуясь тем, что закат протестантской ветви правящей династии Стюартов заставил английский парламент в 1701 г. принять «Акт о престолонаследии», устранявший от наследования престола католических принцев в пользу протестантки Софии Ганноверской, внучки короля Якова I Стюарта. Однако в июне 1714 г. она скончалась в возрасте 83 лет, не дожив полутора месяцев до смерти болезненной королевы Анны, после которой трон Великобритании достался троюродному брату — сыну Софии Ганноверской Георгу Людвигу, ставшему с тех пор королём Георгом I.

Ему противостоял принц Джеймс Френсис Эдуард Стюарт, известный как «Старый претендент» — сын низложенного в 1688 г. Якова II и принцессы Марии Беатриче Моденской. Провозглашённый после смерти отца своими приверженцами королём Яковом III, он проживал со своей матерью во Франции, в Сен-Жермен-ан-Ле. Утрехтский мир вынудил его перебраться в Лотарингию и поселиться в Бар-ле-Дюк¹. Здесь двор изгнанников провёл три года, но после неудачного якобитского восстания 1715 г. ему пришлось обосноваться в папском Авиньоне, а с весны 1716 г. — в Италии. С 1719 г. прибежищем Стю-

© 2022 г. Д.Н. Копелев

¹ Corp E. T. A court in exile: the Stuarts in France, 1689–1718. Cambridge, 2004.

артов стал Рим — центр притяжения для всех недовольных положением дел на Британских островах².

С этого времени в секретных документах якобитов всё чаще упоминался царь Пётр Алексеевич, на поддержку которого они имели основания надеяться. В борьбе с Ганноверской династией Яков III делал ставку на содействие Парижа и Мадрида, считая своими потенциальными союзниками участников Северной войны — как Карла XII, «икону» якобитов, так и «освободителя» Петра I. По словам «Старого претендента», это был «единственный иностранный независимый монарх», на которого можно было положиться³. Желая привлечь царя на свою сторону, Яков писал русскому послу в Париже кн. В.Л. Долгорукому: «Моя благодарность за его благодеяния не будет иметь других границ, кроме пределов моей власти, которая, признаюсь, ныне слаба, но которая при его соучастии возвысится и тогда будет употреблена в его пользу»⁴. Со своей стороны, Пётр, органично сочетавший глубокие политические расчёты с интуицией и азартом, действовал сообразно складывавшимся обстоятельствам и был готов к рискованной игре.

Якобитская «диаспора» на Балтийском флоте. Окружение Георга I, недовольное усилением позиций России на севере Германии и опасавшееся последствий изменения расстановки сил на Балтике, в конце 1710-х гг. сколачивало альянс, в который пыталось вовлечь Нидерланды, Францию, Данию и Пруссию, дабы, опираясь на них, навязать Стокгольму и Петербургу мир, соответствующий интересам Великобритании.

В Лондоне, разумеется, прекрасно знали о большом влиянии выходцев с Британских островов, тесно связанных с якобитским движением, при русском дворе⁵. Оно сложилось ещё при жизни генерала и контр-адмирала П.Л. Гордона (1635–1699), ближайшего советника царя в области военных реформ, которого, если верить словам австрийского дипломата, секретаря посольства Леопольда I И.Г. Корба, Пётр I уважительно величал «батюшкой»⁶. Некоторые из якобитов, например, братья Роман и Яков Брюсы, с полным

² The Stuart in Rome: The legacy of exile / Ed. by E. Corp. Aldershot, 2003. P. 10, 11; См. также: Corp E. T. The Stuarts in Italy, 1719–1766: a royal court in permanent exile. Cambridge, 2011.

³ ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 81 об.

⁴ Архив СПБ ИИ РАН, ф. 276, оп. 2, д. 133/2, л. 454.

⁵ См. подробнее: Bruce M. W. Jacobite relations with Peter the Great // Slavonic and East European Review. 1936. № 14. P. 343–362; Anderson R. C. British and American officers in the Russian navy // Mariner's Mirror. 1947. № 33. P. 17–27; Murdoch S. Soldiers, sailors, jacobite spy: the Scottish jacobites in Russia 1688–1750 // Slavonica. 1996. № 3/1. P. 7–28; Fedosov D. Peter the Great: the Scottish dimension // Peter the Great and the West: new perspectives / Ed. L. Hughes. Basingstoke, 2001. P. 89–101; Wills R. The jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton, 2002; Collis R. Jacobite networks, freemasonry and fraternal sociability and their influence in Russia, 1714–1740 // Politica Hermetica. 2010. № 24. P. 89–99; Coroban C. Sweden and the jacobite movement (1715–1718) // Revista Română pentru Studii Baltice și Nordice. 2010. Vol. 2. Issue 2. P. 145–147; Murdoch S. Surfing the waves: Scottish admirals in Russia in their Baltic context // Journal of Irish and Scottish Studies. 2010. № 3/2. P. 59–86.

⁶ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 255. О Гордоне см.: Петросьян А. А. Шотландский наставник Петра I и его «Дневник» // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 161–167; Станков К. Н. Патрик Гордон и партия якобитов в России в конце XVII в. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 108–121; Гузевич Д. Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви: мифы и реалии. СПб., 2013; Гордон П. Дневник, 1635–1659 / Публ. Д. Г. Федосова. М., 2000; Гордон П. Дневник, 1659–1667 / Публ. Д. Г. Федосова. М., 2002; Гордон П. Дневник, 1677–1678 / Публ. Д. Г. Федосова. М., 2005; Гордон П. Дневник, 1684–1689 / Публ. Д. Г. Федосова. М., 2009; Гордон П. Дневник, 1690–1695 / Публ. Д. Г. Федосова. М., 2014; Гордон П. Дневник, 1696–1698 / Публ. Д. Г. Федосова. М., 2018.

основанием могут быть отнесены к «птенцам гнезда Петрова», ближайшим царским сподвижникам⁷.

Второе путешествие Петра I на Запад в 1716–1717 гг. сопровождалось появлением на русской службе «англичан, противных двору»⁸, что вызвало повышенный интерес британских агентов. Пётр Алексеевич, обозначавшийся в тайной переписке сторонников «претендента» как «Дэвис», «Мистер Блант», «Бакли» и «Колман», встречался инкогнито с руководителями якобитов Джоном Эрскином, 6-м графом Маром (1675–1732), и Джеймсом Фитцджеральдом Батлером, 2-м герцогом Ормондским (1665–1745)⁹. Приехав в Париж, царь принял на службу участника восстания 1715 г. Томаса (Фому) Гордона, племянника Патрика Гордона¹⁰. Бывший офицер британского флота, незадолго до этого покинувший без разрешения свой пост и удостоенный секретной аудиенции принцессы Моденской¹¹, получил 1 июня 1717 г. капитан-командорский чин¹² и поручение «писать в Англию, призывая морских офицеров в Е[го] ц[арского] в[еличества] службу»¹³. Под русскими знамёнами оказались и другие изгнанники, связанные с якобитским подпольем — Кеннет Сазерленд, 3-й лорд Даффас (Дуффус)¹⁴, Томас Саундерс (Сандерс)¹⁵, Уильям Гей¹⁶, Роберт Литтл (Литтель)¹⁷,

⁷ Fedosov D. The First Russian Bruces // The Scottish soldier abroad 1247–1967 / Ed. by G.S. Simpson. Edinburgh, 1992. P. 55–66; Fedosov D. Peter the Great... P. 93–95; Колкина И.Н. Яков Вилимович Брюс // Павленко Н., Дроздова О., Колкина И. Соратники Петра. М., 2001. С. 433–476, 491–493; Кирюхин А.В. Тот самый кудесник Брюс. М., 2003; Филимон А.Н. Яков Брюс. М., 2003.

⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 277, оп. 2, д. XI, л. 128.

⁹ Wills R. The jacobites... P. 56; Кoningсbрюгге Х., ван. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб., 2014. С. 95, 96; Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 124, 125.

¹⁰ Гузевич Д. Захоронения Лефорта и Гордона... С. 139.

¹¹ Calendar of the Stuart papers. Vol. IV. Hereford, 1910. P. 176.

¹² Wills R. The jacobites... P. 27, 51, 52. 17 января 1719 г. Гордон был произведён в шаятбенахты, 22 октября 1721 г. стал вице-адмиралом, а в 1727 г. — адмиралом. Скончался 18 марта 1741 г. в Кронштадте.

¹³ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 163, л. 546 об.

¹⁴ Прибыл в Россию в июле 1722 г., 4 июня 1723 г. именным указом Петра I принят на русскую службу шаятбенахтом (РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 3, л. 157; оп. 1, д. 55, л. 41, 42). О Даффасе см.: Fedosov D.G. Under the saltire Scots and the Russian navy. 1690s–1910s // Scotland and the Slavs cultures in contact, 1500–2000. Newtonville (Mass); St. Petersburg, 2001. P. 21, 27, 30; Ноздрин О. Первый настоящий лорд. Одиссея петровского флагамена // Родина. 2009. № 2. С. 86–90.

¹⁵ Саундерс получил аудиенцию у царя в Маастрихте и, «допрошен будучи о моей службе», выехал в Амстердам, где в мае 1717 г. был принят на русскую службу капитан-командором (РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 163, л. 546, 546 об.). 22 октября 1721 г. произведён в шаятбенахты, с 1727 г. — вице-адмирал. Умер в Санкт-Петербурге в 1733 г.

¹⁶ Один из самых деятельных агентов якобитского движения, Гей 13 лет служил на британском флоте, командовал 40- и 50-пушечными кораблями. 1 июля 1718 г. по рекомендации контр-адмирала Дж. Паддона и Т. Гордона зачислен на царскую службу капитаном 1-го ранга, уволен в 1724 г. (РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 130, л. 163 об.; ф. 233, оп. 1, д. 163, л. 544, 545).

¹⁷ 17 июля 1717 г. в Маастрихте он, подобно Саундерсу, «имел счатие его пресветлыя очи видеть», после чего отправился в Амстердам, где тем же летом перешёл на царскую службу капитаном 3-го ранга (РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 163, л. 41, 42). После прибытия в Россию произведён 24 июня 1718 г. в капитаны 2-го ранга, а в 1719 г. — в капитаны 1-го ранга. Однако в сентябре 1719 г. из-за того, что находившийся под его командованием корабль «Лондон» сел на мель и затонул, попал под арест и был разжалован в поручики «до выслужения». Правда, уже 15 ноября 1721 г. его восстановили в чине. Умер в 1735 г. (Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого / Публ. П.А. Кротова. СПб., 1997. С. 176; РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 130, л. 255; ф. 233, оп. 1, д. 224, л. 291 об.).

Джемс Кеннеди¹⁸, Адам (Эдмунд) Уркварт (Орварт, Урварт)¹⁹, Джордж (Георг) Рамзи (Рамзай)²⁰, Уильям (Вилим) Купер²¹ и др. Попав в Россию, они продолжали поддерживать тесные контакты с родственниками, оставшимися на родине, и выполняли особые поручения, доставляя, например, важные сведения о военных приготовлениях Великобритании, или касавшиеся приёма на царскую службу различных специалистов²².

Кроме того, ими велась оживлённая переписка с изгнанниками, осевшими во Франции, Германии и Италии. Некоторые из новых офицеров русского флота играли весьма важную роль в якобитском движении. Гей, например, после своего увольнения перебрался в Рим и служил при дворе Якова III. В 1739–1741 и 1744–1751 гг. он являлся «мажордомом» и, по-видимому, не раз выполнял тайные поручения своего короля. В сферу его особых забот входили и связи с Россией и петербургскими якобитами²³. При этом он состоял в якобитской масонской ложе в Риме и был членом «Тобоской ложи», созданной в Испании в 1726 г. и связывавшей сторонников «претендента», действовавших в Риме, Париже, Лондоне, Лейдене, Мадриде, Спа и Петербурге. Так, к её петербургскому отделению, основанному, по-видимому, приехавшим из Испании генералом Джеймсом Фрэнсисом Китом (ставшим в России Яковом Вилимовичем Кейтом) (1696–1758)²⁴, принадлежали Саундерс, Литтл, Гордон, а также его зять — адвокат Генри Стирлинг²⁵, игравший заметную роль в русско-якобитских контактах 1716–1718 гг. и попытках создать русско-шведско-испанскую коалицию.

Стирлинг был доверенным лицом своего дяди — лейб-медика, архиатра и президента Медицинской коллегии Роберта Чарльза Эрскина, в России — Ро-

¹⁸ Поступил подпоручиком на русскую службу в 1714 г. после вступления на престол Георга I, с 5 мая 1757 г. — вице-адмирал.

¹⁹ Выделялся как «ревностный якобит», 22 августа 1717 г. в Голландии устроился на русскую службу капитаном-поручиком; командовал кораблём «Портсмут» и погиб при его крушении в 1719 г.

²⁰ Корабельный мастер Рамзи строил корабли в Петербурге, умер после 21 августа 1721 г. в чине капитан-командора (*Ден Д.* История Российского флота... С. 177).

²¹ Заведовал морскими складами в Портсмуте. На русскую службу приглашён по рекомендации Т. Гордона. В Россию прибыл 24 февраля 1722 г. и был назначен на должность экипажмейстера. Подозревался в злоупотреблениях и мошенничестве. Скончался в 1733 г.

²² Так, например, в январе 1723 г. Пётр I поручил вице-адмиралу Гордону найти в Англии или Шотландии двух геологов, «которые знают находить уголья каменные по приметам сверху земли и чтоб были искусны в своем мастерстве» (Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, д. 103, л. 87). В апреле того же года Гордону выдали 600 руб. на проезд найденных им мастеровых (Там же, л. 440).

²³ *Wills R.* The jacobites... P. 54, 98–99; *Collis R.* To a fair meeting on the green: the order of Toboso and jacobite fraternalism, 1726 – c. 1739 // *Living with jacobitism, 1690–1788: the three kingdoms and beyond* / Ed. by A.I. Maccines, K. German, L. Graham. L., 2014. P. 125–138.

²⁴ Младший брат лорда-маршала Джорджа Кита; в феврале 1728 г. приехал из Испании и поступил на русскую службу, на которой оставался до 1747 г., став генерал-аншефом и кавалером орденов Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного. В 1740–1741 гг. — наместник в Малороссии (с правами гетмана). Считается основателем русского масонства (*Городницкий Р.А., Серков А.И.* Система и ритуалы российского масонства XVIII–XIX вв. (Исправленный шотландский устав). Т. 1. М., 2021. С. 13–16). Впоследствии — генерал-фельдмаршал Фридриха II, погиб в битве при Хохкирге.

²⁵ Генри Стирлинг (1688–1754) был женат на дочери адмирала Анне Гордон (*Fraser W.* The Stirlings of Keir, and their family papers. Edinburgh, 1858. P. 120, 121). О роли Стирлинга в контексте русско-якобитских связей см.: *Wills R.* The jacobites... P. 50, 73. О «Тобоской ложе» см.: *Murdoch S.* Tilting at windmills: the order del Toboso as a jacobite social network // *Loyalty and identity: jacobites at home and abroad* / Ed. by P. Monod, M. Pittock, D. Szechi. Basingstoke, 2010. P. 243–264.

берта Карловича Арескина (1677–1718), родственника гр. Мара²⁶. Главное действующее лицо в тайных переговорах Петра I с якобитами, Арескин обучался медицине в Эдинбурге, Утрехте и Париже, знал несколько европейских языков и с 1703 г. являлся членом Лондонского королевского общества. Ещё в 1704 г. он приехал в Россию, где устроился домашним доктором кн. А.Д. Меншикова и привлёк внимание Петра, который очень высоко ценил его знания. Об этом, в частности, свидетельствовал и огромный оклад в 3 тыс. руб. в год. Лечением больных, медицинскими и ботаническими штудиями «дохтур» не ограничивался. Пользуясь обширными связями в учёном мире Европы, он отвечал за приглашение в Россию иностранных специалистов и приобретение книг, инструментов, раритетов, вёл от имени монарха оживлённую переписку с заграничными учёными и коллекционерами. Но столь же усердно доверенный царский медик плёл нити интриг, направляя в чужие края секретные послания многочисленным родственникам и единомышленникам и ходатайствуя перед царём за своих «храбрых земляков»²⁷.

«Усердный якобит» Арескин значился в тайной переписке сторонников «претендента» как «Мэрфи» и «Мистер Дуддл» и играл важнейшую роль в период подготовки «заговора Юлленборга» — мятежа, названного по имени шведского посланника в Лондоне²⁸. Сопровождаемый неким «шотландским капуцином, прозванным Архангелом», Арескин ездил вместе с Петром в Париж, а затем перебрался в Амстердам, где вёл секретные переговоры о вторжении в Шотландию с «великим визирем» Карла XII — голштинским министром бароном Г.Г. фон Гёртцем, фактически руководившим политикой Швеции, и якобитским агентом Дж. Джернингхэмом²⁹. Именно благодаря этим беседам гр. К. Юлленборг уверился в том, что Пётр I смертельно «ненавидит» Георга I («Хэли», «Барнаби», «Херн») и «с охотой отправит его к самому дьяволу», так как убеждён в правах Якова III («Трумэн», «Мистер Браун», «Мистер Пол», «Мистер Петерсон», «Питер», «Мистер Филис») и желает восстановить его на престоле³⁰. Опытные подпольщики, якобиты привыкли действовать тайно и сплетали разветвлённые конспиративные сети с помощью шифров, паролей и знаков³¹. Понимая, что за государственную измену им грозит виселица, они вели себя предельно осторожно, сохраняя жизнь и свободу благодаря

²⁶ Дед Р. Эрскина приходился младшим единокровным братом Дж. Эрскину, 3-му графу Мару (1585–1653), прадеду 6-го графа Мара. Стирлинг — сын Мэри Эрскин, сестры Арескина. Об Арескине подробнее см.: *Appleby J.H.* Robert Erskine: Scottish pioneer of Russian natural history // *Archives of Natural History*. 1982. № 3. P. 377–398; *Лебедева И.Н.* Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // *Русские библиотеки и их читатель*. Л., 1983. С. 98–105; *Морохин А.В.* О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. // *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14. № 6. С. 110–126.

²⁷ *Calendar of the Stuart papers*. Vol. II. L., 1904. P. 323.

²⁸ Заговор Юлленборга был раскрыт в конце января 1717 г. (*Chance J.F.* The Swedish plot of 1716–1717 // *English Historical Review*. 1903. Vol. XVIII. P. 81–106; *Fritz P.S.* The English ministers and Jacobitism between the Rebellions of 1715 and 1745. Toronto, 1975. P. 8–27).

²⁹ Донесение сопровождавшего царя во время поездки во Францию камер-юнкера двора Этьена Франсуа де Либуа из Кале от 28 апреля 1717 г. // *Сборник Императорского Русского исторического общества* (далее — *Сборник ИРИО*). Т. 34. СПб., 1881. С. 171; *Schuhard M.R.* Emanuel Swedenborg, secret agent on earth and in heaven. Jacobites, jews and freemasons in early modern Sweden. Brill, 2011. P. 121.

³⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 276, оп. 2, д. 133/2, л. 340.

³¹ *Monod P.K.* Jacobitism and the English people, 1688–1788. Cambridge, 1989. P. 7, 8. См. также: *Francis G.R.* Jacobite drinking glasses and their relation to the Jacobite medals // *British Numismatic*

способности менять личности, маскироваться, скрываться от любопытных глаз и интриговать. И поскольку развёрнутая ими деятельность не ограничивалась Европой, неудивительно, что по мере активизации контактов сторонников Стюартов с Петербургом стало ощущаться их влияние на планы Петра I по проникновению в Атлантику и Индийский океан. При всей кажущейся «разбросанности», недостаточной продуманности и авантюризме этих замыслов в них обнаруживается единая имперская логика, за которой стояло стремление превратить Россию из страны, время от времени попадавшей в орбиту политики великих держав, в полноправного участника большой геополитической игры, разговаривающего с партнёрами с позиции силы³². Со своей стороны, якобы бы Дж. Кэмок, У. Морган, Дж. Норкросс и Дж. Вейт пытались использовать амбиции царя в собственных интересах.

Кэмок и «якобитские» пираты. В 1712 г. британский морской офицер и ирландский якобит Джордж Кэмок (1666? – 1722?) предпринял неудачную попытку поступить на русскую службу. В 1714 г. его обвинили в симпатиях к Стюартам и вынудили перебраться в Испанию, где он занялся каперством и торговлей оружием, устроившись затем на испанский флот. 28 марта 1718 г. в секретной петиции он предложил королеве Марии Моденской заключить союз с пиратами Багамских островов, которые, по его словам, «ради борьбы с общим врагом» были «готовы единодушно провозгласить Якова III своим королём»³³. Однако об этих намерениях не следовало сообщать никому, кроме самого «претендента», герцога Ормондского и гр. Мара. По сведениям Кэмока, пираты располагали «двумя 50-пушечными и двумя 40-пушечными кораблями, и примерно 16 шлюпами и бригантинами от 12 до 6 пушек», а также «одним из Багамских островов, на котором возвели оборонительную цитадель и установили 24 пушки». Они «смирненно желают», утверждал Кэмок, чтобы Яков III прислал на Нью-Провиденс верного человека с полномочиями «генерал-губернатора Америки», который предоставил бы им амнистию и каперские грамоты³⁴. В случае, если бы его сочли «достойным к исполнению столь великой миссии», Кэмок обещал приобрести в Кадисе 50-пушечный корабль и, набрав три десятка верных офицеров, захватить Багамские острова, создать там из торговых призов собственный флот и разрушить британскую торговлю в Карибском море. Но, судя по всему, планы Кэмока при дворе Якова III признали чересчур авантюрными.

Между тем надежды Кэмока на Нью-Провиденс, где шла кровопролитная война против пиратских банд Чарльза Вэйна, Тича Чёрной Бороды и Стида Боннета, могли быть небезосновательными³⁵. К тому времени в британских

Journal. 1921–1922. Vol. 16. P. 247–283; Guthrie N. The material culture of the Jacobites. Cambridge, 2013; Pittock M. Material culture and sedition, 1688–1760: treacherous objects, secret places. Basingstoke, 2013.

³² Подробнее см.: Копелев Д.Н. Битва портуланов: Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб., 2019. С. 390–492.

³³ Lewis H.M. George Camocke's 1718 proposal of a jacobite-pirate alliance // The Mariner's Mirror. 2021. Vol. 107. Issue 3. P. 366–370.

³⁴ Calendar of Stuart papers. Vol. VI. L., 1916. P. 213–216.

³⁵ Bialuschewski A. Jacobite Pirates? // Histoire Sociale – social History. 2011. Vol. 44. № 87. P. 147–154. О политических аспектах пиратства и его связях с якобитским движением см.: Rediker M. Villains of all nations: Atlantic pirates in the Golden age. Boston, 2004. P. 93; Woodart C. The Republic of pirates: being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the Man Who Brought Them Down. Boston, 2008. P. 102, 103; 230, 231; Fox E.T. Jacobitism and the «Golden age» of piracy, 1715–1725 // International Journal of Maritime History. 2010. Vol. XXII. № 2. P. 277–303.

владениях Северной Америки уже сложились собственные кланы и структуры, ревностно относившиеся к претензиям метрополии на управление колониями и сохранившие верность традиционным семейным политическим и религиозным идеалам. Поэтому симптоматично, что и пираты, не исключая их главарей, нередко происходивших из колониальной верхушки³⁶, зачастую симпатизировали якобитам, провозглашали «претендента» «своим королём» и даже предъявляли некие документы, якобы полученные от него³⁷.

Разумеется, трудно сказать, насколько сами они принимали эту «игру» всерьёз. Тем не менее один из пленников Боннета, торговец Дж. Киллинг, на судебном процессе засвидетельствовал, что пираты поднимали на борту тост за здоровье «Старого претендента» и высказывали надежду «увидеть его королём английской нации»³⁸. По словам захваченного пиратами в плен работорговца У. Снелгрейва, «за здоровье претендента, Якова III» в апреле 1719 г. пила и команда Т. Коклина³⁹. Разнообразные и разнородные «элементы» якобитской культуры можно обнаружить и в названиях пиратских кораблей⁴⁰. Боннет, например, переименовал свой «Ривендж» в «Ройял Джеймс»⁴¹. Это название приглянулось также Х. Дэвису и Э. Ингланду. Кроме того, о Стюартах и их сторонниках напоминали «Куин Эннс Ривендж» Тича Чёрной Бороды и капитана Лэйна, «Ройял Форчун», «Нью Кинг Джеймс» и «Дюк оф Ормонд»⁴². Следует учитывать и то, что «претендент» пользовался симпатией людей из низших слоёв общества, и те, кто считал себя отверженными, в целом симпатизировали якобитам, видя в них «собратьев по несчастью». Когда же на страну обрушился финансовый кризис, связанный с крахом «Компании южных морей», социальное недовольство и ненависть к правительству Георга I заметно усилились.

Капитан Морган и Мадагаскарский план. В конце 1710-х гг. команды Дэвиса, Ингланда, Б. Робертса и О. Левассера по прозвищу Ла Бус нашли приют на острове Сент-Мэри, расположенном к востоку от Мадагаскара. Именно поэтому план сотрудничества с ними получил в документах якобитов название «мадагаскарского».

В 1713 г. «посланцы пиратов» из Южных морей — некий капитан Симон Сен-Лежер и его сын Самуил обратились к секретарю шведского посольства в Ганновере И.-Г. Верфингу, предложив в обмен на протекторат Стокгольма передать в казну Карла XII 500 тыс. фунтов и прислать 25 кораблей. Не имея полномочий для ведения подобных переговоров, Верфинг направил Сен-Лежера в Гамбург к находившемуся там шведскому губернатору Бремена и Вердена гр. М. Веллингу, которого заинтересовали странные гости, сообщившие, что они готовы поступить на королевскую службу и привести с собой 1400 человек. Граф обещал переговорить по этому делу с секретарём иностранных дел Д.Н. фон Гёпкином, и тот, в свою очередь, даже распорядился выбрать

³⁶ См., в частности, о происхождении Тича Чёрной Бороды: *Bialuschewski A.* Blackbeard: the creation of a legend // *Washington and Jefferson College Review*. 2012. Vol. 58. P. 39–54; *Brooks B.C.* «Born in *Jamaica*, of very creditable parents» or «A Bristol man born»? Excavating the real Edward Thache, «Blackbeard the pirate» // *The North Carolina Historical Review*. 2015. Vol. 92. № 3. P. 235–277.

³⁷ *Bialuschewski A.* Jacobite Pirates? P. 154, 159.

³⁸ *The Tryals of major Stede Bonnet, and other pirates.* L., 1719. P. 13.

³⁹ *Snelgrave W.* A new account of Guinea and the slave-trade. L., 1734. P. 216–217.

⁴⁰ *Fox E.T.* Op. cit. P. 287, 288.

⁴¹ *Rankin H.F.* The pirates of colonial North Carolina. Raleigh, 1977. P. 5.

⁴² *Копелев Д.Н.* Битва портуланов... С. 282–292.

подходящее убежище для пиратов на юго-западном побережье Швеции — небольшой порт Кунгсбакка, откуда можно было контролировать перевозки по Каттегату. Однако король находился тогда в Османской империи, и переговоры прервались⁴³.

В мае 1718 г., будучи в Лунде, король узнал от полковника К.М. Лейтрума о попытках пиратов установить контакт с Копенгагеном. Вместе с тем обсуждалась и возможность создания шведской колонии на Мадагаскаре и восстановления шведами своей Ост-Индской компании в Гётеборге. В июне 1718 г. в Стрёмстад к Карлу XII прибыли очередные «пиратские» посланцы с Мадагаскара — бывший офицер британского флота капитан У. Морган и его компаньон Ж. Монери, сулившие большие суммы денег и выражавшие готовность начать нападения на английские корабли⁴⁴. Встретившись с ними, король поручил вести дальнейшие переговоры барону фон Гёртцу.

Правда, отношение обоих «эmissаров» к Мадагаскару не могло не вызывать сомнений: «капитан Морган» был известным якобитским агентом — подобно Кэмоку он покинул страну в 1716 г. и служил на испанском флоте. «Честный и надёжный» человек, как охарактеризовал его гр. Мар в письме гр. Диллону 14 ноября 1718 г.⁴⁵, Морган, по словам герцога Ормондского, «немало пострадал за правое дело»⁴⁶. Высоко оценивая заслуги Моргана, Яков III рассчитывал поручить ему впоследствии организацию своего флота и видел в его связях с «пиратами» с острова Сент-Мэри «счастливый поворот судьбы»⁴⁷.

Трудно сказать, о чём именно шла речь на секретных аудиенциях, но в результате 24 июня 1718 г. пираты получили от Карла XII охранную грамоту, согласно которой Морган назначался губернатором Сент-Мэри и мог самостоятельно выбрать себе помощников. Прекрасную гавань острова предполагалось превратить в шведскую военную базу, а пираты становились королевскими подданными и обещали передать в казну около полумиллиона фунтов стерлингов. В Швеции собирались направить в Индийский океан секретную экспедицию под командованием подполковника К. фон Врангеля и двух его помощников — О.В. фон Клинкустрёма (доверенного секретаря Карла XII, выполнявшего ранее в Бендерах специальные поручения на переговорах с татарским ханом) и капитана К.-Г. Манделя. Им предстояло собрать сведения о состоянии торговли и о горном деле на Мадагаскаре. Причём о задаче плаванья знали только его руководители, остальным они должны были сообщить о ней уже после прохождения Канарских островов. Вместе с тем Морган сообщил все детали порученного ему дела одному из руководителей якобитского подполья — гр. Диллону (1670—1733), прося его никого не посвящать в тайну, кроме Якова III и гр. Мара. Для «претендента» граф подготовил особую записку, в которой излагались положения охранной грамоты, предоставленной Моргану

⁴³ *Koninckx Ch.* The first and second charters of the Swedish East India company 1731—1766. Kortrijk, 1980. P. 34; *Wanner M.* The Madagascar pirates in the strategic plans of Swedish and Russian diplomacy 1680—1730 // *Prague papers on the history of international relations*. Prague; Vienna, 2008. P. 73—94.

⁴⁴ Подробнее см.: *Schuhard M.R.* Emanuel Swedenborg... P. 150—153.

⁴⁵ *Calendar of the Stuart papers*. Vol. VII. L., 1923. P. 535.

⁴⁶ The Jacobite attempt of 1719. Letters of James Butler, second duke of Ormonde, relating to cardinal Alberoni's project for the invasion of Great Britain on behalf of the Stuarts, and to the landing of a Spanish expedition in Scotland. Edinburgh, 1895. P. 54.

⁴⁷ *Cruikshanks E.* The second duke of Ormond and the Atterbury plot // *The dukes of Ormonde, 1610—1745* / Ed. by T. Barnard and J. Fenlon. Woodbridge, 2000. P. 251.

Карлом XII⁴⁸. В письме гр. Мару 7 октября 1718 г. гр. Диллон изображал капитана как «деятельного и преданного человека, которому доверено руководить пиратами»⁴⁹.

Однако добраться до Мадагаскара шведам не удалось. Осенью 1718 г. Клинкустрём отправился вместе с Морганом в Мадрид, где они прожили целый месяц, ежедневно встречаясь с герцогом Ормондским, представлявшим интересы Якова III при испанском дворе. Там пираты якобы соглашались не только передать шведам 30 кораблей, но и участвовать во вторжении в Шотландию для реставрации Стюартов⁵⁰.

О том, что в сложные якобитские интриги удалось втянуть и Петра I, толковали ещё во время заговора Юлленборга. Так, французский посланник в Петербурге гр. Ж. де Кампредон сообщал в Париж о подготовке якобитской экспедиции и некоем «плане этого предприятия», который будто бы был «на-черно набросан царём» и найден в бумагах Гёртца, арестованного после гибели Карла XII⁵¹. Ф.И. Соймонов отметил позднее, что «сысканные у сих обоих королевских советников (Юлленборга и Гёртца. — Д.К.) письма показывали согласной умысел к произведению оного в действо тогда, когда бы король шветской выехал в Англию з двенадцатью тысящами пехоты и с четырьмя конницы, и со многим ружем для вооружения двенатцати тысяч агличан. И якобы из оных писем видно было, что шведы имели добрую надежду о привлечении Великого Петра к сей измене»⁵².

Петербург, разумеется, отрицал своё участие в проектах реставрации Стюартов. 17 октября 1720 г. русский резидент в Лондоне М.П. Бестужев-Рюмин передал британскому правительству пространный мемориал, в котором утверждалось, что «его царское величество никогда не давал своего защищения бунтовщикам противу великобританской короны», но царь «не почитает себя обязанным отвечать за каждого приезжавшаго в области его англичанина, ни разсматривать, претендента он сторона или нет». Какие-либо «секретные намерения», обсуждавшиеся с Гёртцем, при этом категорически отрицались, а сам Георг I обвинялся в попытках создать коалицию против России⁵³. Ознакомившись с документом, британцы предписали Бестужеву-Рюмину покинуть страну в течение восьми дней.

На рубеже 1718–1719 гг. якобитское движение перенесло серию ощутимых ударов. 19 ноября 1718 г. на минеральном курорте в Олонце после тяжёлой болезни скончался Арескин⁵⁴. Его близкие подозревали отравление. 30 ноября в Норвегии при осаде датской крепости Фридрихсгал погиб Карл XII, а в марте 1719 г. был казнён Гёртц, обвинённый в государственной измене. Неудачей закончились и подготовленные якобитами военные экспедиции: в марте 1719 г. ураган разметал вышедший из Кадиса флот герцога Ормондского; вспомогательная эскадра лорда-маршала Д. Кита сумела высадить

⁴⁸ Calendar of the Stuart papers. Vol. VII. P. 362, 363.

⁴⁹ Ibid. P. 196.

⁵⁰ Подробнее см.: Syveton G.G. L'erreur de Goertz // Revue d'histoire diplomatique. 1895–1896. Vol. IX–X. № 3,5 et 1–4; Murray J.J. Sweden and the Jacobites // Huntington Library Quarterly. 1944–1945. Vol. VIII. P. 259–276; Coroban C. Op.cit. P. 131–152.

⁵¹ Сборник ИРИО. Т. 52. СПб., 1886. С. VII–IX.

⁵² Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб., 2012. С. 329, 341.

⁵³ ОР РНБ, ф. 885, д. 313, л. 93 об.

⁵⁴ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 246, л. 172, 172 об.

десант в заливе Лохалш, но испано-шотландский корпус был разбит в июне при Глен-Шиле.

Впрочем, якобитов это не остановило. Под руководством Фрэнсиса Аттербери, епископа Рочестерского, они подготовили новый заговор, участники которого рассчитывали ранней осенью 1722 г., воспользовавшись парламентскими выборами, поднять мятеж в Лондоне и одновременно высадить, при поддержке Испании и Швеции, вооружённые отряды в Корнуолле и Шотландии. Для переправки войск в Кадисе подготовили суда шведской Мадагаскарской компании под английским вымпелами. Возглавить их должен был «губернатор Мадагаскара» Морган⁵⁵.

Осенью 1721 г. в Кадис направились шведская экспедиция под командованием генерал-адъютанта и командора К.Г. Ульриха. По пути ему надлежало «сыскывать губернатора Моргона», который скрывался тогда в бретонских поместьях герцога Ормондского⁵⁶. Ульрих должен был вручить капитану грамоты о поступлении на службу в шведскую Ост-Индскую компанию, занимавшуюся торговлей с Бразилией и Африкой, и о назначении губернатором Сент-Мэри⁵⁷. После этого им следовало, согласно официальному предписанию, отправиться через Кадис к Сент-Мэри. Командующему строго предписывалось «все сие предприятие зело тайно хранить и скрытно содержать, чтоб ни единая душа сего дознаться не могла, не токмо кому сие вскрыть, и дать малого о сем, что знать». Всю переписку следовало вести с помощью «цыфирного шифра, дабы когда случитца в подданийших своих писмах для уведомления приметы достойные писать, то писать оное цифрою»⁵⁸.

В начале 1722 г. Морган объявился в Кадисе, где его с октября 1721 г. ожидал Ульрих. Но к этому времени якобитские планы вновь сорвались — в Лондоне арестовали участников заговора, а Морган, «едва начав помышлять на экспедицию», «к походу не мог изговица», «обезденежал»⁵⁹ и вовсе покинул Кадис. Между тем на шведской эскадре вспыхнул мятеж, и командору пришлось вернуться в Швецию, где его приговорили к смертной казни, заменённой затем тюремным заключением в крепости Марстранд. Уже через год он вышел на свободу и в январе 1724 г. перебрался в Петербург. В феврале он получил аудиенцию у Петра I и передал царю королевские инструкции, данные ему 16 августа 1721 г., и материалы своего судебного процесса⁶⁰. Морган, пообещав Ульриху прибыть в Швецию⁶¹, перебрался с сыном в Геную⁶², продал в 1723 г. суда шведской Мадагаскарской компании, после чего бесследно исчез.

Лондонская миссия Джона Норкросса. Впервые искать несостоявшегося «губернатора» начали ещё летом 1722 г. Поиски его поручили направленному в Лондон капитану Дж. Норкроссу, бывшему офицеру британского флота, тесно связанному с якобитским подпольем. Он принимал участие в восстании

⁵⁵ Cruickshanks E., Erskine-Hill H. The Atterbury plot. N.Y., 2004. P. 111–125, 149–152.

⁵⁶ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 246, л. 24 об.; Journals of the House of Lords. Vol. 22. L., 1722. P. 150; Cruickshanks E., Erskine-Hill H. The Atterbury plot. P. 152.

⁵⁷ В 1721 г. Морган уже натурализовался в Швеции и указом короля Фредерика I был возведён во дворянство.

⁵⁸ РГА ВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 29, л. 48, 50 об.

⁵⁹ Там же, л. 59 об., 62, 66.

⁶⁰ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / Публ. К.А. Залесского, В.Е. Климанова, И.В. Курукина. М., 2018. С. 683.

⁶¹ РГА ВМФ ф. 223, оп. 1, д. 29, л. 79 об.

⁶² Cruickshanks E., Erskine-Hill H. The Attenbury plot. P. 152.

1715 г., сражался в войсках гр. Мара при Престоне, затем бежал в Бретань и обосновался в Сен-Мало. Здесь он приобрёл небольшое 4-пушечное судно и каперствовал в Северном море, пока его не захватили дюнкеркские корсары, передавшие пленника в Англию. После освобождения Норкросс в 1716 г. переехал в шведский Гётеборг и в разгар подготовки первой шведской экспедиции на Мадагаскар свёл знакомство с Морганом⁶³. Человек это был, как писал гр. Диллон гр. Мару 8 марта 1718 г., «довольно неуравновешенный, легкомысленный». Его затеи не вызывали доверия. Однако казалось, что «он верен делу короля» и, будучи хорошим моряком, может оказаться полезен в контактах с пиратами⁶⁴.

В июне 1721 г. Наркросс, уже как шведский капитан, поступил на русскую службу, но всего через полгода вышел в отставку. Возможно, это объяснялось тем, что, отправляя подобных эмиссаров с тайными поручениями, их увольняли со службы, дабы они не компрометировали Петербург в случае провала. В июне 1722 г., в самый разгар заговора Аттербери, Норкросс неожиданно объявился в Париже и вместе с якобитским полковником Д. О'Брайеном («шевалье Абриен») предстал перед послом кн. В.Л. Долгоруковым, сообщив, что по заданию императора послан в Лондон для установления связи с пиратами Мадагаскара: «Повелено ему, Наркросу, нашед тех пиратов, обещать им протекцию Вашего императорского величества и что позволено им будет жить в городе Архангелскаго или в ближних оттуда местах». Российская протекция предоставлялась на тех же условиях, что и шведская: пираты должны были передать в казну 1 млн экю⁶⁵. По словам князя, шведы всерьёз опасались успешного завершения миссии, и поэтому «хотят его, Норкросса, от того отворотить и для того прислали ему... то прошение и зовут его в службу, чтоб его к тому делу с теми пиратами употребить». Капитан предъявил послу паспорт, «который дан ему от адмиралтейства... которой он почитает за абшит, ибо в оном написано, что жить ему, где он пожелает». Впрочем, доверия у князя посетитель не вызвал. К тому же в посольстве узнали, что Норкросс собирается ехать во Фландрию, а оттуда в Швецию, как писал кн. Долгоруков, «для употребления его дела, понеже прошение получил, а по его разговорам и сам мог видеть, ежели он о вышедонесенном деле о тех пиратах указу Вашего императорского величества не имеет, то он, Норкрос, пропустил, как я чаю, нарочно, тот голос, чтоб тем ему поправить дела его в Швеции и упомянутое б прошение получить»⁶⁶.

После этой встречи в Париже следы Норкросса теряются. Только в 1727 г. выяснилось, что связной якобитов и пиратов стал узником датского правительства. Его приговорили к тюремному заключению, и он провёл в Копенгагенском замке 15 лет. В 1742 г. ему смягчили режим, но до самой смерти в 1758 г. из замка так и не выпустили.

Джеймс Вейт и работорговля. Деятельность Моргана и Наркросса стала частью тайных операций русского правительства по подготовке секретной Мадагаскарской экспедиции 1723–1724 гг., идея и замысел которой возникли по аналогии с якобитскими конспиративными схемами, разработанными во время

⁶³ Fox E. T. Op. cit. P. 292.

⁶⁴ Calendar of the Stuart papers. Vol. VI. P. 110.

⁶⁵ Cruickshanks E. The second duke of Ormond... P. 251.

⁶⁶ ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 82, 82 об.

«заговора Аттербери»⁶⁷. Реакция Лондона на её подготовку напоминала меры, предпринятые во время заговора Юлленборга. Британским торговым судам тогда запретили совершать плавания в Швецию, а для защиты ганноверских владений от возможных происков шведов и русских в Балтийское море направили военную эскадру. Масла в огонь подливали многочисленные памфлеты и брошюры, изображавшие бедствия, которые грозили жителям Британских островов в случае иноземного вторжения. В одном из них, предположительно принадлежавшем перу Д. Дефо, описывались «гнусные интриги» Юлленборга и Гёртца, в результате которых возник «злостный союз», объединивший вокруг Стюартов «готов и вандалов, московитов, турок, татар, итальянских и французских папистов». Орду эту возглавлял король Карл XII, жестокий деспот, третирующий своих «раболопных и варварских подданных» и относящийся к ним как к «грубой скотине»⁶⁸. В другом памфлете Дефо призывал соотечественников не повторять губительных ошибок Карфагена и Константинополя. Иначе «поля покроются кровью... долины будут опустошены, народ ограблен, девственницы подвергнутся поруганию, церкви разорят, стариков и молодых поубивают»⁶⁹.

Подобные настроения были весьма характерны и для 1720-х гг. Якобитский заговор «дамокловым мечом» нависал над новой династией, порождая чудовищную смесь реальных опасений, пустых домыслов и надежд. Муссируя «русскую угрозу», в Лондоне с тревогой ожидали появления у северных берегов Шотландии московитских эскадр, ведомых лидерами якобитского подполья. В июне 1722 г., например, посол Великобритании во Франции Л. Шауб доносил статс-секретарю Южного департамента Дж. Картерету о «кораблях, которые царь снаряжает в Архангельске, и к этому причастны якобиты»⁷⁰. Заговорщики рассчитывали на то, что для десантирования сторонников «претендента» Пётр I направит из Архангельска в Шотландию транспортный конвой и экспедиционный корпус в составе «4 тысячи инфантерии и 2 тысячи кавалерии без лошадей, только со всем оружием и принадлежащим к лошадям». Они высказывали уверенность, что Пётр I «больше к сему намерению будет склонны, понеже не в пример способнее сие делать Вашему императорскому величеству как покойному блаженной памяти королю шведскому, который сие намерение имел, когда б ему не помешала смерть». За это Яков III обещал «знаменитому во всей вселенной» императору сохранять секретность всего, что тот для него сделает, а также гарантировал заключение союза в случае своего вступления на престол⁷¹.

Неудивительно, что при таких условиях любая военно-морская операция Петербурга привлекала самое пристальное внимание, и отправка двух русских фрегатов из бухты Рогервик на Мадагаскар в декабре 1723 г. не осталась не-

⁶⁷ Подробнее см.: *Копелев Д.Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. // *Вопросы истории.* 2016. № 3. С. 90–107.

⁶⁸ [Defoe D.] An Account of the Swedish and Jacobite plot. With a vindication of our government from the horrid aspersions of its enemies. And a postscript, relating to the Post-Boy of Saturday, Feb. 23. In a letter to a person of quality, occasion'd by the publishing of count Gyllemborg's letters. L., 1717. P. 8, 21.

⁶⁹ Defoe D. What if the Swedes should come? With some thoughts about keeping the army on foot, whether they come or not. L., 1717. P. 7, 8, 31.

⁷⁰ Wills R. The jacobites... P. 77.

⁷¹ Архив СПбИИ РАН, ф. 276, оп. 2, д. 133/2, л. 464; ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 79 об.–80 об. См. также: Wills R. The jacobites... P. 71–77.

замеченной. 9 февраля 1724 г. граф де Кампредон направил государственно-му секретарю по иностранным делам Франции Ш.-Ж.-Б. де Флерье, графу де Морвилю, тревожное донесение о двух фрегатах, высланных «было царем из Ревеля», которые «вернулись туда, сильно пострадав от бури». «Полагают, — ошибочно писал Кампредон, — что фрегаты эти направляются к острову Табаго с целью учредить там колонию под тем предлогом, будто прежде его населяли курляндцы»⁷².

Более точными сведениями располагал капитан 3-го ранга Дж. Ден, бывший морской офицер, отбывший ссылку в Казани и выехавший в Великобританию в конце 1723 г.⁷³ Вернувшись на родину, Ден в течение года приводил в порядок свои записки и готовил труд, посвящённый созданию и состоянию российского флота⁷⁴, в котором раскрывались и некоторые детали подготовки Мадагаскарской экспедиции: «Холода этой зимой не установились столь же рано, как это обычно бывало, и вице-адмирал Вилстер с капитанами Лоренсом и Мясным на “Кронделивде” и “Амстердам-Галее”, вооружённых 36 орудиями каждый и имеющих по 180 человек экипажа, с запасом продовольствия на 8 месяцев были отряжены в тайную посылку, как полагают, к Мадагаскару, для того чтобы возглавить там неких пиратов, которые некоторое время назад сделали выгодные предложения в случае, если они получают покровительство его царского величества. Дважды они пытались идти в путь, но, столкнувшись со встречными ветрами и непогодой, были принуждаемы возвращаться к Ревелю». Как предположил П.А. Кротов, Ден покинул Россию «поздней осенью 1723 г.». Но, возможно, это произошло несколько позднее, поскольку британец располагал информацией о январской катастрофе 1724 г., случившейся во время ремонта вернувшихся назад кораблей экспедиции — при килевании фрегата «Амстердам-Галей» погибло 16 матросов. Ден, правда, ошибочно полагал, что в ревельских доках пострадал тогда экипаж «Декронделивде» (по его словам, «утонули капитан-поручик с 13 моряками»)⁷⁵.

Сведениями о происходившем на Балтике располагали и информаторы Якова III. 25 мая 1724 г. капитан 2-го ранга Д.С. Калмыков, ранее обучавшийся штурманскому делу в Великобритании, сообщил генерал-адмиралу гр. Ф.М. Апраксину, что «в недавнем числе» познакомился с ирландцем Джеймсом Вейтом, представителем «претендантской» партии», который прибыл в 1723 г. пассажиром на французской торговой флейте и надеялся поступить на русскую службу. Прежде, как выяснил Калмыков, Вейт служил в Компании всех Индий Дж. Лоу, что доказывали соответствующие патенты. «По всему видно, — отмечал Денис Спиридонович, — что человек неглуп, и морской человек, но паче ведущ в купеческих обхождениях». Вейт располагал и необходимыми связями среди петербургских яacobитов, в частности, упоминал в беседе о знакомстве с генерал-поручиком П.П. Ласси, обосновавшимся в России ещё

⁷² Сборник ИРИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 160; *Копелев Д.Н.* Битва портуланов... С. 390–406.

⁷³ Подробнее о нём см.: *Deane J.* History of the Russian fleet during the reign of Peter the Great by a contemporary Englishman (1724). L., 1899 (русский перевод: *Ден Д.* История российского флота...). См. также: *Лабутина Т.Л.* Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 177–188.

⁷⁴ Своё сочинение Ден преподнёс Георгу I, и уже 11 мая 1725 г. был официально назначен британским генеральным консулом в Петербурге (*Wills R.* The jacobites... P. 101–106). 2 июня он прибыл в Кронштадт, но уже 21-го его выслали из страны.

⁷⁵ *Ден Д.* История Российского флота... С. 15, 144–145.

в 1700 г. Излагая Калмыкову свои соображения о торговле в Индийском океане и колонизации Мадагаскара, Вейт добивался скорейшего представления гр. Апраксину, причём особо настаивал на том, чтобы никто о нём «не ведал», кроме генерал-адмирала и Петра I. Согласно рапорту Калмыкова, Вейт, по его словам, уже собирался вернуться во Францию и даже сел на корабль, «но услышал, что его императорское величество скоро ожидаем сюда», и «нарочно сошел для ожидания», надеясь на встречу с монархом⁷⁶.

План Вейта предусматривал организацию масштабной заморской торговли, которая связала бы в единый логистический узел Атлантику и Индийский океан. Для этого Петербургу рекомендовалось вклиниться в систему работорговли, сложившуюся в рамках Атлантического «золотого треугольника»⁷⁷, расширив её за счёт освоения новых центров в Бразилии, Мозамбике, на Мадагаскаре и Маскаренских островах. Начать следовало с одного 750-тонного судна, на котором можно было бы перевезти тысячу «арапов» и сопутствующие товары: «Корабль для такова взятия надобно быть хорошему и не новому; людей на нем от 160 до 200 человек, а пушек 40». В августе–сентябре его предлагалось направить из Балтики через Ла-Рошель в Рио-де-Жанейро, куда доставить закупленное по пути вино. Затем предстояло набрать необходимые туземцам товары и, устроив «возбуждение к охоте для будущего купечества», двигаться к Маскаренским островам, на остров Бурбон (Реюньон), закупая «арапов» на Мадагаскаре и в Мозамбике и переправляя их в Бразилию. «Еще же, думаю, — добавлял Вейт, — надобно ради благохранения такового восприятия, чтоб его императорское величество подал свою амнистию (забвение или прощение) всем таковым пиратам, которые попадутся или в Мадагаскаре, или Индии, где, пронаписуя им впредь жить честно и под позволение в своем государстве жить смирно, которым образом многия приклонятся, которые чрез меры и количества и богатства бес сумнения распространять публичную благодать и прибыль какия-либо нации». При этом напоминалось, что «приумножение, богатство и крепость» французских владений на Бурбоне и Маврикие было обеспечено «чрез многое число пиратов, которых они приняли и паки принимают и укрывают своею протекциею». Знал Вейт и о планах шведов, но, по его мнению, «пираты приятнее примут протекцию его императорского величества, нежели шведскаго короля и французской Индийской компании, свободы ради бытия в своих разных религиях, которых от оныя власти отрешают всех, которые не их религии»⁷⁸.

Неизвестно, состоялась ли встреча императора с Вейтом. Однако представленная им записка и история контактов с «якобитскими» пиратами позволяют лучше понять, как идеи сторонников Стюартов влияли на формирование российского внешнеполитического курса. Предложения и замыслы заговорщиков не осуществились, однако, появившись, они не исчезали бесследно, подталкивали к составлению новых проектов, порождали напряжённость и недоверие, создавали почву для дезинформации, слухов и домыслов. Так, неудача Мадагаскарской экспедиции привела к новому витку толков. Не успев приехать в Кронштадт, Ден получил сведения о том, что к выходу в море готовят-

⁷⁶ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 246, л. 334–334 об.

⁷⁷ О работорговле см.: *Klein H.S.* The Atlantic slave trade. Cambridge, 1999; *Eltis D.* The rise of African slavery in the Americas. Cambridge, 2000; *Редикер М.* Корабль рабов: История человечества. М., 2021.

⁷⁸ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 246, л. 291 об.–292 об.

ся 12 русских кораблей, которые якобы совместно со шведами «отправляются в некую особую экспедицию». Его агенту стало известно, что эта эскадра принадлежит Миссисипской компании, но в действительности снаряжалась на деньги испанских Бурбонов и папы Римского и предназначена для поддержки якобитов⁷⁹.

В целом, использование якобитских сетей позволяло Петербургу нащупывать уязвимые места своих противников и собирать важную информацию. Однако, разумеется, надежды и ожидания соседствовали тут с пустыми миражами и мистификациями. Получая постоянно обновляющиеся и противоречивые сведения, находясь под влиянием меняющихся и «мутирующих» идей, руководители империи не раз подвергались сложным политическим манипуляциям и часто были вынуждены принимать решения, не вполне осознавая, что происходит в реальности.

⁷⁹ *Wills R.* The jacobites... P. 106–107.

В поисках «отравителей»: пути распространения слухов в Центральной России летом 1831 г.

Александр Егоров

In search of «poisoners»: the ways of rumor transmission in Central Russia in the summer of 1831

Alexander Egorov
(Petrozavodsk College of Urban Economy, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020121, EDN: FURHYM

Эпидемия холеры в Европе в 1830–1832 гг. не только привела к большим жертвам, но и вызвала целую серию массовых беспорядков и актов насилия. Всплеск агрессии был тесно связан с распространением слухов, возлагавших вину за необъяснимые и пугающие смерти на отдельных людей или определённые группы населения¹. Бытовали они и в России, появившись ещё осенью 1830 г., практически одновременно с началом эпидемии. Летом 1831 г. их воздействие на население достигло кульминации и ощущалось до осени, когда заболеваемость пошла на спад².

За этот год всю европейскую часть России охватила настоящая холерная паника. Как писал Р. МакГрю, «истерия, вызванная страхом отравления, была в действительности попыткой объяснить мрачные страхи, которые были порождены возвращением холеры. Поскольку яд воспринимался как инструмент, используемый людьми в своих особых целях, истерия фокусировалась на конкретных “козлах отпущения”. Самыми популярными “злодеями” были предполагаемые польские агенты и иностранцы в целом, однако врачи и правительственные чиновники также включались в их число. К середине лета установившаяся массовая фобия поразила равным образом образованные и необразованные слои населения»³.

О холерных волнениях 1831 г. писали в историографии преимущественно мемуаристы и публицисты⁴, исследователи обращались к ним сравнительно

© 2022 г. А.К. Егоров

¹ Рюде Д. Народные низы в истории. 1730–1848. М., 1984. С. 231; Evans R.J. Epidemics and revolutions: cholera in nineteenth-century Europe // Past & present. 1988. Vol. 120. Issue 1. P. 131, 136–139.

² О распространении эпидемий холеры в России см.: Patterson K.D. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923 // Social science & medicine. 1994. Vol. 38. № 9. P. 1171–1191.

³ McGrew R. Russia and the cholera, 1823–1832. Madison, 1965. P. 106–107.

⁴ Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870; Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб., 1871; Евронеус И.И. Воспоминания // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 547–558; Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 году (рассказ очевидца) // Русский архив. 1868. № 6. Стб. 958–962; Лукинский В. Бунт в военных поселениях в 1831 г. Рассказ священника-очевидца // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 731–738; Матвеев Н.Е. Бунт в Старой Руссе в 1831 г. Рассказ очевидца // Там же. С. 389–398; Пржецлавский О.А. Воспоминания. Очерки Петербургской жизни // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 665–698; Рассказ священника Иоанна Парвова // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 280–294; Ховен И.Р. Холера в С.-Петербурге в 1831 году.

но редко и освещали в основном события, связанные с бунтами в Петербурге и в Новгородских военных поселениях⁵. Возникновение и распространение в то время слухов об «отравителях» до сих пор не анализировалось сколько-нибудь подробно. МакГрю видел в панике лета 1831 г. реакцию русского общества на холеру и антихолерные мероприятия, но рассматривал её в целом, не углубляясь в конкретные локальные эпизоды⁶. Между тем их изучение помогает лучше понять сложившуюся тогда обстановку и логику поведения людей.

В полной мере это относится к одному из очагов массового беспокойства, который возник в Орловской, Тульской и Калужской губерниях. 29 августа 1831 г. дворяне Елецкого уезда Орловской губ. в своём письме сообщали шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу о том, что «все беспорядки, случившиеся в Ефремове, Туле, Москве, Новгороде и самом Петербурге, суть последствия злодеяний в г. Ельце», где распространялись слухи о том, будто никакой эпидемии нет, но «дворяне рассылают людей с ядами, отравляют крестьян своих, под видом лечения их от мнимой заразы», и употребляют «другие подсобные средства для уничтожения народа». Подобные разговоры, как утверждалось в письме, велись в среде елецкого купечества и поддерживались некоторыми подкупленными чиновниками⁷. В результате «задерживались в некоторых казённых селениях проходящие люди и обыскивались — не имеют ли они при себе яда, были оскорбительные выражения насчёт иных дворян, толки об отравлении ими не только колодезей, но прудов, рек и съестных припасов, некоторые мещане позволяли грубости против господских людей, приезжавших на рынки»⁸. Как указывали авторы письма, делалось всё это в том числе и для возмущения крестьян против помещиков.

Как информировал управляющего МВД елецкий уездный предводитель дворянства, местные жители говорили, что «эпидемической болезни холеры в городе Ельце и некоторых селениях и деревнях уезда будто бы не существовало, а если болезнь и смертность и происходили в народе, то будто бы сие было следствие яда, бросаемого мной и дворянами в колодези»⁹.

Конечно, дворяне, пытаясь поставить свой уезд в центр всего случившегося тревожным холерным летом 1831 г., многое преувеличивали. Так, июньские «беспорядки» в Петербурге происходили раньше событий в Ельце, а новгородские военные поселения находились слишком далеко от Орловской губ. Тем не менее угроза массовых беспорядков встревожила представителей власти.

Началось же всё с того, что в конце июня 1831 г. в селе Чернаве Елецкого уезда Орловской губ. была задержана крестьянка Дарья Конева. На допросе

Рассказ современника и очевидца // Русская старина. 1884. Т. 44. С. 391–400; *Эйлер А.А.* Записки // Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 333–399; *Ярош С.А.* Доктор Иван Тимофеевич Богородский, одна из жертв бунта военных поселян 1831 г. // Русская старина. 1886. Т. 49. С. 581–586.

⁵ *McGrew R.* Op. cit. P. 98–128; *Барабанова К.С.* Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144; *Гессен С.* Холерные бунты (1830–1832 гг.). М., 1932; *Евстафьев П.П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934; *Каратыгин П.* Холерный год. 1830–1831. СПб., 1887.

⁶ *McGrew R.* Op. cit. P. 106–107.

⁷ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 578, л. 1–14; РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 58. После последовавшего расследования Николай I повелел сделать строгий выговор елецкому купечеству за «неосновательное оскорбление дворянства» (РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 94).

⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 30–38.

⁹ Там же, л. 5 об.

она показала, что вместе с 27 другими крестьянами была отправлена своим помещиком Николаем Даниловым, проживавшим в селе Полякове Шигровского уезда Курской губ. «в разные места для метания в колодцы мышьяку». Данилов якобы «после Светлой седмицы спустя три недели в воскресный день через дворового своего человека призвал её к себе в дом и дал завязанного в ветошке истолчённого в мелкий порошок, как он сказал, мышьяку», пообещав после исполнения поручения отпустить на волю¹⁰.

Однако вскоре выяснилось, что, будучи в дороге по своим делам, Конева сбилась с пути и подошла к колодцу, желая напиться воды. «Тут, — рассказывала она, — вышедшие из кабака мужики в пьяном виде, несколько человек, увидя меня около колодца, окружили, говоря с бранью, что я будто бы что-то бросала в колодец, принуждая меня в том признаться. Я, видя, что они пьяные, и боясь, чтобы не прибили меня, говорила им то, чего они от меня домогались, после чего они препроводили меня в город Елец, где меня в земском суде допрашивали». В конце концов Конева заявила, что на самом деле ничего в колодцы не бросала, а Данилова оговорила «из страха»¹¹. Ложность её первоначальных показаний подтвердил и исправляющий должность начальника II округа Корпуса жандармов П.И. Апраксин, 5 августа доложивший Бенкендорфу: «По исследованию в доме помещика Данилова равно и крестьян его ничего вредного не обнаружено»¹².

Однако Елецкий земский суд отнёсся к выдумкам Коневой очень серьёзно и даже направил бумагу о разосланных с ядом крестьянах городничему в г. Ефремов, находившийся в соседней Тульской губ. При этом произошло непредвиденное: когда данное сообщение распечатывалось в типографии, её служители «раздавали такие экземпляры и частным лицам»¹³. Как отмечал 24 июля в донесении министру внутренних дел тульский военный губернатор Е.Е. Штаден, это вызвало «распространение слухов и объявлений, сопровождавшихся толками. Они произвели в жителях города Ефремова и его уезда, пограничного с Елецким, сомнение к проходящим и проезжающим, особенно если кто из них приближался к колодцам, которые от того даже запирали. Недоверчивость сия подкреплялась тем, что в то же время в Ефремове и по уезду появилась холера»¹⁴.

Уже 28 июля Апраксин известил Бенкендорфа: «Майор Бегичев из Тулы доносит мне, что по случаю существования в Ефремовском уезде холеры назначенный попечителем одного участка в оном прапорщик Вельтишев, будучи в деревне Латошке, вздумал вылить в колодец несколько хлориновой воды. Жители в числе 8 человек, взяв в оном подозрение, прибыли для объявления в город Ефремов, где от разглашения их составила толпа любопытных людей и требовала выдать им Вельтищева, потом отправились в городскую больницу, взяли оттуда самовольно одного больного и отвели его в дом к Вельтищеву. Сим, однако же, дальнейшие беспорядки прекратились, ибо местные чиновники обще с членами магистрата, приступив тотчас к исследованию поступка Вельтищева, толпу сию успокоили и водворили тишину по-прежнему»¹⁵.

¹⁰ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 406, л. 1–2.

¹¹ Там же, л. 12.

¹² Там же, д. 359, л. 21.

¹³ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 481, л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 359, л. 13–13 об.

К 5 августа «следствие выяснило, что Вельтишев совершил необдуманный поступок — от простоты и знакомства его с однодворцем, коему рассказывал общие слухи, будто злонамеренные люди воду отравляют, имел опрометчивость вылить в колодец несколько бывшей при нём хлориновой воды... Вельтишев для успокоения однодворцев пил воду из колодца, но они, взяв у него пузырь с хлором, донесли о сём в Ефремов»¹⁶. В итоге действия Вельтишева полицейские власти сочли опрометчивыми¹⁷.

Начались беспорядки и в Туле. 10 июля толпа привела к тульскому полицмейстеру полковнику Хрущову коллежского секретаря Николая Бабкина, служившего ранее в Тотемском уездном суде дворянским заседателем, но уволенного со службы «за нетрезвость»¹⁸. Горожане говорили, что «дело сие им уже известно из имеющихся у них печатных афишек, и представили одну таковую, никем не подписанную»¹⁹. По словам же Бабкина, он возвращался с богомоля из Киева и перед самым домом был схвачен за то, что «будто бы посыпал нечто по дворам и в Никольский колодезь» или «сыпал какой-то порошок в колодезь». Ни в каких «злонамеренных» действиях задержанный не сознался, ничего подозрительного у него дома не обнаружили, вода в колодце оказалась безвредной.

Но какое «дело» было «уже известно» в Туле и о каких «афишках» шла речь? В печатном объявлении тульского военного губернатора, составленном для успокоения населения, утверждалось: «Когда распространились слухи, будто неблагонамеренные люди по городам и селениям кидают в колодцы мышьяк и отравляют съестные припасы, то начальство Тульской губернии приняло тогда же деятельнейшие меры для открытия истины, дабы о том, что окажется, известить жителей Тулы. Открылось, что сей ложный слух имел начало своё от женщины, лишённой ума, в городе Ельце»²⁰. Очевидно, при этом подразумевалась Конева, а Бабкина приняли за одного из отравителей.

Но откуда народ узнал про это «дело»? Прежде всего сказалось разглашение конфиденциальной информации сотрудниками типографии: «печатная афишка» являлась сообщением из Ельца в Ефремов или подобным документом. Вместе с тем даже документы, предназначавшиеся для успокоения населения, создавали потенциальную опасность для общественного порядка. В частности, об отравлении как возможной причине холерной смертности те жители, которые об этом ещё не слышали, могли узнать именно из печатного объявления тульского военного губернатора.

О Коневой и её «преступлении» через переписку губернских властей стало известно и в Калужской губ. 18 июля штаб-офицер корпуса жандармов доносил Бенкендорфу из Калуги: «Слухи об отравлении воды в колодцах начались со времени появления в России холеры, особенно таковые слухи чрезвычайно усилились по предположению, будто бы в белорусских губерниях поляки через своих агентов стараются возмутить народ, который, не смея восстать явно, действует тайно всеми способами к произведению зла. Ныне сделалось гласно, что здешний г[осподин] гражданский губернатор получил отношение от правящего должность тульского, [которое] извещает, что уличённая женщина

¹⁶ Там же, л. 20–20 об.

¹⁷ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 481, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 406, л. 18.

²⁰ Там же, д. 359, л. 23.

в отравлении ядом колодезной воды показала более 20 человек соучастников её, посланных Курской губернии Шигровского уезда от помещика Данилова по разным направлениям, с одним и тем же поручением; отношение сие хотя и основывается на показаниях самой уличённой, но по здравому смыслу вероятия не заслуживает; а между тем народ приводит в уныние»²¹.

Характерно, что тульские губернские власти сообщали именно о первоначальных показаниях Коневой, ложность которых тогда ещё не выявили. При этом не только «тёмные» низы, но и чиновники и в Туле, и в Ельце, и в других регионах страны, вопреки официальным заявлениям о природном происхождении холеры²², по меньшей мере допускали возможность отравления. Случай же с Вельтищевым показал, что и те, кому официально поручалось вести борьбу с холерой, невольно способствовали усилению тревожных слухов. И в Туле, и в Калуге власти преднамеренно или непреднамеренно предали огласке непроверенное сообщение, поскольку, скорее всего, сами не считали его неправдоподобным и пытались предупредить других. Этим могли руководствоваться и служители типографии, раздававшие текст с «сенсационной» и пугающей «новостью» посторонним.

Слова Коневой про целую группу злоумышленников, разошедшихся с ядом в разные стороны, получив широкую огласку, действительно могли спровоцировать активный поиск и задержание «отравителей». Согласно объявлению орловского комитета по борьбе с холерой, «в некоторых местах Елецкого уезда были взяты подозрительные люди, показавшие, что были посланы для отравления в колодезях и прудах воды. Показания эти не подтвердились, некоторые из этих людей сделали это в припадке сумасшествия, другие хотели оклеветать невинных или скрыть преступления... но “чернь” верит таким нелепостям, и приходит в суждение, отвлекается от своих занятий, не блюдёт о домашних обязанностях и трепещет от такой опасности, коей вовсе и не существует»²³. Тульский военный губернатор объявлял о том, что «несколько бродяг, пойманных без письменных видов, единственно в намерении продлить отправление к местам, куда принадлежат, воспользовались ложным сим слухом и показали при допросах, будто они посылаемы были для отравления колодцев»²⁴. В частности, из елецкого земского суда губернатору сообщали, что «был пойман бродяга, метавший в колодцы яд, он показал себя дворовым человеком, посланным от помещика Броничева, живущего Тульского уезда в деревне Авсейской — но на самом деле ни такового помещика, ни селения не оказалось, показания бродяги оказались ложью»²⁵.

Поймали «отравителя» и в Калужской губ. 29 августа Апраксин уведомил Бенкендорфа: «Подполковник Вепрейский доносит мне, что Калужской губернии в Мосальском уезде поймали в селе Ивановой Дубраве крестьянина помещицы Левашовой Михайла Кирова, бросающего что-то в колодцы. При спросе на месте он показал, что он с 11-ю человеками крестьян вотчинным своим бурмистром Ефимом Анисимовым послан в разные места с данною им травой.

²¹ Там же, л. 9—9 об.

²² Об этом, в частности, говорилось в манифесте «О смятении, бывшем в некоторых губерниях и Санкт-Петербурге, по случаю разнесшихся нелепых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры» (ПСЗ-II. Т. 6. СПб., 1832. № 4746. С. 741—743).

²³ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 406, л. 13—14.

²⁴ Там же, д. 359, л. 23.

²⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 481, л. 11.

В земском же суде добавил, что траву в колодцы бросать велено для здоровья. По обыску в доме бурмистра никаких ядовитых веществ не найдено, и из 11 человек некоторые находятся в отлучках с давних времён, другие давно умерли, а иных... вовсе не было». Колодцы в Ивановой Дубраве проверили и вычистили, вода в них оказалась безвредной. В результате, «по сбивчивости и несговорчивости в словах» заподозрили, что Киров «находится не в здравом рассудке». Между тем «случай сей произвёл в народе толки и несообразные опасения»²⁶.

Некоторые брали на себя вину не под угрозой расправы, а добровольно. К примеру, орловский губернатор А.В. Кочубей докладывал, что однодворец Абрам Антипов утверждал, будто елецкий уездный предводитель дворянства Ильин «насиленно дал ему яд и приказал бросать в колодцы с обещанием в награду 6 руб.». По словам крестьянина, «он, отошедши с полверсты от его селения, бросил тот яд в рожь, а сам возвратился в своё селение и объявил о том обществу». Другой однодворец Ефим Кривонос «показал, что крестьянин его же, Ильина, Егор Петюхин, у которого он находился в работниках, дал ему ядовитое вещество, которое и бросил он по его научению в три колодези»²⁷.

И всё же Дарья Конева и её «сообщники» не могли являться ни первоисточником соответствующих слухов в данном регионе, ни единственными виновниками возникших там беспорядков. Об отравителях в России заговорили задолго до того. Так, ещё осенью 1830 г. среди помещиков, чиновников и военных в Симбирской и Херсонской губерниях высказывались и обсуждались слухи и мнения о том, что колодцы отравляют злоумышленники, и именно это является настоящей причиной гибели людей, приписываемой властями действию болезни²⁸.

Летом 1831 г. подобные подозрения звучали уже на обширной территории и вызвали настоящую панику: боясь отравления, люди отказывались покупать хлеб, заколачивали колодцы и пили речную воду; незнакомцы, проходившие мимо селений, вызывали у местного населения особое недоверие²⁹. «Отравителей» ловили повсеместно. Самыми крупными эпизодами связанных с этим массовых беспорядков стали июньская «охота на отравителей» в Петербурге³⁰ и июльские кровавые бунты в новгородских военных поселениях³¹.

В Ельце, как отмечал орловский губернатор, ещё в начальный период эпидемии (холера, по его данным, появилась в городе 21 июня) «общее согласие было нарушено одним мешанином, который, усомнившись, что лекарь Путерницкий в лекарстве, предписанном больной жене его, ввешал яд, объявил о том некоторым гражданам и в сопровождении их явился в [холерный] комитет, но сие сомнение было тогда же разрешено инспектором врачебной управы, мешанин признался в своём заблуждении, и Путерницкий [его] великодушно простил»³². Однако «в скором времени холера распространила своё действие в уездах, а с тем вместе явилась молва, что холера не есть болезнь, а следствие отравления. Сие безрассудное мнение ещё более подтвердилось (выделено

²⁶ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 359, л. 24–24 об.

²⁷ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 30–38.

²⁸ ГА РФ, ф. 109, 4 эксп., оп. 170, д. 214, л. 3; 1 эксп., оп. 6, д. 22, л. 1–1 об.

²⁹ Подробнее о страхе отравления см.: ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 359.

³⁰ McGrew R. Op. cit. P. 110–111; Барабанова К.С. Первая холера в Санкт-Петербурге... С. 135–136; Каратыгин П. Указ. соч. С. 51–52.

³¹ McGrew R. Op. cit. P. 117–121; Евстафьев П.П. Указ. соч.

³² РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 30–38.

мной. — А.Е.) показанием крестьянки щигровского помещика Дарьи Коневой, которая призналась в отравлении колодцев. С тех пор купечество и даже некоторая часть дворянства поверили сему злодеянию, во многих местах как по распоряжению земского суда, так и по собственному убеждению, колодцы были вычищены и к оным приставлены караулы. Начали брать людей, подозреваемых в умышленном отравлении оных, и так как многие из них по примеру Коневой сами себя обвиняли в сём преступлении, будто бы оное делали по научению своих владельцев, родилось между однодворцами подозрение, что помещики здешние участвуют в сём преступлении. Сие подозрение тем более усилилось у однодворцев, что они состоят с дворянами в чресполосном владении [и] имеют с ними поземельные споры; впрочем, молва сия не имела никаких важных последствий, кроме некоторого упорства против принятых мер посредством попечителей для прекращения холеры учреждённых... Помещичьи крестьяне во всё сие время и поныне к владельцам находятся в непоколебимом повиновении»³³.

Кочубей указал на характерную для холеры 1830—1831 гг. особенность: в начале эпидемии ответственность за странные и неожиданные смерти возлагалась на врачей, которые якобы «морили» людей. Часто местом предполагаемых злодеяний считались больницы. Однако затем, с течением времени, круг подозреваемых расширился — травить теперь мог любой и везде. И та же Конева говорила именно то, что от неё требовали задержавшие её «мужики», которые уже обладали «информацией» о неких злоумышленниках — собственно поэтому они и обратили внимание на незнакомку у колодца. Это делалось в Европейской России повсеместно. В одном Петербурге во время холерных бунтов в июне 1831 г. народом были пойманы десятки людей, подозреваемых в «отравлении»³⁴.

Многие из них по тем или иным причинам брали на себя вину. Так, 21 июля в Вологодском уезде была задержана крестьянка Марфа Гаврилова, заявившая земскому суду, будто была «усильно взята на лесу тремя неизвестными ей людьми, бродила с ними по селениям четыре недели, и что они... отравляли ядом колодцы, кадки с водою и... кушанье крестьян». За участие в этих действиях сообщники якобы обещали заплатить ей 150 руб. Однако вскоре было установлено, что свои показания она дала, опасаясь расправы, поскольку крестьяне с Кубенского избивали её, угрожая сжечь на костре и требуя от неё признания в отравлении людей³⁵. Похожая история в июле 1831 г. произошла с Авдотьей Марковой в Царскосельском уезде Петербургской губ. Крестьяне истязали женщину, «подымали на веревке к крышечному желобу», вынудив сознаться в том, что она их отравляет³⁶.

Любопытно, что и в этих случаях представители местной власти очень серьёзно отнеслись к изначальному самооговору задержанных. Вологодский губернатор, узнав о показаниях Гавриловой, даже послал частного пристава «в погоню за её товарищами»³⁷.

Слухи об отравителях довольно равномерно распространялись по всей европейской территории России. Однако для того, чтобы конкретный эпизод

³³ Там же, л. 30—38.

³⁴ См.: РГВИА, ф. 36, оп. 2, д. 346.

³⁵ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 482, л. 2 об.—13 об.; РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 484, л. 1—8 об.

³⁶ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 466, л. 2—5 об.

³⁷ Там же, д. 482, л. 8 об.—9.

приобрёл региональное звучание, требовалось стечение обстоятельств. В случае с Коневой мы имеем ряд таких обстоятельств, при изъятии хотя бы одного из них этот эпизод не выделялся бы из ряда многих других — одни поверили в отравления, другие нарушили должностные обязанности, раздав посторонним текст для внутреннего пользования, третьи использовали этот эпизод для защиты своих групповых или коммерческих интересов, четвёртые стали действовать по примеру Коневой. Это было похоже на снежный ком — случай с Коневой, двигаясь по целине местных практик, породил довольно большую «вербальную массу», встревожившую власти нескольких губерний.

Как отмечал Тамоцу Шибутани, слух не является вещью, подобной кирпичу, по очереди передаваемому из рук в руки, но представляет собой коммуникативную практику множества людей и «есть обычно краткое выражение, суммирующее общий смысл многих различных вербализаций»³⁸. Механизм его распространения слишком сложен и никогда не сводится к исключительной роли одного человека. Согласно классической теории, сформулированной ещё в годы Второй мировой войны и ныне оспариваемой исследователями, слухи в процессе передачи претерпевают существенные трансформации: «По мере того как слух распространяется, он становится более коротким и сжатым, легче понимаемым и рассказываемым. В следующих друг за другом версиях всё больше первоначальных деталей сглаживается, меньше слов употребляется и меньше тем упоминается»³⁹. Однако слишком «абстрактный» слух распространяться и воздействовать на общественные настроения не будет — ему не поверят. Анализируя «Великий страх» 1789 г., Ж. Лефевр хорошо показал, что паника охватила Францию именно потому, что рассказы о бандитах были полны подробностей. Взрывная мощь рассказов заключалась в их конкретности, в том, что они содержали много «подробностей» и «деталей», создававших эффект реальности⁴⁰. Более того, по наблюдениям Ж.Н. Капферера, «когда люди передают слух, они склонны, для повышения степени его правдоподобия, изобретать или приписывать молву близкому другу, кто знает некоего влиятельного или надёжного информатора, который по секрету рассказал ему некий секрет. Структурно этот первоначальный очевидец наделяется характеристиками, которые делают его надёжным источником по данному вопросу»⁴¹.

Холерная паника и волнения 1831 г. также были вызваны не отвлечёнными толками о том, что некие неизвестные люди отравляют народ, а конкретными рассказами и «реальными» примерами того, как действовала та или иная Дарья Конева. Как известно, восстание военных поселян в июле 1831 г. вызвали не столько сами разговоры об отравлениях, сколько наличие «очевидцев», утверждавших, будто в Петербурге с отравителями смогли расправиться и они сами в этом участвовали⁴².

Нечто подобное имело место и позднее, когда во время холерных бунтов 1892 г. появлялись люди, якобы спасшиеся от «морителей». Так, в Саратове,

³⁸ *Shibutani T.* Improvised news: a sociological study of rumor. Indianapolis, 1966. P. 8–9, 16.

³⁹ *Allport G.W., Postman L.* An analysis of rumor // *The public opinion quarterly.* 1946–1947. Vol. 10. № 4. P. 505.

⁴⁰ *Lefebvre G.* The great fear of 1789: rural panic in revolutionary France. N.Y., 1973.

⁴¹ *Kapferer J.N.* A mass poisoning rumor in Europe // *The public opinion quarterly.* 1989. Vol. 53. № 4. P. 477.

⁴² *Панаев Н.И.* Рассказ инженер-подполковника Панаева, производителя работ в округе поселенного гренадерского императора Австрийского полка // *Бунт военных поселян...* С. 80.

где уже толковали о том, что врачи морят больных в больницах, появился человек (предполагалось, что это был штукатур Попов) в испачканной известью простыне, по его словам, едва освободившийся из гроба⁴³. Тем самым он стал своего рода «аффективным объектом», материализовавшим зловещие домыслы.

В губерниях Центральной России летом 1831 г. рассказы об отравлениях вкупе с необъяснимыми смертями вызывали беспокойство и поиск «отравителей», поимка которых, тем более «признавшихся» в «злодеянии», подтверждала худшие предположения и переводила их в разряд фактов. Подобный слух в самом себе содержал потенциал подтверждения — стоило лишь поймать убийц, и тогда они всё подтвердят. Это, в свою очередь, многократно усиливало беспокойство, доводя его до паники, вело к новым поискам злоумышленников и даже к массовым беспорядкам. После вспышки агрессии опасность на время отступала — до новой конкретизации и «подтверждения» на локальном материале. И тогда волнения возобновлялись, но уже в другое время и в ином месте. Вместе с тем рассмотренные эпизоды демонстрируют сложность процесса распространения слухов и его зависимость от местного контекста, а также взаимодействия разных институтов, социальных групп и отдельных лиц между собой.

⁴³ Визе III. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 307. Известь во время холерных эпидемий применялась для дезинфекции, в том числе и для пересыпания могил умерших. Население же могло воспринимать её и как одно из отравляющих веществ.

В.А. Оппель на Кавказе в ноябре—декабре 1914 г.: организация работы РОКК и разработка принципа этапного лечения

Елизавета Полянская

**V.A. Oppel in the Caucasus in November—December 1914:
the Russian Red Cross Society's activity and the staged treatment**

Elizaveta Polyanskaya

*(State Historical Museum, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722020133, EDN: FUTVBB

Тема организации медицинской и санитарной помощи русской армии в годы Первой мировой войны в настоящее время изучена недостаточно. Отчасти к ней обращались историки Российского общества Красного Креста (РОКК) и российской военной медицины в целом¹. В одной статье нельзя в полной мере раскрыть столь обширный вопрос, но можно сделать определённые шаги к его изучению. Объектом настоящего исследования стала деятельность хирурга, профессора Владимира Андреевича Оппеля на Кавказском фронте в ноябре—декабре 1914 г. О своей службе он подробно рассказывал на страницах дневника². Письма супруге Елене Сергеевне и сыну Владимиру, а также другие документы Владимира Андреевича хранятся в Отделе рукописей библиотеки Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (ОР БВМеДА) и впервые вводятся в научный оборот³. Дополняют картину материалы делопроизводства РОКК, сообщения из «Вестника Красного Креста» и газеты «Кавказ».

К 1914 г. Оппель имел солидный профессиональный опыт. Окончив в 1896 г. Императорскую военно-медицинскую академию, он работал институтским врачом (адъюнктом) на кафедре госпитальной хирургической клиники, а в 1899 г. стал доктором медицины и уехал на два года в заграничную командировку. В Германии, Франции, Австрии, Швейцарии и Италии он встречался

© 2022 г. Е.Е. Полянская

¹ Чистяков О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Будко А.А., Селиванов Е.Ф., Чigareва Н.Г. «В известные моменты на войне не медицина, не наука, не операция играют самую важную роль, а организация работы...». Военная медицина России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 57—62; Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. 3. Медицинская служба русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны 1906—1917 гг. / Под ред. П.Ф. Гладких. Уфа, 2006; Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. 19. На стыке двух эпох. 1914—1923 гг. / Под ред. П.Ф. Гладких. СПб., 2018; Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. 22. Наше открытие «забытой войны». Военная медицина накануне и во время последней войны императорской России, 1906—1917 гг. / Под ред. П.Ф. Гладких. СПб., 2014; Чиж И.М., Карпенко И.В. Военная медицина русской армии в годы Первой мировой войны // История медицины. 2017. Т. 4. № 2. С. 216—224.

² Оппель В.А. Дневники хирурга Первой мировой войны / Сост. и ред. В.И. Буравцов, Е.К. Гуманенко. СПб., 2001.

³ Листы документов в фонде Оппеля не пронумерованы. В данной статье ссылки на документы соответствуют нумерации, указанной в фонде.

с известными специалистами и проходил обучение. Вернувшись в Петербург, Оппель продолжил практику в госпитальной клинике, вёл научную и педагогическую деятельность. Во время русско-японской войны он организовал шестинедельные курсы для обучения сестёр милосердия и прочитал им цикл лекций, а в 1908 г. был избран профессором на кафедру хирургической патологии и терапии Военно-медицинской академии⁴.

С началом Первой мировой войны Оппель решил отправиться на фронт хирургом, о чём просил возглавлявшего Главное военно-санитарное управление тайного советника А.Я. Евдокимова, но тот отказал, заявив, что «профессора ему не нужны»⁵. Действительно, в армейской среде скептически относились к выпускникам Военно-медицинской академии⁶. В то же время на просьбу Оппеля откликнулось Главное управление РОКК, заинтересованное в высококлассных специалистах. Уже 11 августа 1914 г. профессор отправился на Северо-Западный фронт, где два месяца работал хирургом-консультантом⁷, а затем вернулся в Петроград. 11 октября 1914 г. он был принят в Елагином дворце императрицей Марией Фёдоровной⁸. В своём дневнике она отметила, что Владимир Андреевич «очень занимательно рассказывал о военных событиях»⁹. В начале ноября 1914 г. Оппель как «выдающийся хирург»¹⁰ был направлен на только что открывшийся Кавказский фронт заведующим медицинской частью управления главноуполномоченного РОКК¹¹.

Кавказ серьёзно отставал от Европейской России в вопросе обеспечения медицинской помощью, в мирное время там не хватало врачей и больниц¹². Отчасти это было связано с отсутствием высших медицинских учебных учреждений в регионе, а также земств. Если в земских губерниях Российской империи на одного врача приходилось 12–45 тыс. пациентов, то в Закавказье — 30–65 тыс.¹³ На первом съезде кавказских врачей в 1912 г. отмечалось, что Баку, Батум и Тифлис не отвечали «основным требованиям санитарного благоустройства», ещё хуже была ситуация в других городах региона¹⁴.

С августа по ноябрь 1914 г., в связи с высокой вероятностью столкновения с Турцией, командование русской армии увеличило количество больничных мест в военных лечебных учреждениях на Кавказе — с 4 205 до 7 172 коек. Тогда же были сформированы 14 подвижных и 32 запасных полевых госпиталя, 9 санитарных транспортов. Однако часть этих учреждений (9 подвижных, 18 за-

⁴ *Мефодиевский А.Ф.* В.А. Оппель — профессор-хирург Военно-медицинской академии // Немцы в России: российско-немецкий диалог. Сборник статей. СПб., 2001. С. 78–86.

⁵ *Буравцов В.И., Гуманенко Е.К.* Предисловие // *Оппель В.А.* Дневники хирурга... С. 9.

⁶ Там же.

⁷ Должность в структуре РОКК, появление которой доказало свою эффективность. Главное управление направляло врачей-консультантов в те районы, где в них особенно нуждались. Консультанты сами проводили лечение и обучали находящихся на своих местах врачей Красного Креста.

⁸ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 10, № 11.

⁹ Дневники императрицы Марии Фёдоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 65.

¹⁰ РГВИА, ф. 12651, оп. 2, д. 359, л. 23, 23 об.

¹¹ *Буравцов В.И., Гуманенко Е.К.* Предисловие. С. 3–9.

¹² Подробнее см.: *Артюшкова Е.Е.* Кавказский регион и деятельность Российского общества Красного Креста накануне Первой мировой войны // Ключевские чтения — 2018. Гражданская война и гражданский мир в исторической судьбе России. Сборник / Отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2019. С. 322–326.

¹³ *Веселовзоров М.Н.* Съезд кавказских врачей 1912 года в Тифлисе // Кавказский календарь на 1913 год. Ч. 2. Тифлис, 1912. С. 184–188.

¹⁴ Там же. С. 190–191.

пасных полевых госпиталей и 2 транспорта) была отправлена на европейский театр войны. К 28 сентября в Карсской и Михайловской крепостях развернули 4432 места, из которых 961 уже занимали раненые. В округе, за исключением крепостей, находилось 9670 мест, из них свободными оставались лишь 915. Этого количества оказалось недостаточно даже на первое время, поскольку, согласно справке о положении санитарного дела на Кавказе, к 6 ноября 1914 г. численность армии в регионе составляла около 225 тыс. человек¹⁵.

Местные власти принимали меры по решению этого вопроса. Распределение раненых и больных в тылу в случае открытия фронта по предложению наместника гр. И.И. Воронцова-Дашкова было поручено Союзу кавказских городов. Позже было решено, что на Северном Кавказе и в Ставрополе распределением эвакуированных займётся Земский союз. Съезд городских голов Кавказского края, прошедший 12–14 сентября 1914 г., подготовил план по размещению 50 тыс. коек, в том числе 10 тыс. — на группах Кавказских Минеральных Вод, из них 5 тыс. — для раненых и больных воинов с европейских фронтов¹⁶.

Красный Крест сделал ставку на оказание помощи на передовой, так как в тылу открывались многочисленные госпитали Союза городов. В начале ноября 1914 г. главное управление РОКК решило сформировать для Кавказского фронта 4 подвижных лазарета с питательными пунктами и 4 передовых отряда с выучными отделениями транспорта, а также открыть Кавказское отделение полевого склада. Врачебный персонал и снаряжение предстояло направить из Петрограда и местных (Тифлисской, Кубанской и Пятигорской) общин¹⁷.

Оппель прибыл в Тифлис 9 ноября и быстро стал входить в курс дела. Ему предстояла большая работа: комплектование и контроль над лечебными учреждениями РОКК и благотворительных организаций, распределение персонала. Управление главноуполномоченного на Кавказском фронте в тот момент только начинало формироваться, представители различных ведомств и организаций порой не хотели и не умели действовать сообща. Многие вопросы решались на уровне личных связей и симпатий. В официальном отчёте Оппель отметил, что на Кавказе «встретил ряд лиц, стоящих у дела организации помощи раненым, хорошо знакомых с местными условиями, энергичных, умных и уже многое организовавших: военно-санитарный инспектор В.С. Шелковский, инспектор гражданской медицинской части Ф.Л. Фехнер, городской голова Тифлиса А.И. Хатисов, глава медицинской частной помощи в Тифлисе князь А.М. Аргутинский-Долгоруков». Но между ведомствами, по его словам, «не было достаточного единения, постоянной связи»¹⁸.

12 ноября 1914 г. Владимир Андреевич отметил в дневнике: «Интриг и ссоренований всюду много; здесь (на Кавказе. — *Е.П.*), кажется, больше, чем где бы то ни было»¹⁹. Супруге он писал 4 и 14 декабря 1914 г., что «людские

¹⁵ РГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 12, л. 37, 37 об.

¹⁶ Там же, л. 37, 37 об. Несмотря на просьбу Воронцова-Дашкова и обещание военного министра В.А. Сухомлинова сохранить Кавказ как эвакуационный район для местной армии, уже в сентябре 1914 г. туда начали прибывать раненые русские и военнопленные (Там же, л. 42–44 об.).

¹⁷ Подробнее см.: *Артюшкова Е.Е.* Деятельность Российского общества Красного Креста на Кавказском фронте в начальный период Первой мировой войны (октябрь–декабрь 1914 г.) // Кавказский сборник. Т. 11. М., 2019. С. 134–156.

¹⁸ *Оппель В.А.* Дневники хирурга... С. 311.

¹⁹ Там же. С. 160.

самолюбия, может быть, от климата и, может быть, от других причин здесь очень чувствительны, и при всей осторожности и деликатности приходится невольно их задевать», а чтобы «кого-нибудь не обидеть и делать дело, надо вести мелкие отношения, переговоры»²⁰. Оппель признавался себе: «Не знаю, как у меня пойдут дела. Барон (Кнорринг. — *Е.П.*)²¹ всё стремится вперёд, помощников у меня нет, Таубе²² не едет, местные, может быть, будут недоброжелательно встречать мои предложения, желая сами распоряжаться передвижением отрядов и лазаретов²³... Всё это так трудно. Ну, посмотрим. На трудность я и ехал»²⁴.

Проблема многоначалия на Кавказе стояла особенно остро и свидетельствовала о слабости административной системы. Объединить деятельность военно-санитарного ведомства, Красного Креста и различных общественных и благотворительных организаций был призван верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский. Во многие проблемы и вопросы он вникал лично и сердился на Воронцова-Дашкова за его самостоятельность в принятии решений по поводу деятельности и финансирования Союза кавказских городов²⁵.

Многоначалие проявлялось и во взаимодействии учреждений Красного Креста. Окружное управление РОКК под руководством гр. Е.А. Воронцовой-Дашковой несколько «тормозило» перераспределение функций в пользу главноуполномоченного. Влиятельная графиня, долгое время бывшая на Кавказе «первой дамой», считала Красный Крест своей «вотчиной» и не собиралась отказываться от своих позиций. В этой ситуации разногласия были неизбежны. 1 декабря 1914 г. Кнорринг просил Главное управление РОКК повелеть окружному управлению представлять в Петроград на утверждение в должности уполномоченных и их помощников только тех лиц, чья кандидатура будет одобрена главноуполномоченным²⁶. Окружное управление пыталось участвовать в формировании отрядов Красного Креста, хотя этим заведовал только главноуполномоченный²⁷.

Оппелю также не всегда удавалось находить общий язык с Воронцовой-Дашковой. Профессор жил во дворце наместника, лечил больного графа, но в письме жене 25 ноября 1914 г. признавался: «Касательно графини могу сказать так: я её просто не понимаю. Это меня огорчает, так как я привык понимать людей, привык к ним относиться с возможной доброжелательностью, помочь, чем и что могу. А в данном случае мне почему-то эта задача не удаётся. Надеюсь, что в конце концов удастся»²⁸. Распределение сестёр милосердия по учреждениям РОКК следовало проводить заведующему медицинской частью,

²⁰ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

²¹ Людвиг Карлович Кнорринг (1859–1930) в ноябре 1914 г. был назначен главноуполномоченным РОКК на Кавказском фронте.

²² Евгений Петрович Таубе (1869–?), врач. Оппель несколько раз просил главное управление РОКК добиться, чтобы на Кавказ приехали его коллеги, выпускники Военно-медицинской академии.

²³ Земский и городской союзы хотели сами направлять свои отряды и выбирать им районы, не считаясь с мнением представителей военного ведомства и РОКК.

²⁴ *Оппель В.А.* Дневники хирурга... С. 311.

²⁵ РГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 12, л. 237–239, 284–285.

²⁶ Там же, ф. 12651, оп. 1, д. 1099, л. 229 об.

²⁷ Там же, л. 322 об.–323.

²⁸ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

однако в окружном управлении были недовольны, когда Оппель сам принимал такие решения²⁹.

Отправка на фронт отрядов и лазаретов, прибывавших из Петрограда в Тифлис, задерживалась, так как не открылся вовремя сборный пункт врачей и сестёр милосердия. «Конечно, медицинский персонал, приехавший уже в Тифлис, тоскует от бездействия, а без укомплектования их не отправишь. Сегодня хлопотал о том, чтобы поскорее прислали санитаров и лошадей», — писал Оппель жене 29 ноября 1914 г.³⁰ Каждому отряду и лазарету он назначал направление, учитывая при этом пожелания Кнорринга и военных. В другом письме, от 12 декабря, Владимир Андреевич рассказывал, что отправлял докторов работать на сборный и сортировочно-распределительный пункты, в летучие отряды и госпитали³¹, сам занимался подготовкой санитаров и проводил с ними занятия³². Двумя днями позже он признавал, что «некоторых врачей, которые приехали с передовыми отрядами, по их знаниям надо оставить в тылу»³³.

Управление главноуполномоченного стремилось объединить усилия военного ведомства, Земского союза и Союза городов при решении вопросов санитарного дела и медицины на фронте и в тылу. Проходили совместные заседания представителей этих учреждений³⁴. В отсутствие Кнорринга, вызванного в начале декабря 1914 г. в Петроград, Оппель ввёл практику совещаний по медицинским вопросам, которые доказали свою эффективность³⁵. Он совершил множество поездок, осматривал лечебные учреждения, выслушивал мнение персонала и принимал конкретные меры, например — присылал медикаменты. Профессиональный опыт позволял ему увидеть различные недочёты и находить способы для их исправления. Одна из проблем заключалась в том, что раненые прибывали в Тифлис на эвакуационный пункт, где были вынуждены ждать составления списков, и только затем уезжали в госпиталь. Владимир Андреевич добился отмены записи и поручил отправлять раненых по счёту в каждое городское лечебное заведение. Следуя его распоряжениям, персонал заполнял приёмные книги и делал копии списков, которые сразу направлял в эвакуационный пункт³⁶.

Инспекции позволяли заметно улучшить работу лечебных учреждений. Оппель писал жене 11 декабря 1914 г.: «Все большие госпитали в Тифлисе осмотрел. Остались маленькие, которые быстро осмотрю, да и то большинство их видел. Посещаю лазареты, чтоб они все знали, что надзор за ними неусыпный... А мне это-то и нужно»³⁷. Побывав 10 ноября 1914 г. в эвакуационном пункте в Сарыкамыше, он отмечал: «Вносят и вводят одетых, врачи сами почти не перевязывают. Мало сестёр. Они перевязывают, но теми же руками, которыми срезают повязки»³⁸. Схожие впечатления были и от госпиталя № 376: «Господа доктора отдыхают, так, по крайней мере, мне казалось. Сообразив всё

²⁹ Там же. С. 298, 299.

³⁰ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

³¹ *Оппель В.А.* Дневники хирурга... С. 297.

³² ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

³³ Там же.

³⁴ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 1099, л. 271, 274 об.

³⁵ *Оппель В.А.* Дневники хирурга... С. 312.

³⁶ Там же. С. 165.

³⁷ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

³⁸ *Оппель В.А.* Дневники хирурга... С. 169, 170.

это, я пришёл к заключению, что евдокимовская тенденция превратить врачей в администраторов дурно отзывается на лечебном деле»³⁹.

Владимир Андреевич посещал как тыловые учреждения (госпитали, лазареты), так и передовые пункты, отмечая в письме от 4 декабря 1914 г.: «В медицинском отношении здесь (на Кавказе. — *Е.П.*) ряд промахов: смешение больных и раненых, больных заразных и незаразных. Подача помощи на передовых перевязочных пунктах поставлена плохо... Будучи в Батуме, доезжал до передового перевязочного пункта, который отстоит от Батума в 20 верстах. Впечатление тяжёлое в смысле организации подачи помощи: нет ни белья, ни тёплых вещей, ни даже тёплого помещения, где согреть раненых. Правда, здания плохи, но всё-таки, кажется, можно приспособиться. Как будто у врачей на это не хватает энергии, может, знаний»⁴⁰.

Во время таких «ревизий» Оппель вежливо общался с персоналом, проявлял уважение и готовность помочь, но порой выступал против грубого нарушения порядка. 11 ноября 1914 г. он записал в дневнике, что, когда приехал в военный госпиталь, сконфузил сестру милосердия: «На шкафах перед операционной — пыль. Показал ей, как водится, палец. Как, однако, она покраснела, бедная»⁴¹. Во время осмотра эвакуационного пункта в Тифлисе Оппель был недоволен отсутствием в нём клозетов: «Я даже, было, по этому поводу повысил голос на полковника, заведующего пунктом. Но полковник такой милый и добрый, два сына у него на Прусском фронте, что совестно стало. Потом старался быть с ним особенно вежливым. Иду спать. А клозеты будут»⁴².

Оппель неоднократно сам проводил операции и перевязывал раненых. Радясь возможности «приложить свои хирургические силы», профессор в письме жене от 25 ноября 1914 г. сетовал на загруженность административной работой: «Провожу довольно много времени в канцелярии. Не хочу сказать, что это было весело»⁴³. Два дня спустя он признавал: «Оперировать приходится пока мало. Уже есть приглашения из госпиталей, но когда я успею — просто не знаю»⁴⁴. Сыну Владимир Андреевич писал 22 ноября, что «без хирургии скучновато, хотя, бывает, хирургии на войне вообще нет»⁴⁵.

Оппель боролся с плохим отношением к раненым и больным пленным. Встречая один из санитарных поездов на тифлисском вокзале, он заметил, что в двух последних теплушках лежат турки: «У одного из них бедро разбито, чуть не кричит от боли, а их не высаживают... Выхлопотал, чтобы их ссадили и поместили в Тифлисский госпиталь»⁴⁶. 17 ноября 1914 г., после посещения госпиталя № 376, он сетовал: «Одежду, загрязненное бельё разрезают, кладут повязку, а там отправляясь... Как их, несчастных, носят санитары — это ужас: тащат, как вещь какую-нибудь»⁴⁷. Через пять дней он писал сыну: «Видел большое количество раненых турок, особенно тяжёлых. Перевязывал их. Они были очень благодарны. Вид у них жалкий... От них идёт какой-то пронзительный запах,

³⁹ Там же. С. 170.

⁴⁰ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

⁴¹ Оппель В.А. Дневники хирурга... С. 158.

⁴² Там же. С. 166.

⁴³ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, № 5.

⁴⁶ Оппель В.А. Дневники хирурга... С. 165.

⁴⁷ Там же. С. 170.

раны гноящиеся, иногда гной просто... Русские раненые совсем другого вида: бодрые... Говорят, что турецкие раненые сплошь покрыты вшами. И зачем они начали войну? Понять не могу, зачем делать такую глупость?»⁴⁸.

Оппель интересовался медицинскими изобретениями, находками, отмечал успешные организационные решения и поддерживал их. 13 ноября 1914 г. он с восторгом описывал в дневнике новый способ упаковки малых доз йода: «Просто, удобно, полезно»⁴⁹. Такую вещь надо распространять. Так я и сказал г[оспо]же Петерсон⁵⁰ перед заседанием комитета»⁵¹. Ерофеев также показал Владимиру Андреевичу малярийных змей и обсудил с ним приготовление антисептического перевязочного материала⁵².

Многие инициативы Оппеля принесли большую пользу Красному Кресту и русской армии. Так, по его распоряжению в сборном пункте РОКК сёстрам милосердия были сделаны прививки от оспы, организована доставка и распределение по лечебным заведениям Тифлиса противостолбнячной сыворотки⁵³. Предвидя распространение заразных болезней, Владимир Андреевич предлагал доставить в госпитали и лазареты прививку от тифа и отделять заразных от прочих больных и раненых⁵⁴. Руководство не поддержало эти идеи, что стало одной из причин распространения сыпного тифа на Кавказском фронте в январе 1915 г.

Оппель обратил внимание на недочёты в организации сборного пункта санитаров, поручил следить за его обеспечением кипячёной водой и лекарствами. Профессор добился, чтобы в тифлисском госпитале РОКК был установлен рентгеновский аппарат, а в пункте для военных — зубной кабинет. Чтобы в передовых перевязочных пунктах соблюдались «примитивные меры хирургической чистоты», по просьбе Оппеля военно-санитарное ведомство заказало для врачей и сестёр 500 пар резиновых перчаток, а Красный Крест передал военно-медицинским заведениям на Сарыкамышском направлении стерилизаторы⁵⁵. Владимир Андреевич также поставил вопрос об открытии новых складов РОКК ближе к фронту, на конечных железнодорожных станциях⁵⁶.

Оппель понимал важность знакомства с жителями Тифлиса, которое принесло бы поддержку его деятельности: «Надо получить доверие широкой публики, чтобы хорошо организовать что-то»⁵⁷. Одним из способов стала лекция, состоявшаяся 15 декабря 1914 г. Владимир Андреевич обратил внимание публики на необходимость первой помощи раненым — наложения повязок и про-

⁴⁸ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 5.

⁴⁹ В отчёт Оппель добавил описание этой упаковки: «Йодная настойка помещается тоже в ампуле, но дно ампулы завернуто вату и обмотано сверху марлей; сама ампулка помещена в металлический футляр, который по своей длине расщеплён, так что может раскрываться; благодаря сказанному, ампулка может быть раздавлена между концами раскрывающегося футляра, при этом йод сразу выливается в вату и марлю, конец ампулки превращается в держалку шарика с йодом, смазывание может быть произведено немедленно» (*Оппель В.А. Дневники хирурга...* С. 314).

⁵⁰ Имеется в виду Е.А. Петерсон, заведующая Складом её величества государыни императрицы Александры Фёдоровны.

⁵¹ *Оппель В.А. Дневники хирурга...* С. 163.

⁵² Там же. С. 167, 168.

⁵³ РГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 12, л. 196; *Оппель В.А. Дневники хирурга...* С. 323.

⁵⁴ *Оппель В.А. Дневники хирурга...* С. 325–326.

⁵⁵ Там же. С. 301, 315, 316, 317, 324.

⁵⁶ Одним из результатов стало открытие в 1915 г. складов в Карсе и Джюльфе (Там же. С. 310).

⁵⁷ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

ведения операций. В то время эти идеи были новаторскими. Между тем, подчёркивал лектор, «если раненый своевременно не будет перевязан, то вероятно, что та рана, которая могла бы зажить без осложнений, будет заражена, и дело окончится гангреной, ампутацией и пр[оч.]». Оппель отметил важность организации главного перевязочного пункта, где должны находиться «наилучшие хирургические силы, ибо от оказания своевременной хирургической помощи зависит часто жизнь раненого». Он доказывал свой тезис тем, что «признанные учёными безнадежными ранения в полость живота вполне излечимы, если будет сделана операция в течение пяти часов»⁵⁸.

Многочисленные поездки по лечебным учреждениям позволили Оппелю увидеть, как развивается в разных условиях течение болезней и ран. Именно этот опыт привёл профессора к созданию этапного принципа лечения. В полной мере он был сформулирован Оппелем в межвоенный период и подробно описан в труде «Очерки хирургии войны», который ученики Владимира Андреевича издали уже после его смерти⁵⁹. Согласно ему, каждый раненый получает хирургическую помощь там, где необходимо, и эвакуируется тотчас же, как только позволяет здоровье. Оппель отмечал, что существовавшие в Первую мировую войну лечебные учреждения РОКК разделялись на следующие этапы (пояса): лазареты дивизий и подвижные лазареты (подача первичной помощи раненым); головные эвакуационные пункты и этапные лазареты (борьба с инфекциями ран); тыловые эвакуационные пункты и госпитали (долечивание раненых). Однако, по мнению Оппеля, это разделение было формальным, на практике царил принцип «эвакуация во что бы то ни стало». Раненых вне зависимости от их состояния старались увезти как можно дальше от фронта. Как следствие — на пункты второго пояса попадали «раненые с инфекционными осложнениями ран, что сказывалось высокой смертностью». Оппель приводил пример: в ноябре—декабре 1914 г. подача помощи на передовых и главных перевязочных пунктах в районе Батума была не на высоте, но в городских госпиталях раненые благополучно выздоравливали. Профессор объяснил это хорошими дорогами и транспортом⁶⁰.

Особую роль в системе этапного лечения играли сортировка и статистика раненых. Учреждения военного ведомства начинали вести их лишь со второго этапа, тогда как Оппель выступал за фиксацию данных и на первом. Приехав в Тифлис в начале войны с Турцией, он предложил цветную систему сортировки и эвакуации раненых — каждому из них выдавалась карточка цвета, соответствующего характеру ранения или болезни — и разработал специальные книги для врачей, в которых велись записи больных с условными обозначениями⁶¹.

В 1931 г. в Военно-медицинской академии под руководством Оппеля открылась первая в России и в мире самостоятельная кафедра военно-полевой хирургии с собственной клиникой. В 1930-х гг. силами учеников Владимира Андреевича система этапного лечения раненых в отечественной медицине утвердилась окончательно и была реализована на фронтах Великой Отечественной войны. Изданные в июле 1941 г. «Указания по военно-полевой

⁵⁸ Лекция В.А. Оппеля о помощи раненым // Кавказ. 1914. 17 декабря.

⁵⁹ Оппель В.А. Очерки хирургии войны. М., 1940.

⁶⁰ Там же. С. 60, 98, 178.

⁶¹ Оппель В.А. Дневники хирурга... С. 131, 302—303.

хирургии» стали первым официальным документом по организации на основе единых методов хирургической помощи и лечения раненых⁶².

Для поездки на Кавказский фронт Владимир Андреевич получил на основной работе отпуск до 15 декабря. Судя по письму жене от 4 декабря 1914 г., он надеялся задержаться на Кавказе, так как «нельзя бросить дело, не выполнив хоть части намеченного плана», а 11 декабря признался, что ему «просто стыдно уехать, не доведя дело до конца». Получив разрешение пробыть на Кавказе до 2 января 1915 г., Владимир Андреевич считал неуместным просить ещё продлить этот срок. «Мне кажется, что за два месяца здешнее начальство могло прийти к выводу: нужен ли я здесь очень или можно обойтись без меня... Хотя работа здесь и интересная, и важная, и в сущности жаль её оставлять, но я по вам очень соскучился», — писал он Елене Сергеевне 20 декабря 1914 г. Ей же спустя восемь дней он рассказал, что Кнорринг просил продлить ему отпуск, но Евдокимов ответил отказом. Оппель пожалел, что отправится в Петроград до приезда нового заведующего медицинской частью, хирурга С.Р. Миротворцева: «Я бы мог его ввести в курс дела, он бы со всеми вопросами освоился, я б спокойнее уехал. А то если он приедет позже того, как я уеду, то первое время будет как в тёмном лесу. Кавказ действительно представляет много особенностей»⁶³.

Со многими коллегами Владимир Андреевич вёл личную переписку и по возможности помогал им, отправляя недостающие инструменты и лекарства, исполняя личные просьбы⁶⁴. 25 января 1915 г. консультант РОКК по внутренним болезням Д.О. Крылов сообщил Оппелю, что получил от него письмо Нобеля⁶⁵ и накладную на закупку инструментов для нужд Красного Креста⁶⁶. Врач 3-го этапного лазарета Государственной думы Н.К. Чикаревский просил Владимира Андреевича прислать ему книги для регистрации количества раненых: «При выгрузке багажа в Карсе у меня украли много вещей и в том числе данные мне Вами книжки». Просил Николай Константинович и об улучшении снабжения лазарета: «Я узнал, что к Вам обращались за инструментами и некоторыми лечебными средствами... Медикаменты имеются в количестве достаточном, но, благодаря страшному беспорядку и недисциплинированности наших сестёр и санитаров, всё разрозненно и перевёрнуто вверх дном. И всё жалуясь Вам, а только констатирую печальные факты». В лазарете, по его словам, было «всего 4 врача, из которых 1 — доктор-священник, на мой взгляд, не подходит, он, по-видимому, сначала изучал медицину по лечебникам, а потом поступил в университет» и выразил надежду, что со временем этот недочёт будет «устроен»⁶⁷. Однако на протяжении всей войны, несмотря на предпринимаемые Военным министерством меры, лечебные учреждения фронта испытывали нехватку врачебного персонала.

Оппель находился на Кавказе в период становления системы медико-санитарной помощи армии и оказал большое влияние на её формирование.

⁶² Военно-полевая хирургия: учебник / Под ред. Е.К. Гуманенко. СПб., 2008. С. 25–37.

⁶³ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 30, № 2.

⁶⁴ Там же, д. 32, № 41.

⁶⁵ Возможно, речь идёт об Эммануэле Людвиговиче Нобеле (1859–1932) — нефтепромышленнике и инженерере, племяннике Альфреда Нобеля. О нём Оппель упоминал в своём отчёте, сообщая, что тот пожертвовал Красному Кресту большое количество хлороформа.

⁶⁶ ОР БВМедА, ф. 22, оп. 1, д. 32, № 44.

⁶⁷ Там же, № 107.

Образование, практические навыки и жизненный опыт позволяли ему видеть те направления деятельности, где он мог приложить свои силы. Возможности Владимира Андреевича были ограничены проблемами многоначалия, ходом военных действий, спецификой региона, дефицитом кадров, бюрократическими проволочками, а также общим уровнем развития медицины того времени. Но и в этих условиях он сумел сделать многое: подготовил к отправке первые передовые отряды и подвижные лазареты РОКК, проводил обучение санитаров, контролировал работу лечебных учреждений, решал проблему нехватки медикаментов. «Неформальное» отношение Оппеля к службе проявилось и в том, что он поддерживал связь с бывшими коллегами и оказывал им помощь.

Складывавшаяся система оказания медико-санитарной помощи войскам на Кавказе столкнулась с многочисленными сложностями. Тем не менее на местном, весьма протяжённом театре военных действий работали передовые отряды, лазареты и госпитали, врачи боролись с эпидемиями. Система организации военной медицины в целом справлялась с наплывом раненых во время Эрзурумской, Трапезундской и других крупных военных операций. Её функционирование постепенно прекратилось вместе с распадом Кавказского фронта и демобилизацией русской армии.

**«В здоровом теле — здоровый дух!».
Концепция естественного оздоровления населения
Н.А. Семашко и культурная революция**

Анна Хорошева

**«Healthy mind in a healthy body». N.A. Semashko's concept
of natural recovery of the population and the cultural revolution**

Anna Khorosheva

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020145, **EDN:** FUUXQQ

Революции политической, произошедшей в октябре 1917 г., по мнению идеологов большевистской партии, предстояло перерасти в социальную, успеху которой должна была способствовать революция культурная. Построить новое общество, основанное на принципах социальной справедливости, могли только люди, ставившие общественное благо выше личного интереса. Таким образом на первый план выдвигалась задача воспитания нового человека. Для этого предстояло в кратчайшие сроки повысить культурный уровень населения. Первый нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский, разъясняя учение В.И. Ленина о культуре, особо подчёркивал, что это понятие включает в себя не только «чистые» формы — идеологию, философию, религию, науку, искусство, — но и всё, что связано с бытом¹. Поэтому уже в первые годы существования советской власти развернулась борьба за «новый быт».

В решении этой задачи активное участие принял первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Он был знаком с Лениным ещё с дореволюционного времени, они тесно общались в эмиграции, Семашко всецело разделял его взгляды и стал одним из тех, кто руководил построением нового общества. Уже в начале XX в. он увлёкся идеями социальной медицины (гигиены) и впоследствии написал серию книг на данную тему². Он считал, что это наука о здоровье общества и о социальных проблемах медицины, а её задача состоит в том, чтобы изучить воздействие социальной среды на здоровье человека и разработать эффективные меры по устранению её вредных влияний³. Таким образом, в теории и практике культурная революция неразрывно связывалась им с оздоровлением быта, данному вопросу он даже посвятил отдельную книгу⁴. Семашко не соглашался с тем, что надо лишь создать правильные условия существования и тогда сформируется «новый человек», на-

© 2022 г. А.В. Хорошева

Статья подготовлена в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

¹ *Мещеряков Н., Луначарский А.* Ленин // Литературная энциклопедия в 11 т. Т. 6. М., 1932. С. 208.

² *Семашко Н.А.* Основы советской медицины. М., 1920; *Семашко Н.А.* Охрана здоровья в новых условиях. М., 1926; *Семашко Н.А.* Социальные причины болезни. М., 1926; *Семашко Н.А.* Наука о здоровье общества (социальная гигиена). М., 1926; *Семашко Н.А.* Введение в социальную гигиену. М., 1927; и др.

³ *Тен Е.Е.* Основы социальной медицины. М., 2011. С. 8.

⁴ *Семашко Н.А.* Культурная революция и оздоровление быта. М., 1929.

стаивал, что самого человека необходимо научить правильно распоряжаться собой и строить свою повседневную жизнь. Это не личное дело трудящегося, а его долг перед обществом, поскольку «в трудовом государстве живые трудовые ресурсы — это основа благополучия страны»⁵. Если человек болеет, он ведёт себя «безответственно» по отношению к государству и обществу. Основным инструментом воспитания человека Семашко считал физкультуру, которую трактовал очень широко. Он полагал, что её задача — научить трудящихся правильно работать, отдыхать, спать, соблюдать правила гигиены, закалять и укреплять силы организма⁶. Он особо подчёркивал, что путь к общей культуре лежит через культуру физическую, которая дисциплинирует человека⁷. Именно с этой установкой связано появление знаменитого лозунга «В здоровом теле — здоровый дух!».

Семашко как первый нарком здравоохранения РСФСР и первый председатель Высшего совета физической культуры (ВСФК) при ВЦИК не только заложил основы советской системы здравоохранения, массовой физической подготовки и воспитания населения, но и сыграл важную роль в осуществлении культурной революции. Его именем названо множество медицинских учреждений, санаториев, улиц и т.п. При этом его деятельность до сих пор остаётся малоизученной даже с точки зрения истории медицины⁸, а в исторической науке она практически не изучалась. Лишь в небольшом количестве работ уделено внимание его деятельности на посту председателя ВСФК либо его трактовкам задач культурной революции, причём, как правило, они не увязаны между собой⁹. Между тем теоретические представления о физкультуре как одном из основных инструментов культурной революции и практическая деятельность неотделимы друг от друга, что делает необходимым восполнение данного историографического пробела.

Семашко развернул активную деятельность уже в 1918 г. Он вошёл в состав Совета врачебных коллегий (высший орган управления медициной) и энергично включился в дискуссию по поводу организации медико-санитарного дела республики, настаивая на его жёсткой централизации. 11 июля единый орган управления был создан, а Семашко, в свою очередь, его возглавил, став первым наркомом здравоохранения РСФСР. Годы Гражданской войны характеризовались массовыми эпидемиями, усугублявшимися голодом. Семашко не только боролся с этими явлениями, создав в сложных условиях единую государственную санитарную службу¹⁰, но и осмыслил данную проблему с научной точки

⁵ Семашко Н.А. Физическая культура, а не только физические упражнения // Известия физической культуры. 1924. № 2. С. 3.

⁶ Семашко Н.А. Физическая культура и здравоохранение в СССР // Семашко Н.А. Избранные произведения. М., 1954. С. 263–264.

⁷ Семашко Н.А. Физическая культура, а не только физические упражнения. С. 3.

⁸ Черниченко М.Ю. Н.А. Семашко — первый нарком здравоохранения: новый век — новые исследовательские горизонты // История медицины. 2014. № 3. С. 81.

⁹ Антоян К.Г. Проекты «новой культуры» в Советской России. Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2003; Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры. М., 2005; Суник А. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010; Филиппов А. Н. Становление физической культуры в СССР: конфликт Н.А. Семашко и Н.И. Подвойского // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 18–20; и др.

¹⁰ Хабриев Р.У., Георгиева И.В., Шерстнева Е.В. Николай Александрович Семашко — первый народный комиссар здравоохранения России // История медицины. 2018. № 3. С. 165.

зрения. Он полагал, что главная цель молодого Советского государства — бороться не со следствиями, а с источниками заболеваний. По его глубокому убеждению, например, туберкулёз — социальная болезнь, а значит, для победы над ней надо изменить образ жизни людей, их социально-бытовые условия¹¹.

Семашко последовательно проводил мысль о том, что царский режим привёл к вырождению населения, а Первая мировая война эту проблему до предела обострила: если ранее высокая смертность компенсировалась высокой рождаемостью, то во время боевых действий на полях сражений и в тылу, в том числе от эпидемий, погибло несколько миллионов человек¹². Он утверждал, что революция изменила социальное положение рабочего, его нагрузки снизились благодаря восьмичасовому рабочему дню, а значит, у трудового населения появилась возможность улучшить качество жизни.

Однако Семашко утверждал, что уничтожения царского режима недостаточно, необходимо переделать мышление и отношение к себе самих рабочих. Он всецело поддерживал мысль Луначарского о том, что новое общество должно создаваться на основе изменения отношения человека к труду. Если ранее он воспринимался как подневольный в пользу «эксплуататора», то в новых реалиях должен восприниматься как благо. Отныне борьба должна вестись за расцвет коллективизма, а не стадности, свободного слияния в сверхличные единства¹³. Семашко особо подчёркивал, что основой нового общества станет труд не как наказание, а как привилегия¹⁴. Будучи практиком, он понимал, что одномоментно перерождение человека произойти не может, поскольку «быт» это совокупность навыков, обычаев, верований, с которыми человек сживается, соответственно, процесс обновления быта длителен¹⁵. Семашко стал членом Русского евгенического общества (существовало в 1920–1929 гг.)¹⁶, неоднократно ставил вопрос о том, что совершенствование человека — его долг перед обществом, а революция создала для этого все условия.

Как уже отмечалось, основным инструментом совершенствования Семашко видел физическую культуру, которую понимал значительно шире спорта. К спорту как таковому большевики относились настороженно, называя его явлением «буржуазным», поскольку он представлялся прежде всего как развлечение и форма досуга, порождая «нездоровый дух» соперничества. Ему противопоставлялась советская физкультура, которую сразу же после революции провозгласили делом исключительной важности¹⁷. Сам термин появился в XIX в. в Англии и включал в себя физическое воспитание, досуг и развлечения, а также организацию и проведение спортивных мероприятий, но на родине он не прижился¹⁸. В реалиях же Советской России оказался очень кстати.

Гражданская война требовала от большевиков прежде всего поиска эффективного средства «подъёма» населения на защиту новой власти. Таковым

¹¹ Семашко Н.А. Советская власть и народное здоровье. М., 1920. С. 6–7.

¹² Семашко Н.А. Пути советской физкультуры. М., 1926. С. 9.

¹³ Луначарский А.В. Культурные задачи рабочего класса. Культура общечеловеческая и классовая. Пг., 1919. С. 17.

¹⁴ Семашко Н.А. Новый быт и половой вопрос. М., 1926. С. 7–8.

¹⁵ Там же. С. 3–4.

¹⁶ Русское евгеническое общество ставило своей целью изучение вопросов наследственности человека и пропаганду позитивной евгеники.

¹⁷ РГВА, ф. 65, оп. 2, д. 134, л. 52.

¹⁸ Кыласов А.В. Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализма. Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2010. С. 2.

стала мобилизация. Появилось Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии (Всевобуч), основой программы военной подготовки стали физические тренировки¹⁹. Оздоровительному эффекту физкультурных занятий уделяли мало внимания, задача заключалась в том, чтобы подготовить бойцов. Соответственно, уже тогда закладывалась основная особенность советской физкультуры — военизация.

Начались споры, как надо строить систему физического воспитания населения и достичь массовости в этом деле — идти по дореволюционному пути создания спортивных обществ, проводить соревнования и т.п. или развивать гимнастику и использовать её как естественный метод овладения возможностями организма. Поскольку речь шла о государственном интересе, все стороны апеллировали к власти и искали у неё поддержки именно своей позиции.

В Российской империи спорт не был широко распространён, оставаясь формой досуга состоятельных слоёв городского населения. Более того, до определённого момента власть осознанно препятствовала вступлению рабочих в спортивные общества, опасаясь, что они могут стать революционными организациями²⁰. И только осознание физической неподготовленности основной части мужского населения к военной службе в преддверии Первой мировой войны заставило несколько скорректировать эту позицию. В 1913 г. создана Канцелярия главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, которую возглавил генерал В.Н. Воейков. Ставилась задача организовать занятия спортом во всех учебных заведениях. В 1915 г. для проведения допризывной подготовки на добровольной основе на базе спортивных обществ возникли военно-спортивные комитеты²¹.

Небогатое наследство, доставшееся Всевобучу, ставило его в очень сложное положение. Приходилось привлекать к работе дореволюционных спортсменов, хотя на словах «буржуазный спорт» осуждался, а партийное руководство требовало зачистить «буржуазных специалистов»²². Показательным в этой связи стал I Всероссийский съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке, который прошёл в Москве 3—8 апреля 1919 г. Интересы Наркомздрава представляли врачи Е.П. Радин и В.Е. Игнатьев. Они трактовали физкультуру именно как систему физического воспитания, обращали особое внимание на деградацию населения в результате социальной политики предшествовавшего периода и войны, призывали системно подходить к проблеме и прививать навыки правильных физических нагрузок с детства²³. Радин, в частности, подчёркивал, что красноармеец не должен замыкаться в узких рамках военной тренировки, ему нужно развиваться физически и оздоравливаться, кроме того, соединение физического труда с умственным станет залогом коммунистического преуспевания общества²⁴. Впоследствии Семашко отстаивал идею, что цель физкультуры — подготовить сильных физически и умственно строителей «коммунистического здания и защитников коммунистического отечества»²⁵.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 1, л. 19—19 об.

²⁰ Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011. С. 35, 44—45.

²¹ Там же. С. 79.

²² Подвойский Н.И. Ленин и физическое воспитание // Красный спорт. 1940. 21 января.

²³ Русский спорт. 1919. № 15. С. 9—10; № 14. С. 12.

²⁴ Там же. № 15. С. 10.

²⁵ Семашко Н.А. Пути советской физкультуры. С. 18.

Однако программа медиков требовала длительного времени для осуществления. Всеобучу же предстояло подготовить максимальное количество резервистов в кратчайшие сроки. Врачи оказались в меньшинстве. Показательны в этой связи слова одного из основоположников отечественного спорта Г.А. Дюперрона, принимавшего активное участие в съезде: «Тут много говорили о засилье военного ведомства. До сих пор, когда я имел дело с военным ведомством, я не видел никакой опасности, наоборот, я видел, что хоть что-то делалось, но, когда мы встречались с засильем деятелей просвещения и засильем врачей совсем ничего не делалось (*бурные аплодисменты*)»²⁶.

Активное участие и достаточно независимое поведение дореволюционных специалистов на съезде возмутили партийно-государственное руководство. Первого начальника Всеобуча Л.Е. Марьясина сняли, на его место пришёл Н.И. Подвойский, сразу же поставивший вопрос о чистке кадров²⁷. Однако вскоре он столкнулся с довольно высоким процентом уклонения от допризывной подготовки (по разным регионам эта цифра колебалась от 20 до 90%²⁸), поэтому всеми доступными методами старался привлечь население, полагая, что только увлечённый идеей человек может всецело отдаться делу. Развивался игровой спорт, проводились соревнования, в Москве организовали общероссийскую Преодолимпиаду²⁹. Всё это невозможно было осуществить без дореволюционных спортсменов.

Однако по мере того, как стихали бои Гражданской войны, необходимость в существовании Всеобуча отпадала. Система пунктов допризывной подготовки оказалась очень затратной. Подвойский, стремясь спасти Всеобуч, попытался создать на его базе «трудопроизводственные ассоциации — сельхозы», чтобы сделать его самоокупаемым, но идея провалилась. Инструктора начали массово уходить, поскольку теряли льготы, а зарплаты оставались низкими³⁰. У Подвойского начались проблемы со здоровьем, фактически Всеобучем руководил его заместитель К.А. Мехоношин.

Ещё I Всероссийский съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке принял решение создать Высший совет физической культуры при Всеобуче, призванный координировать действия всех ведомств в деле физического воспитания. Он начал работу в 1920 г. В 1923 г. Мехоношин поддерживал идею превращения ВСФК в самостоятельный межведомственный орган, подчинённый напрямую ВЦИК³¹. В его состав вошли представители наркоматов по военным делам, просвещения, здравоохранения, внутренних дел, труда, а также от ЦК РКП(б), Моссовета, ЦК РКСМ, ВЦСПС³². Первое организационное заседание ВСФК в новом статусе состоялось 17 июля 1923 г. Председателем избрали Семашко, а собрания решили проводить в Наркомздраве, в кабинете его руководителя³³. Таким образом, физкультурное дело попало в руки медиков.

²⁶ Русский спорт. 1919. № 18. С. 6.

²⁷ Подвойский Н.И. Ленин и физическое воспитание.

²⁸ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 5, л. 15, 20, 23.

²⁹ РГВА, ф. 65, оп. 2, д. 134, л. 5, 15, 31, 53.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 5, л. 10–11.

³¹ Там же, д. 1, л. 36–36 об.

³² Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта / Сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 9–11.

³³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 6, л. 1.

Дав движению формальную самостоятельность, партийно-государственный аппарат вовсе не собирался отказываться от жёсткого контроля за ним. Сама физкультура по-прежнему рассматривалась как основной инструмент совершенствования советского человека с целью мобилизации его физических возможностей для обеспечения обороны страны и на трудовом поприще, а также как полезная обществу форма досуга и инструмент сохранения здоровья и искоренения негативных явлений быта, таких как пьянство и драки³⁴. Последняя проблема стояла не менее остро, чем проблема мобилизации населения. Массовая культура досуга — результат развития индустриального общества, в рамках которого занятость человека нормирована. В 1917 г. рабочие получили восьмичасовой рабочий день, т.е. довольно много свободного времени, но далеко не всегда были готовы им рационально пользоваться. Отличительной чертой урбанизации являлась массовая миграция крестьян в города. Они прибывали так быстро, что не могли адаптироваться к условиям городской жизни, а напротив, привносили в неё привычные деревенские нормы поведения, в том числе досуговые: посиделки, кутежи, гуляния, пьянки. Они, в свою очередь, наносили существенный ущерб окружающей среде и самим людям³⁵.

Также встал вопрос, как сделать физкультуру самокупаемой, не теряя при этом контроля над данной сферой. 1923 г. стал переломным для физкультурного движения. Были ликвидированы спортивные организации (лиги, спортивные общества уездного, городского, губернского уровня), а вся их собственность перешла к ВСФК. Этот удар нацеливался против активистов спорта, чья аполитичность не устраивала власть³⁶. Семашко считал залогом успеха жёсткую централизацию управления; будучи революционером, он считал методы насилия не просто допустимыми, а обязательными для противодействия идеологическим врагам. В своё время для создания Наркомздрава он потребовал от Политбюро ЦК и лично Ленина «изъять» оппозиционно настроенных врачей с помощью ГПУ³⁷. Поэтому избавление от спортивных обществ и лиг выглядит вполне закономерно. Однако сразу встал вопрос: если старые организации не годятся, то на основе чего тогда строить физкультурное движение?

Семашко перенёс центр тяжести на проблему оздоровления населения и его физического воспитания. На I Всесоюзном совещании советов физической культуры в Москве (15–19 апреля 1924 г.) он начал выступление с того, что подчеркнул роль Ленина, который придавал особое значение физкультуре, понимаемой широко — как способность правильно трудиться и правильно отдыхать. Он также сделал акцент на том, что физическое воспитание должно стать основной задачей культурного строительства³⁸. И Ленин, и Семашко придавали огромное значение гимнастике как воспитательному инструменту, что связано с определённой традицией, своими корнями уходившей к деятельности немецких социал-демократов. Последние на лондонском конгрессе II Интернационала (1896) провозгласили рабочие спортивные объединения одним из средств борьбы за свержение капиталистического общественного строя и фор-

³⁴ Там же, оп. 2, д. 3, л. 55, 58, 62.

³⁵ Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Предпосылки формирования досуговой культуры советского города в 1920-е годы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 117.

³⁶ Сунник А. Очерки отечественной историографии... С. 393.

³⁷ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 23224, л. 1–1 об.

³⁸ Сунник А. Очерки отечественной историографии... С. 397.

мирования человека социалистического общества. Тогда же была признана роль Рабочей федерации гимнастики, созданной в 1895 г.³⁹ Ещё в 1918 г. Семашко при поддержке Ленина добился, чтобы «физкультура» стала обязательным предметом в учебных планах школ, дабы формировать привычку к оздоровлению с ранних лет⁴⁰. На посту председателя ВСФК он последовательно боролся за введение этой дисциплины как обязательной и в учебные планы высших учебных заведений⁴¹.

Семашко видел особую важность в естественности физических упражнений: «Рабочая молодёжь не должна потеть в удушливых помещениях, портя себе сердце и упражняясь в совершенно неестественных движениях, делая акробатические мосты, занимаясь, например, тяжёлой атлетикой или футболом»⁴². В сентябре 1923 г. с целью вовлечения населения в дело оздоровления был проведён I Всесоюзный праздник физкультуры. Руководство ВСФК подчёркивало: «Мы строим физическую культуру не одиночек, а масс трудящегося населения»⁴³. Как врач Семашко придавал огромное значение проблеме врачебного контроля за физнагрузками, и подобное мероприятие явилось для него опытной базой, где выявлялись их положительное и отрицательное влияния на организм⁴⁴. Необходимость врачебного контроля рассматривалась им как обязательная составляющая любого спортивного мероприятия⁴⁵. Однако, несмотря на все усилия, население на ниву физического оздоровления массово не вступало. Работавший в ЦК партии и от этой структуры входивший в состав ВСФК Б.Г. Бажанов красноречиво описал первый этап деятельности совета как «скучищу, от которой дохли мухи», поскольку Семашко и его окружение считали «полезным для здоровья трудящихся масс и их дрессировки почти скопом производимое размахивание руками и ногами»⁴⁶.

Семашко же, давая рекомендации по подготовке примерных программ занятий, настаивал, чтобы они проводились «массовыми нормами» (для облегчения учёта и контроля) при использовании естественных средств оздоровления: солнца, воздуха и воды⁴⁷. И тут нелишне вспомнить о Подвойском, примерно в то же время заявлявшем, что «основой производительности труда является здоровье», а физподготовка должна опираться на научные достижения и медицинские знания, проходить под контролем опытных специалистов с использованием естественных источников оздоровления (солнце, воздух и вода) и физических нагрузок (гимнастика, игры)⁴⁸. Несмотря на всю схожесть позиций, между ним и Семашко развернулось острое противостояние, принявшее формы публичного осуждения друг друга. Это явно выходило за рамки партийной этики, поэтому в дело вмешалась Центральная конфликтная комиссия ВКП(б), бюро её Президиума провело специальное расследование, положившее конец данному спору.

³⁹ Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 202–203.

⁴⁰ Деметер Г.С. Физическая культура в социалистическом обществе. М., 1987. С. 7.

⁴¹ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 21, л. 20.

⁴² Там же, оп. 2, д. 3, л. 101.

⁴³ Мехоношин К. Всесоюзный праздник физической культуры // Известия физической культуры. 1924. № 16. С. 2.

⁴⁴ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 6, л. 6.

⁴⁵ Там же, д. 8, л. 7.

⁴⁶ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997. С. 78.

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 8, л. 13–13 об.

⁴⁸ Подвойский Н.И. Какая физическая культура нужна пролетариату СССР и кем она должна создаваться. М., 1929. С. 4.

А.Н. Филиппов пришёл к выводу, что всё это время Подвойский неизменно боролся за физкультуру без тренеров, вне помещений, организованную в виде массовых гуляний, экспедиций и т.п., Семашко же — за оздоровление трудящихся под строгим врачебным контролем⁴⁹. С этим вряд ли можно согласиться. Источники свидетельствуют, что позиции сторон постоянно менялись и часто зависели не от принципиальных убеждений, а от «повестки дня». Встаёт вопрос: почему Семашко и Подвойский спорили так остро, если оба говорили о необходимости оздоровления населения естественными методами?

Ответ на него прост: в основе конфликта — личная неприязнь. Стороны неоднократно корректировали позиции: если один оппонент менял точку зрения, второй действовал «от противного». Подвойский остро переживал факт того, что во главе ВСФК встал Семашко, считая, что последний воспользовался его болезнью и узурпировал его место⁵⁰. Таким образом, «принципиальная дискуссия» оказалась лишь формой выяснения отношений.

Когда Подвойский занимался практической деятельностью как руководитель Всеобуча, он убедился, что игровые виды спорта увлекают человека благодаря своему эмоциональному характеру⁵¹. Семашко же изначально настаивал на коллективном характере физкультурных мероприятий и к игровым видам спорта относился негативно. Так, например, его очень огорчило, что на II Всесоюзном празднике физкультуры слабым звеном оказались именно коллективные соревнования⁵². Однако его курс не приводил к качественному рывку в деле оздоровления населения, а ведь, согласно доктрине, без этого невозможно воспитать «нового человека». Напротив, столь не нравившийся ему своей эмоциональностью футбол⁵³ превратился в поистине народную игру. Ещё до революции, благодаря английским морякам, рабочие познакомились с ней и с удовольствием в неё играли, в 1920-е гг. её популярность только росла, и посмотреть матчи приходили тысячи зрителей⁵⁴.

Как учёный Семашко вскоре осознал, что если выбранная методика не даёт результатов, необходимо её сменить. Он начал помогать игровым видам спорта, чаще проводить соревнования, которые привлекали всё больше и больше людей. Это позволило стирать границы между зрителями и участниками⁵⁵. Соревнования Семашко стал признавать необходимым элементом в спорте, утверждая, что это «самое яркое и привлекательное в физкультуре, выбросить их означает сделать её невкусной для масс»⁵⁶. В этом его активно поддерживал Бажанов, который вернул на спортивную работу многих дореволюционных специалистов и сообщая с наркомом защищал их от заместителя главы ОГПУ Г.Г. Ягоды, обвинявшего их в контрреволюционной деятельности⁵⁷. Подвойский, видя, что противник поменял позицию, изменил и свою точку зрения, начав обвинять Семашко в том, что тот «протаскивает в советскую физкультуру чуждые элементы олимпизма, порождённого английским аристократизмом

⁴⁹ Филиппов А.Н. Становление физической культуры в СССР... С. 18–20.

⁵⁰ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 28, д. 33, л. 1–2.

⁵¹ Там же, л. 41–43.

⁵² Семашко Н.А. Итоги Всесоюзного праздника // Известия физической культуры. 1924. № 17. С. 2.

⁵³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 3, л. 101.

⁵⁴ Эдельман Р. Серьёзная забава. История зрелищного спорта в СССР. М., 2008. С. 60–64.

⁵⁵ Семашко Н.А. Физическая культура и здравоохранение в СССР. С. 263–264.

⁵⁶ Суник А. Очерки отечественной историографии... С. 416.

⁵⁷ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 79.

“от нечего делать”»⁵⁸. Подвойский в это время занимал должность председателя Красного спортивного интернационала (КСИ), созданного в 1921 г. для физической подготовки мирового пролетариата к борьбе на баррикадах мировой революции⁵⁹, что, конечно, отдалило его от практических проблем организации физкультурного движения в СССР. Красный Спортинтерн опирался на уже существующие в разных странах спортивные союзы и лиги, его задача состояла не в организации их деятельности, а в направлении её на достижение революционных задач. Поэтому Подвойский и его единомышленник, секретарь КСИ Г.Г. Лемберг, требовали от ВСФК и лично от Семашко, чтобы физкультурная работа «была согласована с революционно-прикладными задачами, диктуемыми борьбой с капиталом», а также обвиняли представителей совета в том, что они под «личиной советской физкультуры» занимаются «организацией буржуазных по своей сути соревнований»⁶⁰.

В 1925 г. вышло постановление ЦК РКП(б), в котором признавались роль соревнований и их значимость для массового привлечения населения в физкультурное движение⁶¹. Оно стало важным козырем для Семашко и его сторонников, позволив им, в свою очередь, обвинить Подвойского в противодействии коллективной воле партии, а значит, во фракционной деятельности, поскольку руководство КСИ выступало против соревновательного начала после выхода в свет этого решения. Лембергу пришлось оправдываться, всячески подчёркивая, что он никогда не высказывался против соревнований как таковых, а выступал лишь против индивидуализма в них. Впрочем, он не преминул ответить на столь серьёзные обвинения в схожем духе, назвав деятельность своих противников мелкобуржуазной⁶².

Противоборство Подвойского и Семашко развернулось не только вокруг методов организации физкультурного движения, но и по вопросу о методах управления им. Государство было заинтересовано управлять данной сферой, тратя минимальное количество средств. Упразднение всех спортивных обществ одновременно с созданием ВСФК красноречиво свидетельствовало, что Семашко — последовательный сторонник административных методов, а значит, по его мнению, создавать низовые физкультурно-спортивные ячейки на местах должны губернские и уездные советы физической культуры⁶³. Подвойский же предложил организовать движение на базе трудовых коллективов⁶⁴ и даже способствовал реализации данного положения. На совещании заведующих культотделами ВЦСПС он выдвинул идею создания самодеятельных физкультурных кружков при предприятиях и организациях, а также при учебных заведениях под руководством профсоюзов и комсомола⁶⁵.

Его выступление не осталось незамеченным. Вскоре XII съезд РКП(б) (1923) принял резолюцию, сделавшую данный подход к организации спортивной деятельности на местах руководством к действию⁶⁶. Её дополнило поло-

⁵⁸ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 28, д. 33, л. 88, 100.

⁵⁹ Там же, оп. 2, д. 1, л. 2.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 613, оп. 3, д. 177, л. 18, 28.

⁶¹ Основные постановления... С. 12.

⁶² РГАСПИ, ф. 613, оп. 3, д. 177, л. 1, 12–13, 18, 23.

⁶³ Основные постановления... С. 11.

⁶⁴ Подвойский Н.И. Какая физическая культура нужна пролетариату... С. 4.

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 28, д. 33, л. 29 об., 54.

⁶⁶ Деметер Г.С., Горбунов В.В. 70 лет советского спорта: люди, события, факты. М., 1987. С. 29.

жение «О кружке физической культуры при профсоюзном клубе», принятое в апреле 1924 г. президиумом ВЦСПС⁶⁷. Впрочем, уже весной 1923 г. собрание представителей партийных и комсомольских ячеек ГПУ постановило организовать московское спортивное общество «Динамо». Разработали его устав, эмблему, значок, форму организации и руководства⁶⁸. Руководство ВСФК первоначально отнеслось к подобным инициативам сдержанно, но признало «целесообразным существование в центре и на местах по типу производственных спорторганизаций» этого общества, учитывая «особенность работы ГПУ»⁶⁹.

Однако, уступив однажды, Семашко столкнулся с тем, что вскоре возникли спортивные общества железнодорожников, текстильщиков, металлистов, медиков и др. Они подчинялись профсоюзам и комсомолу, а также существовали на их средства. Таким образом, финансирование физкультурного движения осуществлялось за счёт самих граждан, плативших членские взносы в профсоюзах. По всей стране появлялись физкультуркружки, в которые вступали энтузиасты, бравшие на себя все организационные вопросы, но при этом оказывавшиеся достаточно самостоятельными в выборе того, чем им заниматься⁷⁰. Именно эта свобода и привлекала участников, позволяла преодолеть инертность в вопросе расширения рядов. На I Всесоюзном совещании по физической культуре (1924) представитель РКСМ А. Иттин и А. Сеньюшкин от ВЦСПС активно пропагандировали роль своих организаций в деле построения физкультурдвижения, через которые «человек вовлекается в общественную жизнь»⁷¹.

В итоге Семашко принял факт существования физкультурколлективов под крылом профсоюзов и комсомола. Однако он сумел добиться унификации их работы в методическом плане. Важную роль в этом сыграла I Всесоюзная научно-методическая конференция научных работников по физкультуре, состоявшаяся в ноябре 1925 г. Подводя её итоги, нарком подчеркнул, что массовое развитие физкультуры требует ещё более серьёзных исследований и постановки на научную основу. Он по-прежнему утверждал, что физкультура это не только физические упражнения, но и гигиена труда и быта, а сами упражнения должны проводиться с учётом социально-экономических условий жизни индивидуума под контролем врача⁷². При этом он отмечал, что научная работа не может замыкаться в лабораториях, а должна идти в массы и бороться с физкультурной неграмотностью населения⁷³.

Изменив отношение к игровым видам спорта, Семашко не изменил отношения к физкультуре как инструменту и одновременно необходимому условию культурной революции. В работе «Пути советской физкультуры» (1926) он указал, что почти каждая профессия в современных условиях и при нынешнем развитии техники причиняет профессиональный вред. Даже крестьянин, работающий на воздухе, имеет профессиональные заболевания. Значит,

⁶⁷ Основные постановления... С. 48–49.

⁶⁸ Деметер Г.С., Горбунов В.В. 70 лет советского спорта... С. 29–30.

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 6, л. 28.

⁷⁰ Деметер Г.С., Горбунов В.В. 70 лет советского спорта... С. 29–30.

⁷¹ Первое Всесоюзное совещание советов физической культуры // Известия физической культуры. 1924. № 8. С. 10.

⁷² Семашко Н.А. Итоги научно-методической конференции // Известия физической культуры. 1925. № 22. С. 1–2.

⁷³ Семашко Н.А. Научно-методическая конференция по физкультуре // Известия физической культуры. 1925. № 23. С. 13.

для каждой профессии должен быть разработан свой комплекс мер в быту, на работе и в спортивном зале для компенсации нагрузок⁷⁴. Семашко не только способствовал развитию спорта, но и много сделал для организации домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей. Именно при его активном участии в 1925 г. открылся ставший впоследствии известным на весь мир пионерский лагерь «Артек»⁷⁵. В данных учреждениях нарком видел необходимое дополнение к усилиям кружков физкультуры: и на работе, и на отдыхе советский человек должен был заниматься «правильной» физической активностью. Сделанное в этот период стало базисом для дальнейшего рывка. Если до революции в спортивных обществах состояло всего 45 тыс. человек, то к концу 1920-х гг. их число в организованном физкультурдвижении увеличилось до 759 тыс. Мечта Семашко научить всех советских граждан правильно владеть возможностями своего тела не осуществилась, но стала прологом к будущему успеху: к 1937 г. численность советских физкультурников достигла 5 млн⁷⁶.

Нарком мог считать себя и победителем в соперничестве с Подвойским: после проведённой проверки его сторону заняла Центральная контрольная комиссия ВКП(б), после чего любые дискуссии на данную тему стали невозможны⁷⁷. Стоит отметить, что методы и формы борьбы Семашко и Подвойского перекликаются с борьбой в высшем партийном руководстве, когда в зависимости от ситуации стороны меняли мнения и союзников. Таким образом, они хорошо вписываются в общий исторический контекст, когда постепенно на смену коллективному руководству начал приходить принцип единоначалия. И Семашко, и Подвойский неслучайно бросались обвинениями в «троцкизме» или «мелкобуржуазном уклоне», это вполне в духе времени.

Однако на деле в споре не выиграл никто. Решение ЦКК оказалось лишь тактической победой Семашко, вскоре и он, и Подвойский стали не нужны, поскольку выступали самостоятельными фигурами, считавшими себя вправе вырабатывать и осуществлять собственный курс в возглавляемой сфере деятельности. В конце 1920-х гг. их авторитет оказался неудобным. И.В. Сталин планомерно устранял всех, кто был готов открыто отстаивать свои позиции. Это происходило на всех уровнях и во всех структурах. Он провёл чистку Коминтерна, устранив из него своих противников. Подвойский это почувствовал уже в 1925 г., когда ряд крупных деятелей КСИ начали открыто осуждать его точку зрения⁷⁸. В 1926 г., когда он отошёл от дел по состоянию здоровья, должность председателя КСИ упразднили, отныне деятельностью организации руководил секретариат. В том же году ушёл с должности председателя ВСФК и Семашко. В 1930 г. он покинул и Наркомздрав, окончательно отойдя от руководящих государственных должностей. Возможно, именно то, что оба оппонента вовремя самоустранились, и спасло им жизнь. Результаты их деятельности определили направление развития советской физкультуры, поскольку именно они, взаимно мотивируя друг друга в споре, заложили основы массового спорта в СССР.

⁷⁴ Семашко Н.А. Пути советской физкультуры. С. 43.

⁷⁵ Суник А. Очерки отечественной историографии... С. 451.

⁷⁶ Бугров Н.Н. Физкультура и спорт в СССР и зарубежных странах. М., 1979. С. 12.

⁷⁷ Филиппов А.Н. Становление физической культуры в СССР... С. 19.

⁷⁸ РГАСПИ, ф. 613, оп. 3, д. 177, л. 12.

Медикаменты и революция: лекарственное обеспечение советских людей в 1920-е гг.

Сергей Затравкин, Елена Вишленкова

Medicines and the Revolution: Medical care for Soviet people in the 1920s

Sergey Zatravkin

*(N.A. Semashko National Research Institute of Public Health;
HSE University Moscow, Russia),*

*Elena Vishlenkova
(HSE University, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722020157, EDN: FVFZHC

Ресурсное обеспечение деятельности систем здравоохранения всегда являлось одной из самых актуальных проблем и привлекало повышенное внимание историков медицины. Не стал исключением и раннесоветский период. Исследователями проанализированы данные о финансировании отрасли, числе врачей, амбулаторий, стационаров, больничных коек, объёмах производства лекарственных средств и специального оборудования. При этом ещё в 1930-х гг. в отечественной историографии сложилась традиция все трудности и неудачи СССР в этой области затушёвывать, а любые показатели использовать как доказательство успехов¹.

Версия советских историков о том, как изменилось производство лекарств после революции 1917 г., такова: из-за торговой блокады в России возникли определённые трудности с обеспечением населения и лечебных учреждений. Однако в 1918–1920 гг. они были успешно преодолены благодаря национализации всех запасов и переходу к распределительной системе. Подконтрольные государству фармацевтические предприятия сумели не только нарастить объёмы выпускаемой продукции, но и наладить производство новых медикаментов. В результате уже с середины 1920-х гг. Советская Россия преодолела зависимость от импорта и удовлетворила потребности системы здравоохранения².

© 2022 г. С.Н. Затравкин, Е.А. Вишленкова

¹ Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР. Статистический сборник / Под ред. И.А. Кравая. М., 1936; XXV лет советского здравоохранения / Под ред. Г.А. Митерева. М., 1944; Семьдесят лет советского здравоохранения. М., 1987.

² См., например: *Левинштейн И.И.* Фармацевтическая промышленность // Большая медицинская энциклопедия. Изд. 1. Т. 33. М., 1936. Стб. 534–542; *Левинштейн И.И.* История фармации и организация фармацевтического дела. М.; Л., 1939; *Намрадзе А.Г.* 25 лет медицинской промышленности // XXV лет советского здравоохранения. С. 244–256; *Марголин С.Е.* Развитие аптечного дела в СССР // XXV лет советского здравоохранения. С. 256–262; *Намрадзе А.Г.* Очерк развития химико-фармацевтической промышленности СССР. М., 1967; *Тенцова А.И., Панченко Е.И., Семёнова Т.Д.* Фармация в СССР. М., 1973; *Намрадзе А.Г.* Химико-фармацевтическая промышленность — медицине. М., 1985; *Быков В.А.* Медицинская и микробиологическая промышленность на службе охраны здоровья // Семьдесят лет советского здравоохранения. С. 381–398; *Катлинский А.В., Лопатин П.В., Линденбратен А.Л.* Фармацевтическая промышленность и лекарственное обеспечение // Здравоохранение России. XX век. М., 2001. С. 212–233.

Ревизия этих устоявшихся постулатов началась в 1980-х гг. Первый вклад в это внесли американские и британские историки экономики. Так, К. Дэвис показал, что финансирование носило волнообразный характер и в отдельные периоды существенно сокращалось. Выделявшихся средств не хватало для решения даже самых насущных задач организации лечебно-профилактической помощи. В результате большевикам пришлось уже в 1921 г. отказаться от идеи всеобщей бесплатной медицины и формировать группы населения с преимущественным доступом к ней³.

В фундаментальных исследованиях по истории позднеимперской и ранне-советской фарминдустрии М. Конрой показала растущую зависимость России от импорта лекарств из Германии и Швеции в годы Первой мировой войны. По мнению автора, неспособность большевиков запустить собственное производство лекарств повлияло на рост заболеваемости и смертности в России 1920-х гг.⁴ В отличие от советских историков здравоохранения, она писала не об успехах, а о трудностях, проблемах и кризисах. К сожалению, её работы практически не известны в России, на них нет ссылок в публикациях историков советской фармации, а выводы не учитываются коллегами. Впрочем, и Конрой не дискутировала с российскими исследователями, а во введении к книге 2006 г. уверяла, что у неё практически нет предшественников. Поэтому проблема противоположных ответов на вопрос — как большевикам удалось справиться с тотальным дефицитом фармпрепаратов — так и осталась нерассмотренной.

По нашему мнению, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выйти за границы истории фармпромышленности в СССР. Объект данного исследования — не столько производство медикаментов, сколько возможности советского здравоохранения по оказанию лекарственной помощи. При таком подходе ситуация с дефицитом лекарств в большевистской России выглядит совершенно иначе.

Источниковую базу исследования составили публикации в прессе, ежегодниках ВСНХ и официальных изданиях, отражающих импорт в Советскую Россию зарубежных медикаментов. Их поступление через благотворительные организации зафиксировано в материалах Всероссийского комитета и Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол). Данные о структуре и объёмах закупок советским правительством отражены в статистических сборниках по внешней торговле СССР за 1920-е гг.

Лекарственные потребности. В годы Гражданской войны важнейшей для большевиков задачей была борьба с эпидемиями. По официальным данным, в 1919–1922 гг. только сыпным тифом болели около 5 млн человек, по расчётам же ведущих отечественных гигиенистов — в 5–6 раз больше, фактически каждый третий житель страны⁵. Население остро нуждалось в медицинской

³ Davis Ch.M. Economic problems of the Soviet health service: 1917–1930 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. № 3. P. 343–361; Davis Ch.M. Economics of Soviet Public Health, 1928–1932: Development strategy, Resource Constraints, and Health Plans // Health and Society in Revolutionary Russia / Eds. G.S. Solomon and J.F. Hutchinson. Bloomington, 1990. P. 146–172.

⁴ Conroy M.S. In Health and in Sickness: Pharmacy, Pharmacists and the Pharmaceutical Industry in Late Imperial and Early Soviet Russia. 1994; Conroy M.S. The Soviet Pharmaceutical Business during Its First Two Decades (1917–1937). N.Y., 2006; Conroy M.S. Europe — Our Common Home? Russian-European Pharmaceutical Relations during the 1920s // Globalization and Regionalization in Socialist and Post Socialist-Economies: Common Economic Spaces of Europe / Ed. J. Pickles. Basingstoke, 2008. P. 40–71.

⁵ Тарасевич Л.А. Эпидемии последних лет в России // Общественный врач. 1922. № 1. С. 43–50; Khwaja B. Health Reform in Revolutionary Russia (URL: <https://www.sochealth.co.uk/2017/05/26/health-reform-revolutionary-russia/> (дата обращения: 30.11.2020)).

помощи и медикаментах. Уже в начале XX в. ни одно хирургическое вмешательство не обходилось без антисептических и обезболивающих средств общего или местного действия. Широко применялись алкалоиды опия и атропина, адреналин и физиологический раствор, препараты йода, висмута, брома. Лечение сифилиса не мыслилось без сальварсана, малярии — без хинина, туберкулёза — без гваяколовых препаратов. Отдельного упоминания заслуживают вакцины и лечебные сыворотки. Большим спросом пользовались дезинфицирующие средства для борьбы со вспышками инфекционных заболеваний — сулема, каломель, фенол кристаллический, чёрная карболовая кислота, сера, хлорная известь, зелёное мыло и др.

В Российской империи обеспечение населения и лечебных учреждений медикаментами осуществлялось посредством закупок в Германии, Англии, США, Швейцарии и ряде других стран. 56 российских химико-фармацевтических предприятий изготавливали главным образом простые галеновые препараты (экстракты, растворы, настойки, мази) из растительного сырья, а также хозяйственно-гигиенические и парфюмерно-косметические средства. Химические препараты производились в малых объёмах: в 1916 г. аспирина было выпущено 63 кг, алкалоидов опия — 200 кг. Доля импорта по ним доходила до 67–81%, а по гликозидам, хинину и йоду — до 100%⁶.

В 1918–1920 гг. все лекарства были национализированы и переданы в оперативное распоряжение ВСНХ и Наркомздрава. Основная их часть направлялась в Красную армию, а обеспечение гражданских лечебно-профилактических учреждений не превышало 5–6% от их фактической потребности⁷. Опубликовав эти цифры, Наркомздрав официально признал лекарственный голод в стране, о котором много писали и медицинские издания того времени. В специальном постановлении совещания эпидемиологической комиссии Пироговского общества в июне 1918 г. отмечалось: «В результате недостатка продовольствия и медикаментов состояние больных в лечебницах ухудшается, наблюдается повышенная смертность. Недостаток продовольствия и медикаментов ведёт к свёртыванию лечебниц до минимума и даже к закрытию их»⁸. О прекращении работы больниц, не получавших лекарств и медикаментов, сообщали врачи из Петроградской, Московской, Витебской, Ярославской, Владимирской губерний⁹.

В отдалённые регионы из-за хронических проблем с транспортом не поступали даже те крохи, которые выделял Наркомздрав¹⁰. Профессор Костромского университета А.С. Дурново признавал: «Чувствуется большой недостаток в медикаментах, инвентаре для лабораторий... Многое нельзя купить ни за какие деньги»¹¹. Пироговское совещание в июне 1918 г. констатировало «особо опасное положение» в Петрограде, где из-за недостатка дезинфицирующих средств питьевая вода перестала подвергаться достаточной химической очистке¹².

⁶ Левинштейн И.И. Фармацевтическая промышленность. Стб. 535.

⁷ Пять лет советской медицины. 1918–1923. М., 1923. С. 190.

⁸ Пироговская эпидемиологическая комиссия // Общественный врач. 1918. № 9–10. С. 86–87.

⁹ Совещание эпидемиологической комиссии при Обществе русских врачей в память Н.И. Пирогова, с представителями с мест по вопросам борьбы с холерой, 2-го — 4-го июня 1918 г. // Общественный врач. 1918. № 11–12. С. 97.

¹⁰ Там же. С. 101–103.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же.

Судя по свидетельствам медицинской печати, в 1918–1921 гг. в Советской России шёл рискованный эксперимент по вакцинированию людей «бактерийными препаратами... приготовленными необычными и не общепризнанными способами»¹³. Отсутствие карболовой кислоты восполнялось лизолом, на основе которого вакцины получались мутными и с крупными хлопьями. Центральная сывороточно-вакцинная комиссия Наркомздрава дала заключение, что их «можно считать годными, если кроме хлопьев других дефектов нет и если хлопья не... засоряют игл»¹⁴. Также было разрешено продлить до двух и более лет срок хранения уже имевшихся вакцин. Некоторые из них изготавливали с использованием не дистиллированной, а кипячёной воды.

Советское производство лекарств. В 1919–1921 гг. отечественные фармацевтические заводы и фабрики действительно в 2,5–4 раза увеличили выпуск продукции, но большую её часть составляли простейшие галеновые препараты¹⁵. Доля химических лекарств в общем объёме с каждым годом снижалась: в 1919 г. – 21%, 1920 г. – 16,3%, 1921 г. – 17,7%¹⁶. Скудная номенклатура (всего несколько наименований) определялась слабыми технологическими возможностями предприятий. Эта продукция, конечно, не могла удовлетворить даже скромные запросы советского здравоохранения на гиосциамин, кодеин, терпингидрат, салициловый натрий, марганцовокислый калий, перекись водорода, ляпис, ксероформ, эфир, неосальварсан, камфору, амигдалин, ланолин. Качество выпускавшихся медикаментов было настолько низким, что после отмены в 1922 г. распределительной системы продать их на рынке оказалось невозможно¹⁷.

К началу 1920-х гг. Архангельский йодный и Сакский бромный заводы, Воронежское фармправление и петроградские предприятия практически полностью прекратили производство. Семь московских заводов, обеспечивавших 85% лекарственной продукции и объединённых в 1921 г. в фармацевтический трест, находились на грани разорения, убытки оценивались в 500 тыс. золотых руб. План выпуска выполнялся только на 45%, а падение производства по отношению к 1921/22 операционному году составило более 40%¹⁸. Тяжёлый удар по фармацевтическим предприятиям нанесло запаздывание перехода подведомственных Наркомздраву торговых учреждений на хозрасчёт. Заводы продолжали выпускать продукцию, а у Государственного управления торговли медицинским имуществом (Госмедторг) не было средств, чтобы её выкупать. В результате в отрасли возникла парадоксальная ситуация: слабая реализация продукции в условиях острого лекарственного дефицита.

В 1922 г. начался перевод советской системы здравоохранения на содержание регионов. На государственном бюджете остались только Красная армия и 117 тыс. коек в медицинских организациях общегосударственного значения¹⁹.

¹³ Из деятельности центральной сывороточно-вакцинной комиссии за 1920 год // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1921. № 1–4. С. 36–37.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вестник химической промышленности. 1922. Кн. 1. С. 141.

¹⁶ Натрадзе А.Г. Очерк развития химико-фармацевтической промышленности СССР. С. 100.

¹⁷ Лурье М.А. Химико-фармацевтическая промышленность // Русская промышленность в 1924 году. М., 1925. С. 311.

¹⁸ Мазовер Я. Химико-фармацевтическая промышленность // Русская промышленность в 1923 году. М.; Л., 1924. С. 340–349.

¹⁹ Пять лет советской медицины... С. 191.

Изменение финансирования сделало невозможными закупки лекарств для подавляющего большинства лечебно-профилактических учреждений. Попытки компенсировать их за счёт розницы также не увенчались успехом из-за слабо развитой сети аптек²⁰, отсутствия у них оборотных средств, а также постоянных ошибок фармацевтов в проведении закупок. Немаловажную роль играли низкая покупательная способность населения в начале 1920-х гг. и постоянный рост цен на отечественные лекарства (табл. 1). Многие из них были гораздо дороже импортных аналогов, а потому даже в условиях дефицита не выдерживали конкуренции (табл. 2).

Таблица 1

Коэффициент увеличения цены на отдельные лекарственные средства в 1923 г. по отношению к довоенным ценам 1914 г.

Наименование препарата	Коэффициент увеличения цен	
	На 1 января 1923 г.	На 1 ноября 1923 г.
Аспирин	2,7	3,4
Салол	3,2	3,9
Кодеин	1,9	2,6
Терпингидрат	4,2	9,0
Сулема	3,2	5,0
Экстракт белладонны	1,9	4,1
Йодная настойка	1,8	2,3

Составлено по: Мазовер Я. Указ. соч. С. 347.

Таблица 2

Цены на российские и зарубежные лекарственные средства в 1923/24 операционном году (руб. / кг)

Наименование препарата	Заводская себестоимость отечественных препаратов	Розничная цена импортных аналогов
Салициловый натр	6,28	2,02
Салол	10,1	2,73
Кодеин	446,37	352,5
Эфир	3,22	0,53
Терпингидрат	6,03	2,26

Составлено по: Лурье М.А. Химико-фармацевтическая промышленность // Промышленность в СССР в 1925 г. М.; Л., 1926. С. 344.

²⁰ Число аптек в России уменьшилось с 5 594 в 1913 г. до 3 688 в 1923 г. 46,4% из них были больничными, 40,7% — внебольничными, 12,9% — смешанными. Частных аптек осталось только 334 (Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913—1923 гг. М., 1926. С. XXIV).

Второй причиной упадка фармацевтического производства стали перебои с поставками сырья. Импортные субстанции поступали один-два раза в год, а отечественные доставлялись не регулярно и были очень низкого качества²¹.

В 1922–1923 гг. ВСНХ принял ряд решений, направленных на кардинальное сокращение расходов и предельную концентрацию производства. В результате к концу 1923 г. в структуре фармацевтического треста остались только три завода, производивших йодные соли, танин, галеновые, салициловые и химические препараты²². Следующим шагом стало объединение в 1923–1924 гг. фармацевтического треста ВСНХ и Госмедторга в одно акционерное общество «Госмедпромторг»²³. С 1924 г. торговлю медикаментами разрешили не только аптекам, но и магазинам потребительской кооперации и даже частным лицам²⁴. Расширился и ассортимент. В 1923–1925 гг. налажилось промышленное производство более трёх десятков новых химических лекарственных средств, пользовавшихся большим спросом.

Принятые меры позволили повысить рентабельность производства, сократить убытки, замедлить рост цен на лекарства, а главное — увеличить объёмы продаж. Однако кардинально изменить положение дел не удалось. Фармацевтическую отрасль и после 1925 г. продолжало лихорадить. Из-за перебоев с поставками сырья, медленного технологического обновления, недостатка квалифицированных рабочих, различных форс-мажорных обстоятельств (например, большой пожар на алкалоидном заводе в Москве в 1925 г.) не выполнялись плановые обязательства и не удовлетворялись запросы здравоохранения. В 1925/26 хозяйственном году был сорван выпуск 258 наименований лекарственных средств, что составило 30% запланированного объёма производства²⁵. Потребность в лекарствах удовлетворялась не более чем на 50–65%²⁶, особенно сильным был дефицит алкалоидов, а также йодных, ртутных, салициловых препаратов²⁷.

Подчинение в 1929 г. всех отраслей народного хозяйства задачам форсированной индустриализации привело к переориентации фармацевтических заводов на выпуск технических, фотохимических и прочих товаров для тяжёлой промышленности. Объёмы выпуска лекарственных средств сократились в несколько раз (табл. 3), снизился и объём импорта из-за дефицита валюты (табл. 4). «По лекарственному снабжению, по целому ряду основных медикаментов мы имеем недопустимое положение, — признавал нарком здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминский. — По ртутным препаратам потребность выражается в 126 т, отпущено 7,5 т, по висмуту потребность 54 т, отпущено 8,75 т»²⁸. Согласно данным Наркомздрава СССР, в середине 1930-х гг. потребность лечебных учреждений в медикаментах удовлетворялась на 20%²⁹.

²¹ Мазовер Я. Указ. соч. С. 340–349.

²² Там же. С. 342. Были сохранены фармацевтические заводы № 2 (бывш. Земского союза), № 4 (бывш. Акционерного общества Шеринг) и № 8 им. Карпова (бывш. Товарищества Феррейн).

²³ Лурье М.А. Химико-фармацевтическая промышленность // Русская промышленность в 1924 году. С. 305.

²⁴ Тенцова А.И., Панченко Е.И., Семёнова Т.Д. Фармация в СССР. С. 31.

²⁵ Кравец В. Химико-фармацевтическая промышленность // Промышленность в СССР в 1925/26 году. М.; Л., 1927. С. 217.

²⁶ Лурье М.А. Химико-фармацевтическая промышленность // Промышленность в СССР в 1925 году. С. 346.

²⁷ Кравец В. Указ. соч. С. 219.

²⁸ Каминский Г.Н. Задачи советского здравоохранения. М., 1934. С. 33.

²⁹ Каминский Г.Н. Охрана здоровья в Советском союзе. М., 1935. С. 68.

Таблица 3

Производство отдельных лекарственных препаратов в СССР (т)

Название препарата/годы	1930	1931	1932	1933
Препараты висмута	59,4	53,5	33,3	10,0
Гваяколовые препараты	19,6	36,7	12,4	0,5
Диуретин	16,9	11,5	5,2	1,1
Препараты йода	96,3	28,8	41,1	65,0
Кокаин солянокислый	1,05	0,54	0,27	0,085
Новосальварсан	3,1	1,6	0,3	0,8
Алкалоиды опия	5,6	2,2	4,1	2,6

Составлено по: Каминский Г.Н. Охрана здоровья в Советском союзе. С. 67.

Таблица 4

Поставки лекарственных средств в учреждения системы здравоохранения СССР (т)

Название препарата/годы	1932	1933	1934
Эфир для наркоза	70,8	48,0	49,0
Уротропин	20,5	10,5	11,0
Соли кофеина	11,8	6,2	6,2
Кодеин	0,85	0,19	0,3
Висмут азотнокислый	13,3	4,7	4,5

Составлено по: Каминский Г.Н. Охрана здоровья в Советском союзе. С. 68.

Насколько эффективна могла быть система здравоохранения с таким низким уровнем обеспечения лекарствами? С точки зрения Конрой и демографических историков, ответ на этот вопрос дают показатели общей смертности в СССР в этот период. В 1920–1930-х гг. они не только превышали аналогичные показатели большинства развитых стран, но и находились существенно выше линии тренда снижения смертности, сложившегося в Российской империи в 1890–1914 гг.³⁰

Подкормка лекарствами. Судя по данным торговой статистики, самыми «голодными» в истории советского здравоохранения были 1918–1919 гг. Начиная с 1921 г. положение дел с лекарственным обеспечением стало улучшаться. Решающую роль в этом сыграло увеличение импорта медикаментов и фармацевтических субстанций, а также помощь, оказанная Советской России международными благотворительными и медицинскими организациями в связи с голодом 1921–1922 гг.

Согласно статистическому справочнику «Внешняя торговля Союза ССР за 1918–1927/28 годы», торговая блокада не распространялась на лекарства. Пользуясь этой возможностью, советское правительство на протяжении 1920-х гг.

³⁰ Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 120; Вишневский А.В. Демография сталинской эпохи // Население и общество. 2003. № 70.

заказывало на внешнем рынке медикаменты, причём объём закупок устойчиво рос (табл. 5). Поскольку динамику раннесоветского импорта невозможно оценивать в меняющейся ценовой стоимости, мы приводим данные по весу. В 1919 г. импортных лекарств было привезено ничтожно мало: хинин — 65 кг, кофеин — 115, бромистый калий и натрий — 82, йодистые препараты — 82, окись висмута — 16, анилин — 16, антипирин, салипирин и фенацетин — 278, «непоименованные фармацевтические продукты» — 115, готовые лекарственные средства — 328, опий — 9124 кг. Поставщиками значатся Германия, Англия, Франция, Япония и Персия³¹.

В 1920 г. объём закупок импортных препаратов вырос в несколько раз: химических и фармацевтических продуктов — 155 т, дозированных препаратов — 149 т, стрихнина, теофиллина, вератрина, пилокарпина, кофеина, теобромина, хинина — 262 кг, хлороформа — 100 кг, алкалоидов опия, их производных и смесей, а также атропина, гиосциалина и адреналина — по 49 кг³². В 1921–1922 гг. поставлено 1373 т фармацевтической продукции, в том числе дозированных препаратов — 180 т; в 1922–1923 гг. — 1587 и 262 т соответственно. Кроме того, каждый год советское правительство приобретало по 33 т хинина³³.

Положение улучшали не только импортные закупки, но и благотворительная помощь зарубежных стран. Самыми внушительными были поставки Американской администрации помощи (American Relief Administration, ARA). Когда её представители в 1921 г. оценили масштабы инфекционной заболеваемости, голода и дефицита лекарств в большевистской России, то возглавлявший ARA Г. Гувер добился от Конгресса США разрешения вскрыть стратегические резервы американской армии³⁴.

Отметим, что все лекарства, медицинское оборудование и инструменты ARA передала непосредственно амбулаториям, больницам и аптекам Казанской, Самарской, Уфимской, Симбирской, Царицынской, Саратовской, Оренбургской губерний, Кубани, Белоруссии, Украины³⁵. Для этого при активной помощи Наркомздрава РСФСР организовались специальные санитарные поезда, восстанавливались железные дороги и строились мосты. Численность населения районов, в которые пришла помощь ARA, составляла около 70 млн человек. Было привезено 377 видов лекарств, 15 видов дезинфектантов и 5 видов химикатов для очистки воды, 11 различных типов вакцин, 133 вида лабораторных принадлежностей, 627 видов хирургических инструментов, рентгеновской аппаратуры, стоматологических инструментов. В Россию из США доставили 40 т хлороформа, 31 — борной кислоты, 57 — касторового масла, 15 — аспирина, 70 — сульфата магния, 100 — петролатума, 350 т рыбьего жира, 60 тыс. фунтов хинина, 700 тыс. тюбиков неосальварсана, 55 тыс. тюбиков сулемы, 12 млн доз вакцин, около 2,5 млн фунтов мыла, 800 тыс. фунтов серы, по 200 тыс. фунтов креозола и формальдегида, 86 тыс.

³¹ Внешняя торговля Союза ССР за 1918–1927/28 годы (статистический справочник). Л., 1929. С. 28.

³² Там же. С. 38–39.

³³ Там же. С. 124.

³⁴ *Цихелашвили Н.Ш.* Американская помощь народам России в начале 20-х годов XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 144.

³⁵ С ноября 1921 по июнь 1923 г. Медицинский отдел ARA оказал помощь 5 764 больницам, 4 123 амбулаториям и аптекам (*Цихелашвили Н.Ш.* Американская помощь народам России... С. 140–145).

бутылок коллодия, 60 тыс. флаконов карболовой кислоты³⁶. Общая стоимость грузов составила 7,7 млн долларов США³⁷.

Таблица 5

Объёмы поставок некоторых лекарственных средств и фармацевтических субстанций в СССР в 1923–1928 гг. (т)

Лекарственное средство / годы	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Уротропины, аспирин, эфиры салициловой кислоты, бензоафтол	23	83	97	25	6
Фенетидин, фенацетин, феникол и их производные	8,5	13,3	6	16,9	19,4
Фенилпиразолон и его производные	19,6	27,9	20,7	15,4	28,9
Производные салициловой кислоты (кроме упоминавшихся), сульфонал и его гомологи	12,2	20,6	11,9	3,8	11,7
Гваякол и его производные, креазот	37,8	45,8	57,7	47,1	51,3
Терпингидрат	1,13	13,1	19,5	0,6	0,1
Молочный сахар (лактоза)	17	20	0,1	6	21
Соединения таннина с альбумином (таннальбин, таннакол)	3,6	0,5	0,6	0,02	0,02
Препараты мышьяка: сальварсан, неосальварсан; сухой адреналин	3,1	12,7	13,1	1,4	1,6
Соединения ртути с органическими кислотами	—	—	0,14	12,3	0,8
Органические фармацевтические субстанции	100,6	142,8	298,1	210,8	563,7
Хинин и его соли	98,9	78,4	57,6	70,6	89,1
Стрихнин, теофиллин, вератрин, пилокарпин; кофеин, теобромин; производные хинина	17	14,7	17,7	6,6	47,9
Алкалоиды опия (морфин, кодеин), их производные (диопин, героин, апоморфин), их смеси (пантопон), атропин и гиосциалин, гликозиды, адреналин синтетический	3,4	3,3	8,5	8,6	—
Галеновые препараты	3,2	5,9	2,3	1,7	1,4
Дозированные препараты	7,5	6,1	5,5	2,8	1,9
Органотерапевтические сывороточные и бактериальные препараты (вакцины, туберкулин, лактобациллин и др.)	0,9	0,4	0,3	1,4	2,7

Составлено по: Внешняя торговля Союза ССР... С. 438–445.

³⁶ Цихелашвили Н.Ш. Американская помощь народам России... С. 140–159. По данным Помгола, помощь АРА была ещё значительнее и в денежном выражении составила 8,5 млн долларов США (Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. М., 1922. С. 349).

³⁷ Цихелашвили Н.Ш. Американская помощь народам России... С. 140–159.

Таким образом, избранный нами подход позволяет внести коррективы в выводы, сделанные как отечественными, так и зарубежными историками медицины. Мы констатируем, что лекарственный голод в СССР не был преодолен сразу вслед за национализацией фармпроизводств, а продолжался несколько десятилетий и стал одной из причин сверхсмертности населения в 1920–1930-х гг. Однако утверждение Конрой о неспособности советской власти запустить собственное производство лекарств также нуждается в существенном дополнении. За счёт финансирования импорта и активной помощи в организации благотворительных поставок медикаментов большевистскому правительству удалось решить целый ряд проблем обеспечения системы здравоохранения и тем самым спасти многие жизни.

**«Правда жизни»: борьба с венерическими
заболеваниями в СССР в 1920-е гг.
в официальной пропаганде и массовых представлениях**

Мария Графова

**«Truth of life»: Controlling the epidemic of venereal diseases
in the USSR during the 1920s. Official propaganda and popular attitudes**

Maria Grafova
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020169, EDN: FVIKEN

Венерические заболевания, ставшие значительной медицинской и социальной проблемой в 1920-е гг., — почти не разработанная в историографии тема. Она особенно актуальна в нынешней ситуации, когда ревизия разновременного опыта по борьбе с эпидемиями и связанными с ними страхами и невротами обретает совершенно новое звучание и привлекательность для исследователей¹. Данное исследование предлагает первую, насколько мне известно, попытку систематизации и анализа печатной санитарно-просветительской продукции 1920-х гг., с выделением различных жанров и различий в зависимости от аудитории. Его основу составил, прежде всего, выявленный в фондах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки богатый пласт изданий о лечении и профилактике венерических заболеваний, судя по всему, мало введённых в исследовательский оборот. В те годы на русский язык переводились авторитетные исследования на тему венерологии, которые снабжались комментариями отечественных специалистов, активно использовался мировой опыт, поскольку венерологическая проблема была актуальна повсюду. Кроме того, та же специфическая тематика нашла отражение в партийных и развлекательных периодических изданиях. Это вывело на тему не только многообразие официальной санитарной пропаганды, но и её восприятия населением.

Борьба с венеризмом почти сразу выдвинулась в качестве одной из первоочередных задач советской медицины. Всероссийская комиссия по борьбе с венерическими болезнями была создана уже 29 мая 1918 г., даже раньше, чем собственно Наркомат здравоохранения под руководством Н.А. Семашко (21 июля)². Велась активная деятельность по созданию соответствующих структур на местах, закладывалась основа нового научного направления — социальной венерологии. В 1921 г. в Москве открылись Центральный показательный венерологический диспансер и Государственный венерологический институт;

© 2022 г. М.А. Графова

¹ О структуре раннесоветского здравоохранения и её специфике см., в частности: Weissman N.B. Origins of Soviet health administration. Narkomzdrav, 1918–1928 // Health and society in revolutionary Russia / Ed. by S. Gross Solomon and J.F. Hutchinson. Bloomington; Indianapolis, 1990. P. 97–121; Gross Solomon S. Social hygiene and Soviet public health, 1921–1930 // Health and society in revolutionary Russia. P. 175–200. См. также: Soviet medicine: culture, practice and science / Ed. F.L. Bernstein, C. Burton, D. Healey. Dekalb, 2010; Яковенко В.А. История советской медицины. Обзор новейших исследований (2010–2020 гг.) // Cahiers du Monde Russe. 2021. Т. 62. № 4. С. 815–828.

² Гусаков Н.И. История отечественной дерматовенерологии. М., 2007. С. 222–223.

кожно-венерологические диспансеры появились также в Нижнем Новгороде и Томске. В 1924 г. началось издание сразу двух профильных журналов: «Русский вестник дерматологии» и «Венерология и дерматология»³. В 1930 г. создан Ленинградский кожно-венерологический институт. К 1928 г. число диспансеров в СССР дошло до 293, к началу Второй мировой войны — до 603⁴. Велась активная наглядная пропаганда, призванная убедить людей в необходимости профилактики и лечения наиболее распространённых и опасных венерических заболеваний. К 1923 г. Венерологическая секция Наркомздрава распространила 5 млн листовок, 350 тыс. популярных брошюр, 20 тыс. чёрно-белых и 10 тыс. цветных художественных плакатов, 30 тыс. плакатов без рисунков, 20 тыс. программ в помощь лектору, более 100 коллекций диапозитивов (лекции с использованием диапозитивов были очень популярны)⁵. Как следствие, по мнению специалистов, «окончание третьего десятилетия прошлого века считается периодом завершения “эпидемиологической революции” в стране, когда смертность от инфекционных заболеваний перестала доминировать среди всех причин смерти»⁶. В числе прочего заметно упала заболеваемость вензаболеваниями⁷, они перестали быть опасностью, угрожающей населению на массовом уровне⁸.

Рассмотрим разновидности санитарной пропаганды тех лет. Первая группа — издания для профессионалов: врачей и лиц, ответственных за санпросвещение населения. Это переводные работы с комментариями отечественных специалистов⁹, труды, разъясняющие новые средства лечения и помощи заболевшим¹⁰, сборники статей, приуроченные к юбилейным датам учреждений или видных деятелей медицины¹¹, наконец, периодические и специальные издания, посвящённые конкретным проблемам¹². Отдельной перспективной группой источников представляются многочисленные малоизученные анкеты по вопросам половой жизни, распространённые не только в 1920-е гг., но и до революции.

³ Об истории журнала см.: Кубанова А.А., Кубанов А.А., Карамова А.Э. Журнал «Вестник дерматологии и венерологии» — *videre majus guidam*. К 90-летней годовщине издания журнала // Вестник дерматологии и венерологии. Т. 90. 2014. № 6. С. 20–25.

⁴ Кубанова А.А., Мартынов А.А., Власова А.В. Вековой опыт отечественной дерматовенерологии. Этапы развития кожно-венерологической помощи населению (часть 1) // Вестник дерматологии и венерологии. Т. 93. 2017. № 6. С. 16.

⁵ См., например: Хайес Б. Краткий курс социальной гигиены / Пер. с нем. под ред. и с доп. С.И. Каплуна. М.; Пг., 1923; Бляшко Л. Основы общественной венерологии / Пер. с нем. Р.А. Авербах, под ред. Н.Л. Россиянского с предисл. В.М. Броннера. М., 1925. С. 146–147.

⁶ О проблеме эпидемиологического перехода и его специфике в России см.: Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006. С. 257–270.

⁷ Кубанова А.А., Мартынов А.А., Власова А.В. Вековой опыт отечественной дерматовенерологии... С. 18. Приведены показатели падения заболеваемости с 1913 по 1926 г., но не вполне понятен источник цифр.

⁸ См., например: Сборник трудов, посвящённый десятилетней деятельности Московского краснотнаменного кожно-венерологического диспансера / Предисл. В.М. Броннера. М., 1936.

⁹ См., например: Хайес Б. Указ. соч.; Бляшко Л. Указ. соч.

¹⁰ Россиянский Н.Л. Диспансеризация в борьбе с венерическими болезнями. М., 1928; Осипов Р. Санитарное просвещение и гигиеническое воспитание. Справочная книга для врачей и педагогов. Т. 1. Л., 1925.

¹¹ Сборник, посвящённый 25-летию научной и общественной деятельности В.М. Броннера. М., 1926; Сборник трудов, посвящённый десятилетней деятельности...

¹² См., например: Бурко Л.С. Половая жизнь и венерические заболевания среди транспортников и их семей. Харьков, 1927; Фомин П.В. Из впечатлений венерологического отряда в Сердобском уезде // Из записок Саратовского вестника здравоохранения. 1928. Т. 4. № 1–2.

Вторая группа — санитарная пропаганда для широких слоёв населения. Для неё характерно разделение на издания, предназначенные для города и для деревни¹³. Они затрагивают общие вопросы гигиены, а также дают советы по профилактике болезни¹⁴. В приведённой в качестве примера книге Е. Залуцкого указаны риски заражения для широкой публики: профессиональные (для портных, беловшеев, сапожников, стеклодувов, музыкантов); бытовые, связанные с гигиеной быта (например, привычкой докуривать чужие папиросы); и т.д. В отдельную группу выделены серьёзные риски при отправлении религиозных обрядов: христосования, целования креста, чаши, лба покойника; «сифилис кормилиц». Есть и напоминание о том, что в большинстве крупных городов (Москва, Ленинград, Киев, Одесса) имеются профилактические пункты первой помощи по венерическим болезням, куда могут срочно обратиться заболевшие¹⁵. Встречаются специальные издания о профилактике сифилиса в браке, объясняющие необходимость ответственного отношения к здоровью — как своему, так и будущего супруга¹⁶.

Третья группа — беллетризованная, театрализованная и даже поэтическая пропаганда. Это написанные в художественной (точнее, околохудожественной) форме рассказы о последствиях неосторожного выбора партнёров, веры в предрассудки и нерегулярного лечения болезней в городе¹⁷ или деревне¹⁸. Чрезвычайно интересна книга очерков «За закрытой дверью». Это записки работавшего в Ленинграде врача Л. Фридланда, изданные в Риге в старой орфографии, но повествовавшие, несомненно, о России эпохи нэпа¹⁹. Перед нами уникальная возможность посмотреть на проблему лечения венерических заболеваний глазами пациентов — людей разного пола, возраста, социальной принадлежности, профессии. Написанная и изданная в формате популярного санитарно-просветительского чтения, книга относится к литературно оформленной санитарной пропаганде, но нацелена на образованного читателя с высоким культурным уровнем. Очень любопытна повесть «Рядовые», в которой читателю предлагается ряд образцов поведения — правильных, частично правильных и недопустимых с идеологической точки зрения — в ситуации заболевания сифилисом²⁰.

Кроме того, выходило немало написанных врачами санитарно-просветительских поэм на тему профилактики и лечения сифилиса²¹. Характерный образец носит название «О том, как Нил всю деревню заразил» и снабжён любопытными иллюстрациями. Излагается стандартная история: молодой человек в городе имел случайную связь с проституткой, затем, отправившись погостить домой, заразил бытовым путём родных и односельчан, а сам, вер-

¹³ Эфрон Н.С. Сифилис в семье. 20 ответов крестьянке. М., 1928; Россинский Ф.И. Беседы о женских болезнях. М.; Л., 1925.

¹⁴ Залуцкий Е. Как уберечься от венерических болезней. М., 1929; Лемберг М. Что необходимо знать о половом вопросе. Четыре беседы. Л., 1925.

¹⁵ Залуцкий Е. Указ. соч. С. 16–17, 33, 43.

¹⁶ Вольян Л.Г. Сифилис и брак. Когда сифилитики могут вступать в брак? Изд. 2. М., 1926. Гальперин С.Е. Венерические болезни и брак. М.; Л., 1928.

¹⁷ Резник С. Проститутка. М.; Л., 1927.

¹⁸ Бельский Н.С. Случай в Волчихе. Л.; М., 1930.

¹⁹ Фридланд Л.С. За закрытой дверью. Рига, 1928.

²⁰ Щелканова М. Рядовые. М.; Л., 1926.

²¹ См., например: Безпалов В.Н. Сифилис и как он передаётся в деревне. Рубцовск, 1927; Фрид С.М. Бич деревни. Быль в стихах. М., 1925.

нувшись в город, начал прилежно лечиться. Приехав через год, обнаружил, что больна уже вся деревня, а также люди за её пределами. Местный врач утешил расстроенных и испуганных крестьян, объяснив, что виновато их невежество и что, если лечиться как следует, все вновь будут здоровы²². Журнал «Лапоть» давал вступающим в брак «дельный совет» требовать от партнёра справку от венеролога: «Перед тем, как выйти замуж, / Жениху скажите прямо: / Вынь-ка, друг, на лавочку / О здоровья справочку!»²³.

Публиковались пьесы для самодеятельного (в основном) клубного театра на ту же тему. Обычно это драматические или трагические истории сифилиса в семье, приносимого (как правило, с фронта) не вылечившимся до конца мужем²⁴. Сюжет «Четырёх крестов» мрачный и сатирический, поскольку главный герой — бывший «белый» офицер, солгавший юной невесте о своём прошлом, в том числе о болезни. Семья его жены — тоже из «бывших», с архаическими и потому подлежащими осуждению представлениями (например, о необходимости венчаться в церкви). Под грузом вины за явившиеся результатом его лжи болезнь жены и тёщи, а также смерть ребёнка, муж стреляется²⁵. В сходной по сюжету пьесе «Заражённые» ситуация менее остра: жена, убедившись, что болезнь её и ребёнка — результат заражения супругом, который заболел во время войны, прогоняет его. Однако спустя три года они встречаются, оба вылечившиеся, и семья воссоединяется²⁶. Сюжет пьесы «Заклеймённые позором»²⁷ сводится примерно к той же коллизии, в несколько более распространённом виде, однако ввиду сложности (по словам автора, он «заимствован», но непонятно, откуда именно) едва ли предназначен для самодеятельности. В пьесе «Коммунистка Вера» активистка, приехав в родную деревню, просвещает родных и знакомых, в частности, убеждает молодого человека, у которого сифилис, не вступать в брак, как намечено, а ехать в город и лечиться²⁸. Есть и привычные деревенские сюжеты борьбы с бытовым сифилисом²⁹, в том числе с драматическим мотивом самоубийства беременной девушки, свадьба которой откладывалась из-за того, что и ей, и её партнёру требуется длительное лечение³⁰.

В форме пьес представлены также санитарные суды, но они должны быть выделены в отдельную источниковую группу, так как являются частным примером особого концептуального сегмента агитационной литературы эпохи — агитационных судов разной тематики. Автор журнала «Венерология и дерматология» отмечал, что «успех сансудов и других санпостановок несомненен», хотя их просветительский эффект из-за самой художественной формы несколько ограничен. Они рассматривались профессионалами как «форма санпросвета,

²² Юшков П.Д. О том, как Нил всю деревню заразил. Свердловск, 1927. С. 24.

²³ Архип. Дельный совет // Лапоть. 1927. № 9. С. 10.

²⁴ В сборнике задач по уголовному праву встречаются уже вполне реальные случаи, оценить которые предлагается молодым юристам: молодой супруг, уверенный в том, что вылечился у врача за короткое время, ненамеренно заражает любимую жену (Гродзинский М.М. Задачи по советскому уголовному праву. Изд. 3, пересм. и доп. Харьков, 1927. С. 47).

²⁵ Шапиро А.И., Кудра О.К. Четыре креста. Санитарная пьеса в 2-х актах. Н. Новгород, 1923.

²⁶ Ткачёв Т.Я. Заражённые. Драматический этюд в 3-х действиях. Воронеж, 1925.

²⁷ Утенков М.Д. Заклеймённые позором. Сюжет заимствован. Пьеса. М., 1924.

²⁸ Кутыгина В.М. Коммунистка Вера. Пьеса для деревенского театра. М., 1924.

²⁹ Скрябин В.И. «Дурная болезнь» (сифилис в деревне). Удобна для постановок на любой сцене. Воронеж, 1925.

³⁰ Соколов К.Л. Господская утроба. Пьеса в 3-х действиях. М., 1928.

подготавливающая массы к более углублённой санпросветобработке»³¹. Полный энтузиазма и уверенности в том, что литература и искусство сыграют значительную роль в борьбе с вензаболеваниями, врач-популяризатор писал: «Инсценированные сансуды лучше достигают цели, чем лекции, даже самые талантливые; вот почему научно-популярному кинематографу должна принадлежать, как нам кажется, одна из наиболее почётных ролей в деле просвещения»³². Причём особое значение имеет специфика восприятия. В деревне важна конкретность тематики. Попытки задать абстрактную или глобальную тему вроде суда «над богом, над Всесоюзной коммунистической партией, над наукой» заведомо бесплодна даже в городе, это никому не интересно. Удачный вариант названия для суда над болезнью — не «суд над сифилисом», а «суд над отцом и мужем-сифилитиком»³³. Похожий вариант упомянут и в другом руководстве: «Суд над мужем, заразившим свою жену и детей венерической болезнью»³⁴. Особенно многочисленны (поскольку, скорее всего, отражают стандартную ситуацию) сюжеты сансудов, посвящённые венерическим заболеваниям в семье: обычно ответственным являлся муж, вступивший в брак не вылечившись, часто — зная о болезни и скрывая её. Последствия тоже стандартны: заболевание жены и других членов семьи, рождение больного или мёртвого ребенка, заражение кормилицы и её семьи³⁵. Характерна ситуация с самоубийством — действительным или планируемым.

Большую популярность имел жалостливый сюжет следующей пьесы³⁶: красноармеец подаёт в суд на заразившую его проститутку. Выясняется, что она — деревенская девушка, служившая в городе прислугой, соблазнённая сыном хозяев и брошенная им с ребёнком, ради которого она и пошла на панель. Ребёнок умер, родственники её отвергли, она заразилась сифилисом и стала источником заражения для клиентов. Суд снисходителен к ней как к жертве обстоятельств и рекомендует лечение и трудоустройство, а против подавшего на неё в суд красноармейца возбуждает дело за пользование проституцией и создание на неё спроса³⁷. В журнале «Венерология и дерматология» при описании мероприятий недели по борьбе с венеризмом в Ново-Николаевске (Новосибирске) сказано о 20 постановках в 12 клубах по имеющимся в распоряжении местного вендиспансера пьесам «Суд над проституткой», «Заклеймённые позором», «Суд над венериком», «Суд над проституткой и сводницей». Перед каждым представлением предполагалась лекция врача, который затем выступал в роли эксперта³⁸.

³¹ *Бараиш М.С.* К методике санпросвета в деле борьбы с венерическими болезнями // Венерология и дерматология. 1925. № 1. С. 75.

³² *Грин А.А.* Сифилис в художественной литературе // Венерология и дерматология. 1924. № 4. С. 78–93.

³³ *Ветров Б., Петров Л.* Агитсуд и живая газета в деревне. М.; Л., 1926. С. 49.

³⁴ *Ребельский И.В.* Инсценированные суды (как их организовывать и проводить). М., 1926. С. 22.

³⁵ *Громов А.М.* Виновен ли? Сценическое оформление суда над мужем, заразившим сифилисом свою жену. Харьков, 1925; *Деев Д.К.* Суд над заразившим сифилисом свою жену. Екатеринослав, 1924; *Демидович Е.Б.* Статья 155 Уголовного кодекса РСФСР. Суд над гр. Киселёвым по обвинению в заражении триппером. Изд. 2. М., 1925; Санитарный суд над сифилитиком инженером Терпигоревым по жалобе красноармейца Воинова. Изд. 2, испр. Н. Новгород, 1925.

³⁶ *Аккерман А.И.* Суд над проституткой и сводницей. Изд. 3. М., 1925.

³⁷ Отдавая себе отчёт в том, насколько важна история реальной проституции в контексте истории венерологии, я почти не затрагиваю её в данной статье. Это очень обширная и сложная тема, требующая отдельного обзора литературы и исследования.

³⁸ Венерология и дерматология. 1925. № 3. С. 122.

Развёрнутое подтверждение популярности сансудов обнаружено в изданном в середине 1930-х гг. сборнике статей, подводившем итоги десятилетней работы московского венерологического диспансера № 4. Согласно публикации, за год в нём проходило по 42–45 таких судов, а всего к 1936 г. их состоялось 433 (всего — 3 031 выступление врачей и медперсонала). Следующая цитата проливает свет на ряд интересных деталей: «В чём секрет его (сансуда. — М.Г.) успеха и почему он даёт удовлетворение его участникам?.. Он объединяет общей задачей и целью... Как правило, подъём и вдохновение одних поднимает настроение у других. Когда начинается заседание суда и в зрительном зале сидят 400–500 человек, напряжённо слушающих вас, вы сразу проникаетесь высокой ответственностью... Мы преподносим суд как настоящий процесс, и очень часто наши присяжные заседатели, выбираемые перед судом самой аудиторией, до самого конца принимают его за настоящий суд... Основной целью является выступление эксперта. Попробуйте собрать 400–500 человек, чтобы прочесть им лекцию о гонорее или сифилисе, вам это никогда не удастся... А на суде, когда перед зрителем развёртывается печальная судьба пострадавших, когда обвиняемый всем своим поведением вызывает возмущение и отвращение, когда свидетели дополняют всю неприглядную и уродливую обстановку, среди которой наш “герой” жил, когда из его “милых шалостей” вырастает целая драма, аудитория начинает понимать, что венерические заболевания — это целая проблема, что эта ещё не изжитая страничка старого быта приводит зачастую к очень тяжёлым переживаниям»³⁹. Согласно данным авторитетного венеролога Н.Л. Россиянского⁴⁰, наиболее популярными пьесами выступали «Суд над проституткой Заборовой» А.И. Аккермана⁴¹ и «Суд над гр. Киселёвым по обвинению его в заражении триппером. 155 статья Уголовного Кодекса РСФСР» Е.Б. Демидович⁴². По данным сборника 1936 г., лидируют по популярности те же «Суд над гр. Киселёвым» и «Суд над проституткой»⁴³.

Отдельной перспективной исследовательской темой представляется анализ многочисленных анкет на тему половой жизни, проводившихся в 1920-х гг. (и ранее). Наиболее известна работа М. Гельмана, изданная в 1923 и переизданная в 1925 г.⁴⁴ Данные многих анкет публиковались в журнале «Венерология и дерматология» и других периодических изданиях⁴⁵. Они интересны с точки зрения не только истории медицины и санитарного просветительства, но и истории повседневности и семьи.

Как же воспринимал саму проблему и связанную с ней санитарно-просветительскую пропаганду её адресат — простой обыватель? Тема половой жизни (в любом её аспекте) пользовалась большой популярностью у всех слоёв населения. В «Женском журнале» (советский аналог закрытого в том же году ещё дореволюционного «Журнала для хозяек», призванный заменить

³⁹ Рабинович И.И. Анализ 10-летней санитарно-просветительной работы вендиспансера № 4 // Сборник трудов, посвящённый десятилетней деятельности... С. 28–29.

⁴⁰ Россиянский Н.Л. Указ. соч. С. 147.

⁴¹ Суд над проституткой. Дело гр. Заборовой по обвинению её в занятии проституцией и заражении сифилисом кр-ца Крестьянова / Перераб. и подгот. к печати А.И. Аккерман. М., 1922. В более поздних изданиях фамилия («Заборова») изменена.

⁴² Демидович Е.Б. Статья 155 Уголовного кодекса РСФСР...

⁴³ Рабинович И.И. Указ. соч. С. 29.

⁴⁴ Гельман И. Половая жизнь современной молодёжи. Изд. 1. М.; Пг., 1923; Изд. 2. М.; Л., 1925.

⁴⁵ Пример самостоятельного издания: Платовский А.К. Половая жизнь современного студенчества. Ростов н/Д, 1926.

старомодную и обречённую на исчезновение «дамскую» прессу) в 1926 г. писали о проблеме лекторов, специализировавшихся на «общественных» темах: потенциальные слушатели разной социальной принадлежности предпочитают «половой вопрос», «брак и семью», «любовь и алименты»; проблема пола — «боевик сезона». Если предлагается тема, например, о современной литературе, то лектор рискует не получить зала, который «вдруг» окажется занят под иные цели⁴⁶.

Интересные данные дают исследования читательского спроса, распространённые в 1920-х гг. Согласно статье о запросах читателей рабочих библиотек, очень востребована была информация о гигиене (28% всего спроса — на книги бытового характера). Из дневника одной московской профсоюзной библиотеки: «Ни один уголок не пользуется таким успехом, как по сифилису. Плакат висит уже один месяц, а около него постоянно стоят пять—шесть человек и читают вслух текст. Беспрерывно читаются книги по венерическим болезням; книги лежат тут же, на столе, так что можно читать их незаметно для библиотекаря... Больше всего берутся книги с выставки “Женщина, эти книги для тебя”, особенно по женским болезням». Молодых людей, в отличие от девушек, гигиена интересовала мало, а вот половой вопрос — чрезвычайно⁴⁷.

В 1925 г. в Ново-Николаевске прошла выставка по борьбе с венеризмом. Она отличалась большим количеством тематических разделов и наглядных пособий и имела огромный успех: рассчитывали на 6—8 тыс. посетителей, в действительности же из 80-тысячного населения города выставку посетили 23 800 человек (около трети)⁴⁸. Интерес публики вызывали и передвижные санитарно-просветительские выставки (специальным образом смонтированные фургоны с раскладными элементами). Они планировались (в том числе Пироговской комиссией) ещё до Первой мировой войны, но начали осуществляться в середине 1920-х гг. и пользовались особым успехом в летнее время. Хорошо раскупались брошюры, особенно с конкретными, практическими названиями вроде «Как предохранить себя от заболевания», «Как воспитывать детей в половом отношении», «Когда можно сифилитику вступать в брак». Обобщающие научные названия («Проблема пола», «Венерические болезни как социальное зло», «Проституция») публике не особенно нравились. Женская половина, «менее выдавшая виды», пользовалась возможностью узнать побольше о весьма важной и зачастую не очень им известной стороне жизни⁴⁹. В общем, санитарная пропаганда велась весьма активно. Как же она воспринималась активно заинтересованным в ней населением? Чем объяснялись весьма распространённые страхи и фобии на предмет венеризма?

Прежде чем перейти к рассмотрению источников, дам краткий очерк эпидемиологической ситуации в этой области. Довоенная картина являлась в значительной мере типичной: высокая степень заболеваемости в столицах и промышленно-торговых центрах, меньшая — в небольших провинциальных городах. Особенность отечественной ситуации — нетипичная для Западной Европы венеризация деревни (бытовой сифилис), что, по мнению многих

⁴⁶ Проблема пола // Женский журнал. 1926. № 2. С. 4.

⁴⁷ Безбородов С. Что читает рабочая молодёжь? // Комсомольская правда. 1927. 24 июля. С. 5.

⁴⁸ Отчёт по проведению «Недели борьбы с венеризмом» в Ново-Николаевске 15—22 марта 1925 года // Венерология и дерматология. 1925. № 3. С. 121.

⁴⁹ Бараиш М. О передвижной выставке по борьбе с венерическими болезнями // Венерология и дерматология. 1927. № 11. С. 1051—1057.

специалистов, объяснялось низкой культурой повседневной жизни⁵⁰. Положение усугубилось после войны, вызвавшей скачки заболеваемости во всех странах-участниках. Причинами этого являлись отрыв от семьи, массовое обращение военных к проституткам, отсутствие регулярного лечения⁵¹. Вдобавок Россия пережила революцию и Гражданскую войну. Как следствие, полноценной статистики до начала активной работы вендиспансеров не велось. Современные исследователи для выявления динамики венерических заболеваний выбирают следующие даты: *terminus post quem* – 1913, *terminus ante quem* – 1926⁵².

Дополнительные проблемы для выявления масштаба создавал «интимный характер венерических болезней», который «делает невозможным обязательное о них уведомление»; даже при случайных поступлениях в лечебные заведения больные охотно скрывают эти заболевания. Ни при какой другой болезни так часто не обращаются к знахарям, как при венерических заболеваниях, так что часть случаев всегда ускользает от официальной регистрации», и это не считая часто встречающейся ошибочной диагностики, а также рецидивирующего характера, что дополнительно затрудняет подсчёт⁵³. Российский констатировал, что «достоверных цифр о венерической заболеваемости и у нас... и на Западе очень мало. Чаще всего пользуются статистическими соображениями иностранных авторов, которые базируются в громаднейшем большинстве... на косвенных рассуждениях и выводах». Для вящего эффекта просветители выбирают авторов, дающих самые большие цифры. В результате аудитория начинает считать, что болеют буквально все, а потому бесполезно даже и пытаться себя уберечь (хотя данные диспансеров сразу показали, что это совсем не так): «Эти цифры, а также момент запугивания, которым нередко пропитан и санпросвет в борьбе с венерическими болезнями, наводят панику и... могут содействовать созданию преувеличенного представления о распространённости венерических болезней»⁵⁴.

В самом деле, похоже, что чересчур энергичная санитарная пропаганда играла немалую роль в невротизации отношения к проблеме. Дерматовенеролог Г.И. Мещерский, возглавлявший комиссию по борьбе с врождённым сифилисом, указывал, что «широкая популяризация сифилидологических знаний путём чтений, конференций, диспутов и проч. имеет и свою отрицательную сторону», поскольку, во-первых, после каждой популярной лекции у венерологов появляются «встревоженные субъекты, имевшие когда-то сифилис и начинающие тревожиться об участи как своей собственной, так и своих близких, особенно детей». Во-вторых, даже компетентные лекторы забывают, что «аудитория этих чтений заполнена сифилитиками, ревниво следящими за каждым словом с кафедры», и не думают о последствиях, «сгущая краски» ради пушей эффективности посылы. В-третьих, даже если лекцию читает врач, то он совсем не обязательно разбирается в тонкостях венерологии (в частности, протоколов, в соответствии с которыми оцениваются анализы), вследствие чего даже вполне образованные люди получают непра-

⁵⁰ Бляшко Л. Указ. соч. С. 51.

⁵¹ Там же. С. 71–73.

⁵² Кубанова А.А., Мартынов А.А., Власова А.В. Вековой опыт отечественной дерматовенерологии... С. 18.

⁵³ Там же. С. 49.

⁵⁴ Российский Н.Л. Указ. соч. С. 121.

вильное и пугающее их представление о том, что, собственно, демонстрирует реакция Вассермана⁵⁵.

Комическая версия такого переусердствования представлена в «Комсомольской правде»: в ходе санитарно-просветительной беседы с пионерами в Ростове-на-Дону вожатый, начав с агитации за чистку зубов и мытьё рук, закончил тем, что не умывающихся ожидает сифилис, а в перспективе — больные дети. Пионеры не очень поняли предмет беседы, но, безусловно, испугались⁵⁶.

Как уже упоминалось, в санитарной пропаганде сифилис выступал весьма популярной (и убедительной с точки зрения авторов) причиной самоубийств (отца семейства, осознавшего, что он ответственен за болезнь жены и смерть ребёнка; девушки, боящейся «позора»; молодого человека, кончающего с собой из-за страха осуждения со стороны невесты и её семьи). Точных цифр соотношения этих сюжетов с динамикой самоубийств из-за сифилиса привести, конечно, нельзя, но некоторые предположения на сей счёт возможны. Так, в книге врача Н.П. Бруханского «Самоубийцы» приведены «досье» на 359 удавшихся и неудавшихся случаев. В восьми из них (четыре мужских, четыре женских) фигурирует венерическая болезнь, хотя ни в одном собственно заболевание, судя по всему, не играло определяющей роли для принятия решения о самоубийстве. Три из четырёх женщин — проститутки, двое из четверых мужчин — красноармейцы. Никому из мужчин наличие болезни не мешало иметь семью или сожительницу⁵⁷.

Важная информация на эту тему содержится в статье Мещерского. Проанализировав собранные из собственной практики и практики других русских врачей 18 случаев самоубийств, связанных именно с сифилисом, он разделил их на следующие группы: психические расстройства вследствие сифилитического поражения; тяжёлые физические проявления (на деле этот фактор крайне редко ведёт к самоубийству); шок в момент диагноза; боязнь огласки и осуждения (например, невозможность вступить в назначенный брак); воображаемый сифилис, когда за него принимают другую болезнь. К последней группе относились 8 из 18 самоубийств (в четырёх случаях — просто навязчивая идея, ещё в четырёх — давно вылеченная болезнь без всяких признаков рецидива)⁵⁸. Основной вывод заключался в том, что самоубийства из-за болезни — редкость. Обычно причина — неустойчивая психика, вследствие чего поводом может послужить что угодно. Тем не менее во избежание невротизации вокруг венерических болезней Мещерский рекомендовал разрешить делать реакцию Вассермана только по запросу врача⁵⁹. Это предложение явно касалось той группы псевдопациентов, на которых жаловался Россиянский: «Мы в настоящее время в городах имеем немалое количество сифило- и трипперофобов, которые глубоко уверены, что они больны сифилисом и гонореей, обивают пороги диспансера и амбулаторий и требуют производства всевозможных исследований и лечения... В громаднейшем большинстве своём они одержимы вообще неврозом страха; таких невротиков в связи с войной и революцией

⁵⁵ Мещерский Г.И. Сифилис как повод к самоубийству // Сборник, посвящённый 25-летию научной и общественной деятельности В.М. Броннера. С. 51–52.

⁵⁶ Обычай // Комсомольская правда. 1925. 22 сентября. С. 3.

⁵⁷ Бруханский П. Самоубийцы. Л., 1927. С. 19, 52, 54–55, 71, 101–102, 105.

⁵⁸ Мещерский Г.И. Указ. соч. С. 46–50.

⁵⁹ Там же. С. 52–53.

в настоящее время довольно много, часть из них этот страх связывают с боязнью заболевания вен болезнью»⁶⁰.

Думается, здесь важна сама мысль о том, что страх (обоснованный или нет) перед венерическими заболеваниями являлся частью невротического фона эпохи. Он нашёл отражение и в массовом сознании, и в массовой литературе. Его отзвуки присутствуют в известном издании «Половая жизнь современной молодёжи». Это исследование основывалось на чрезвычайно информативных анкетах на тему не только собственно половой жизни, но и мировоззрения молодёжи той эпохи. Любопытны приводимые выдержки из анкет, на основании которых составлены статистические выкладки. В них тема страха перед вензаболеваниями возникает неоднократно и оказывает влияние на выбор жизненной стратегии, которая позволила бы их избежать. Например, молодой человек, студент 24 лет, признался, что не имел по этой причине сношений с женщинами до 22 лет, пока не женился, и утверждал, что, если бы заразился в 16–20 лет, повесился бы⁶¹. Крестьянин 22 лет, имевший сношения только с женой и находившийся в момент опроса на военной службе, сообщил, что хотя и страдает годами от отсутствия половой жизни, но считает, что это лучше, чем встреча с проституткой, неизбежно ведущая к заражению⁶². Ещё один молодой рабочий жаловался на плохое сохранение врачебной тайны: при обращении к врачу в коридоре слышно всё, о чём говорят в кабинете. В результате больного презируют, смеются над ним, что отбивает желание лечиться⁶³. Прагматически настроенный рабочий 22 лет предложил оригинальное решение проблемы удовлетворения половой потребности: устроить «дома совокуплений» (с его точки зрения, нечто совсем иное, нежели дома терпимости). Туда желающий должен явиться, записаться, пройти осмотр врача и получить допуск⁶⁴. Таким образом молодой человек надеялся избежать расходов, ответственности (в случае беременности партнёрши, например), а также опасности заразиться. Автор подверг «новатора» порицанию за «половой нигилизм» и «сексуальную опустошённость», но сама идея — вполне в духе эпохи.

Отражение массовых страхов можно найти и на страницах уникального источника — «дамской» прессы эпохи нэпа. В литературном отделе «Журнала для хозяек», содержащем любопытные образцы третьеразрядной беллетристики, адаптированной под вкусы аудитории, находим рассказ «Преступление». Его герой знаком с девушкой Зоей — настолько прекрасной, что он осмеливается только восхищаться ею издали. Однажды он слышит, как некий негодяй прилюдно клеветает на эту милую девушку, мстя ей за то, что она отвергла его. В припадке гнева герой убивает клеветника, а приятель, ставший свидетелем этого преступления, обещает молчать. Убийцу не находят. Герой женится на другой девушке, простой и славной, у него рождаются дети. Тем временем приятель — богач, ведущий рассеянный богемный образ жизни — начинает ухаживать за Зоей и женится на ней. При этом у него сифилис, лечение которого он не довёл до конца. Он угрожает герою, что выдаст его властям, если тот предупредит девушку. Терзаемый виной, герой переезжает в другой город,

⁶⁰ Россиянский Н.Л. Указ. соч. С. 122.

⁶¹ Гельман И. Указ. соч. Изд. 1. С. 135.

⁶² Там же. Изд. 2. С. 143.

⁶³ Там же. Изд. 1. С. 135.

⁶⁴ Там же. С. 116.

а через несколько лет, вернувшись на родину, встречает Зою — изуродованную болезнью, почти неузнаваемую⁶⁵.

Это оформление специфически женских страхов перед возможностью обмана в браке, утраты здоровья и красоты. А вот вариант отражения массового страха в юмористическом журнале «Бегемот», имевшем другую аудиторию — скорее мужскую, состоящую из молодых городских служащих. В сатирическом рассказе «Правда жизни» некий обыватель Чашкин и его супруга посмотрели в кинематографе картину под таким названием (явно произведение санпросветпропаганды), призванную произвести впечатление на обывателей и внушить им представление о гигиенических нормах, соблюдение которых защитит от сифилиса (в основном бытового): «На экране мелькали всякие ужасы, и жена ежеминутно содрогалась». В результате мадам Чашкина запретила мужу пить из стаканов в пивной и давать прикурить папиросу, а юного соседа, студента-медика, стала подозревать в соответствующей болезни из-за некоторых дерматологических проблем, простительных для его возраста. Заметив на щеке мужа красное пятнышко, она на основании сведений из старого сборника «Домашний врач» заключила, что у него та самая болезнь, и вообразила все леденящие душу последствия. Студент-медик развеял страхи супругов: это обычный фурункулёз, и все вместе на радостях сели обедать котлетами под водку⁶⁶. Это явное моделирование частного случая описанной выше сифилофобии, когда усилия пропаганды привели к тому, что обыватель начал видеть болезнь там, где её нет. В юмористическом рассказе В. Лебедева-Кумача «Пропаганда в гуще» снова встречается выражение «правда жизни»: в рамках акции Политпросвета, призванной «дать генеральный бой невежеству и темноте», «маленькая курносая девица» со слезами на глазах отказывается обеспечивать функционирование киоска «Гигиена — залог здоровья трудящихся»: «Не хочу, не хочу я! Тут нужно будет объяснять про сифилис — правду жизни. И вокруг все будут мужчины. Это ваше дело, Кузьма Петрович. Я буду продавать значки Авиахима — и больше ничего!.. Пускай товарищ Куликов (завполитпросвет) меня увольняет — я в этом киоске сидеть не буду»⁶⁷.

Однако, помимо иррациональных страхов, вызванных подчас санитарной пропагандой, имелись и вполне реальные основания бояться не только венерической болезни, но и лечения средствами официальной медицины. Во-первых, люди опасались не только грозных последствий болезней, но и собственно лечения, в особенности связанного с ним риска огласки. Если о заболевании и попытке его вылечить становилось известно, вполне можно было потерять работу и семью, стать объектом травли, вплоть до доведения до самоубийства. Исцеление от сифилиса требовало в то время прохождения в обязательном порядке нескольких курсов медикаментозного лечения с многочисленными проверками, в течение обычно не менее трёх лет, регулярности процедур и столь же длительного срока, на который больному предлагалось отказаться, например, от супружеских отношений, а также соблюдать строгую гигиену в быту, что в обычных для той эпохи жилищных условиях, несомненно, оказывалось труднодостижимо. Эту проблему признавали и специалисты: люди боятся венерических больных и в городе, а в деревне — особенно. Тут фобия «принимает

⁶⁵ Далматов В. Преступление // Журнал для хозяек. 1925. № 11. С. 19–20.

⁶⁶ Мазовский К. Правда жизни // Бегемот. 1926. № 5. С. 14–15.

⁶⁷ Лебедев-Кумач В. Людишки и делишки. М.; Л., 1927. С. 188.

подчас уродливые и жестокие формы в отношении венбольных: их в полном смысле слова избегают, им не дают брать воду из общего колодца, подчас обвиняют в распространении ими болезни по деревне и т.д.». Вызывалось это не только собственно невежеством, но порой и эффектом запугивания «ужасами» со стороны санпросветителей⁶⁸.

Для того чтобы стать объектом травли, необязательно было даже заболеть — достаточно и клеветы. В «Комсомольской правде» рассказана история о том, как комсомолец Иван Терхов, селькор местной партийной газеты и заведующий избой-читальней, обиделся на местную красавицу-батрачку, которая отвергла его чувства, назвав его «коммунист голоштаный» и предпочтя более обеспеченных ухажёров. Чтобы отомстить, он написал в газету анонимку о том, что «девица Марьяна Спирина» больна сифилисом, «гуляет» с молодёжью и может кого-то заразить, а потому стоит «обратить внимание». Интересная деталь: Ивану кажется, что портрет Ленина со стены укоряет его за такой поступок. Однако анонимка отослана и напечатана, девушку немедленно прогоняют с работы и из жилья, начинают травить. Пожив неделю в пустой бане, она исчезла, а потом весной нашли тело: она покончила с собой, утопившись⁶⁹.

Ситуации, в которой заболевший человек из-за нарушения врачебной тайны становился объектом травли с самыми печальными последствиями, не были редкостью. Та же «Комсомольская правда» напечатала статью с характерным названием «Один из многих». Комсомолец Николай Прищепа 19 лет с трудом зарабатывал на жизнь себе и матери с сестрой на заводе «Красная пила» в глубокой провинции. Шансов найти постоянную партнёршу или жениться у него не было. Вступив в связь со случайной прохожей и заплатив за услугу каравай хлеба, он заразился и сперва пытался лечиться у «народного целителя» смесью сметаны, крапивного семени, ладана и перца. В поликлинику он приходил неоднократно, но боялся обратиться за помощью — ему стыдно и страшно, и, как выяснилось, не зря. Мастер на заводе заметил признаки болезни, сам отвёл молодого человека к врачу и немедленно сообщил окружающим, что «сифилис на полном ходу». После этого судьба несчастного, в сущности, была решена. Никого уже не интересовало, что он с успехом лечится, что он безопасен для окружающих. Его выгнали с завода и из комсомола и не брали обратно. Сестру бросил жених, пустив слух, что она тоже заразная. В результате Прищепа застрелился. Заканчивается рассказ следующей фразой: «К великому несчастью, много, очень много молодых жизней становятся жертвами насмешек окружающих, ложного стыда, собственной трусости и нелепой общественной травли»⁷⁰.

В этой связи снова обращал внимание на эксцессы санитарной пропаганды правовед Ф.А. Вальтер: «Большинство этих случаев (травли. — М.Г.) объясняется преувеличенным представлением о степени заразительности венерических болезней и, в частности, сифилиса; санпросветительская деятельность в данном отношении дала пока несколько односторонние результаты; это явление будет изжито, но пока это реальный факт... При наличии его сохранение врачебной тайны, устраняющее опасение рабочего, что обращение к медицинской помощи может вредно отразиться на его профессиональной деятельности

⁶⁸ Россиянский Н.Л. Указ. соч. С. 122; Залуцкий Л.Е. Указ. соч. С. 17–18 (упоминаются различные случаи дискриминации больных в сельской местности).

⁶⁹ Огурцов С. Преступление // Комсомольская правда. 1926. 13 мая. С. 3.

⁷⁰ Охременко В. Один из многих // Комсомольская правда. 1927. 2 февраля. С. 1.

или на его жилищных условиях, является насущной потребностью»⁷¹. Здесь отмечу, что проблема сохранения врачебной тайны активно обсуждалась в СССР 1920-х гг. Основное противоречие сводилось к следующему: принятое на Западе представление об абсолютном запрете на разглашение «принципиально неприемлемо, в особенности в Советской России, где сущность врачебной деятельности в качестве государственного и общественного служения выражена с особой яркостью и где момент частного соглашения не только играет весьма малую роль, но по идеологии советской медицины является инородным телом». Если «советская конституция не знает неотъемлемых прав человека и гражданина» и «советское законодательство предоставляет и охраняет индивидуальные права и интересы настолько, насколько это целесообразно с точки зрения интересов общих»⁷², то врачебная тайна должна восприниматься как нечто относительное.

Однако, с другой стороны, в контексте невротизированного отношения к венерическим болезням малейший намёк на наличие у кого-то таковых создавал большую опасность и в частной жизни и, главное, в профессиональной деятельности, поскольку больной мог потерять средства к существованию. Жертвами увольнения или бойкота по месту жительства становились те, кто регулярно лечился и не представлял угрозы заражения. Вот история рабочего с застарелой (т.е. определённо неопасной для окружающих) формой сифилиса: как только фабзавкому стало известно о данном обстоятельстве от врача медпункта, возникла напряжённая и недоброжелательная обстановка, и больного вынудили уйти с работы, несмотря на все врачебные свидетельства. Женщина 30 лет, работавшая в прачечной артели инвалидов и страдавшая наследственным сифилисом (который не заразен), оказалась немедленно и бесповоротно уволена, как только там узнали о болезни. Обращения к юрисконсультам вендиспансеров с просьбой «защитить от грозящего увольнения, либо устранить препятствия для поступления на новую службу» становились обычным делом. Интересны приводимые данные о примерно 10% рабочих и служащих учреждений и предприятий, уклонявшихся от поголовного врачебного осмотра. Часть из них неизменно оказывалась проходящими регулярное лечение пациентами, боящимися огласки на работе⁷³.

Лишиться можно было и жилья: исправно лечившийся молодой рабочий взял больничный, в связи с чем к нему домой явился врач из страхкасы для контроля ситуации. Не застав больного дома, он сообщил хозяйке, что жилец болен сифилисом. В результате того стали выживать из квартиры, среди прочего не пуская в уборную и на кухню. Ни удостоверения от венеролога о бытовой безопасности больного, ни юрисконсульт диспансера помочь не смогли, несмотря на противоправность подобных действий хозяев⁷⁴.

⁷¹ Вальтер Ф.А. Врачебная тайна // Дембо Л.И., Вальтер Ф.А. Врачебная тайна. Л., 1926. С. 18.

⁷² Там же. С. 15.

⁷³ Интересно, что жители крупных городов охотно обращались за помощью после подозрительного полового контакта на профилактические станции, которые начали устраивать в середине 1920-х гг. по берлинскому образцу (Фридланд Л.С. Указ. соч. С. 95–97). Такого рода обращения не предполагали постановки на учёт в диспансере и, следовательно, опасности разглашения. Фридланд же сообщает, что подобная станция в Киеве находится на грани закрытия из-за недостатка финансирования. Судя по всему, речь идёт о станции ночной профилактики, открытой в 1924 г. (Радбиль П.М. Опыт годичного существования в г. Киеве станции скорой противовенерической помощи // Венерология и дерматология. 1926. № 4. С. 640–643).

⁷⁴ Вальтер Ф.А. Указ. соч. С. 17–18.

Беллетристическая санпропаганда тоже отдала дань теме. Связанным с ней этическим вопросам посвящён драматический этюд М. Триггера «Врачебная тайна», вышедший внушительным тиражом 30 тыс. экземпляров. Сюжет таков: молодой рабочий Сергей, заразившийся от случайной партнёрши, проходит у доктора Болотова первый курс лечения. Полагая, как это часто случалось, что он уже здоров, раз исчезли внешние симптомы, собирается жениться на знакомой врачу девушке-комсомолке и уехать с ней в Москву, а там поступить на рабфак. Доктор пытается, не называя причины беспокойства, отговорить девушку от этих планов, чем вызывает ревность у пациента, который уверяет, что они, поженившись, не начнут супружеских отношений, пока он не вылечится окончательно. Врач ему не верит, тогда молодой человек угрожает самоубийством, а потом стреляет во врача, но попадает ему в руку. Когда разъясняются обстоятельства, девушка отказывается от идеи немедленного брака и переезда. Молодые люди решают проверить чувства до завершения длительного процесса лечения. Доктор объясняет: «Я только исполнил свой врачебный долг. Я не мог допустить, чтобы вы, здоровая, цветущая девушка, заболели. Я знал, что и вы, и Щукин перенесёте глубокую душевную травму, и я сознательно пошёл на это... Если ваше чувство глубоко, то вы сумеете его простить, ибо болезнь не позор, а большое несчастье. Если же оно поверхностно, то вы разойдётесь, и каждый пойдёт по своему пути»⁷⁵.

Можно констатировать, что энергичная и разнообразная по жанру и типу воздействия санитарная пропаганда явилась эффективным средством борьбы с высоким уровнем венерических заболеваний, который объяснялся последствиями не только Первой мировой войны, но и сменивших её революции и Гражданской войны. Она оказалась частью стратегии строительства новой системы здравоохранения, дополняла работу новоучреждённых институтов и диспансеров. С помощью источников удалось подтвердить высокий уровень популярности антивенерической продукции, особенно материалов для постановок на любительской сцене и санитарных пьес. Анализ разнообразных источников эпохи позволил наметить контуры перспективной исследовательской темы — восприятия этой пропаганды широкими слоями населения. Популярность санитарно-просветительской пропаганды имела обратную сторону в виде широкого распространения массовых страхов, что сказывалось на проходящих лечение больных.

⁷⁵ Триггер М. Врачебная тайна. Драматический этюд в одном действии. М., 1923. С. 16.

Пенсионное обеспечение медицинских работников по профессиональной инвалидности в СССР в 1920-е гг.: проекты, дискуссии, законодательство

Всеволод Сергеев, Евгений Шиган

Medical workers' pensions for occupational disability in the USSR in the 1920s: projects, discussions, legislation

Vsevolod Sergeev, Evgeniy Shigan

(both — Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020170, EDN: FVJZVU

Установление советского строя сопровождалось не только военными конфликтами, но и вспышками инфекционных заболеваний (от локальных эпидемий дизентерии до пандемий сыпного тифа, холеры и гриппа), широким распространением туберкулёза и сифилиса. На переднем фланге борьбы с болезнями стояли медицинские работники, подвергавшиеся высокому риску заражения на рабочем месте. Возможность утери трудоспособности или смерти должны были компенсировать меры социальной поддержки. С конца 1910-х по начало 1930-х гг. сложный путь зарождения и развития прошла система пенсионного обеспечения профессиональной инвалидности медицинских работников.

По теме социального обеспечения в первые десятилетия советской власти написано много работ, которые охватывают как РСФСР в целом¹, так и её отдельные регионы². Кроме того, есть исторические³ и историко-юридические исследования развития пенсионной системы в этот период⁴. Задача нашего исследования — не только показать эволюцию пенсионного законодательства в отношении медицинского персонала, но и на основе архивных материалов описать и проанализировать скрытые механизмы принятия того или иного решения.

Экстренные меры в экстремальный период: дополнительное пенсионное обеспечение медицинского персонала (1918–1922). Понятие «профессиональное забо-

© 2022 г. В.Н. Сергеев, Е.Е. Шиган

¹ Кошкин Д.С. Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20–30-е годы XX века: на материалах РСФСР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Морозов А.В. Эволюция социального страхования России в первой трети XX века // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 1. С. 351–355; Шалугина И.Б. Социальное обеспечение в РСФСР в 20-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

² Некрасов А.В. Система социального обеспечения в РСФСР в 1920-е годы: на примере Дона, Кубани и Ставрополя. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2009; Семёнова Е.В. Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока: октябрь 1917 – июнь 1941. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2001; Шилова О.И. Формирование и развитие органов и учреждений системы социального обеспечения в Самарском крае: 1918–1940 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

³ Морозов А.В., Телишев В.Ф. Трудное постижение истины: новые исследования по истории социального страхования в России // Вестник Казанского технологического университета. Т. 17. 2014. № 17. С. 292–300; Морозов А.В. Советское социальное страхование 1917–1930-х гг. в западной историографии // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI вв. Материалы XV международной научной конференции. В 2 ч. Иваново, 2016. С. 520–528.

⁴ Сивакова И.В. Пенсионное законодательство России в советский период (октябрь 1917 г. – 1928 г.). М., 2015.

ление» в советском законодательстве впервые появилось в 1918 г. в «Положении о социальном обеспечении трудящихся». Ст. 15 перечисляла основания для выплаты пенсии в связи с частичной или полной утратой трудоспособности: «болезнь, увечье, старость, профессиональное заболевание и т.п.»⁵. Отдельно подчёркивалось, что подобные пособия назначались независимо от причин, мешавших полноценно трудиться. В условиях революции и Гражданской войны правительству было важнее установить степень трудоспособности, нежели выяснять этиологию непригодности человека к труду. «Положение» и ряд уточняющих нормативно-правовых актов «преобразовали страховую систему в систему государственного социального обеспечения, установив отпуск средств на социальное обеспечение из бюджета и освободив от взносов советские предприятия и государственные учреждения»⁶.

Нестабильная ситуация в сочетании с волной заболеваемости заставила власть пойти в феврале 1919 г. на введение «Временного положения об обеспечении медицинских работников, пострадавших в борьбе с эпидемиями»⁷, подписанного Н.А. Семашко (Наркомат здравоохранения), А.Н. Винокуровым (Наркомат социального обеспечения) и В.В. Шмидтом (Наркомат труда). В преамбуле нового документа оговаривалось, что он не отменяет «Положение о социальном обеспечении трудящихся», а лишь восполняет пробелы «в виду неотложной необходимости» и «впредь до фактического проведения в жизнь» основного «Положения». «Временное положение» вводило дополнительные льготы, пособия и пенсии (по инвалидности и по утрате кормильца) для медицинского персонала всех уровней, задействованного в борьбе с «острозаразными болезнями (сыпным и возвратным тифом, испанской болезнью (гриппом. — В.С., Е.Ш.), холерой, чумой)». Весной того же года вышло ещё несколько постановлений, которые уточняли порядок мер борьбы с эпидемиями и социальной поддержки медработников. В октябре 1919 г. «Временное положение» было отменено⁸ в связи со стабилизацией эпидемической ситуации и изданием декрета СНК «О социальном обеспечении членов семейств трудящихся в случае смерти кормильца семьи». Данный опыт пенсионного обеспечения медицинских работников ввиду их профессиональной инвалидности создал исторический прецедент.

Идея предоставления медперсоналу дополнительных социальных льгот в связи с трудовой инвалидностью возродилась весной 1921 г. На этот раз поводом стали эпидемические вспышки чумы среди населения на южных рубежах (от Константинополя до Харбина) с продвижением заразы вглубь территории РСФСР (вплоть до Поволжья)⁹. В мае того же года вышел декрет СНК РСФСР «Об обеспечении работников, ведущих борьбу с эпидемией чумы людей»¹⁰. Под действие нового нормативно-правового акта попали три категории: «все местные работники лечебно-санитарного дела, работающие в пределах чумной зоны»; специально мобилизованные работники; сотрудники противочумных

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее — СУ РСФСР). 1918. № 89. Ст. 906.

⁶ Морозов А.В. Эволюция социального страхования России... С. 353.

⁷ СУ РСФСР. 1919. № 19. Ст. 234.

⁸ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 191.

⁹ См.: Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2 кн. Кн. 2. Чума бактериологического периода. М., 2006.

¹⁰ СУ РСФСР. 1921. № 50. Ст. 270.

станций и лабораторий. Основная часть документа регламентировала денежное и материальное снабжение означенного медицинского персонала и членов их семей, но предусматривалось и пенсионное обеспечение для членов семьи в случае смерти кормильца «вследствие его работы на борьбе с эпидемией чумы людей». Отсутствие пенсии при стойкой утере трудоспособности объясняется крайне высокой летальностью при заражении чумой до начала массового использования антибиотиков.

Переход от военного коммунизма к нэпу оказал заметное влияние на сферу социальной защиты и охраны труда. Отказ от милитаризации и частичное восстановление рыночных отношений привели к постепенному возрождению страхования. Трансформация системы началась 15 ноября 1921 г. с принятием постановления СНК РСФСР «О социальном страховании лиц, занятых наёмным трудом»¹¹. Данный акт сохранил преемственность с законодательством предыдущего периода, так как в нём осталась норма о выплате компенсации «на все случаи временной и постоянной утраты трудоспособности... а также на случай смерти». Декрет «О социальном обеспечении инвалидов»¹² от 8 декабря уточнил порядок выплат, при этом различий в причинах инвалидности («увечье, профессиональное заболевание или иные причины (старческая дряхлость и пр[оч].)»), как и прежде, не вводилось. Соответственно, отсутствовал список профессиональных отравлений и заболеваний. Новый Кодекс законов о труде, принятый в конце 1922 г., окончательно закрепил основы системы социального страхования, не изменив порядка выплат компенсаций за утерю трудоспособности.

В первые пять лет существования РСФСР в сфере социального обеспечения параллельно действовали две тенденции. Во-первых, законодательство декларировало формальное равенство всех работников со стойкой нетрудоспособностью. Во-вторых, на случай чрезвычайных ситуаций вводилось дополнительное обеспечение для отдельных категорий тружеников. Вторая тенденция походила на привлечение «военспецов» и «буржуазных спецов» в годы Гражданской войны.

На заре социального страхования: новые дискуссии об эпидемиях и пенсиях (1923–1924). Постановление СНК от ноября 1921 г. послужило отправной точкой воссоздания системы соцстраха¹³. Однако изменения начались два года спустя. В течение 1923 г. силами Центрального управления социального страхования и Отдела охраны труда велась подготовка постановления «О нормах обеспечения инвалидов труда, стойкая нетрудоспособность которых произошла от трудового увечья, а также членов семей рабочих и служащих, умерших от увечий», введённого в действие распоряжением Наркомтруда (НКТ) от 3 января 1924 г.¹⁴ Новая правовая норма распространялась в основном на промышленных рабочих и выделяла увечных инвалидов труда, обеспечивая им повышенную пенсию.

В январе 1924 г. Наркомздрав (НКЗ) вновь поднял тему дополнительного пенсионного обеспечения «медицинского персонала, командированного на борьбу с чумой». В СНК РСФСР последовало ходатайство за подписью нарко-

¹¹ Там же. № 76. Ст. 627.

¹² Там же. № 79. Ст. 672.

¹³ Морозов А.В. Эволюция социального страхования России... С. 353–354.

¹⁴ Данилова Е.Н. Действующее законодательство о труде. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 1542–1543.

ма Семашко и начальника санитарного управления А.Н. Сысина¹⁵ о повышении эффективности мер по борьбе с чумой, которая почти ежегодно поражала «некоторые окраины Республики (Киргизские степи, Калмыцкую область, Дальний Восток)». Вновь предлагалось улучшить материальное положение командированных, а также ввести пенсии на случай потери трудоспособности или смерти кормильца. Интересно, что в качестве образца предлагалось взять не постановление НКТ об увечных, а декрет СНК РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед Республикой»¹⁶ (1923). Инициатива вызвала активное сопротивление со стороны Наркомсобеса (НКСО), который апеллировал к юридической стороне постановления: важен «не формальный признак выполнения той или иной должности или работы, а признак материальный — исключительные заслуги данного лица». По мнению ведомства, это создало бы прецедент и позволило бы другим структурам выходить с подобными инициативами. В противовес представители НКСО, с одной стороны, предлагали переложить пенсионное обеспечение борцов с чумой на органы соцстраха (т.е. приравнять к увечным или прописать новую схему), с другой — напоминали о праве любого наркомата «на возбуждение ходатайств о назначении персональных пенсий в каждом отдельном случае»¹⁷. Наркомсобес отстаивал свою позицию на заседаниях Малого Совнаркома (3 февраля 1924 г.) и СНК РСФСР (21 февраля), но позиция Наркомздрава оказалась намного сильнее. В итоговой версии постановления указывалось, что «в случае смерти или потери трудоспособности, последовавшей от заражения во время работы на чуме, медработникам или их семьям назначаются пенсии... как лицам, имеющим исключительные заслуги перед Республикой»¹⁸.

В том же 1924 г. НКЗ предпринял ещё один шаг в направлении восстановления специального пенсионного обеспечения медперсонала. С июня по декабрь велось обсуждение проекта «Положения о профессиональной работе и правах медицинских работников». Новый правовой акт создавался с целью юридического оформления организационно-административной работы. Подспудно он должен был «облегчить НКЗдраву борьбу с развивающимися знахарством и шарлатанством и с обнаруживаемыми не редко врачами-самозванцами». Социальные гарантии для медработников тоже прописывались, но не занимали центрального места. В п. 14 указывалось, что всем «состоящим на государственной службе медицинским работникам, работающим в особо тяжёлых условиях по борьбе с заразными болезнями», и их семьям устанавливается «государственное обеспечение на особых условиях» в случае утраты трудоспособности или смерти. Вместо отсылки к законодательной норме о пенсиях давалась расплывчатая формулировка: особое обеспечение устанавливает НКЗ по согласованию с НКСО и НКТ, а утверждает всё это СНК.

Пункт об особом пенсионном обеспечении вызвал возражения со стороны НКТ, так как потеря трудоспособности «в условиях нормальной деятельности» не должна вести к особым условиям, если же трудоспособность утрачена в чрезвычайной ситуации, то деньги «на полное обеспечение пострадавших медработников» должны включаться «в общую сумму средств, отпускаемых на борьбу с эпидемией». Для детальной проработки «Положения» Малый Сов-

¹⁵ ГА РФ, ф. А-259, оп. 86, д. 365, л. 7.

¹⁶ СУ РСФСР. 1923. № 15. Ст. 198.

¹⁷ ГА РФ, ф. А-259, оп. 86, д. 365, л. 14.

¹⁸ СУ РСФСР. 1924. № 23. Ст. 229.

нарком создал специальную комиссию во главе с А.П. Платоновым, в которую вошли представители НКЗ, НКТ, Наркомпроса, Наркомюста, ЦК профсоюза работников медицинских и санитарных учреждений и президиума Моссовета. В итоговый вариант п. 14 включён с минимальной редакторской правкой: понятие «заразные болезни» уточнили добавлением слова «эпидемии», а к числу ведомств, с которыми нужно согласовывать особое пенсионное обеспечение, добавили ВЦСПС. Данное «Положение» ввёл в действие совместный декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г.

Список профессиональных болезней (1924–1925). Развитие системы соцстраха потребовало изменений в законодательстве о соцобеспечении инвалидов, однако они шли выборочно, создавая новые «белые пятна». Постановление НКТ «О нормах обеспечения инвалидов труда, стойкая нетрудоспособность которых произошла от трудового увечья» подрывало существовавшее ранее единство категории «инвалид труда», оставляя часть людей с постоянной нетрудоспособностью за пределами дополнительного соцобеспечения. Логическим продолжением стала разработка нормативно-правовых актов о поддержке лиц со стойкой нетрудоспособностью, вызванной профпатологией.

Подготовка акта о пенсиях в связи с профессиональными отравлениями и заболеваниями была поручена коллективу подотдела профгигиены отдела охраны труда (ООТ) НКТ, так как они имели опыт составления постановления об обязательной регистрации профзаболеваний. Создание нового документа шло по «горячим следам» предыдущих дискуссий и не заняло много времени. Скорость разработки обуславливалась и разделением обсуждения на две ветки: врачебную (врачи-сотрудники и врачи-консультанты подотдела и эксперты) и профсоюзную (врачи подотдела совместно с представителем ЦК отраслевого союза). Они имели разное значение из-за того, что представителей профобъединений привлекли в самом конце, на стадии проработки отдельных составляющих списка профпатологий.

Обсуждение концепции нового постановления проходило в узком врачебном кругу с привлечением малого числа штатных и внештатных консультантов. К первым относились В.А. Левицкий (заместитель директора Санитарно-гигиенического института Государственного института народного здравоохранения), И.А. Добрейцер (заведующий эпидемиологическим подотделом НКЗ) и М.Я. Лукомский (Клиника социальных и профессиональных болезней I МГУ). Вторая группа отличалась меньшей стабильностью состава, так как внештатные консультанты присутствовали не на всех совещаниях и в разном количестве. Чаше остальных принимали участие в работе А.П. Смирнов (заведующий санитарной частью Института им. В.А. Обуха) и Н.А. Гилевич (заведующий санинспекцией труда Мосгубохрантруда), по одному разу присутствовали представители железнодорожной инспекции труда ООТ НКТ, санчасти Мосздравотдела и отдела статистики Московского губернского совета профсоюзов.

Дискуссия началась 14 марта 1924 г. с доклада Лукомского, который представил проект списка профболезней. Дебаты по докладу заняли три еженедельных заседания, охватив практически весь март. 28 марта Лукомский представил проект самого нормативно-правового акта о пенсиях по инвалидности из-за профессиональных заболеваний и отравлений. Его предложения заключались в следующем. Во-первых, в условиях нэпа и возрождения социального страхования невозможно по достоинству обеспечить всех инвалидов, поэтому необ-

ходимо сконцентрироваться на инвалидах труда. Однако существует перекося в сторону инвалидности по увечью, которую легче учитывать и которая более очевидна в логическом ряду «производственная травма — потеря трудоспособности — пенсия». Во-вторых, к профессиональным относится слишком большая группа заболеваний, что может подорвать всю систему соцстраха. При этом зачастую сложно отличить заболевания с профессиональной этиологией от вызванных бытовыми условиями. Из-за этого стоит оставить вне списка те, что вызваны физическими факторами (температурой, звуком, светом, пылью и т.д.). В-третьих, основой списка должны стать профвредности (яды) по причине лёгкости установления причинно-следственных связей. К этому надо добавить, что обязательная регистрация профессиональных отравлений и заболеваний шла именно по такому принципу, но всё же с упоминанием небольшого числа заболеваний, вызванных воздействием физических факторов. В-четвёртых, список может сочетать в себе перечисление профвредностей с отдельными болезнями. Такое смешение оправдывается практической направленностью реестра, который будет понятен на местном уровне как врачам, так и специалистам по социальному страхованию.

С принципиальной критикой выступил Добрейцер, по мнению которого необходимо введение «профессиональной инвалидности по старости». Профвредности, физические факторы, повышенная физическая нагрузка и другие тяжёлые условия труда влияют на организм пролетария, что со временем приводит к нетрудоспособности. Левицкий и Ц.Д. Пик (подотдел профгигиены) также выступили с замечаниями, но с иной, практической стороны. Они не оспаривали доминирование профвредностей (ядов), но настаивали на указании в списке конкретных профзаболеваний. Левицкий привёл примеры возможных трансформаций: свинец — свинцовый паралич, фосфор — фосфорный некроз и т.д.¹⁹ Тем самым они высказались за разделение списка для регистрации профпатологии и его аналога в сфере соцстраха.

Эти замечания оказали наибольшее влияние на дальнейшее формирование списка, и в конце марта 1924 г. появился его обновлённый вариант. В нём «профвредности (яды)» трансформировались в «заболевания» или «болезненные формы». Дабы не размывать список и жёстко разделить профессиональные и бытовые заболевания, ввели привязку к конкретной профессии. Например, глухота объявлялась профзаболеванием котельщиков, катаракта — стекольщиков и литейщиков, а профессиональный спазм и судороги конечностей учитывались только у писцов, телеграфистов и музыкантов. Желание большинства сотрудников и консультантов подотдела профгигиены сохранить узкий характер списка проявилось при обсуждении вопроса о включении в него туберкулёза и ревматизма для отдельных профессий (например, подземных рабочих). Но на заседании подотдела 28 марта дискуссию о включении туберкулёза свернули на корню, а хронический ревматизм проиграл на голосовании. Главный аргумент противников заключался в том, что невозможно отличить профессиональный туберкулёз или ревматизм от бытового. Наиболее чётко эту позицию выразил Левицкий: «Можно включить лишь такие специфические заболевания, характер которых как профессиональных заболеваний может быть установлен всяким врачом, не требуя тонких диагностических методов»²⁰. Для

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-5515, оп. 4, д. 8, л. 72—74, 82—84, 90.

²⁰ Там же, л. 73—74.

сохранения узкого характера списка установили два ограничения по времени. Во-первых, «минимальный стаж работы в производстве, дающий право на получение пенсии». Во-вторых, «максимальный промежуток, протёкший с момента ухода с работы до момента выявления профессиональной инвалидности, дающей право на получение пенсии».

Обсуждение списка с профсоюзами прошло 2–12 июня 1924 г. в формате отраслевых заседаний, в которых участвовали один или два врача из подотдела и столько же представителей конкретного ЦК отраслевого союза (врач или специалист по технике безопасности). На совещаниях (за редким исключением) поднимались проблемы только одной отрасли. Встречи в таком формате приводили к определённом параллелизму в работе, но разделение профсоюзников препятствовало выработке ими единой позиции. Протоколы этих заседаний²¹ отразили содержание споров делегатов от профсоюзов и сотрудников НКТ. При этом позиции врачей из Наркомата тоже иногда не совпадали, по отдельным вопросам они могли объединяться с профсоюзниками. Такие расколы отражали отсутствие единства во взглядах на структуру списка.

Предложения профсоюзов можно разделить на три большие группы: дополнение перечня профболезней, расширение реестра профессий, поправки к тексту нормативно-правового акта. Перечисление в таком порядке отражает степень накала борьбы. Больше всего дискуссий шло относительно профзаболеваний, меньше всего — по тексту документа и поправкам к нему. Практически все союзы высказали позиции по наполнению списка профзаболеваний и отравлений. Их представители, в том числе и от Союза работников медсанучреждений, выступали за расширение перечня и выдвигали предложения, которые либо развивали его по аналогии, либо расширяли за счёт принципиально иных болезней.

Относительно медицинского и ветеринарного персонала предлагалось к списку ядов добавить рентгеновские лучи и радий. Тем самым «тяжёлые поражения тканей (неизлечимые распространённые дерматиты, язвы, злокачественные опухоли и атрофические поражения)»²² у персонала рентгеновских и радиотерапевтических кабинетов приравнивались к хроническому отравлению свинцом у работников металлургической промышленности. Далее, следовало признать профпатологией осложнения механических травм («сепсис, флегмоны и пр[оч].», «ложные суставы, анкилозы и т.п.»), что позволит защитить ветеринарный и медицинский персонал от последствий травм на рабочем месте. Сюда же относился тяжёлый психоз у персонала психиатрических учреждений. Наконец, причислить к профзаболеваниям «стойкие осложнения и последствия остроинфекционных заболеваний (тифы, дизентерия, оспа, скарлатина)», но только в случае заражения на рабочем месте. Эти предложения основывались на материалах, разработанных Научно-консультативным бюро при Московском губернском отделе союза²³, а также на ранее существовавших законодательных нормах.

Несмотря на обилие предложений о пополнении списка профзаболеваний, практически все они оказались отвергнуты с уже привычными доводами

²¹ Там же, д. 292, л. 1–17.

²² Там же, л. 17.

²³ Труд и быт медроботников г. Москвы и Московской губернии. Сборник статей и материалов Научно-консультативного бюро при Московском губотделе, по изучению профессиональных вредностей медицинской работы. Вып. 3. М., 1925. С. 176.

о недоказанности взаимосвязи профессии и стойкой патологии или о сложности определения профессиональной этиологии той или иной болезни. В первую очередь это коснулось предложений Союза работников медико-санитарного труда (медсантруд). Например, учитывая уровень загрязнённости городов отходами человеческой жизнедеятельности²⁴, определить, где именно тот или иной медработник заразился инфекционной болезнью, невозможно. Единственным исключением стала просьба внести в список профзаболеваний «тяжёлые поражения тканей» для персонала рентгеновских и радиотерапевтических кабинетов, что объяснялось отсутствием возможности подвергнуться продолжительному радиоактивному облучению вне рабочего места. Напротив, предложения профсоюзов о расширении списка профессий, на которые распространялось пенсионирование по профпатологии, сотрудники подотдела профгигиены встретили с интересом и открытостью, практически все идеи оказались учтены. В частности, по предложению Союза медсантруд отравление ртутью распространили на «медицинский персонал, постоянно занимающийся втиранием ртутных препаратов». В данном случае у представителей союзов оказалось больше знаний, они лучше разбирались в номенклатуре профессий и специальностей.

Окончательное утверждение текста нормативно-правового акта об инвалидности в связи с профпатологиями и списка профзаболеваний затянулось из-за внешних причин. Развитие системы социального страхования вызвало потребность в межведомственной координации. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1925 г.²⁵ создавался Совет социального страхования при НКТ СССР, в который вошли также представители ВЦСПС, ВСНХ, наркоматов путей сообщения и финансов СССР. Именно этот новый орган 19 февраля рассмотрел вопрос «Об обеспечении инвалидов труда, утративших трудоспособность вследствие профессиональных заболеваний, и семейств застрахованных, умерших от профзаболеваний»²⁶. Основными докладчиками по данному пункту выступили М.Я. Лукомский и В.Д. Кузятин из Центрального управления социального страхования НКТ (ЦУСС). Устные доклады подкрепила «Объяснительная записка»²⁷, подготовленная сотрудниками ЦУСС.

Агитация за принятие данного постановления включала несколько пунктов. Во-первых, необходимость исправить перекос в системе соцстраха, уравнять в правах две группы инвалидов труда (по причине трудоучья и по причине профзаболевания). Во-вторых, стремление «догнать и перегнать» Запад. На зарубежный опыт указали не только «Объяснительная записка» и выступление Кузятина, но и председатель Совета соцстраха Л.П. Немченко. Соцобеспечение инвалидов труда с профпатологией поставило бы СССР в один ряд с ведущими европейскими державами. В-третьих, финансово-экономические соображения. По мнению экспертов-страховщиков, в первые годы применения новых норм рост затрат на соцобеспечение окажется незначительным, так как их сильно ограничит жёсткий список профболезней. В дальнейшем планировалось со-

²⁴ Подробнее см.: Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М., 2015; Фильцер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943–1953. М., 2018.

²⁵ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее – СЗ СССР). 1925. № 8. Ст. 74.

²⁶ ГА РФ, ф. Р-7062, оп. 1, д. 5, л. 133.

²⁷ Там же, д. 15, л. 44–45.

крашение трат, поскольку развитие промышленности должно пойти по пути снижения травматизма и заболеваемости.

Во время представления списка профзаболеваний Лукомский сосредоточился на разъяснении его сути и принципов формирования. Для начала он объяснил Совету разницу между широкой и узкой трактовками профзаболеваний. Широкий подход трактовал их как болезни, наиболее распространённые в среде рабочего класса. Следовательно, к ним можно причислить сердечно-сосудистые заболевания, ревматизм, туберкулёз, эмфизему и т.д., причина возникновения которых кроется в сочетании условий труда и быта. Второй подход делал упор на специфике, когда «совершенно ясно можно показать, что заболевание произошло именно благодаря работе в данной профессии». Широкий подход к профпатологиям можно реализовать в Москве, где располагались Институт им. Обуха и Клиника социальных и профессиональных болезней I МГУ, либо в Ленинграде, Харькове и Киеве, где находились аналогичные институты. Из этого следовало, что ко всему пространству СССР можно применить только узкую трактовку. Кроме того, оратор подчеркнул, что численность инвалидов труда с профзаболеваниями сравнительно невелика. В ходе прений по данному вопросу возникла важная проблема — каким образом будет пополняться список? Высказывалось предложение о передаче полномочий на места — губернским страховым кассам. Немченко выступил с альтернативной схемой: ЦУСС и ООТ НКТ соберут предложения с мест, а окончательное решение останется за Советом соцстрахования. Этот вариант приняли большинством голосов. Остальные правки носили уточняющий характер²⁸.

С их учётом и с комментарием относительно порядка сбора информации о профпатологиях список профзаболеваний утвердили в качестве приложения к «Постановлению об обеспечении инвалидов труда, утративших трудоспособность вследствие профессиональных заболеваний, и семейств застрахованных, умерших от профессиональных заболеваний»²⁹. Вышедшее в августе того же года «Положение об обеспечении в порядке социального страхования инвалидов труда и членов семейств умерших или безвестно отсутствующих застрахованных и инвалидов труда»³⁰, утверждённое ЦИК и СНК СССР, окончательно уравнило в правах две категории инвалидов труда и закрепило порядок принятия списка профзаболеваний. Как и прежде, изменения в данный реестр внёс Союзный совет соцстрахования.

Обходной манёвр № 1: трудовое увечье командированных на борьбу с эпидемией (1925–1927). Союз медсантруд и Наркомздрав не смогли добиться дополнительного соцобеспечения медперсонала от наиболее распространённых патологий. Однако это привело не к сворачиванию деятельности в этом направлении, а, наоборот, к её активизации. Условно (так как на уровне конкретных людей постоянно встречались пересечения) можно выделить две линии работы: научно-просветительская деятельность профсоюза и законодательская активность Наркомата.

Главным оружием Союза выступало Центральное научно-консультативное бюро (НКБ) по изучению профессиональных вредностей медицинской работы и его губернские аналоги. Ещё в конце 1922 г. при Московском губот-

²⁸ Там же, д. 142, л. 19, 21.

²⁹ Данилова Е. Н. Действующее законодательство о труде. Т. 2. М., 1927. С. 1463–1466.

³⁰ СЗ СССР. 1925. № 57. Ст. 429.

деле союза появилось первое научно-консультативное бюро, которое активно публиковало изыскания по гигиене и патологии труда медработников³¹. Центральное НКБ тоже выпускало исследования³². Доклады, экспертные заключения и т.д. создавали информационную картину, которая играла на руку Союзу и Наркомздраву. В этой обстановке НКЗ приступил к подготовке нового нормативно-правового акта о пенсиях для медперсонала в связи с профзаболеваниями уже в 1925 г. Первоначальный проект, вынесенный на обсуждение наркоматов в сентябре, строился как уточнение ст. 14 декрета СНК РСФСР о профработе и правах медработников. Наркомат предлагал приравнять лиц, командированных на борьбу с эпидемиями (холеры, сыпного тифа, возвратного тифа, скарлатины, проказы, сибирской язвы, сапа и малярии), к военнослужащим. Правда, получалась странная ситуация, когда сотрудники, задействованные на борьбе с эпидемией чумы, получали пенсионное обеспечение как лица, имеющие особые заслуги перед республикой, а медперсонал на других эпидемиях — как военнослужащие.

Первые же отзывы содержали много критических замечаний. Если Наркомюст сосредоточился на редакционной критике юридического характера, то Наркомсобес и ВЦСПС внесли поправки по существу. НКСО предлагал создать межведомственную комиссию, которая бы занималась назначением пенсий для обозначенной выше категории медработников и функционировала бы по аналогии с комиссией по назначению персональных пенсий и пособий при этом наркомате. По сути, борьба шла за контроль над финансовыми потоками. Сотрудники Наркомсобеса чётко прописали, что «потребные кредиты должны отпускаться из центрального республиканского госбюджета по смете НКСО с учётом соответствующих долевого вноса Наркомтруда по Главному управлению социального страхования»³³. ВЦСПС в своём заключении сосредоточился на унификации форм пенсий, предложив не вводить особый их вид, а распространить нормы о пенсионном обеспечении инвалидов труда с увечьем или профпатологией³⁴.

Обсуждение частично переработанного проекта возобновилось в феврале–марте 1926 г. Новая порция критики поступила от НКТ РСФСР³⁵, который отстаивал интересы Главсоцстраха. Прописывались технические замечания, например, то, что факт стойкой утраты трудоспособности устанавливали не врачебно-контрольные комиссии, призванные следить за работой медперсонала, а бюро врачебной экспертизы, которые занимались этим по отношению ко всем категориям трудящихся. Излагались и политические замечания, например, поддержка создания «Особой межведомственной комиссии при НКСО», которая бы назначала пенсии «по ходатайству НКЗдрава в каждом отдельном случае».

При обсуждении проекта на заседании Малого Совнаркома РСФСР (23 марта 1926 г.) Семашко апеллировал к экономическим трудностям в деле борьбы с эпидемиями: «Существующие же ставки увечных и трудовых пенсий столь низки, что не могут служить стимулом для согласия медперсонала на ра-

³¹ Труд и быт медработников г. Москвы и Московской губернии... Вып. 1–5. М., 1923–1927.

³² Материалы по изучению труда медицинских работников Центрального научно-консультативного бюро при ЦК Медсантруд. Вып. 1–5. М., 1928–1929.

³³ ГА РФ, ф. А-259, оп. 106, д. 3073, л. 29, 32.

³⁴ Там же, ф. Р-5465, оп. 7, д. 143, л. 14.

³⁵ Там же, ф. А-259, оп. 106, д. 3073, л. 31.

боту в противоэпидемическом отряде»³⁶. В итоге приняли, как первоначально показалось, компромиссный вариант: отказаться от приравнивания медперсонала, командированного на борьбу с эпидемиями, к военнослужащим, а распространить на этих работников положение о трудовом увечье. Однако данное решение вызвало протест со стороны Наркомфина и Наркомтруда. Первое ведомство считало, что по степени общественной опасности к чуме можно приравнивать только холеру и сыпной тиф, а остальные эпидемии являются «постоянно встречаемыми в практике каждого врача» и не требуют дополнительного социального обеспечения. Кроме того, отмечалось, что постановление СНК РСФСР излишне, поскольку существует общесоюзное постановление ЦИК и СНК СССР о пенсиях для инвалидов труда. Это мнение полностью разделяли представители второго ведомства, главный тезис которого, впрочем, заключался в том, что невозможно установить прямую связь между деятельностью врача и фактом заражения инфекционным заболеванием: наличие инкубационного периода, возможность заразиться «в условиях домашней обстановки, в свободное от служебных обязанностей время»³⁷. Но, несмотря на все возражения, СНК РСФСР утвердил решение Малого Совнаркома и оформил его постановлением от 31 марта о пенсионном обеспечении лиц медперсонала, работающих по борьбе с эпидемиями³⁸.

На этом, впрочем, борьба не завершилась. В конце апреля Центральное управление соцстраха НКТ подняло вопрос об опротестовании решения СНК³⁹. Аргументация ЦУСС совпадала с протестом их российских коллег: превышение полномочий со стороны Совнаркома союзной республики, невозможность применения понятия «трудовое увечье» к инфекционным заболеваниям медперсонала и т.д. Арбитром в этом споре выступал союзный СНК, который пытались убедить в своей правоте два блока: с одной стороны, Главсоцстрах, НКТ РСФСР, ЦУСС и НКТ СССР, а с другой — НКЗ и СНК РСФСР и ВЦСПС. В ноябре 1926 г. Совнарком СССР вынес решение об отклонении протеста НКТ и подготовке аналогичного общесоюзного постановления⁴⁰.

При обсуждении его проекта высказали мнения представительства остальных союзных республик. ЗСФСР, Белорусская и Узбекская ССР ограничились отсутствием возражений, Украинская и Туркменская предложили распространить пенсионное обеспечение «и на тот персонал, который постоянно работает по борьбе с указанными эпидемиями»⁴¹. Украинцы также подняли вопрос о включении в список чумы. В марте 1927 г. в этой эпопее произошёл ещё один поворот. СНК СССР решил частично пересмотреть своё ноябрьское решение и не принимать постановление, а провести данный проект через Союзный совет соцстраха, что являлось формальным соблюдением процессуальных правил. Постановление этого Совета последовало 9 мая и повторило декрет СНК РСФСР в части списка эпидемий и схемы пенсионного обеспечения.

«Правила» 1928 г.: попытка систематизации законодательства. С инициативой о модернизации законодательства о пенсионном обеспечении инвалидов труда выступали не только НКЗ и Союз медсантруд, но также промышлен-

³⁶ Там же, ф. Р-5465, оп. 7, д. 143, л. 15.

³⁷ Там же, ф. А-259, оп. 106, д. 3073, л. 23.

³⁸ СУ РСФСР. 1926. № 20. Ст. 156.

³⁹ ГА РФ, ф. Р-5465, оп. 8, д. 176, л. 11.

⁴⁰ Там же, ф. А-259, оп. 106, д. 3073, л. 1.

⁴¹ Там же, оп. 116, д. 2273, л. 8.

ные профсоюзы и региональные ведомства труда. Внешнее давление совпало с внутренним желанием страховых органов систематизировать и унифицировать нормативно-правовые акты о данном виде пенсий. Процесс обновления законодательства начался в 1927 г. и проходил под контролем ЦУСС. Ротация «подрядчика» стала итогом двух параллельных процессов, которые происходили внутри НКТ. Во-первых, в 1925–1927 гг. произошла смена коллектива союзного ООТ. Его начальник С.И. Каплун и большая часть его команды перешли на различные должности в новые научно-исследовательские организации. Новый глава отдела И.И. Желтов не имел медицинского прошлого, а был советским и профсоюзным управленцем. Во-вторых, руководство ЦУСС вело борьбу за контроль над медпомощью застрахованным работникам. С самого начала нэпа и возрождения практики соцстраха возобновилась дискуссия об организационных формах здравоохранения. ЦУСС с переменным успехом пытался добиться выделения страховой медицины в самостоятельную структуру под своим контролем. Против страховщиков играла сложная система управления здравоохранением, но появилась возможность победить более слабого соперника в рамках Наркомата труда. Создание внутри управления медицинской части и научного совета дало возможность напрямую работать с научными кадрами, чем заметно усилило его позиции в медицинской сфере.

К ноябрю 1927 г. сотрудники ЦУСС подготовили «Правила обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца», призванные заменить аналогичное «Положение» от 1925 г. и все другие нормативно-правовые акты по данному вопросу. Как и в случае с «Положением», приложением к «Правилам» должен был стать список профзаболеваний, создание которого курировал Н.А. Вигдорчик. В Российской империи и в первые годы существования РСФСР он активно занимался вопросами соцстраха трудящихся и обеспечением их медпомощью, а позже специализировался на вопросах инвалидности и врачебно-трудовой экспертизы; с 1924 г. возглавлял Ленинградский институт по изучению профболезней и аналогичную кафедру в Государственном институте усовершенствования врачей.

Тем временем в сентябре медицинская часть орготдела ЦУСС отчиталась⁴² о подготовке нового списка профзаболеваний и переходе к стадии его обсуждения с Главсоцстрахом и крупными страховыми кассами, ЦК отраслевых профсоюзов и ВЦСПС, а также к «проведению его через Научный совет и совещание мед[ицинских] отделов при Цусстрахе»⁴³. Публичное обсуждение обновлённого списка с широким кругом заинтересованных лиц состоялось 22–23 ноября 1927 г. на Всесоюзном совещании по врачебной экспертизе, в рамках которого прошло заседание Научного совета при ЦУСС. Однако дальнейшее обсуждение начало постепенно затягиваться. Уже весной 1928 г. проявилась разница в темпах обсуждения текста «Правил» и списка профзаболеваний. Если основной текст дискутировался с минимальным привлечением внешних экспертов, то работа над приложением требовала сотрудничества с профильными врачами. К июлю органы соцстраха союзных республик и крупные региональные страховые кассы смогли выработать своё мнение по тексту «Правил», но не по списку профзаболеваний. Чтобы не затягивать работу, решили разделить принятие новых «Правил» и обновление списка профпатологий.

⁴² Там же, ф. Р-5528, оп. 2, д. 390, л. 36.

⁴³ Там же, д. 365, л. 40–42.

Новшеством по сравнению с «Положением» 1925 г. стала интеграция в основной текст норм о трудовом увечье медицинского и ветеринарного персонала, задействованного в борьбе с опасными эпидемиями. В духе преемственности с российскими и союзными законами появился п. 4 (разд. 1, гл. 1), который подтверждал распространение норм о пенсионном обеспечении трудового увечья на медицинских и ветеринарных работников, работающих на эпидемиях. Но выявились и отличия. Так, существовавшее ранее пояснение «специально командированные/направляемые» опустили. Это заметно расширило возможности пенсионного обеспечения и учло предложения нескольких союзных республик. Кроме того, в списке эпидемий появилось отдельное перечисление для ветеринарного персонала (эпизотический сап, бешенство и сибирская язва), а для медработников добавили эпидемический энцефалит. Это произошло в результате усилий Союза медсантруд, который на протяжении второй половины 1927 г. поднимал данный вопрос в официальных письмах⁴⁴ и на страницах периодических изданий.

Именно п. 4 «Правил» вызвал наибольшее обсуждение в среде специалистов. Радикальную позицию занял Вигдорчик, который 23 мая 1928 г. на заседании комиссии Союзного совета соцстрахования⁴⁵ предложил полностью исключить данный пункт, так как он вторгался в порядок формирования списка профпатологий. Украинский Главсоцстрах предложил не менее радикальный вариант: «Считать... трудовым увечьем все острые профессиональные отравления, а также острые инфекционные заболевания, связанные с выполнением профессиональных обязанностей»⁴⁶. Данный подход заметно расширял границы применения законодательства по социальному обеспечению и давал республиканским и местным органам соцстрахования заметную свободу действия. Однако это явно противоречило концепции союзного центра. Остальные предложения не подрывали логику п. 4 и были нацелены на пересмотр или дополнение списка эпидемий. Особый интерес представляло предложение «о распространении этой статьи на инвалидность, наступившую... в связи с работой в заразных бараках»⁴⁷. Тем самым предлагалось ввести универсальное определение места возможного получения трудового увечья («заразный барак»), что могло распространить социальное обеспечение на большее количество медицинских работников. С аналогичной идеей выступил Союз медсантруд, рекомендовавший заменить формулировку «в связи с эпидемией» на «соприкосновение с одноимённой инфекцией или одноимённым патологическим материалом»⁴⁸. Однако эти дополнения в окончательный текст не попали.

Третьим направлением дискуссии стал поднятый в очередной раз вопрос о механизме изменения списка профболезней. Вновь предлагалось «предоставить Главсоцстрахам в исключительных случаях право приравнять к профзаболеваниям и те заболевания, которые не означены в списке Союзного совета»⁴⁹. В итоговой версии сохранилась прежняя схема — утверждение Союзным советом исчерпывающего списка профзаболеваний.

⁴⁴ Там же, ф. Р-5465, оп. 9, д. 198, л. 62.

⁴⁵ Там же, ф. Р-7062, оп. 1, д. 64, л. 356.

⁴⁶ Там же, д. 68, л. 130; ф. Р-5528, оп. 2, д. 478, л. 37.

⁴⁷ Там же, ф. Р-7062, оп. 1, д. 64, л. 356.

⁴⁸ Там же, ф. Р-5465, оп. 10, д. 154, л. 1.

⁴⁹ Там же, ф. Р-7062, оп. 1, д. 64, л. 356.

Окончательную версию «Правил обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца»⁵⁰ Совет соцстрахования утвердил 4 июля 1928 г. В п. 4 «Правил» содержалось определение трудовых увечий для медицинского и ветеринарного персонала (список эпидемий). Список профзаболеваний шёл как приложение к п. 5 и утверждался отдельно (на том же заседании Совета его утвердили в редакции 1925 г.).

Обходной манёвр № 2: трудовое увечье персонала психиатрических учреждений (1927–1928). Параллельно с «Правилами обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца» шла борьба за распространение категории «инвалид труда» на медперсонал психиатрических учреждений. В основных моментах и по раскладу политических сил этот эпизод очень сильно напоминает борьбу вокруг пенсионного обеспечения медперсонала, командированного на борьбу с эпидемиями.

К активизации Наркомздрава привели как работа по обновлению пенсионного законодательства, так и презентация Вигдорчиком и Научным советом ЦУСС обновлённого списка профпатологий. В декабре 1927 г. Наркомздрав предоставил в СНК РСФСР проект постановления и сопроводительное письмо об улучшении положения медперсонала психиатрических учреждений⁵¹. Для большей убедительности ситуация рисовалась исключительно мрачными красками: пациенты создают тяжёлые условия труда, состояние зданий (техническое и гигиеническое) плачевно, удалённость лечебниц от городов создаёт проблемы с получением детьми сотрудников образования и оторванностью от культуры, налицо дефицит персонала с профильным образованием, высока текучесть кадров, сотрудники ведут себя нестабильно и т.д. Выходом из такого положения должно стать повышение престижности работы в таких учреждениях за счёт материальных стимулов и дополнительных льгот, в том числе и пенсионного обеспечения профзаболеваний («нервно-психические расстройства»). По традиции проект получил поддержку со стороны ВЦСПС.

При обсуждении новой инициативы НКЗ с критическими замечаниями выступили НКТ⁵², НКВД и Наркомпрос⁵³. Если последние два ведомства в основном критиковали предложения по решению жилищного вопроса и проблемы образования для детей медперсонала, то НКТ много внимания уделил именно пенсиям. Аргументы повторяли предыдущую дискуссию: медперсоналу при трудовом увечье (травме во время исполнения должностных обязанностей) полагается пенсия; «нервно-психическое расстройство» нельзя приравнять к трудовому увечью; НКЗ и СНК РСФСР в очередной раз превысили свои полномочия, так как вносить изменения в список профзаболеваний может только Союзный совет соцстраха. Но содержалось и конструктивное предложение — дождаться пересмотра списка, «который производится в настоящее время по поручению Цусстрах крупнейшими научными авторитетами в области профзаболеваний»⁵⁴.

Для урегулирования споров и выработки компромиссного проекта Малый Совнарком РСФСР 30 декабря 1927 г. создал комиссию, в которую вошли пред-

⁵⁰ Правила обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца. М., 1928.

⁵¹ ГА РФ, ф. А-259, оп. 126, д. 3868, л. 52–53.

⁵² Там же, л. 28.

⁵³ Там же, л. 58, 59.

⁵⁴ Там же, л. 28.

ставители НКЗ, НКТ, Наркомфина, Наркомпроса и ЦК Союза медсантруд. Она заметно переработала изначальный проект, но пункт о пенсиях остался в неизменном виде. Итоговый вариант постановления 16 февраля 1928 г. утвердил СНК РСФСР. Отредактированный пункт о пенсиях выглядел так: «Медицинские работники психиатрических учреждений, непосредственно обслуживающие душевнобольных, в случае профессиональных заболеваний, приравниваются в отношении обеспечения в порядке социального страхования к лицам, утратившим трудоспособность вследствие увечья»⁵⁵. Конечная формулировка носила компромиссный характер, так как не содержала конкретного названия патологии. Это должно было помочь сохранить границы компетенций.

По уже сложившейся традиции НКТ СССР решил обжаловать решение. В марте 1928 г. ведомство направило в Совнарком РСФСР ходатайство об отмене февральского постановления, мотивируя это тем, что СНК вновь нарушил границы, подменив собой Союзный совет соцстраха, а список профболезней создавался для лиц, занятых физическим трудом, и за время его существования не было добавлено ни одного заболевания для этой категории тружеников. В ответ НКЗ подготовил новую справку, где описал ситуацию в не менее мрачных тонах. Например, тяжёлые условия труда в психиатрических учреждениях приводят к бегству хороших сотрудников, а на их место приходят «лица отягощённые, предрасположенные к нервно-психическим заболеваниям, психопаты»⁵⁶. Отзыв Союза медсантруд оказался менее драматичным. Профсоюзники сосредоточились на критике критики, т.е. отвечали на конкретные замечания со стороны НКТ и страховых органов.

Вместо повторного рассмотрения по горячим следам правительство РСФСР начало затягивать вынесение решения, постоянно откладывая его по техническим причинам. Попытку ускорить процесс в начале мая 1928 г. предпринял Союзный совет соцстраха⁵⁷, постановивший обратиться в СНК СССР с предложением об отмене российского декрета, а также рекомендовать ЦУСС и его Научному совету подготовить перечень профпатологий медработников психиатрических лечебных заведений, который можно включить в список профзаболеваний. Но компромиссный вариант Совета не устроил НКЗ и СНК РСФСР, что нашло отражение в решении последнего от 22 мая того же года: ходатайство НКТ отклонить, поручить Совету соцстраха РСФСР провести нормы о профпатологии медработников психиатрических лечебниц через Союзный совет.

Потерпев очередную неудачу на уровне руководства союзной республики, НКТ начал адресовать свои протесты уже СНК СССР. Вновь начался обмен справками и пояснительными записками, которые в сокращённой форме повторяли аргументацию предыдущего раунда. Интересным новым доводом со стороны ведомства труда явилась претензия на отсутствие конкретного наименования профпатологии, что потенциально давало возможность врачам экспертной комиссии признавать в качестве профзаболевания любую болезнь. Российские власти парировали выпад тем, что это — сознательное соблюдение границ полномочий, и что теперь Союзный совет сам может определить список профзаболеваний⁵⁸. Одновременно с борьбой ведомств Центральное научно-консультативное бюро Союза медсантруд разрабатывало конкретные предло-

⁵⁵ СУ РСФСР. 1928. № 25. Ст. 181.

⁵⁶ ГА РФ, ф. А-259, оп. 126, д. 3868, л. 29.

⁵⁷ Там же, л. 11.

⁵⁸ Там же, л. 5.

жения по дополнению списка профболезней. После обсуждения с привлечением представителей НКЗ, психиатрических лечебных и научных учреждений профсоюз определился с конкретными наименованиями: «1) явление раннего артериосклеротического слабоумия с потерей работоспособности; 2) клинически выраженные формы душевных заболеваний; 3) тяжёлые неврозы с деградацией личности и изменением характера»⁵⁹.

Точку в противостоянии поставил союзный Совнарком⁶⁰, постановивший в августе 1928 г. приравнять профзаболевания медперсонала психиатрических учреждений к увечьям. Союзному совету соцстраха поручалось разработать дополнения списка профболезней. В октябре Совет добавил в перечень ряд расстройств: «Тяжёлый невроз с деградацией интеллекта и изменением характера; раннее артериосклеротическое слабоумие; клинически выраженные душевные заболевания, возникающие в возрасте, не соответствующем данному заболеванию»⁶¹. Соцобеспечение по этим профпатологиям распространялась на «медицинских работников психиатрических учреждений, непосредственно обслуживающих душевнобольных».

«Окончательная редакция» списка специфических профзаболеваний (1927–1931). Параллельно с обсуждением «Правил обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца» и постановления о профзаболеваниях медперсонала психучреждений шла дискуссия о новом списке специфических профболезней, подготовленном Вигдорчиком и коллективом Ленинградского института по изучению профзаболеваний. Он заметно отличался от предшественника: отсутствовали графы с указанием минимального стажа и максимального времени после окончания работы на конкретном производстве или в профессии. Однако фактор времени исчез не полностью. В инструкции, объясняющей трудные моменты, сохранилось разъяснение о стаже. Вторым формальным изменением стало появление столбца «Профессиональная вредность, вызывающая болезнь». Новая структура списка визуализировала внутреннюю логику. Первый столбец именовался «Название болезни», второй — «Профессиональная вредность, вызывающая болезнь», третий — «Примеры профессий, где данная болезнь встречается преимущественно или исключительно». Предполагалось, что данная структура облегчит работу врачей-профпатологов и специалистов по соцстраху.

Содержание списка тоже претерпело частичное изменение. В первоначальном проекте Вигдорчика (ноябрь 1927 г.), как и в списке 1925 г., для медперсонала предусматривались только «тяжёлые поражения тканей», вызванные работой с рентгеновским излучением или радием. Союз медсантруд в своём заключении писал о необходимости добавления острых инфекций («соприкосновение с острыми больными»), сифилиса («соприкосновение с больным») и «душевные заболевания органического происхождения» («работа в психучреждениях») ⁶². Под влиянием постановления Союзного совета соцстраха в окончательной версии нового списка ментальные расстройства появились в качестве примечания № 2. Подобным образом ЦУСС попытался несколько компенсировать проигрыш НКЗ и не допустить распространения пенсион-

⁵⁹ Там же, ф. Р-5465, оп. 10, д. 119а, л. 4.

⁶⁰ Там же, ф. А-259, оп. 126, д. 3868, л. 1.

⁶¹ Там же, ф. Р-7062, оп. 1, д. 48, л. 74.

⁶² Там же, ф. Р-5465, оп. 10, д. 154, л. 1.

ного обеспечения психических заболеваний на другие категории тружеников. Вопрос же об инфекционных заболеваниях снова отложили.

Наиболее развёрнутые замечания на проект Вигдорчика дал Всероссийский совет соцстрахования⁶³. Для обсуждения новой редакции списка сформировали специальную комиссию из представителей российского Главсоцстраха (Б.А. Либерман, Б.Н. Гутерман и Полянский), заинтересованных российских наркоматов (М.Б. Зельдес из НКЗ и М.Г. Рафес из НКТ), профсоюзов (Попов и Ушаков) и научных организаций (М.Я. Лукомский и А.А. Летавет). Из девяти членов комиссии четверо (Летавет, Лукомский, Рафес и Ушаков) участвовали в разработке и обсуждении первой версии списка. Часть предложений имела уточняющий характер, но выявились и существенные дополнения. Комиссия предложила расширить понятие «трудовое увечье» для медветработников за счёт включения нетрудоспособности по причине столбняка, сибирской язвы и сапа, а также работы «в заразных отделениях лечебных учреждений».

Однако большинство предложений не прошли в итоговый список профзаболеваний. Его утвердили 4 января 1929 г. на заседании Союзного совета соцстрахования при НКТ СССР. Список вносился на рассмотрение от Научного совета ЦУСС, главным докладчиком выступил Вигдорчик. Обсуждение списка сопровождалось очередным витком дискуссии о признании профпатологией ревматизма и туберкулёза. В итоговом протоколе зафиксированы сразу две позиции. Совет соцстрахования постановил дать задание Научному совету ЦУСС продолжить изучение профболезней в направлении возможного включения в данный список названных заболеваний. Отдельно было внесено особое мнение Немченко, считавшего «вредным давать хотя бы и косвенное обязательство включить в список профзаболеваний такие массовые социальные болезни, как туберкулёз, ревматизм и т.п.». Он апеллировал не к медицинской составляющей, а к финансовой («При том тяжёлом финансовом положении, в каком находится соцстрах, такого рода расплывчатых программ себе ставить нельзя»). В итоговом постановлении упоминание о перспективах включения ревматизма и туберкулёза в список профболезней отсутствовало⁶⁴.

Завершилось формирование списка профессиональных заболеваний в январе 1931 г. за счёт добавления в него ряда инфекционных болезней. Абсолютным новшеством явилось появление в списке столбняка. Это заболевание фигурировало только в 1928 г. в предложениях комиссии Всероссийского совета соцстраха как часть трудового увечья. Сибирскую язву, сап и бешенство признали полноценными профзаболеваниями, что позволило распространить пенсионное обеспечение по трудовой инвалидности на большее количество работников. Под № 26 в списке записаны «острые инфекционные заболевания, однородные с той инфекцией, которую данные лица обслуживали, если нет оснований предполагать, что источник заболевания лежал вне условий работы по данной профессии». Этот пункт объединил в себе ст. 4 (о трудовых увечьях медицинского и ветеринарного персонала) «Правил обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца» с различными предложениями о включении работы в «заразных бараках» в качестве трудового увечья. Новая редакция распространялась не только на врачей и ветеринаров, участвовавших в борьбе с конкретными эпидемиями или

⁶³ Там же, ф. А-391, оп. 3, д. 43, л. 6.

⁶⁴ Там же, ф. Р-7062, оп. 1, д. 79, л. 75–78.

эпизоотиями, но и на тех, кто работал в учреждениях для заразных больных и контактировал с ними по ходу профессиональной деятельности, а также на персонал «научных институтов и лабораторий, постоянно соприкасающийся с патогенными материалами». С п. 26 было связано новое примечание № 2 о возможности признания профпатологией сифилиса, «если локализация первичного поражения характерна для выполнения профессиональных обязанностей, например, у акушеров — сифилитическое поражение рук, у кормилиц — груди, у стеклодувов — в области рта».

Список профболезней оставался неизменным до середины 1950-х гг. Во многом на его стабильность повлиял «Великий перелом», изменивший сферы здравоохранения, социального страхования и обеспечения. На протяжении 1930-х гг. параллельно шли, с одной стороны, ослабление всей профилактической медицины и усиление лечебного дела, с другой — сворачивание системы социального страхования и замена её на государственное обеспечение. На развитие профгигиены и охраны труда заметное влияние оказали ударничество, стахановщина и другие мобилизационные инициативы, так как специалисты по медицине и охране труда не должны были стоять на пути у самоотверженных тружеников.

С 1918 по 1931 г. советское законодательство о пенсионном обеспечении медицинского персонала в случае наступления стойкой нетрудоспособности из-за профессиональных заболеваний прошло сложный путь становления. В период Гражданской войны дифференциации причин утраты трудоспособности на законодательном уровне не происходило. В условиях массовой мобилизации и дефицита медицинского персонала не имело значения, почему врач или любой другой работник получил существенный урон здоровью и потерял возможность трудиться. Нэп, с его демобилизацией трудовых ресурсов, породил новые условия, в которых человек мог вновь остаться без работы. Возрождение социального страхования наёмных работников привело к законодательному размежеванию причин утраты трудоспособности. В середине 1920-х гг. было введено пенсионное обеспечение инвалидов труда (с производственной травмой или с профпатологией), что отличило их от людей, утративших возможность трудиться вследствие «бытовых заболеваний». Медицинский персонал выделялся на фоне других категорий наёмных работников из-за наличия профессионального контакта с болеющими. Целенаправленная деятельность медицинского профсоюза и Наркомздрава по защите интересов работников системы здравоохранения привела к позитивным изменениям. Список профпатологий, дававший право на пенсионное обеспечение, пополнялся профзаболеваниями, характерными для медицинского и ветеринарного персонала.

«Инфекции — надёжный заслон!»: советская медицина, власть и общество в борьбе с эпидемиями 1960–1970-х гг.

Никита Пивоваров, Алексей Попов, Виталий Тихонов

«A reliable barrier to infection!»: Soviet medicine, government and society in the fight against epidemics of the 1960s and 1970s

Nikita Pivovarov

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russia; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia),

Alexey Popov

(V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia),

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020182, EDN: FVNIDI

Актуальные эпидемиологические вызовы XX в. и советская система здравоохранения. Эпидемии всегда выступали значимым фактором развития общества, во многом определяя ключевые параметры человеческой популяции (демографическую динамику, генофонд и др.), а также непосредственно влияя на политику, экономику, социальные и культурные процессы. Ряд авторов даже утверждает, что эпидемии можно рассматривать в качестве ключевого фактора мировой истории, объясняющего особенности развития тех или иных регионов планеты¹. По мере развития медицины, а также совершенствования международной и национальных санитарных систем влияние эпидемий на глобальном уровне снизилось, создав иллюзию благополучия. Но, как показывают события второй половины XX — начала XXI в., говорить о победе человечества над различными инфекционными заболеваниями преждевременно.

Российская история знала немало примеров опустошительных эпидемий². Так, одной из главных проблем, с которыми столкнулись большевики после прихода к власти, стали масштабные эпидемии тифа и, в меньшей степени, холеры, унесшие миллионы жизней в период Гражданской войны³. Именно необходимость оперативной борьбы с ними существенно повлияла на формирование советской модели здравоохранения в целом.

Несмотря на утверждения авторов советского периода, эта модель не являлась радикально новой. Многие принципы её организации (всеобщность, универсальность, государственное обеспечение врачей, бюджетное финансирова-

© 2022 г. Н.Ю. Пивоваров, А.Д. Попов, В.В. Тихонов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10018 «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».

¹ См., например, классическую работу У. Макнила «Plagues and peoples» (1976). Русское издание: Макнил У. Эпидемии и народы. М., 2021.

² См.: Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М., 1960; Кондрашин В.В. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1. С. 6–13; и др.

³ Миронова Н. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020.

ние и т.д.) частично реализовывались или предлагались в Российской империи, в том числе в рамках развития земской медицины, начиная с 1860-х гг.⁴ Кроме того, советская медицина восприняла идеи либерально-демократических реформаторов о необходимости рационального обустройства общества, даже если это потребует насильственного вмешательства⁵. Традиционно отмечают четыре основных принципа организации здравоохранения в СССР: государственный характер (централизация управления, бюджетное финансирование, бесплатная и общедоступная медицинская помощь); акцент на профилактическое направление; вовлечение населения; единство медицинской науки и практики⁶. В целом эта система могла достаточно эффективно противостоять опасным болезням, проявив себя, в частности, в годы Великой Отечественной войны: полномасштабных эпидемий, несмотря на крайне тяжёлые хозяйственно-экономические и социально-бытовые условия, удалось избежать. Показательно, что в это сложное для страны время произошло значительное увеличение количества санитарно-эпидемиологических станций: если в 1941 г. их насчитывалось 1 760, то в 1943 г. — уже 2 400 (в РСФСР — 1 313)⁷.

Позднее эпидемии и особо опасные инфекционные заболевания встречались реже, но всё же не были окончательно преодолены. Так, в 1950-х гг. на юге страны периодически наблюдались очаговые вспышки чумы. Например, в 1955 г. на одном из разъездов Оренбургской железной дороги в районе Аральска ею заразились 13 человек из числа путейцев, четверо из которых скончались. Спустя три года ещё один случай, связанный с бубонно-септической формой чумы, имел место уже на юго-западе Казахской ССР, в Макатском районе Гурьевской обл. Здесь после укуса мыши заболел и скончался местный чабан, а затем были выявлены ещё 14 больных, которых удалось спасти⁸. Резонанс вызвала вспышка натуральной (чёрной) оспы в Москве в декабре 1959 г. Смертельно опасное заболевание обнаружили у художника А.А. Кокарекина, незадолго до этого посетившего Индию. Всего заразились 146 человек, трое из которых, включая нулевого пациента, скончались⁹.

Более распространены были различные кишечные инфекции, составлявшие до трети всей инфекционной патологии. Например, летом 1954 г. в Запорожье из-за грубых нарушений эксплуатации водопровода и канализации произошло массовое загрязнение вод хозяйственно-фекальными стоками. В результате к началу августа дизентерией заболели почти 3 тыс. человек¹⁰. Но безусловными лидерами по охвату населения являлись заболевания дыхательных путей, в первую очередь грипп. Именно на него приходилось наибольшее

⁴ Хоффман Д. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. С. 107–110.

⁵ Beer D. Renovating Russia: the human science and the fate of liberal modernity, 1880–1930. Ithaca, 2008. P. 2–3.

⁶ См.: Виноградов Н.А. Теоретические основы советского здравоохранения. М., 1962. С. 68; Мирский М.Б. Медицина России X–XX вв. М., 2006. С. 361–363; Starks T. The body Soviet: propaganda, hygiene, and the revolutionary state. Madison, 2008; Бородулин В.И. История медицины России. Клиника внутренних болезней во второй половине XIX — первой половине XX в. Цикл лекций. М., 2011.

⁷ Араловец Н.А. Здравоохранение тыла в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2019. № 3. С. 41.

⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 29, д. 41, л. 6.

⁹ Писатель А.И. Мильчаков написал об этих событиях повесть «В город пришла беда», по которой в 1966 г. был снят одноимённый телефильм.

¹⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 29, д. 41, л. 7.

количество больничных дней и осложнений с летальными исходами¹¹. Например, вирус гриппа А2, вызвавший пандемию 1957–1958 гг., привёл к тому, что к концу января 1958 г. только в Москве общее число заболевших составило более 500 тыс., а в Ленинграде — около 200 тыс. человек¹².

К концу 1950-х гг. эпидемиологическая ситуация выглядела достаточно стабильно, что позволило историку медицины А.И. Метёлкину оптимистично заявить: «Советское здравоохранение законно гордится блестящими успехами в ликвидации таких грозных болезней, как оспа, холера, чума, паразитарные тифы, малярия. Оно ставит перед собой величественные задачи искоренения всех эпидемических заболеваний на пространстве одной шестой части мира»¹³. Данное заявление, конечно, большое преувеличение, но оно отражало актуальный для Советского Союза этап «эпидемиологического перехода», заключавшийся в резком снижении смертности от инфекционных болезней¹⁴. Оптимизм автора можно понять.

Однако декларации такого рода оказались преждевременными, к концу 1960-х гг. эпидемиологическая обстановка ухудшилась¹⁵. В числе причин этого следует назвать активную урбанизацию в сочетании с отставанием в развитии водопроводных и канализационных сетей, многочисленные нарушения санитарных норм в торговле и на предприятиях общественного питания, повышение уровня загрязнённости водоёмов. Строительство очистительных сооружений явно не успевало за ростом объёмов выброса сточных вод. Согласно данным по РСФСР (за 1959 и 1965 гг.), их ввод не превышал 16% от плана¹⁶.

К 1970 г. в СССР насчитывалось почти 200 городов с совокупным населением в 2 млн человек, не имевших центрального водопровода. Но даже в оснащённых им городах санитарное состояние зачастую вызывало обеспокоенность из-за отсутствия очистных сооружений или несоблюдения охранных зон водозаборов. Нередко открытые водоёмы, в том числе используемые для купания, одновременно использовались для слива сточных вод городской канализации и оказывались загрязнены настолько, что представляли постоянную эпидемиологическую опасность. При этом планы обновления и строительства водопроводов и очистных сооружений систематически не выполнялись. Заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников в записке от 12 июня 1970 г. сообщал, что в 1968–1970 гг. не были введены в эксплуатацию водопроводы совокупной мощностью в 2 млн м³ в сутки и канализационные системы производительностью более 3 млн м³ в сутки. Как следствие, в 1960-е гг. ежегодно регистрировалось до 25 тыс. случаев брюшного тифа и паратифов, до 2 млн острых кишечных заболеваний, в том числе до 400 тыс. заболеваний эпидемическим гепатитом, от которых каждый год умирало до 15 тыс. человек (большой частью малолетние дети). Только в 1969 г. за-

¹¹ Российский государственный архив научно-технической документации (далее — РГАНТД), ф. 47, оп. 1–1, д. 129, л. 37.

¹² РГАНИ, ф. 3, оп. 29, д. 41, л. 19.

¹³ Метёлкин А.И. От редактора // Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России... С. 7.

¹⁴ Оман А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977. С. 57–91.

¹⁵ Эпидемиологическая конъюнктура в СССР за 1969–1970 гг. (РГАНТД, ф. 47, оп. 1–1, д. 26, л. 7–8).

¹⁶ Араловец Н.А. Санитарно-эпидемиологический фактор заболеваемости населения России в 1960-е годы // История: факты и символы. 2019. № 3. С. 9.

регистрировали 30 крупных вспышек брюшного тифа и паратифов. Например, летом в Куйбышеве из-за проблем с водоснабжением произошла очередная вспышка дизентерии — заболели почти 3 тыс. человек (в основном дети)¹⁷.

По регионам страны опасные инфекционные заболевания распространялись неравномерно в силу как природно-климатических, так и социально-экономических, бытовых особенностей, общего уровня санитарной грамотности. Шокирующее впечатление производят материалы медицинского обследования 1965 г. в каракалпакском посёлке Казах-Дарья. Работницы местной хлебопекарни вытирали выделения больного холерой ветошью, а затем ею же очищали булки хлеба от золы после их выпечки в печах примитивной конструкции¹⁸.

Таблица

**Удельный вес инфекционных болезней в структуре смертности за 1968–1972 гг.
(в % от общего количества умерших)**

Республики	1968	1969	1970	1971	1972
РСФСР	3,46	3,04	2,97	2,83	2,65
Украинская ССР	3,54	3,04	2,88	2,78	2,57
Белорусская ССР	4,29	3,57	3,21	2,88	3,75
Узбекская ССР	9,86	6,79	7,52	6,95	7,27
Казахская ССР	7,86	6,75	6,91	6,37	6,29
Грузинская ССР	3,42	2,81	2,83	2,87	2,57
Азербайджанская ССР	8,68	8,37	7,72	7,16	6,70
Литовская ССР	3,66	3,16	2,81	2,61	2,33
Молдавская ССР	5,19	4,26	3,71	3,23	2,98
Латвийская ССР	2,18	2,14	1,87	1,78	1,86
Киргизская ССР	8,94	8,92	7,22	7,29	7,15
Таджикская ССР	13,20	10,75	14,37	11,54	9,23
Армянская ССР	4,54	3,81	4,19	3,80	3,89
Туркменская ССР	13,28	10,40	9,04	9,05	8,04
Эстонская ССР	2,04	1,91	2,23	1,76	1,67

Составлено по: Смертность и летальность при инфекционных болезнях в СССР (РГАНТД, ф. 47, оп. 1–1, д. 129, л. 22).

Из приведённой таблицы видно, что смертность от инфекционных болезней имела тенденцию к снижению. При этом ситуация по Закавказью и Средней Азии оставалась в 2–3 раза более тяжёлой, чем в целом по СССР. Наиболее критической она выглядела в Таджикской ССР, где смертность от инфекций составляла в среднем более 10% от общего количества смертей.

¹⁷ РГАНИ, ф. 4, оп. 20, д. 729, л. 111, 114–115.

¹⁸ Семюотрочев В.Л. Что должен знать эпидемиолог, читая книгу А.К. Адамова, Ю.М. Ломова, В.В. Малеева «Холера в СССР в период VII пандемии» // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 34. С. 74.

Методом проб и ошибок: на пути совершенствования системы санитарно-эпидемиологической защиты. Историческим фоном борьбы с эпидемиологическими болезнями стала «косыгинская» экономическая реформа, целью которой являлось усовершенствование плановой модели и повышение производительности труда. Снижение смертности и заболеваемости трудящихся имело, таким образом, не только морально-этическое или социальное, но и экономическое измерение. Так, сотрудники Центрального НИИ эпидемиологии Министерства здравоохранения СССР сумели рассчитать экономические потери от инфекционных заболеваний за 1968–1972 гг.: 3,3 млрд руб. ежегодно. Подчёркивалось, что наибольший ущерб приносит смертность молодого поколения (до 19 лет) — будущих работников и активных членов общества, которая составила 67,3% от общего ущерба¹⁹.

Всё это бросало советской медицинской системе вызовы, ответы на которые искали с помощью набора санитарно-эпидемиологических мероприятий. Так, во время сезонных эпидемий гриппа создавались дополнительные регистратуры и специальные помещения для больных с повышенной температурой, открывались дополнительные дежурные аптеки, увеличивались поставки противогриппозной сыворотки. В 1970 г. в Москве для заболевших гриппом впервые организовали предварительную запись к врачу по телефону. Во время эпидемии учащались «мероприятия по санитарному просвещению» с использованием периодической печати, радио, кинофильмов, плакатов и листовок²⁰.

В случае распространения особо опасных инфекций включался чрезвычайный, мобилизационный механизм реагирования, привлекались не только местные медицинские работники, но и специалисты из других районов и даже республик. В ликвидации нейроинфекции²¹ в Лениногорске в 1958 г. участвовали 195 врачей и 100 сотрудников среднего звена, большей частью из других казахских городов и советских республик. В особых случаях мобилизовали военных врачей. Так, во время борьбы с чумой в 1955 г. привлекли сотрудников военных бактериологических лабораторий, для решения оперативных задач в эпицентре заболевания развернули специальные военно-полевые лагеря и медицинские городки. В том же Лениногорске военные специалисты задействовали вирусологическую лабораторию, снабжённую всем необходимым (вплоть до подопытных обезьян). Главное внимание уделялось санитарной обработке заражённой территории и снижению пространственной мобильности населения. Так, заболевших и контактировавших с ними лиц помещали на карантин, для чего на базе местных медицинских учреждений создавали специальные изоляторы. В отдельных случаях обсервацию проходили все жители населённого пункта, где выявлялось заболевание. Например, в 1958 г. впервые в послевоенной эпидемиологической практике полный карантин ввели в казахском ауле, где выявили заболевания чумой, а также в Лениногорске²².

Ограничение въезда в населённый пункт — очаг заражения — выступало мерой чрезвычайной. Так, ещё в 1947 г. в связи с эпидемией тифа в столице председатель исполкома Моссовета Г.М. Попов предлагал запретить продажу железнодорожных билетов из любых точек страны. Аналогичные меры ввели

¹⁹ РГАНТД, ф. 47, оп. 1–1, д. 129, л. 107.

²⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 346, л. 97–98.

²¹ Нейроинфекции — группа инфекционных заболеваний, поражающих преимущественно центральную нервную систему человека.

²² РГАНИ, ф. 3, оп. 29, д. 41, л. 14–15.

в 1960 г. после выявления чёрной оспы. Но жёсткого карантина в столице ни в 1947 г., ни в 1960 г. не вводилось — жители города могли свободно покидать его и возвращаться²³.

Долгое время эффективными для предотвращения завоза опасных инфекций считались санитарные меры на границе, особенно в неблагополучном с этой точки зрения среднеазиатском регионе. В начале ноября 1960 г. командующий Туркестанским военным округом И.И. Федюнинский докладывал министру обороны СССР Р.Я. Малиновскому, что в Афганистане отмечена вспышка холеры. Болезнь охватила населённые пункты, находившиеся в непосредственной близости от советской границы, а также поселения Термез, Нижний Пяндж, Келиф и Кушка, в которых проходил довольно оживлённый международный обмен. Для предотвращения заноса инфекции на территорию Советского Союза командующий предлагал ввести обязательный карантин продолжительностью до шести суток для всех лиц, прибывавших из Афганистана, а также временно прекратить импорт оттуда продуктов питания и других товаров²⁴.

В августе 1965 г. на территории Афганистана вновь произошла мощная вспышка холеры, затронувшая также Иран. В связи с этим 10 августа Президиум ЦК КПСС в оперативном порядке утвердил решение «О мерах по предотвращению распространения эпидемии холеры». Временно прекращалось передвижение населения, животных и грузов, водного, железнодорожного и авиационного транспорта через границу СССР с этими странами²⁵, а также в Каракалпакской АССР и Хорезмской обл. Узбекской ССР, где тоже выявили вспышки холеры²⁶. Однако меры, абсолютно оправданные с медицинской точки зрения, имели неблагоприятные внешнеполитические последствия. От посла в Афганистане С.Ф. Антонова стали поступать шифротелеграммы о напряжённости внутренней ситуации в этой стране после закрытия границ с СССР и Пакистаном, в частности, остром топливном кризисе. На этом фоне усилились антисоветские настроения, советские граждане сталкивались с негативным отношением и упрёками в ответственности за создавшееся положение, в то время как информация о случаях заболевания холерой якобы является недостоверной. Советский посол предлагал «безотлагательно отменить карантин», поскольку иначе «это вызовет резко отрицательные суждения о нас, а также чрезвычайно нежелательные для нас настроения в правящих кругах и различных слоях населения»²⁷.

В итоге постановлением Президиума ЦК от 14 сентября все ограничения на государственной границе СССР с Афганистаном и Ираном оказались сняты. Тем же решением у Афганистана закупили партию свежих фруктов и направили туда большое количество горюче-смазочных материалов и продовольственных товаров²⁸. При этом в Каракалпакской АССР эпидемия продолжалась вплоть до начала ноября²⁹: диагноз подтвердился у 581 человека, из них 84 скончались³⁰;

²³ Там же, л. 2.

²⁴ Там же, л. 31.

²⁵ Пикантность ситуации заключалась в том, что во время введения этих мер в Крыму на отдыхе находился король Афганистана Мухаммед Захир-шах.

²⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 743, л. 15–17.

²⁷ Там же, оп. 29, д. 41, л. 86, 89.

²⁸ Там же, оп. 16, д. 759, л. 9.

²⁹ Холера в СССР в период VII пандемии / Под ред. В.И. Покровского. М., 2000. С. 84.

³⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 770, л. 44.

расходы на борьбу с болезнью составили почти 10 млн руб.³¹ Интересно, что именно в каракалпакском посёлке Казах-Дарья — зоне распространения холеры — советские медики впервые использовали антибиотики тетрациклиновой группы. Эта практика доказала эффективность и стала широко применяться³².

Ещё одно важное направление — иммунизация населения. Например, во время вспышки оспы в Москве фактически за месяц (с 16 января по 19 февраля 1960 г.) прививки получили около 10 млн человек. Судя по переписи 1959 г., эта цифра охватила не только население столицы (на тот момент — почти 5 млн), но и жителей близлежащих районов Подмоскovie, а также приезжих³³.

Несмотря на периодические появления очагов опасных инфекций, создаётся впечатление, что к концу 1960-х гг. надзор за нарушениями санитарно-гигиенических норм на производстве и в быту несколько ослабился, прекратились долгосрочный учёт и проверка опасных в эпидемическом отношении районов. В 1968 г. Политбюро ЦК утвердило постановление «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране», которое фактически предусматривало сокращение деятельности санитарно-эпидемиологических станций на местах³⁴. Кроме того, в 1950–1960-е гг. ликвидировали или перепрофилировали научные учреждения, занимавшиеся изучением «изжитых» (как тогда казалось) заболеваний. Сеть противочумных институтов в основном ориентировалась на разработку высокочувствительных методов лабораторной диагностики и эффективных средств профилактики. Медицинские институты готовили врачей, лишь в теории знакомых с клиническими проявлениями и лечением таких болезней, как чума, оспа, холера. В системе институтов, формально предназначенных противостоять данным болезням, отсутствовали клинические подразделения, а значит, практически не имелось специалистов, осуществлявших их лечение. Лишь несколько врачей-клиницистов имели опыт преодоления вспышек холеры во время войны (в 1941–1942 гг. фиксировались заболевания в Харькове и ряде городов Поволжья) и в республиках Средней Азии в середине 1960-х гг. Три медика (В.Н. Никофоров, Ю.Ф. Щербак, Т.А. Левитов) в 1969 г. получили возможность ознакомления с клиникой и современными методами лечения холеры в научно-исследовательской лаборатории Филиппа в Дакке (Пакистан)³⁵.

Главный инфекционист Министерства здравоохранения РСФСР В.Н. Никифоров выдвигал предложения об улучшении положения дел. В январе 1970 г. он направил генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу письмо, в котором подчеркнул, что система санитарной охраны границ не способна полностью исключить случаи заноса инфекционных заболеваний из-за рубежа, а расширяющиеся международные связи только увеличивают эту опасность: «Считаю, что отсутствие клиницистов, занимающихся особо опасными инфекциями, может нанести стране непоправимый вред... имеющиеся методы и препараты не способны гарантировано предотвратить возможность заболевания людей в случае

³¹ Там же, ф. 4, оп. 20, д. 729, л. 114.

³² Жуков-Вережников Н.Н., Ковалёва Е.П. Актуальные вопросы теории и практики противохолерных мероприятий. Киев, 1971. С. 51–55; Семиотрочев В.Л. Что должен знать эпидемиолог... С. 74–75.

³³ РГАНИ, ф. 3, оп. 29, д. 41, л. 17.

³⁴ Там же, оп. 68, д. 846, л. 147.

³⁵ Там же, ф. 4, оп. 20, д. 729, л. 54.

применения... средств бактериологического нападения»³⁶. Интересно, что спустя полгода, уже в разгар эпидемии холеры на юге Советского Союза, и высшее партийное руководство, и КГБ, и обыватели рассматривали в качестве одной из возможных причин её возникновения именно бактериологическую диверсию³⁷.

Никифоров предложил создать при отделе инфекционной патологии Центрального НИИ эпидемиологии и инфекционных болезней Минздрава СССР специальный сектор подготовки клиницистов по особо опасным инфекциям и разработке проблем клинической диагностики, патогенетической и этиотропной терапии холеры и оспы. Кроме того, он считал необходимым по примеру американских врачей, имеющих специальные лаборатории и госпитали в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, отправлять ординаторов на стажировку в зарубежные страны (Афганистан, Индию, Непал, Пакистан), а также создать там постоянные советские госпитали с бесплатным лечением местного населения. Данные предложения поддержал министр здравоохранения СССР Б.В. Петровский, который 6 мая 1970 г. направил в ЦК КПСС аналогичную записку. Но только 19 августа, уже в самый разгар эпидемии, члены Политбюро утвердили постановление «О строительстве советской инфекционной больницы в Пакистане или Индии». Министерством здравоохранения и иностранных дел поручалось провести соответствующие переговоры с правительствами этих стран. На создание больницы ёмкостью 100 мест со специальной лабораторной базой на территории одной из этих стран предполагалось выделить до 3,5 млн руб., в том числе 2 млн в иностранной валюте, а на последующее обеспечение её деятельности — до 1 млн инвалютных руб. в год³⁸. Однако к тому времени значительное количество заболеваний холерой фиксировалось на территории различных регионов СССР, и задача «превентивного» изучения этого заболевания на чужой территории уже не отвечала реалиям.

От теории к практике: борьба с эпидемией холеры 1970 г. в СССР. Несмотря на регулярность эпидемических вызовов в предыдущие десятилетия, именно борьба с распространением VII пандемии холеры оказалась для советской санитарно-эпидемиологической системы проверкой на прочность, одновременно выявив интересные закономерности взаимодействия власти и общества в чрезвычайных, с медицинской точки зрения, условиях. «Холерные» лето и осень 1970 г. показали наивысшую степень вовлечённости органов власти всех уровней в решение данной проблемы и освещения эпидемии в СМИ, а также наиболее прочно зафиксировались в коллективной памяти. В статьях, публикациях тематических блогов и социальных сетях можно найти многочисленные, но разрозненные, а также не всегда верифицируемые воспоминания на данную тему³⁹. На основе отбора и обработки свидетельств очевидцев уже создан ряд работ. Но в них отсутствуют попытки глубокого анализа предпосылок эпидемии и динамики ситуации в последующие годы⁴⁰. Часть авторов

³⁶ Там же, ф. 3, оп. 68, д. 1341, л. 14.

³⁷ Андриященко Э. Бунты курортников и крестный ход. Эпидемия холеры в Одессе 1970 года в документах из архива КГБ (URL: <https://www.currenttime.tv/a/odessa-cholera-kgb/30427283.html>).

³⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 1361, л. 29–30.

³⁹ См., например: Борзенкова К. Обсервация на теплоходе и карантин в поезде. Рассказы очевидцев об эпидемии холеры 1970 года (URL: <https://snob.ru/entry/192506/>).

⁴⁰ См., например: Алексеев В.В. «Но пасаран, холера не пройдёт...» // Историко-психологические и социальные аспекты влияния эпидемий на человека и общество. Материалы XLVIII международной научной конференции. СПб., 2020. С. 146–155; Смирнова В.А. Воспоминания о вспышке

исследуют более широкий контекст, но лишь применительно к отдельным регионам⁴¹. Немногие исследователи обращаются к архивным документам⁴², тем более что на данный момент далеко не все они прошли процедуру снятия грифа секретности. Отдельную группу публикаций составляют труды медиков⁴³, детально раскрывающие вопросы медицинского характера, но редко вписывающие их в широкий социальный и исторический контекст, особенно если речь касается логики взаимоотношений власти и общества. Попытаемся заполнить обозначенные лакуны.

Вибрион холеры биотипа Эль-Тор (*El Tor*)⁴⁴ впервые выявили лабораторным способом ещё в 1905–1906 гг. На протяжении более полувека он считался менее опасным и распространённым по сравнению с классической холерой. Однако именно он вызвал VII пандемию, начавшуюся в 1961 г. и продолжавшуюся до 2010-х гг.⁴⁵ По всей видимости, это обуславливалось как мутациями данного биотипа, так и более активной пространственной мобильностью людей во второй половине XX в., из-за чего холера вышла за пределы своего очага на тихоокеанском острове Сулавеси и начала достаточно активно распространяться на соседних островах, а вскоре — в странах Юго-Восточной Азии, на определённом этапе вытеснив классическую холеру. По состоянию на 1970 г. Эль-Тор зафиксировали более чем в 40 странах, включая граничившие с СССР Афганистан, Иран, Турцию. Если в 1961–1964 гг. пандемия затронула только азиатские страны, то в последующие годы завозные случаи отмечались в Советском Союзе, большом количестве стран Африки и отдельных странах Европы (Великобритания, Франция, Чехословакия). Успешной «экспансии» способствовало то, что Эль-Тор достаточно эффективно преодолевал административные границы государств и санитарно-эпидемиологические барьеры за счёт большего количества случаев лёгкого течения заболевания и бессимптомного виброносительства (в сравнении с классической холерой, для которой характерно более выраженное течение болезни)⁴⁶.

После вспышки холеры в Средней Азии на протяжении 1966–1969 гг. отдельные заболевания и виброносители выявлялись в основном на территории региона. Имели место единичные случаи заражения в Дагестанской АССР,

холеры в СССР в 1970 году: свидетельства советской эпохи и нарративы эры COVID-19 // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2020. № 36. С. 177–185; и др.

⁴¹ Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Основные вехи истории борьбы с эпидемиями в Нижнем Поволжье (конец XIX — конец XX вв.) // *Современная научная мысль*. 2020. № 3. С. 77–81; Шиколов В.А. Эпидемии холеры в Крыму в XIX–XX веках (история и статистика). Становление санитарно-карантинной службы в морских портах Крыма. Симферополь, 2002; и др.

⁴² Андрущенко Э. Бунты курортников и крестный ход...; Попов А.Д. «Не конец ли Крыму?»: интерпретации катастроф XX в. в фольклоре и медиа // *Антропологический форум*. 2016. № 31. С. 155–179; Урсу Д.П. Одесса в европейском научном и культурном пространстве (XIX–XX вв.). Документальные очерки. Одесса, 2014. С. 229–248.

⁴³ Холера в СССР в период VII пандемии; Онищенко Г.Г., Москвитина Э.А., Кругликов В.Д., Титова С.В., Адаменко О.Л., Водопьянов А.С., Водопьянов С.О. Эпидемиологический надзор за холерой в России в период седьмой пандемии // *Вестник Российской академии медицинских наук*. Т. 70. 2015. № 2. С. 249–256; Попов В.Ф. Эпидемия холеры в СССР в 1970 г. // *Биопрепараты*. 2011. № 2. С. 36–38; Харченко Г.А., Кимирилова О.Г., Буркин В.С. Эпидемиология и клиника холеры 1970 года в Астраханской области // *Детские инфекции*. Т. 18. 2019. № 1. С. 51–55; и др.

⁴⁴ Биотип получил название от египетской деревни на Синайском полуострове, где его впервые выявили у нескольких паломников, возвращавшихся из Мекки.

⁴⁵ Онищенко Г.Г. и др. Эпидемиологический надзор за холерой... С. 254.

⁴⁶ Бирковский Ю.Е., Белоконь Т.Е. Холера и её предупреждение. Киев, 1973. С. 22–27.

Ростовской обл.⁴⁷ Однако летом 1970 г. появились все признаки того, что Эль-Тор не только распространяется на новые территории, но и выходит из-под контроля. Во второй половине июля вспышки произошли в Астрахани и Астраханской обл., Батуми, Нахичеванской АССР, Рустави, Саратове. В течение августа под воздействие попали Волгоград и Волгоградская обл., Дагестанская АССР, Керчь, Молдавская ССР, Одесса и Одесская обл., Тбилиси. Единичные завозные случаи фиксировались в Архангельске, Кирове, Умани, других городах, а также в Москве⁴⁸. Ситуация выглядела беспрецедентной и опасной. Драматизма добавили первые летальные случаи: 27 июля — в Астраханской обл., 3 августа — в Одессе, 7 августа — в Керчи. Симптоматика острого течения заболевания была классической: у больного начиналась непрекращающаяся диарея, а затем множественная рвота, которые приводили к крайнему истощению и обезвоживанию организма, судорогам, в итоге — к смерти. Заболеванию оказались наиболее подвержены люди пожилого возраста и хронические больные⁴⁹.

Изучение документов создаёт впечатление, что руководство СССР не сразу оценило критичность ситуации, и ему пришлось решать вопрос в «авральном» порядке, по мере поступления новой информации. Так, на состоявшемся 28 июля заседании Секретариата ЦК КПСС обсуждалась записка заведующего отделом науки ЦК С.П. Трапезникова от 12 июня о борьбе с инфекционными кишечными заболеваниями. Судя по рабочей записи, при обсуждении участники избегали использовать слова «холера» и «эпидемия». В итоге председательствовавший на заседании А.П. Кириленко внёс довольно неконкретное предложение «повысить спрос с работников здравоохранения, мясной и молочной промышленности, коммунального хозяйства». Министр здравоохранения СССР Петровский обратил внимание, что работникам здравоохранения самим нужна помощь, а функционирующая санитарная комиссия «стала строже требовать, увеличилось количество штрафов за нарушение санитарного режима, некоторые производственные объекты закрыты из-за плохого санитарного состояния». Эту ремарку секретарь ЦК Б.Н. Пономарёв парировал следующим образом: «Необходима бо́льшая ответственность санитарной инспекции. Штрафами всего не добьёмся»⁵⁰.

В итоге Секретариат принял рабочее решение, по которому не чувствовалось, что в стране началась эпидемия. В частности, поручалось все материалы о недостатках в работе по снижению острых кишечных заболеваний передать Совету министров СССР, а также образовать комиссию в составе Петровского, Антонова (к тому времени — министр мясной и молочной промышленности СССР) и В.Я. Исаева (первого заместителя председателя Госплана СССР), которая должна была доложить ЦК о мерах борьбы с желудочно-кишечными инфекциями⁵¹.

Однако уже спустя два дня, 30 июля, состоялось заседание Политбюро, принявшее постановление «О мероприятиях по предотвращению распространения вспышки холеры»⁵². Создавалась Всесоюзная чрезвычайная противоэпи-

⁴⁷ Холера в СССР в период VII пандемии. С. 40–44.

⁴⁸ Там же. С. 84–85.

⁴⁹ По стечению обстоятельств и в Астраханской обл., и в Одессе, и в Керчи первыми умерли от холеры пожилые мужчины, работавшие сторожами.

⁵⁰ РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 6, л. 23.

⁵¹ Там же, оп. 19, д. 396, л. 3.

⁵² Там же, ф. 3, оп. 68, д. 1320, л. 43.

демическая комиссия (ВЧПК) во главе с Петровским, призванная возглавить работы по ликвидации очагов болезни в Батуми, Астрахани и Нахичеванской АССР — там, где холера уже явно проявилась. Подобные комиссии создавались на республиканском, областном, городском, поселковом уровнях там, где появлялись очаги холеры. В их состав входили представители государственных и партийных органов, медицинские работники и руководители специализированных служб⁵³. ВЧПК и её структуры решали вопросы введения необходимых ограничительных мероприятий, карантина и т.п.⁵⁴

Спустя ещё шесть дней (4 августа) было принято постановление Политбюро «О мерах по предотвращению распространения эпидемии холеры». В Астраханской обл. официально вводился строгий карантин (хотя первые ограничительные меры последовали ещё 30 июля и 1 августа), организацию охранной зоны возложили на Министерство обороны СССР. Карантин предполагал запрещение передвижения населения всеми видами транспорта в другие районы страны — въезд и выезд за пределы области мог осуществляться в исключительных случаях и только по решению ВЧПК. Кроме того, запрещался вывоз фруктов, овощей, бахчевых культур и других пищевых продуктов⁵⁵. В Одессе полный карантин действовал с 8 августа по 15 сентября, а в Керчи — с 10 августа до 24 сентября⁵⁶.

Всего за время эпидемии в Астрахани и области заболели 1280 человек (умерли 35)⁵⁷, в Одессе и области — 125 (умерли 20)⁵⁸, в Керчи — 159 (умерли 6)⁵⁹. Всего на территории СССР с июля по сентябрь заболели более 1,8 тыс., а во всём мире за этот год — около 43,2 тыс. человек в 39 странах⁶⁰.

Алгоритм действий по борьбе с эпидемией на поражённых территориях выглядел так: госпитализация, обследование и лечение выявленных больных и виброносителей; эпидемиологическое обследование в очаге заражения; выявление, изоляция и обследование лиц, контактировавших с больными и виброносителями; активное выявление и провизорная госпитализация всех лиц с симптомами желудочно-кишечных заболеваний; проведение мероприятий по обеззараживанию; бактериологический контроль внешней среды; введение ограничительных мероприятий, включающих организацию карантина и обсервации; комплексные санитарно-эпидемические мероприятия на поражённой территории, в том числе медицинское просвещение и пропаганда санитарной культуры; экстренная профилактика антибиотиками максимального количества лиц, проживающих на поражённой территории; вакцинация населения⁶¹.

Первая группа мероприятий требовала развёртывания временной сети специализированных медучреждений нескольких типов: госпитали для лиц с подтверждённым диагнозом «холера» и установленных виброносителей; провизорные госпитали для лиц с сигнальными признаками (понос, рвота, их сочетание); изоляторы для лиц из контактного окружения больных; обсерваторы

⁵³ См., например: Государственный архив Республики Крым (далее — ГА РК), ф. Р-2772, оп. 1, д. 30, л. 117.

⁵⁴ Жуков-Вережников Н.Н., Ковалёва Е.П. Актуальные вопросы теории... С. 200–204.

⁵⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 1331, л. 34–35.

⁵⁶ ГА РК, ф. Р-2772, оп. 1, д. 30, л. 118, 213; Алексеев В.В. «Но пасаран, холера не пройдёт...». С. 155; Урсу Д.П. Одесса в европейском научном и культурном пространстве... С. 234.

⁵⁷ Алексеев В.В. «Но пасаран, холера не пройдёт...». С. 155.

⁵⁸ Урсу Д.П. Одесса в европейском научном и культурном пространстве... С. 243.

⁵⁹ ГА РК, ф. Р-2772, оп. 1, д. 30, л. 73, 80.

⁶⁰ Павлов А.В. Основы борьбы с холерой. Киев, 1976. С. 9.

⁶¹ Бургасов П.Н. Холера Эль-Тор: руководство для врачей. М., 1976. С. 132–133.

для лиц из числа постоянного населения и приезжих, планирующих выезд за пределы карантинной зоны⁶². Например, в Керчи во время карантина создали 56 обсерваторов на 36,3 тыс. мест, а также использовали несколько десятков морских судов⁶³. Стандартный срок обсервации с учётом инкубационного периода холеры составлял пять дней. Он мог продлеваться, если у кого-то выявлялось наличие холерного вибриона. Помимо общего наблюдения у помещённых в обсерватор в обязательном порядке брался анализ по форме 30, предусматривающей забор биоматериала из анального отверстия, что оставило малоприятные воспоминания как у обследованных, так и у тех, кто проводил такие обследования⁶⁴.

Поскольку мероприятия требовали большого количества кадров, специальным решением ВЧПК отзывались из отпусков все медработники, также привлекались студенты-медики⁶⁵.

Медицинская практика лета–осени 1970 г. показала эффективность приёма виброносителями, контактными лицами, находящимися на обсервации, и даже всеми жителями карантинной территории антибиотиков тетрациклинового ряда (рекомендованный курс приёма составлял четыре дня)⁶⁶. Например, в Одессе жителям города через местные СМИ объявили, что в период с 15 по 18 августа они должны принимать тетрациклин, приобретая его за свой счёт в аптеках⁶⁷. Что же касается вакцинации, то она показала малую эффективность из-за долгой выработки антител. Вследствие этого в разгар эпидемии прививались лишь отдельные категории лиц с повышенным риском заражения: медработники, плавсостав флота, водители транспортных средств, снабжавших карантинные города необходимыми грузами, и др.

Как показали обследования, почти половина заболевших в приморских городах заразились холерой в воде. Поэтому везде, где выявлялись заболевшие, запрещалось купание в море, реках и других водоёмах. Также запрещалось пить и использовать для приготовления пищи некипячёную воду, хотя проконтролировать выполнение этого запрета было куда сложнее⁶⁸.

Исследователь стихийных бедствий и антропогенных катастроф в Советском Союзе Н. Рааб попытался осуществить «сквозной» анализ нескольких тематических линий, связанных со взаимоотношениями власти и общества в контексте периодически повторяющихся чрезвычайных ситуаций (например, разрушительных землетрясений 1927, 1948, 1966 и 1988 гг.)⁶⁹. Пожалуй, наибольшее внимание он уделил освещению катастроф в советских СМИ и связанным с этим цензурным ограничениям. Обращались к этим вопросам и другие исследователи, в том числе один из авторов данной статьи⁷⁰. Рассмотрение вопросов информационного освещения также представляется очень важным и интерес-

⁶² Жуков-Вережников Н.Н., Ковалёва Е.П. Актуальные вопросы теории... С. 40.

⁶³ ГА РК, ф. Р-2772, оп. 1, д. 30, л. 191.

⁶⁴ См., например: Алексеев В.В. «Но пасаран, холера не пройдёт...». С. 152; Борзенкова К. Обсервация на теплоходе и карантин в поезде...

⁶⁵ Попов В.Ф. Эпидемия холеры в СССР в 1970 г. С. 37.

⁶⁶ Бирковский Ю.Е., Белоконь Т.Е. Холера и её предупреждение. С. 82–83.

⁶⁷ Урсу Д.П. Одесса в европейском научном и культурном пространстве... С. 238–239.

⁶⁸ См., например: ГА РК, ф. П-1, оп. 4, д. 680, л. 18–19; Смирнова В.А. Воспоминания о вспышке холеры в СССР... С. 179.

⁶⁹ См.: Рааб Н. И всё содрогнулось. Стихийные бедствия и катастрофы в Советском Союзе. СПб., 2021.

⁷⁰ См.: Попов А.Д. «Не конец ли Крыму?»... С. 155–179.

ным применительно к эпидемии холеры 1970 г. Власти, имевшие монополию на передачу информации по официальным каналам, оказались в неоднозначной ситуации. С одной стороны, включались жёсткие цензурные ограничения, призванные преуменьшить масштабы эпидемии и скрыть смертельные случаи. Название заболевания чаще всего заменялось эвфемизмами типа «желудочно-кишечные заболевания», «острые желудочно-кишечные инфекции». С другой стороны, в рамках политики «информационного патернализма» прессе всё же приходилось тиражировать публикации разъяснительного и мобилизационного характера. Поэтому изучение астраханской, крымской или одесской прессы за июль–сентябрь 1970 г. едва ли поможет реконструировать основные этапы санитарно-эпидемиологических мероприятий, понять масштабы и последствия эпидемии. Однако она содержит множество публикаций с заголовками типа «Берегитесь инфекции», «Овощи и фрукты должны быть чистыми», «Убереечь детей от желудочно-кишечных заболеваний», «За образцовый санитарный порядок», «Пароль — чистота!», «Рейды санитарных патрулей» и т.д. Как констатировала московская писательница Ю.Л. Нельская-Сидур, «весь Советский Союз сейчас призывают тщательно мыть руки»⁷¹.

Пожалуй, единственным известным исключением стало очень краткое информационное сообщение, появившееся на страницах газеты «Известия» 6 августа: «Органами здравоохранения выявлены случаи заболевания холерой в районе Астрахани. Проводятся все необходимые противоэпидемические мероприятия, направленные на ликвидацию этого заболевания»⁷². Но когда 28 августа заместитель министра здравоохранения СССР С.П. Буренков предложил ТАСС опубликовать аналогичную информацию об эпидемии в Одессе и Керчи, то секретарь ЦК КПСС Кириленко указал, что этого делать не следует⁷³. Интересно, что рядом с упомянутым сообщением о холере напечатана большая статья «Профилактика кишечных инфекций»⁷⁴, написанная известными медиками, но подвергшаяся содержательной правке в ЦК. В частности, из внешнеполитических соображений партийные функционеры решили убрать упоминание о конкретных странах (Индии, Пакистане, Иране и др.) — постоянных очагах холеры⁷⁵.

Советское руководство не могло полностью скрыть разразившуюся эпидемию ещё и с учётом международного контекста. О вспышке холеры в СССР практически сразу после её начала стали сообщать зарубежные СМИ, причём не только капиталистических, но и некоторых социалистических стран⁷⁶. Ещё в 1958 г. Советский Союз присоединился к соглашению в рамках Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), по которому обязался информировать о появлении на своей территории карантинных заболеваний (чумы, холеры, оспы, жёлтой лихорадки, сыпного и возвратного тифа), причём ВОЗ открыто публиковала эти данные. Минздрав СССР дважды (6 и 28 августа) с санкции Политбюро направило в организацию телеграммы с информацией о заболевших холерой на территории страны. При этом во второй телеграмме сообща-

⁷¹ Нельская-Сидур Ю.Л. «Время, когда не пишут дневников и писем...»: хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 гг. / Сост. В. Воловников. М.: СПб., 2015. С. 561.

⁷² От Министерства здравоохранения СССР // Известия. 1970. 6 августа.

⁷³ РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 78, л. 111.

⁷⁴ Сумароков А., Селидовкин Д. Профилактика кишечных инфекций // Известия. 1970. 6 августа.

⁷⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 1329, л. 92.

⁷⁶ См.: Урсу Д.П. Одесса в европейском научном и культурном пространстве... С. 239–242.

лось, что по состоянию на 25 августа зарегистрировано 795 случаев заболевания — почти в два раза меньше, чем во внутренних документах Минздрава⁷⁷.

Ещё один важный вопрос, который поднял Рааб, связан с масштабами и способами вовлечения в преодоление последствий различных катастроф добровольцев⁷⁸. Борьба с эпидемией не стала исключением и также включала в себя разные формы использования общественной активности. Стандартная бригада для проведения ежедневных подворных и поквартирных обходов состояла из врача, двух младших медицинских работников и нескольких общественных санитарных инспекторов — членов Общества Красного Креста (иногда их называли «санитарными дружинниками»)⁷⁹. Только на территории УССР к такой деятельности привлекли около 15 тыс. активистов⁸⁰. Однако имели место случаи, когда после выявления «поносных лиц» их госпитализация значительно задерживалась из-за недостатка специального медицинского транспорта⁸¹.

Общественная активность выражалась и в участии в работах по санитарной очистке и благоустройству территории населённых пунктов. Например, в Одессе за период карантина с помощью общественности очистили 1,9 тыс. дворов, 300 подвалов, «вывезено на свалку свыше 3210 тонн разного мусора»⁸². В Керчи проводились аналогичные мероприятия, и на страницах местной газеты сообщалось, что «только при активном участии всего населения мы можем навести и постоянно поддерживать высокую санитарную культуру... а это и будет верным средством предупредить кишечные и другие заболевания»⁸³. Наконец, приветствовалась готовность немедленно обращаться в медучреждения в случае появления подозрительных симптомов как у себя, так и у окружающих. Соккрытие такой информации трактовалось как антиобщественное поведение, требующее порицания⁸⁴. В одном из интервью заместителя министра здравоохранения СССР А.И. Бурназяна звучал прямой призыв к гражданам незамедлительно сообщать врачам о случаях заболеваний друзей, сослуживцев, знакомых (независимо от их собственной позиции по данному вопросу)⁸⁵. И такие добровольные информаторы находились повсеместно. Например, один из современников этих событий вспоминал, что в Ленинграде соседи сообщили в милицию о семье, которая тайком вернулась из Одессы, после чего вернувшихся направили на обсервацию в медучреждение⁸⁶.

Также общественность могла выявлять различные нарушения санитарных норм в деятельности предприятий торговли и общепита, сообщая об этом в различные инстанции. Всё это хорошо вписывается в концепцию О.В. Хархордина, согласно которой в позднесоветский период происходило усиление социального контроля и «давления общественности», а практики взаимного

⁷⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 1329, л. 93.

⁷⁸ Рааб Н. И всё содрогнулось... С. 54–57.

⁷⁹ Статус, полномочия и задачи общественных санитарных инспекторов определил ряд нормативно-правовых документов, принятых в 1963–1964 гг. Подробнее см.: Жуков-Вережников Н.Н., Ковалёва Е.П. Актуальные вопросы теории... С. 38–39; Павлов А.В. Роль общественного санитарного актива в профилактике холеры. М., 1972. С. 20–21.

⁸⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 78, л. 118.

⁸¹ Андриюченко Э. Бунты курортников и крестный ход...

⁸² Урсу Д.П. Одесса в европейском научном и культурном пространстве... С. 237.

⁸³ За образцовый санитарный порядок // Керченский рабочий. 1970. 20 августа.

⁸⁴ См., например: Дранкин Д.И. Холера. Прошлое и настоящее. Саратов, 1973. С. 75–76.

⁸⁵ Берегись инфекции! // Керченский рабочий. 1970. 11 августа.

⁸⁶ Смирнова В.А. Воспоминания о вспышке холеры в СССР... С. 178.

надзора пронизывали все сферы жизни⁸⁷. Однако на деле далеко не каждый советский гражданин и далеко не во всех ситуациях готов был стать союзником власти и системы здравоохранения в борьбе с эпидемией.

«Здесь творится ужасное»: реакции населения на противохолерные мероприятия. В одной из научно-популярных книг о холере, изданной спустя три года после эпидемии, утверждалось, что «всё население городов, где были случаи заболевания, проявило высокую сознательность. Отсутствовали какие-либо проявления паники, растерянности»⁸⁸. Однако известные нам источники рисуют отнюдь не столь благостную картину. Эпидемия, наряду с чисто медицинскими проблемами, имела множество «теневых» социальных, бытовых, психологических и морально-этических проявлений, продемонстрировавших неоднозначность отношений власти и общества в критических условиях.

Практически во всех источниках личного происхождения, упоминающих об эпидемии, отмечается обилие разнообразных слухов, многие из которых носили панический характер. Основным сюжетом являлась непроверяемая на бытовом уровне информация, преувеличивающая масштабы бедствия, особенно количество жертв⁸⁹. Причиной эпидемии часто считался искусственный завоз патогенных холерных вибрионов иностранцами в качестве бактериологической диверсии⁹⁰. Возникновение такого рода слухов очень характерно для советского городского фольклора, в котором всегда были чрезвычайно распространены сюжеты об иностранцах-отравителях⁹¹.

Интересным источником о панических слухах являются материалы перлюстрации частных писем спецслужбами. Так, житель Керчи писал своей знакомой, что в городе «холера. Не надо войны, вот вам война. Как человек заболел, через три часа умирает, зарывают где-то в степи. Плавсоставу сделали прививки, а для населения нет вакцины. Достали где-то в Америке немного. Здесь творится ужасное». А жительница Севастополя, где за всё время эпидемии не было выявлено ни одного заболевания, сокрушалась: «Холерное кольцо сомкнулось вокруг Крыма. Кругом паника и хаос... Молись за нас»⁹².

Также в форме слухов могли высказываться устойчивые претензии граждан к власти. Например, дневник одесского преподавателя музыки В.А. Швеца содержит пересказ услышанной им информации о том, что «Америка предлагала какое-то средство против холеры, но у нас отказали и получили только из Франции и то для избранных партийцев» (30 августа)⁹³. В данном случае интересна не достоверность записанного, а сам сюжет слуха: представители власти спасают себя с помощью произведённого в капиталистической стране медицинского препарата, не думая при этом об аналогичной защите для простых граждан. Зачастую слухи излишне драматизировали действия властей. Например, Нельская-Сидур 19 августа записала, что «на Киевской дороге на

⁸⁷ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. С. 364.

⁸⁸ Дранкин Д.И. Холера. Прошлое и настоящее. С. 44.

⁸⁹ См., например: Смирнова В.А. Воспоминания о вспышке холеры в СССР... С. 181.

⁹⁰ Алексеев В.В. «Но пасаран, холера не пройдёт...». С. 151; Андрющенко Э. Бунты курортников и крестный ход...

⁹¹ См.: Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М., 2020. С. 372–374.

⁹² Андрющенко Э. Бунты курортников и крестный ход...

⁹³ Жизнь и деятельность Владимира Афанасьевича Швеца, описанная в его дневниках и документах // Смирнов В.А. Реквием XX века: в 5 частях с эпилогом. Ч. 4. Одесса, 2017. С. 525.

станции Малоярославец всех пассажиров выгоняют из поездов на оцеплённый автоматчиками вокзал и держат в специальных бараках в течение трёх дней»⁹⁴.

Таким образом, информация о холере вписывалась в общий политический и социально-экономический контекст, отнюдь не всегда радостный. Литературный критик В.Я. Лакшин 13 августа записал: «Только-только пережили повышение цен на водку, сахар и т.п. — и на тебе — холера. Будто дурной сон какой-то. Народ, запуганный и давно ко всему привыкший, начал беспокоиться»⁹⁵.

Эпидемия и связанные с ней карантинные меры оказали влияние на вопросы продовольственного снабжения и распределения, которые в принципе являлись весьма болезненными для советского общества. По воспоминаниям переживших эпидемию в карантинных городах, в первые дни после введения ограничений действительно наблюдалось резкое увеличение спроса на товары первой необходимости, что неизбежно приводило к их дефициту и повышению цен на колхозных рынках. Так, Швец писал 7 августа: «Толпа набросилась на картофель и продукты, так как опасаются, что подвоз прекратится. На базарах подскочили цены»⁹⁶. Для решения проблем создавались специальные перевалочные базы, призванные обеспечивать поставки в закрытые города необходимых продуктов, товаров, материалов. Очевидцы событий вспоминают, что из-за постепенного оттока приезжих и запрета на вывоз продуктов цены на овощи и фрукты на рынках впоследствии даже снизились. По некоторым данным, в Астрахани имел место дефицит используемого для профилактики холеры тетрациклина, который населению приходилось самостоятельно покупать в аптеках, из-за чего этот препарат иногда приобретали «из-под полы», «по благу» и «втридорога»⁹⁷.

Статистика заболеваемости за весь период 1965–1990 гг. однозначно свидетельствует, что максимальное количество заражений приходилось на август⁹⁸. При этом, как аргументированно показала британская исследовательница К. Келли, август являлся временем наиболее массовых отпусков, активных перемещений с рекреационно-туристическими целями⁹⁹. Из-за этой сезонности и того, что значительные очаги заражений находились в Азово-Черноморском и Волжско-Каспийском регионах, санитарно-медицинские (в том числе карантинные) мероприятия 1970 г. так или иначе затронули большое количество туристов: как организованных (с путёвками), так и неорганизованных («дикарей»). В исследованиях, специально посвящённых приморскому отдыху в СССР периода «развитого социализма», убедительно доказано, что в летние месяцы преобладал именно неорганизованный формат¹⁰⁰. Следовательно, органам власти и медицинским службам пришлось решать, что делать с сотнями

⁹⁴ Нельская-Сидур Ю. «Время, когда не пишут дневников и писем...» С. 562.

⁹⁵ Лакшин В.Я. После журнала: дневник 1970 года / Публ. и коммент. С.Н. Лакшиной // Дружба народов. 2004. № 9–11 (URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/9/posle-zhurnala.html>).

⁹⁶ Жизнь и деятельность Владимира Афанасьевича Швеца... С. 521–522.

⁹⁷ См.: Алексеев В.В. «Но пасаран, холера не пройдёт...». С. 153.

⁹⁸ Холера в СССР в период VII пандемии. С. 82–83.

⁹⁹ См.: Келли К. «В тихом омуте»: август как месяц отдыха / трудовых будней в позднесоветской России // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 281–304.

¹⁰⁰ Noack C. Coping with the tourist. Planned and «wild» mass tourism on the Soviet Black Sea coast // Turizm: The Russian and East European tourist under Capitalism and Socialism / Ed. by A. Gorsuch, D. Koenker. Ithaca, 2006. P. 281–304; Понов А. «Мы ищем то, чего не теряли»: советские «дикари» в поисках места под солнцем // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 261–298.

тысяч таких отдыхающих, находившихся на побережье Чёрного и Азовского морей. Тем более что их поведенческие реакции (в отличие от более управляемого, с административной точки зрения, контингента отдыхающих с путёвками) являлись более спонтанными и менее предсказуемыми, а бытовые условия их размещения (в арендованном жилье, на стоянках для автотуристов и в стихийных палаточных лагерях) явно уступали тем, которые имелись в здравницах.

В этих условиях в зоне распространения эпидемии оказались отменены морские и речные круизы, приостановлен заезд во все типы здравниц и пионерские лагеря. Те, кто на момент введения карантина отдыхал по путёвкам, находился на круизных судах или путешествовал на туристических поездах, должны были выдержать обсервационный период (как обсерваторы могли пользоваться теплоходами и железнодорожные составы), а затем уже получали возможность вернуться на место постоянного жительства.

Что же касается неорганизованных отдыхающих (особенно автотуристов), находившихся на побережье Азовского и Чёрного морей, но вне границ карантинных городов, последовало решение организовать их самостоятельный разъезд к постоянному месту жительства. При этом на автодорогах создавались специальные санитарные посты, на которых проверялось состояние здоровья перемещающихся, а также проводилась санобработка их транспортных средств, изымались местные продукты питания (фрукты, бахчевые, рыба) — потенциальные источники распространения инфекции. С теми, кто не желал прерывать долгожданный летний отдых, работники правоохранительных органов проводили профилактические беседы, во время которых, согласно инструкции, не следовало «делать акцент на конкретном заболевании», чтобы «не допустить паники»¹⁰¹. Впрочем, в документах Крымской областной противоэпидемической комиссии несколько раз подчёркивалось, что в данном случае речь идёт о добровольном выезде к месту жительства, а не о принудительной эвакуации¹⁰². Неорганизованные же отдыхающие, оказавшиеся в карантинных приморских городах (Батуми, Керчь, Новороссийск, Одесса), могли покинуть их только после прохождения обсервации¹⁰³.

Помимо попавшей в карантин Керчи единичные заболевания холерой выявлялись и на остальном побережье Крыма, который в то время по праву считался «Всесоюзной здравницей» и, учитывая летнее время, оказывался наводнён отдыхающими. В августе 1970 г. заболели трое отдыхающих. В Планерском (Коктебель) от холеры скончался пожилой москвич, проживавший в известном Доме отдыха Союза писателей СССР. В Феодосии заболела отдохавшая без путёвки женщина из Караганды, а в Ялте — частный турист из Минска, однако их лечение прошло успешно¹⁰⁴.

Опыт советских катастроф, начиная с разрушительного крымского землетрясения 1927 г., показывает, что первой реакцией части обывателей на потенциальную угрозу является бегство — стремление как можно быстрее и любыми возможными способами покинуть потенциально опасную территорию. Осо-

¹⁰¹ См., например: ГА РК, ф. П-1, оп. 4, д. 680, л. 20–22.

¹⁰² Там же, ф. Р-2772, оп. 1, д. 28, л. 54–55.

¹⁰³ Дранкин Д. И. Холера. Прошлое и настоящее. С. 42–43.

¹⁰⁴ ГА РК, ф. Р-2772, оп. 1, д. 29, л. 34–35, 80–81. По данным эпидемиологического расследования, заболевший холерой отдыхающий из Минска «снял койку» в комнате, где помимо него проживало ещё пять человек — три курортницы из других городов и хозяйка комнаты с маленьким ребёнком. Однако ни у кого из них холера не выявилась.

бенно активно к нему прибегали неместные — отдыхающие, сезонные рабочие и проч.¹⁰⁵ В 1970 г. панические настроения и стремление покинуть карантинные города фиксировались как в Одессе и Одесской обл. (где на тот момент находилось около 300 тыс. приезжих), так и в Астрахани и Астраханской обл. (около 50 тыс.), а также в Керчи (30–35 тыс. приезжих)¹⁰⁶. Из-за постоянных попыток пересечения карантинной линии, окружавшей Керчь, количество стационарных постов к середине августа пришлось увеличить с 28 до 96¹⁰⁷. По некоторым данным, для обеспечения карантинных мероприятий на Крымском полуострове привлекли 9,4 тыс., в Одессе — 5 тыс., в Астрахани — более 3 тыс. военнотружеников¹⁰⁸. Беглецы, действуя в основном ночью, стремились скрытно пересечь карантинную линию пешком по малоизвестным тропам, с помощью арендованного автомобильного и водного транспорта, используя грузовые железнодорожные составы¹⁰⁹.

Официально нарушение карантинного режима трактовалось как антиобщественное, антисоциальное поведение. Однако, судя по некоторым эгодокументам, нашлось немало тех, кто сочувствовал «антикарантинным диссидентам» и оказывал им всяческую помощь. Данная тема впоследствии даже нашла отражение в художественной литературе. Так, главным героем повести «Карантин» крымского писателя В.В. Митрохина является студент-историк, который летом 1970 г. оказался на археологической практике в Керчи и на протяжении всего произведения пытался вырваться из города в Москву, где у него должна состояться свадьба¹¹⁰. Интересно, что пересечение карантинной линии описывается автором повести не как вызывающее осуждение грубое нарушение санитарно-эпидемиологического режима, а как экзистенциально обусловленная, романтизированная необходимость.

В Керчи наблюдались неожиданные проявления публичной активности приезжих, которые не могли выехать из города. Они несколько раз собирались большими группами (иногда свыше 1 тыс. человек) у административных зданий, требовали от руководства местной чрезвычайной комиссии как можно быстрее отправить их по месту жительства, обвиняли ответственное за выдачу спецразрешений на выезд должностное лицо в махинациях. А вынужденно оказавшаяся в городе 36-летняя учительница из Москвы написала письмо-жалобу в Минздрав СССР по поводу задержки прохождения обследования, под которой собралась 75 подписей недовольных¹¹¹.

В рассчитанных на широкую аудиторию статьях некоторые медики-эксперты осторожно упоминали, что «возбудитель холеры не переносит кислой среды»¹¹². Однако многие граждане, не очень разбираясь в химических реакциях и физиологических процессах, трактовали это как необходимость принимать различные продукты и напитки, способствующие угнетению холерных ви-

¹⁰⁵ См.: *Попов А.Д.* «Не конец ли Крыму?»... С. 156–158, 171.

¹⁰⁶ ГА РК, ф. П-1, оп. 4, д. 631, л. 18, 24; *Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г.* Основные вехи истории борьбы с эпидемиями... С. 80; *Урсу Д.П.* Одесса в европейском научном и культурном пространстве... С. 234–235.

¹⁰⁷ ГА РК, ф. П-1, оп. 4, д. 631, л. 20–21. См. также: *Попов А.Д.* «Не конец ли Крыму?»... С. 168.

¹⁰⁸ *Попов В.Ф.* Эпидемия холеры в СССР в 1970 г. С. 38.

¹⁰⁹ *Смирнова В.А.* Воспоминания о вспышке холеры в СССР... С. 178.

¹¹⁰ *Митрохин В.В.* Побережье: повести. Симферополь, 1989. С. 110–150.

¹¹¹ ГА РК, ф. П-1, оп. 4, д. 631, л. 23; *Андрющенко Э.* Бунты курортников и крестный ход...

¹¹² *Сумароков А., Селидовкин Д.* Профилактика кишечных инфекций.

брионов. Судя по воспоминаниям, на бытовом уровне антихолерные свойства приписывались чесноку, грецким орехам, сухому вину и водке¹¹³. В результате, например, некоторые жители и гости Крыма во время эпидемии под предлогом профилактики в большом количестве употребляли местные вина, что нашло отражение даже в любительской поэзии: «Микробы в море плавали, / Нам было всё равно: / Мы лечимся и главное, / Бутылками вино!»¹¹⁴.

Жизнь после карантина: уроки и последствия. Одна из статей, опубликованных во время эпидемии, называлась «Инфекции — надёжный заслон!»¹¹⁵. Этот заголовок вполне подходил как призыв к решительным действиям, но по своей сути, конечно, являлся утопией. Современные события показывают, что кажущаяся прочной защита со стороны системы здравоохранения и проверенных медицинских технологий в любой момент может «сдать позиции» перед лицом нового эпидемического вызова. Однако каждый значимый этап такой борьбы обогащает медицинскую теорию и практику, совершенствует мобилизационные механизмы общества, а также выявляет проблемы, требующие незамедлительного решения.

Промежуточные итоги борьбы с эпидемией холеры обсуждались на заседании Секретариата ЦК КПСС 15 декабря 1970 г. По итогам принято постановление «Об усилении ответственности за нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями»¹¹⁶. 6 января 1971 г. президиум Совета министров СССР заслушал доклад ВЧПК о борьбе с эпидемией холеры и рекомендовал Минздраву СССР и исполнительным органам власти союзных республик до наступления весенне-летнего периода осуществить необходимые меры по предупреждению заболеваний острыми кишечными инфекциями¹¹⁷. Наконец, 26 февраля Политбюро приняло решение «О мероприятиях по предупреждению заболевания холерой и улучшению санитарного состояния страны». Предполагались повсеместная проверка городов и сельских населённых пунктов, выделение дезинфицирующих средств для проведения противозидемических мероприятий, а также приобретение медикаментов и биологических препаратов за рубежом. Правоохранительным органам рекомендовалось принять дополнительные меры по ограничению свободного передвижения лиц без особых занятий, к которым причислялись не только бродяги, но и спекулянты, алкоголики и наркоманы, обозначенные как «потенциально опасные разносчики инфекции»¹¹⁸. Больше внимание стало уделяться и медицинскому контролю при пересечении границы. Вводились обязательное медицинское наблюдение в течение пяти дней и трёхкратное бактериологическое обследование всех советских граждан, прибывающих из стран, где холера имела высокую степень распространения, а также медицинское наблюдение за иностранными гражданами этих государств, посещавшими СССР.

Как уже отмечалось, непосредственно в июле—сентябре 1970 г. от массовой вакцинации против холеры решили отказаться, так как эпидемия развивалась скоротечно, а при введении вакцины устойчивый иммунитет формировался не раньше чем через месяц. Но с весны 1971 г., в рамках реализации долгосроч-

¹¹³ См., например: *Смирнова В.А.* Воспоминания о вспышке холеры в СССР... С. 180.

¹¹⁴ См.: *Попов А.Д.* «Не конец ли Крыму?»... С. 169—171.

¹¹⁵ Инфекции — надёжный заслон! // Курортная газета. 1970. 25 августа.

¹¹⁶ РГАН, ф. 4, оп. 19, д. 409, л. 3.

¹¹⁷ Там же, ф. 5, оп. 62, д. 672, л. 4.

¹¹⁸ Там же, ф. 3, оп. 68, д. 1485, л. 24.

ной санитарно-медицинской стратегии, в Астраханской обл., Новороссийске, Керчи, Махачкале, Одессе, Гурьеве, Батуми прошла массовая двухкомпонентная вакцинация населения, достигшего 15-летнего возраста, в ходе которой привили около 3 млн человек. В 1975–1977 гг. началась активная прививочная кампания с использованием химической вакцины «холероген–анатоксин», разработанной советскими учёными¹¹⁹.

Некоторое время угроза заражения сохранялась, прежде всего в южных регионах. Например, в Крыму в 1971 г. выявили 9 больных и виброносителей, в 1974 г. — 18 больных и 25 виброносителей, в 1976 г. — ещё два случая заражения. Однако эти случаи практически никогда не приводили к летальным исходам, а за период 1977–1991 гг. вообще не регистрировали ни одного заболевшего¹²⁰. Что же касается регулярных бактериологических исследований водоёмов, то на территории СССР с 1970 по 1988 г. вибрионы Эль-Тор, относившиеся к более чем 17 тыс. различных штаммов, обнаруживались в лабораторных пробах из 6 морей, 388 рек и ручьёв, 266 озёр, прудов и водохранилищ, 392 оросительных каналов и арыков, 56 артезианских скважин, искусственных водоёмов, плавательных бассейнов, а также в сточных водах 138 населённых пунктов¹²¹. Однако вспышек холеры, сравнимых с событиями 1970 г., в позднесоветский период больше не происходило. В остальном же мире высокие показатели заболеваемости холерой фиксировались на протяжении всех 1970-х гг.

По всей видимости, эпидемия 1970 г. не только обогатила советскую медицину практическим опытом эффективного лечения и профилактического предупреждения этой опасной болезни, но и заставила органы власти всех уровней, а также рядовых граждан обращать большее внимание на проблемы, связанные с гигиеной, санитарной безопасностью и коммунальным благоустройством. К тому же с 1971 г. медики даже в случае возникновения холерной угрозы стали применять более гибкую и избирательную форму проведения противоэпидемических мероприятий. На смену тотальному карантину и сплошной обсервации населённых пунктов и регионов, требовавших больших затрат, организационно-логистических усилий и даже привлечения вооружённых сил, пришла другая тактика. В частности, очагом холеры мог объявляться не весь населённый пункт, а лишь отдельная квартира, дом, улица, квартал. Устанавливался локальный запрет на купание, рыбалку и другие виды отдыха у тех водоёмов, где выявлялись эмбрионы холеры¹²². Такие меры были менее заметны, но показали высокую эффективность в сочетании с массовой вакцинацией, общим улучшением санитарно-эпидемиологической обстановки и инженерной инфраструктуры.

¹¹⁹ См.: Холера в СССР в период VII пандемии. С. 441–447.

¹²⁰ Шиккулов В.А. Эпидемии холеры в Крыму в XIX–XX веках... С. 98.

¹²¹ Онищенко Г.Г. и др. Эпидемиологический надзор за холерой в России... С. 250.

¹²² Эпидемиологический надзор за холерой в СССР / Под ред. В.П. Сергиева. М., 1989. С. 61–62.

Владислав Аксёнов, Сергей Журавлёв

Архивы между терапией «исторических травм» и «войнами памяти»*

Vladislav Aksenov, Sergey Zhuravlev

(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Archives between «historical trauma» therapy and «memory wars»

DOI: 10.31857/S0869568722020194, EDN: FVNSBD

История любой страны имеет свои «трудные» вопросы. В одном случае они могут быть связаны с проблемами источниковой базы (в том числе в связи с сохраняющейся недоступностью для исследователей некоторых ключевых документов), в другом — с продолжающимися дискуссиями и противоречивым отношением современников к «травмам прошлого». История советской эпохи характеризуется сразу и тем и другим: «архивная революция» конца 1980-х — начала 1990-х гг., судя по всему, осталась незавершённой¹, а опыт жизни страны в 1917–1991 гг. — до конца не осмысленным. Как результат — «бои за историю» и «войны памяти», вспыхивающие с печальной регулярностью, а также сохраняющееся разделение российского общества на сторонников красных и белых с призрачной надеждой на примирение.

В этой ситуации большой интерес вызывает сборник, состоящий из разноплановых работ о советском периоде истории, недавно представленный руководителем Федерального архивного агентства (Росархив), доктором исторических наук А.Н. Артизовым. Книга включает статьи и интервью автора и состоит из двух разделов: «Советская история» и «Историография, источниковедение, архивоведение».

Сразу следует оговориться, что собранные в сборнике тексты ранее уже были опубликованы в разных изданиях, предназначались для разной целевой аудитории и имели разные задачи. Некоторые статьи не обеспечены сносками, проблематична и научная оценка газетных интервью. Представленные материалы в значительной мере отражают деятельность автора в руководстве Росархива, т.е. в последние 20 лет. Поэтому в научном и архивном сообществе данный сборник вполне может быть воспринят как своего рода творческий отчёт Артизова — профессионального историка-архивиста, доктора исторических наук, но одновременно — и государственного служащего высокого ранга, пытавшегося все эти годы совмещать свои научные интересы и личные взгляды на прошлое со служебной деятельностью и работой «в команде».

Книга не претендует на систематический обзор советской истории. В соответствии с подзаголовком издания, она акцентирует внимание читателя лишь на тех актуальных вопросах, которые по разным поводам оказывались в центре внимания автора. Тематика книги отразила «вызовы», с которыми в последние годы сталкивалось и на которые вынуждено было реагировать архивное ведомство.

* Артизов А.Н. Советская эпоха. Актуальные вопросы истории и документального наследия. М.: Фонд «Связь Эпох», 2021. 488 с.

Поэтому книга Артизова важна для анализа современной исторической политики в стране и роли в ней Росархива, а также для уточнения ряда аспектов состояния архивного дела в Российской Федерации в последние десятилетия.

Первый блок раздела 1 состоит из 14 текстов, часть которых носит историко-биографический характер («В.И. Ленин», «Г.М. Маленков», «Н.С. Хрущёв», «А.Н. Косыгин», «Л.И. Брежнев»), а часть — проблемно-тематический («Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг.», «1939 год. От “умиротворения” к войне», «Генерал Власов: история предательства» и т.д.). В большинстве своём это вводные статьи, написанные для каталогов организованных Росархивом выставок и предисловия к публикациям архивных документов в журналах и сборниках. Созданные по разным поводам, они различаются по «жанру», объёму и содержанию. Так, статья о Ленине, написанная к открытию одноимённой историко-документальной экспозиции в 2017 г., носит обзорный характер и, к сожалению, не имеет ни одной сноски. В то же время статья «1939 год. От “умиротворения” к войне» для каталога историко-документальной выставки Росархива «1939 год. Начало Второй мировой войны» (2019), насыщена ссылками на важные источники, в том числе архивные документы АВП РФ, РГВА, РГАСПИ.

Второй блок состоит из девяти интервью, данных Артизовым преимущественно «Российской газете» в 2014–2020 гг. Поводом для них становились, как правило, юбилейные даты главных событий отечественной истории XX в. — Великой российской революции 1917–1922 гг. и Второй мировой войны.

В заглавии интервью о выставке «Ленин» провозглашён принцип, который, по-видимому, должен лежать в основе всей архивной работы: «Засекреченного Ленина больше нет. Правда — лучший метод врачевания исторических травм». Формулируя подходы к отбору документов для выставки, Артизов отмечал: приблизиться к объективности и достоверности образа вождя, с его точки зрения, позволяет отказ от демонстрации мемуарных и иных субъективных свидетельств. Акцент следует делать на тех уникальных первоисточниках, в которых получило отражение то, «что говорил сам Ленин», а также на материалах, «которых он касался» в процессе работы. Глава Росархива надеялся, что документы настолько красноречивы, что «сами за себя» всё скажут посетителю. Правда, до этого он признавался, что разные «зрители, видя документы, могут расставить совершенно противоположные акценты» (с. 200).

Артизов считает важным показать разного Ленина, — и как автора демократических декретов, и как инициатора политических репрессий, что поможет уйти от крайних, односторонних оценок этой неоднозначной личности и привить современникам толерантность, умение слушать оппонента в исторических дискуссиях. Трудно не согласиться с утверждением автора, что именно через просветительскую деятельность архивов, в том числе благодаря ознакомлению широкой общественности с историческими источниками, происходит заживление «исторических травм» прошлого. Замалчивание сложных вопросов истории, наоборот, усугубляет раскол в обществе. В том же интервью Артизов затрагивает и вопросы текущей исторической политики, заканчивая его утверждением, под которым, вероятно, каждый историк был бы готов подписаться: «Когда госу-

дарство даёт своему прошлому нормативные оценки, — как во многих соседних постсоветских и постсоциалистических странах, — это только травмирует психику народа» (с. 204). Вероятно, этим правилом стоило бы пользоваться и в России. Вообще стоит только приветствовать стремление Артизова к обобщению, к формулированию универсального вывода. Так, в одном из своих интервью, критикуя «польских партнёров», он отметил, что «если у страны есть созидательная повестка, есть будущее, то, как правило, граждане хоть и интересуются прошлым, но не ищут в нём виновников своих проблем, не устраивают “войн памяти” с другими государствами и народами» (с. 268).

Автор не отказывается от собственных оценок прошлого, например, говоря о невозможности оправдания коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. В текстах он вольно или невольно затрагивает сложнейший вопрос о допустимых пределах плюрализма мнений в трактовке исторических событий. Рассуждая в одном из интервью о современных попытках «разоблачения» подвига 28 панфиловцев, Артизов склонен обозначить границу дозволенного: «Когда речь заходит о символах, особенно тех, которые связаны с войной, аккуратнее нужно быть в высказываниях» (с. 237). Так, он признаёт, что, возможно, не стоило торопиться с размещением на сайте Росархива подборки документов на тему «Как польское вооружённое подполье “помогало” Красной армии разгромить нацистскую Германию» с доказательствами убийств солдатами Армии Крайовой красноармейцев в 1944–1945 гг. Однако, отмечает автор, «задели за живое... странные польские официальные экскурсы в историю», а также имеющая обвинительный уклон в адрес советских солдат-освободителей книга польского профессора Г. Мотыки «Об-

лава на белых поляков» (с. 249). В конце интервью Артизов подытоживает: «Война “исторических памятей” — это не наш выбор. Не мы это начали... не отрицаем так называемых неудобных фактов... Помним и о том, что были депортации поляков после того, как 17 сентября 1939 г. пришла Красная армия, помним и о Катыни» (с. 252).

В сборнике уделяется внимание и теме помощи СССР со стороны союзников в годы Второй мировой войны. В интервью «Российской газете» в связи с открытием виртуальной выставки «Сталин—Черчилль—Рузвельт: совместная борьба с нацизмом» Артизов сообщил, что, по современным оценкам, поставки по ленд-лизу обеспечили порядка семи процентов «военного производства СССР в годы войны», тогда как «на долю СССР пришлось около 75 процентов всех военных усилий антигитлеровской коалиции». Добавляя к этому статистику человеческих потерь среди стран-союзниц, автор делает вывод о наличии «англо-американской стратегии “лёгкой войны для себя”» (с. 259–260). Решающий вклад СССР в победу над нацизмом невозможно оспорить. Методология же такого рода подсчётов, как и сам сугубо «арифметический» подход к оценке ленд-лиза, вызывают среди учёных сомнение, поскольку получение критически важной военной продукции невозможно взвесить на общих весах, да и нужно ли это делать?

Очевидно, что это интервью изначально было предназначено для массовой аудитории, но на интернет-портале Росархива в предисловии к этой виртуальной выставке, написанном Артизовым в соавторстве с известным историком В.О. Печатновым, выдержана иная тональность. Здесь, например, приводятся слова И.В. Сталина о том, что «если бы не ленд-лиз, то победа была бы сильно затруднена», и его признание в разго-

воре с Ш. де Голлем, что без поддержки США Германию и её союзников вряд ли можно было победить в обеих мировых войнах².

В сборник включены также публикации наиболее важных исторических документов. Например, в интервью «Пакт и факт. Выставка Росархива рассекречивает документы и аргументы, посвящённые началу Второй мировой войны» Артизов приводит записку французского военного атташе в СССР О.-А. Паласа, предсказавшего в июле 1939 г. соглашение СССР с Германией «на основе раздела Польши и Прибалтийских стран». По мнению автора записки, оно было в первую очередь результатом внешнеполитических ошибок Польши и Франции.

Во второй части сборника представлены публикации Артизова в научных периодических изданиях. Некоторые из них отражают личные исследовательские интересы автора — известного специалиста по отечественной историографии 1920–1930-х гг. Неудивительно, что в сборнике присутствуют статьи, посвящённые М.Н. Покровскому, А.Е. Преснякову, Б.Н. Тихомирову. Другие работы второй части касаются общих вопросов археографии и архивного дела — проблем, которые тоже остаются в центре внимания «главного архивиста страны». Названия их говорят сами за себя: «Общественная миссия российских архивов», «Архивы на службе человеку, обществу и государству», «Архивисты — хранители национальной памяти». Из содержания этих статей вырисовывается кредо Артизова: в современных условиях архивы не могут быть не только вне общества, но и вне политики (с. 433). Справедливо указывая, что сохранение архивов — это сохранение национальной идентичности, автор в качестве важного условия существования гражданского общества в России называет «свободный,

соответствующий действующему законодательству доступ к информации, в том числе к архивным документам» (с. 435). С этим утверждением трудно не согласиться.

В сборнике затрагивается актуальный для многих исследователей советской истории вопрос о рассекречивании архивов, который по сравнению с 1990-ми гг. явно затормозился. Признавая эту тенденцию, Артизов убеждает читателя, что «ни о каком закрытии архивов не может быть и речи». Достаточно сказать, что в федеральных (центральных) архивах в настоящее время открыто 96% от общего объёма дел. В 1990-е гг., которые автор называет периодом «архивного романтизма», «документы порой открывали, даже не потрудившись представить их экспертам» (с. 436). Сегодня, благодаря выставкам Росархива, регулярно рассекречиваются и вводятся в оборот всё новые и новые документы, в первую очередь по периоду Великой Отечественной войны. Кроме того, в последние годы были рассекречены архивы ряда высших органов государственной власти, к примеру документы СНК—Совмина за 1941–1956 гг. и протоколы заседаний Президиума и Политбюро ЦК КПСС за 1957–1971 гг. Приводимая Артизовым статистика рассекречивания дел за 2006–2011 гг. действительно демонстрирует позитивную тенденцию. Вместе с тем в сборнике нет информации о рассекречивании за последние 10 лет. Вероятно, при подготовке данного сборника имело смысл «осовременить» некоторые устаревшие данные.

Артизов считает, что «архивы — занятие не для поп-культуры. Оно требует серьёзного и подготовленного читателя... Всё это, конечно, рассчитано в первую очередь на профессионалов» (с. 236). Однако немалая часть работ автора, собранных в сборнике,

рассчитана как раз на массовую аудиторию. Не секрет, что архивы, наряду с музеями и образовательными учреждениями, выступают значимым проводником государственной исторической политики. Они осуществляют огромную работу по популяризации исторического знания, в том числе с использованием современных информационных технологий, включая размещение электронных копий документов в сети Интернет. В том числе и для молодёжной аудитории Росархив регулярно организует виртуальные выставки и создал сайт «Документы советской эпохи», на котором размещено более 2 млн электронных копий документов из коллекций РГАСПИ (фонды Политбюро, Сталина, ГКО, Коминтерна), ГА РФ (фонд СНК СССР, документы периода российской революции 1917 г.) и других хранилищ.

Определяя перспективы цифровизации архивного дела, Артизов в одной из публикаций неожиданно отмечает, что стратегический подход заключается в предоставлении бесплатного пользования лишь поисковыми средствами архивов (заметим, что по поводу этих средств у исследователей накопилось немало нареканий), «а вот удалённое использование электронных копий архивных документов (так называемый виртуальный читальный зал) должно осуществляться за счёт самого пользователя» (с. 463). Такая перспектива коммерциализации архивного дела, которая поставит доступ к архивной информации в зависимость от кошелька пользователя и от удалённости его местожительства от столичных читальных залов, публично ещё не обсуждалась. Однако реакцию научного сообщества предсказать несложно. Остаётся надеяться, что от этой затеи уже отказались. К тому же не очень понятно, как подобные планы соотносятся с ныне существу-

ющей практикой. Например, упомянутый ресурс «Документы советской эпохи» предоставляет всем желающим бесплатный доступ как к документам, так и к виртуальной электронной библиотеке Росархива. В ней размещены такие важные сборники документов, как «Генерал Власов: история предательства», «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны», «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления» и др. Хотелось бы, чтобы данная работа была продолжена.

Нельзя не выразить сожаления по поводу отсутствия авторского предисловия, в котором имело смысл охарактеризовать задачи издания, его структуру, критерии отбора текстов и др. Стоило бы, вероятно, также пояснить, почему в книге с подзаголовком «актуальные вопросы [советской] истории» не рассматриваются находившиеся в центре внимания архивистов и относящиеся к разряду актуальных (с. 440) темы голода начала 1920-х и начала 1930-х гг., ГУЛАГа и массовых политических репрессий, холодной войны и др. Трудно понять и то, почему при подготовке к печати не были сделаны примечания к ранее написанным текстам, часть информации которых уже устарела.

Тем не менее, если книга затрагивает много актуальных проблем прошлого и настоящего, если она заставляет спорить и размышлять, то это верный признак того, что она удалась.

Примечания

¹ Пихоя Р.Г. Записки археографа. М., 2016. С. 320.

² Сталин — Черчилль — Рузвельт: совместная борьба с нацизмом. Виртуальная выставка (URL: <https://alliance.rusarchives.ru/ru/soyuz-rozhdeniyy-v-ogne-srazheniy#s15>; дата обращения: 18.11.2021).

История права, как правило, оказывается на обочине внимания исследователей, видимо, в силу своей дисциплинарной обособленности. Между тем это страница, без которой полная драматизма история советской науки (в том числе исторической) будет неполной и непонятной. Таким образом, рецензируемая книга заполняет значительную историографическую лакуну. Её автор — известный специалист по истории России XVIII в. М.А. Киселёв¹. Можно задаться вопросом: что заставило историка выйти за рамки хорошо знакомого ему периода и проблематики и заняться исследованием довольно специфической темы? Между тем его обращение к истории советской науки не выглядит столь уж неожиданным, если присмотреться к героям новой книги. Ими оказываются представители исторического правоведения: Б.И. Сыромятников, Н.А. Воскресенский и С.А. Покровский — активные участники дискуссий 1920–1940-х гг. о сущности государства Петра I. В их исследованиях разрабатывались узловые проблемы истории XVIII в. Важно отметить и тот факт, что Киселёв, будучи специалистом по данному периоду, прекрасно разбирается в историографии и может как знаток и исследователь источников высказать квалифицированное мнение об эвристическом потенциале анализируемых концепций. Оксю-

морон в названии книги отсылает к известной монографии Сыромятникова «“Регулярное” государство Петра Первого и его идеология» (Ч. 1. М.; Л., 1943).

В последние годы опубликованы ранее не издававшиеся труды Воскресенского², заметно вырос интерес к изучению наследия перечисленных историков права³. Обусловлено это, среди прочего, усилением внимания (на волне переосмысления развития Российского государства и его институтов) к источниковедению права, чем славилось дореволюционное правоведение и чьи традиции продолжали герои книги.

С методологической точки зрения, монографию можно рассматривать в рамках популярного ныне прагматического поворота в социальной истории науки. Сам автор свой подход обозначает как «институционально-антропологический», в котором сочетается изучение институционально-организационных аспектов производства знания, неформальных взаимоотношений между учёными и социально-политического контекста. В принципе здесь можно говорить о применении неонституционального подхода к истории науки. Это требует не только продуманной методологии исследования, но и тщательной источниковедческой работы, поскольку многие неформальные

* Киселёв М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России. Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020. 432 с.

аспекты развития советской исторической и историко-правовой науки реконструируются по многочисленным и хоть и связанным между собой, но разбросанным по множеству документов фактам. Надо отметить, что с источниковедческой частью исследования автор справился прекрасно. В научный оборот введены комплексы документов из Архива РАН, ГА РФ, РГАСПИ, Отдела рукописей РГБ. Привлечены и уже опубликованные источники, по тем или иным причинам не замеченные предыдущими исследователями.

Книга не лишена литературного лоска и удачно выстроена с точки зрения композиции. Она построена в форме контекстных биографий главных героев, которые тесно переплетаются друг с другом в ключевой точке исследования — реконструкции дискуссий 1930–1940-х гг. Центральной фигурой нарратива выступает Сыромятников. Потребовалась тщательная реконструкция фактов, связанных как с главными героями, так и со знаковыми личностями эпохи. Всё это позволило скорректировать многие сложившиеся в историографии представления (изложенные в том числе и в моих работах). Например, Киселёву удалось значительно дополнить и уточнить сведения о теоретико-методологических взглядах Сыромятникова в дореволюционное время, убедительно продемонстрировав, что уже тогда он серьёзно увлёкся марксизмом⁴. Это позволило сделать вывод о тесной связи дореволюционного и советского периодов научного творчества историка-правоведа. Вообще его методологические предпочтения и концептуальное видение истории России удивительно последовательны и выстраиваются в довольно стройную линию, несмотря на революционные потрясения, смену политических режимов и идеологические повороты новой власти.

Несколько спорно предположение (впрочем, осторожное), что Сыромятников, будучи историком права, не смог занять значительной позиции в исторической науке 1920-х гг. из-за своей принадлежности к дореволюционной профессуре и дисциплинарной специфики (с. 55). Первая часть данной конструкции не учитывает того факта, что, если рассмотреть систему 1920-х гг. как пространство сосуществования, борьбы и взаимодействия «историков-марксистов» и «историков старой школы» (оба названия условны), то становится ясно, что принадлежность к дореволюционному академическому истеблишменту отнюдь не являлась приговором. Можно привести много примеров, когда статусные учёные играли важную роль и в первое послереволюционное десятилетие. Вызывает возражение и «дисциплинарный приговор». Можно вспомнить, что такие историки-юристы, как С.Б. Веселовский и С.В. Юшков, вполне вписались в историческое сообщество. Дело тут в другом, возможно, в личных качествах Сыромятникова.

В монографии представлены первые подробные реконструкции биографий Воскресенского и Покровского. Последний вообще ранее был больше известен только по тем нелицеприятным характеристикам, которые давали ему современники за агрессивную манеру ведения дискуссий. Киселёв по крупицам собрал сведения о Покровском и нарисовал портрет противоречивой, но яркой личности (не скрывая, впрочем, и его «подвигов» на ниве доносов). Чувствуется особая симпатия автора к Воскресенскому, который назван не только «археографом-еретиком», но и учёным-подвижником. Публикация его научного наследия, предпринятая в последние годы, только подтверждает данную оценку.

Центральную роль в концепции Киселёва играет феномен патронажа,

в частности, покровительство Сыромятникову влиятельного А.Я. Вышинского (причины этого до конца не ясны, но подтверждаются многими фактами). Как убедительно показывает автор, именно это позволило историку-юристу вступить в конце 1930-х гг. в дискуссию с директором Института истории АН СССР академиком Б.Д. Грековым по вопросам социально-экономического строя Древней Руси и способствовало тому, что Сыромятников выстроил уже собственную «клиентелу», зависимую от его помощи и поддержки. Таковыми клиентами стали Воскресенский и, отчасти, Покровский. Прекрасно показаны перипетии их участия в дискуссии о «регулярном государстве».

«Патронажная концепция» позволяет поставить (и отчасти решить) вопрос об особенностях соотношения в советской историографии мейнстрима и «маргиналов». Вероятно, формировали эту систему именно социальные связи, а не только следование «официальной» концепции, многие положения которой были нечёткими, что и провоцировало дискуссии. Рассуждая об общих особенностях функционирования советской исторической науки, Киселёв предлагает учитывать ведомственно-отраслевое деление институций, позволявшее частично преодолеть властную пирамиду из контролирующих органов, лидера направления и подчинённых ему исследователей, вынужденных учитывать последствия концептуального расхождения со своим начальником. В книге хорошо продемонстрировано, что изучение Сыромятниковым, Воскресенским и Покровским государственно-правовых дисциплин, их аффилиация с Институтом права АН СССР и патронаж со стороны его первого директора Вышинского позволили им противостоять таким влиятельным историкам, как Греков. Автор образ-

но пишет: «Однако, помимо концептуальных “пустот” в идеологических построениях, одной из предпосылок для создания новационных концепций, в том числе и призванных заполнить эти “пустоты”, оказывались слабо контролируемые пространства-щели в огромном комплексе зданий-институций, ответственных за производство исторического знания» (с. 398).

Интересно, хотя и требует дополнительного подкрепления, предположение о том, что выдвинутая Сыромятниковым концепция опережающего развития идеологии (надстройки) «регулярного государства» Петра I по отношению к реальным социально-экономическим отношениям (базису) навеяна современностью и является аллюзией на сталинский СССР, в котором социализм строился на явно не готовом к этому «базисе».

В то же время вызывает возражение использование в книге понятия «ждановщина», почти исчезнувшего из современной историографии. Исследования показали решающую роль в кампаниях против интеллигенции не А.А. Жданова, выступавшего не более чем исполнителем, а непосредственно И.В. Сталина⁵. Кроме того, Жданов умер в августе 1948 г., а серия идеологических кампаний продолжилась.

Основной текст книги удачно дополняют приложения. В первом опубликован протокол обсуждения в октябре 1945 г. в Группе по изучению эпохи Петра Великого труда Воскресенского «Законодательные акты Петра I». Публикация интересна с точки зрения дискуссии о подходах к изданию законодательных памятников петровской эпохи. Вторым является уточнённая библиография трудов Сыромятникова.

Рассмотренная монография представляет собой высококачественное, новаторское исследование, посвящён-

ное малоизученной и важной проблеме. Работа хорошо написана и читается с неослабевающим интересом. Её можно вписать в устойчивый поток современных исследований по истории советской исторической науки, в которых уже произошёл отказ от взгляда на неё как на историю жертв и гонителей, и реконструируется сложный процесс её развития, в котором участвовало множество акторов в условиях множества переменных.

Примечания

¹ Среди его работ: *Бугров К.Д., Киселёв М.А.* Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016; *Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / Отв. ред. Д.А. Редин.* СПб., 2018; *Киселёв М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А.* Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022.

² *Воскресенский Н.А.* Пётр Великий как законодатель: исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Под ред. Д.О. Серова. М., 2017; *Законодательные акты Петра I.* Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники. Сборник документов. Т. II. Акты об общественных классах; Т. III. Акты о промышленности и торговле / Сост. Н.А. Воскресенский. М., 2020.

³ *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Пиза, 2008; *Киселёв М.А.* Н.А. Воскресенский: историк вне корпорации // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 254–264; *Serov D.* Dramatic destiny of Nikolay Voskresenskiy, a Russian Law historian // *Quaestio Rossica.* 2014. № 1. С. 221–240; и др.

⁴ См. также: *Киселёв М.А.* Марксизм и формирование теоретико-методологических взглядов историка-юриста Бориса Ивановича Сыромятникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 3. С. 921–938.

⁵ *Хлевнюк О., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 46.

Алексей Морохин

Рец. на: Арзамасский уезд в XVII веке. Источники по истории служилых землевладельцев: исследование и тексты / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2021. 248 с.

Aleksey Morokhin

(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow)

Rec. ad op.: Arzamasskiy uyezd v XVII veke. Istochniki po istorii sluzhilykh zemlevladel'tsev: issledovaniye i teksty / Sost. B.M. Pudalov. Nizhni Novgorod, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722020212, EDN: FVSFOF

Рецензируемая работа является продолжением посвящённых истории Арзамасского уезда публикаций нижегородских архивистов¹. В новой книге Б.М. Пудалов опубликовал тексты источников по истории служилых землевладельцев — десятины 1630 и 1649 гг., отражающие состав арзамасского «служилого города» первой

половины XVII столетия. Книга состоит из двух частей — собственно исследования десятины (главы 1–3) и публикации текстов этих источников. Актуальность публикации не вызывает сомнений. Составитель книги справедливо отмечает, что ещё В.О. Ключевский обратил внимание на то, что эти учётно-служебные документы, со-

ставлявшиеся при разборе, верстании и раздаче денежного жалования провинциальному дворянству, помогают осознать различия служилых «городов» по «местному географическому размещению»². В развитие этого сюжета Пудалов акцентировал внимание и на том, что с XVI в. на всех этапах заселения Арзамасского уезда «ключевую роль в освоении территории играло именно наделение поместьями служилых землевладельцев», и это отразилось и в названиях большинства населённых пунктов региона (с. 5). Отсюда вытекает значимость введения в научный оборот этих источников, важных для специалистов по региональной истории.

Арзамасские десятины (некоторые из них давно введены в научный оборот) уже обращали на себя внимание специалистов³. Публикуемые же документы, по справедливому замечанию составителя, «дают возможность заполнить лакуну в перечнях персонального состава уездной корпорации и получить списки с интервалом примерно в пятнадцать (плюс-минус) лет», позволяя «установить динамику в перечне и количестве фамилий, входивших в уездную корпорацию... выяснить имущественную и служебную состоятельность детей боярских в разные периоды, а также проследить генеалогические связи и смену поколений в их семьях». В итоге вся эта информация позволяет «увидеть человеческое своеобразие внутри, казалось бы, безликой массы уездной служилой мелкоты, услышать голос “молчаливого большинства” правящего класса» (с. 7).

Исследование содержит анализ служебного статуса включённых в десятины детей боярских и боевых характеристик уездной корпорации в целом. Главным достоинством десятины 1630 г. Пудалов считает «приведённый в ней персональный состав “служило-

го города”, с указанием социального статуса детей боярских, их поместных окладов и причитающегося им денежного жалования» (с. 15). Всего в списках арзамасского служилого «города» указано 592 имени, общая же численность корпорации в 1630 г., по авторским наблюдениям, составляла 528 персоналий, из них реально годными к полковой службе оказались 304 человека. Остальным требовались дополнительные выплаты из казны, чтобы они могли отправиться на службу. Исследование содержит анализ имущественного статуса арзамасского дворянства (с. 18–21), «конности» и «людности» служилого «города» (с. 21–27). В итоге анализа десятины 1630 г. исследователь пришёл к выводу о непросто-экономическом положении служилых землевладельцев Арзамасского уезда и их низкой боеготовности вследствие разорения края в годы Смуты (с. 27–28).

Проанализированная Пудаловым десятина 1649 г. даёт сведения о примерно пяти сотнях боеспособных арзамасских детей боярских (с. 45). Любопытно наблюдение, что к 1649 г. «арзамасская поместная конница, имея сабли, не отмечавшиеся в десятине, в большинстве своём была вооружена пистолем или парой пистолей, либо карабином, либо сочетанием этих видов вооружения», что свидетельствовало о высокой боеготовности уездной корпорации (с. 51). Генеалогическое и антропонимическое изучение десятины 1630 и 1649 гг. позволило Пудалову сделать ряд интересных выводов. Из более чем полутора сотен фамилий представителей арзамасской уездной дворянской корпорации наиболее высокий показатель «семейственности» на протяжении почти двух десятилетий имели Аристовы, Исуповы, Лопатины, Любятинские, Малаховы, Микулины, Мотовиловы, Нетесевы, Окуловы, Пилюгины, Романовы и Языковы (с. 69).

Важной представляется и принятая исследователем попытка статистического анализа частотности употребления и соотношения у представителей дворянской корпорации Арзамасского уезда календарных и некалендарных личных имён. Имена в честь трёх святителей Ивана, Василия и Григория носил каждый пятый арзамасский служилый землевладелец. Одновременно автор обращает внимание и на отсутствие в каноническом виде имени Николай, которого «нет ни среди имён, ни среди отчеств» при обилии в Арзамасском уезде в начале 1620-х гг. храмов во имя свт. Николая Чудотворца: имя «Николай» стало популярным позднее. Делается предположение и о том, что в ряде случаев «на употребительность тех или иных имён мог влиять социальный фактор». Пудалов пришёл к заключению, что соотношение календарных и некалендарных личных имён в десятне 1630 г. составляло 84 и 16% соответственно, отчеств от календарных и некалендарных имён — 78,2 и 21,8%. В 1649 г. календарные имена носили 89,8% детей боярских, некалендарные — 10,2%, отчества от календарных имён выявлены у 83,7% служилых дворян, от некалендарных — у 16,3%. Приведённая статистика позволила констатировать процесс постепенного вытеснения из

обихода некалендарных имён в Арзамасском уезде (с. 71–77).

В заключении автор обозначил главную проблему, актуальную для истории служилых землевладельцев — очевидную экономическую несостоятельность большинства арзамасских дворян, способствовавшую их дальнейшему испомещению на территории соседних уездов. С обособлением в начале 1650-х гг. солдатской и рейтарской службы история дворянской корпорации Арзамаса «фактически... подошла к концу, и судьбы потомков арзамасских детей боярских приходится изучать по иным источникам и зачастую в других регионах» (с. 81).

Проведённое Б.М. Пудаловым исследование, равно как и опубликованные им арзамасские десятины 1630 и 1649 гг., окажутся востребованными специалистами по истории России XVII столетия.

Примечания

¹ Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Сборник документов. В 2 ч. / Сост. Б.М. Пудалов. Ч. 1–2. Н. Новгород, 2018–2019.

² Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. 6. М., 1959. С. 396–398, 407–410.

³ Веселовский С.Б. Арзамасские помещенные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. С. 508–514, 523–554; Станиславский А.Л. Десятня по Арзамасу 1597 года // Советские архивы. 1976. № 3. С. 101–103.

Рец. на: Н.-С. Petersen. An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914). Köln: Böhlau Verlag, 2019. 402 S.

DOI: 10.31857/S0869568722020224, **EDN:** FVUNKI

Книга германского историка Ганса-Кристиана Петерсена является результатом многолетнего изучения истории низших социальных групп дореволюционного Санкт-Петербурга. Социальная история столицы Российской империи привлекала и привлекает внимание российских и зарубежных исследователей¹. Изучаются благотворительная жизнь столицы, отдельные социальные группы населения, вопросы развития городской среды². Можно констатировать интенсивное развитие петербурговедения, в которое рецензируемая монография вносит новый вклад.

Автор отнёс своё исследование к «новой социальной истории», сформировавшейся в 1960-х гг. и концентрирующей внимание на социальных структурах и процессах, в том числе в городах. В Германии она была представлена наиболее оформленной «школой Билефельда». В рецензируемой книге социально-исторический анализ делается на макро- и микроуровнях, автор использует количественные методы, позволившие проследить социодинамику городского пространства.

Обычно понятие «периферия» в историческом контексте используется для обозначения дуальной схемы (модели): столица и провинция. В рецензируемой монографии представлены результаты исследования окраинных пространств внутри столичного Петербурга. При этом в названии кни-

ги стоит знак вопроса: «На окраинах города?». Что может означать этот вопрос? Бедные в Петербурге жили не на окраинах? Автор своим анализом систематизированного материала отвечает на этот вопрос, делая текст монографии проблемным, интересным, логичным. Тема монографии является актуальной, поскольку вопросы о бедности, о так называемых «уязвимых» социальных группах, проблемы «выравнивания» благоустройства в городском ландшафте стоят по-прежнему остро для России и всего мира.

Хронологические рамки работы выбраны логично. Обращение к периоду 1850-х гг. позволяет посмотреть в динамике урбанизационный процесс, который резко активизировался с началом Великих реформ Александра II. Исследование завершается 1914 г., поскольку Первая мировая война положила начало новому периоду социальной истории. Петерсен учитывает главные особенности Петербурга, который был административным центром и «лабораторией модерна», показывает особенности и масштаб урбанизационной революции. Достаточно сказать, что за исследуемый период число жителей города увеличилось в четыре раза.

Монография состоит из введения, трёх глав и заключения. В книге помещены также таблицы, планы и карты, фотографии, что делает тексты «нагляднее». Интерес представляют пла-

¹ Петерсен Г.-К. На окраинах города?: Социальные пространства бедных в Санкт-Петербурге (1850–1914). Кёльн: Изд-во Böhlau, 2019. 402 с.

ны застройки районов города, линии трамваев, санитарные карты смертности в разных кварталах.

Первая глава посвящена научно-му исследованию темы и инструментарию исследователя, источниковой базе. При этом автор в каждой главе расширяет историографические сведения по конкретным проблемам, поднимаемым в книге. Петерсен обстоятельно прорабатывает понятие «социальное пространство», которое является смежным для таких обществоведческих разделов, как социология пространства и социальная история. Центральным для учёного стало понятие городской периферии, имеющее два смысла: окраины города и «окраинность» (маргинальность) социальных групп. Слово *«margo»* по латыни и означает край.

В географическом (картографическом) смысле периферия — это не только Заречная («Заневская») часть Петербурга: Васильевский остров, Петербургская, Выборгская стороны. Это и другие социальные пространства, где концентрировался «чёрный люд», например, рынки, места уличной торговли, особые типы квартирования (проживания), встречавшиеся не только на окраинах, но и в центре города.

Источниками изучения темы «социум и пространство» стали документы, записки современников, карты и др. Использованы материалы архивов (РГИА, ЦГИА СПб, АРАН), картографического собрания РНБ, периодической печати. Особенно интересен анализ воспоминаний предстателей «низов», встречающихся крайне редко. Следует отметить также обращение автора к художественной литературе, в частности — произведениям А. Белого и Ф.М. Достоевского.

Вторая глава посвящена бедным в городском пространстве Петербурга второй половины XIX — начала XX в. Прежде всего, к бедным отне-

сены сезонные рабочие и отходники, «крестьяне-рабочие», которые, по мнению Й. Баберовского, были в городе «инородными телами» (с. 49). Они прибывали как наёмные работники на временные заработки и концентрировались на «Рабочей бирже» на Зелёном мосту и на многочисленных городских рынках. В классическом виде сегрегация в Петербурге проявлялась ограниченно. Бедные люди часто селились в подвалах и под крышами «богатых» домов. В целом, чем дальше от центра, тем больше было зон их проживания.

Неравномерное развитие городского пространства столицы Петерсен связывает с вопросами городского благоустройства: проблемами освещения, количества и качества дорог, мостов, санитарией, обеспеченностью водой. Так, в центре фонарей было больше в четыре раза, чем в Заневской части. Особенно много их было в тех районах, где часто проезжала царская семья (например, между Фонтанкой и Большой Невой). Исследованы состояние дорожного покрытия, использование асфальта (с 1855 г.), развитие сети тротуаров.

Особое значение для Петербурга имела доступность питьевой воды и канализационной системы, тесно связанная с проблемой эпидемий. В книге приведены данные о том, что только 25% однокомнатных квартир, где проживала беднота, имели водоснабжение проточной водой, в то время как практически все дома с многокомнатными квартирами имели водопровод и канализацию.

Автор иллюстрирует неоднозначность понятия «периферия» в социальном смысле на примере вопроса о смертности. До 1880-х гг. число смертей, в том числе и вследствие эпидемий, в Петербурге превышало число рождений, население росло за счёт миграции. Санитарные карты

демонстрируют, что чем дальше располагался район от центра, тем выше была смертность, причём не только от заразных болезней (с. 62, 65).

В главе есть раздел, посвящённый особенностям исторического и социального развития отдельных частей заневского Петербурга: Васильевского острова с гаванью, Петербургской и Выборгской сторон. Прослеживается, как центр города планомерно расширялся, «продлевался» на эти острова и части, в них создавались свои центральные кварталы. Автор подчёркивает огромную роль мостов в жизни периферийных районов города.

Третья глава посвящена проблеме обеспеченности жильём бедных слоёв населения. Жилищный вопрос в Петербурге (как и в крупных европейских городах) обострился во второй половине XIX в., постоянно обсуждался в печати и со временем стал частью «рабочего вопроса». Быстрое и сильное удорожание жилья в этот период выдавливало малоимущих на окраины, ограничивало условия их проживания углами, подвалами, чердаками, приютами, ночлежками. В результате новостройки всё чаще состояли из маленьких квартир (их называли «маломерками» и «недомерками»).

Плотность проживания в центре была значительно выше, чем на окраинах, несмотря на большое количество пустующих просторных апартаментов. Этот парадокс связан с наличием рабочих мест в центральной части города. Автор рисует живую картину «ручьёв работного люда», «текущих» по утрам в центр города и вечером обратно на окраины. Многие работники шли пешком на работу по 2 часа (с. 187). Петерсен связывает решение жилищной проблемы с процессом джентрификации, облагораживания «депрессивных» кварталов путём благоустройства и привлечения в них состоятельных жителей. Автор

в этой связи сравнивает Петербург с Лондоном и Веной. В столице Великобритании процесс джентрификации изначально протекал целенаправленно. Процессы субурбанизации были связаны с формированием Сити и сопровождалась строительством метро, включением в городскую транспортную сеть железных дорог. В Вене сформировался пояс бедных районов внутри города. Общими для Петербурга и Лондона стали социальная и имущественная неоднородность населения при отсутствии сегрегации. Существовал вариант кругового (циркулярного) расположения социальных групп. В целом, Петербург, как считает Петерсен, по тенденциям развития скорее напоминал британскую, нежели австрийскую столицу.

Автор анализирует попытки регулировать жилищный вопрос через контроль над правом собственности на землю в черте города. Главными формами его решения стали фабричные квартиры и ночлежки. Они использовались фабрикантами в разных целях: для привлечения рабочих, получения выгоды, борьбы с «инакомыслием». На примерах «Вяземской лавры» — «трущобы трущоб Питерских» и «Васиной деревни» на Васильевском острове показан образ жизни бедноты, формы использования жителями территорий и помещений. Интересным является сюжет о реализации в начале XX в. проектов дешёвых домов и «деревень» для семей рабочих. Первый ночлежный приют в Петербурге открылся в 1873 г. на Обводном канале, к концу XIX в. их насчитывалось уже более ста. Функцию приютов выполняли и постоянные дворы. При этом городские и благотворительные заведения были несколько лучше, чем частные. После эпидемий тифа в 1895 г. и холеры в 1908 г. вопросы организации и содержания ночлежек ставились городской думой неоднократно.

Общества по улучшению жилищных условий неимущих возникали в столице с 1850-х гг. В конце XIX в. первые строительные товарищества делали попытки организовать не только проживание по низким ценам, но и работу столовых, читальных залов, детских садов. В качестве иллюстрации Петерсен приводит историю Гаванского городка. Однако низкая зарплата рабочих не позволяла им снимать жильё в городке, и квартиры стали заселяться представителями среднего класса. В целом расчистка трущоб проводилась с большим опозданием и охватывала только малую часть нуждающихся (с. 242–243).

Четвёртая глава посвящена рынкам как местам работы и существования «маленьких людей», центрам городских кварталов. В главе дан исторический обзор развития и регулирования, видов рыночной и уличной торговли. Показано, что чем дальше от центра находился рынок, тем худшую репутацию он имел. В некоторых районах (например, на Выборгской стороне) существовал только «базарный торг», в других обеспечение продовольствием и другими товарами производилось уличными разносчиками, в лучшем случае устраивались торговые ряды, осуществлялась продажа «с возов». Автор провёл подробный анализ обеспечения рынков товарами, отметил проблему роста цен из-за перебоев в снабжении города. В 1913 г. было даже принято решение о введении твёрдых цен на Сенном рынке.

На рубеже XIX–XX вв. встал вопрос о местах размещения книжной торговли («низовой книжности»), которая концентрировалась на рынках, мостах и улицах города. Здесь продавались народные сказки, лубки, жития святых и проч. Существовал и «чёрный» книжный рынок. Топографический охват мелкой торговлей, которая была сферой приложения сил

и интересов бедноты, сокращался под давлением городских властей. Менялось расположение торговых точек в результате новой пространственной структуризации города, последовательного выдавливания торговли с улицы «во внутрь» (в помещения). Интересно в этом смысле сравнение с Лондоном, где существовало понятие «уличный народ» («*street folk*»), имевший свою субкультуру.

В целом, Петерсен видит дореволюционный Петербург как современную для того времени метрополию с большим неравенством между центром и окраинами. Очевидными были контрасты между освещёнными проспектами и их тёмными «тылами». Вместе с тем делается вывод, что как таковой периферии в городе не существовало. Бедность «располагалась» не только на окраинах, динамично происходила перекодировка социального пространства (с. 361). Перспективным для дальнейшего исследования темы автор считает компаративистский подход. Необходимым, по его мнению, является сравнение тенденций развития социальной жизни Петербурга и других городов империи (Москвы, Одессы, Киева и др.), а также европейских столиц. Важными остаются вопросы социальной маргинализации в России в целом. Интерес представляет и исследование процесса смены внешней стигматизации и внутренней солидарности локальных структур города, выявление тенденций коллективного самовоспитания горожан.

В заключительной части книги приведён анализ трёх групп источников, которые позволили автору изучить тему городских «низов» на предметном уровне. Первая группа — это «эго-документы» (воспоминания, дневники). Автор не согласен с утверждением, что «низы» не оставляли таких материалов, и подробно анализирует содержательную сторону и объективность

записок С. Дрожжина, М. Ключевой, Н. Свешникова. Он обращает внимание на отражение в них микроистории определённых районов города. Вторая группа — заявления, прошения, жалобы, петиции в присутственные места. В них отражены интересы жителей в вопросах изменения ландшафта города и окрестностей, организации городской жизни. Третья группа — публицистические и научные журналы, литературные произведения. Особый интерес для автора представляет серия статей о «Васиной деревне», Обводном канале как «курорте» для простого народа и др. В журнале «Архив судебной медицинской гигиены и общественной гигиены» размещались статьи об усилиях Петербурга и других городов в деле благоустройства, материалы по вопросам переноса опыта организации городской жизни из Западной Европы в Россию. Анализ «низовых» документов, безусловно, важен для общего понимания источниковой базы работы. Остается, однако, неясным, почему он помещён в конце монографии, а не в первой главе.

Монография Петерсена привлечёт внимание специалистов по социальной истории и социологии городских пространств. Она может заинтересовать также широкий круг читателей — любителей истории Петербурга, поскольку написана не как справочник,

а как увлекательные рассказы. Книга важна и для лучшего понимания процессов, происходящих в современных городах, так как проблемы, которые выявлены историком, сегодня удивительно актуальны.

Примечания

¹ Социальная история Санкт-Петербурга / Под ред. В.Н. Соловьёва. СПб., 2005; *Williams C.* Health and Welfare in St. Petersburg, 1900–1941. Protecting the Collective. Routledge, 2018; *Bautz A.* Sozialpolitik statt Wohltätigkeit? Der Konzeptionswandel städtischer Fürsorge in Sankt Petersburg von 1892 bis 1914. Wiesbaden, 2007.

² *Кераум А.П., Лейкинд О.Л., Северухин Д.Я.* Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. Историческая энциклопедия. СПб., 2016; *Павлова О.К.* Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге (вторая половина XIX — начало XX ввек). СПб., 2004; *Зимин И., Соколов А.* Благотворительность семьи Романовых. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. СПб., 2015; *Jahn H.F.* Armes Russland: Bettler und Notleidende in der russischen Geschichte vom Mittelalter bis in die Gegenwart. Paderborn, 2010; *Синова И.В.* Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX вв. СПб., 2013; История петербургской интеллигенции / Ред. А.А. Оводенко, Е.Э. Платова, В.В. Фортунатов. СПб., 2013; *Вахромеева О.Б.* Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009; *Смирнов Д.С.* Модернизация городского пространства Санкт-Петербурга в 1905–1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

Сергей Полторак, Анастасия Зотова

**Иконография жизни и творчества отечественных историков
XVIII–XXI веков – первый опыт крупного обобщения***

Sergey Poltorak

(Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia)

Anastasia Zotova

(Saint-Petersburg State University, Russia)

**The iconography of the life and work of Russian historians
of the 18th–21st centuries – the first experience of a major generalization**

DOI: 10.31857/S0869568722020236, EDN: FVVOIN

Многотомное издание «Историки России. Иконография» по-своему уникально. Профессор А.А. Чернобаев, опираясь на публикации, появлявшиеся на протяжении многих лет в журнале «Исторический архив», собрал в нём краткие очерки, написанные лучшими современными специалистами о сотне выдающихся учёных XVIII – начала XXI в., с богатым иллюстративным материалом, отражающим различные этапы и стороны их жизни и творчества. Так, его и С.С. Илизарова статью о М.В. Ломоносове сопровождают гравюры Э. Фессара «М.В. Ломоносов» (1757) и Г.А. Качалова «Санкт-Петербург. Академия наук» (1753 г., по рисунку М.И. Махаева), акварель XVIII в. «Вид города Фрейберга», открытка 1910-х гг. «Холмогоры Архангельской губернии», фотографии выпущенного в советское время полного собрания сочинений Михаила Васильевича, титульные листы его исторических трудов, напечатанных в 1760-х гг., и пометы, сделанные им на рукописи «Российской истории» В.Н. Татищева (кн. 2, с. 5–12). Текст Илизарова о деятельности Г.Ф. Миллера дополняют изображения его родного города Герфорда (1647) и университетов в Рингелне и Лейпциге, где ему

довелось учиться, а также титульные листы «Объявления предложения до исправления российской истории» и «Описания Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена» (кн. 2, с. 19–25). Сведения о судьбе А.Ф. Малиновского, приведённые С.Р. Долговой, соседствуют с его редким портретом (гравюра, изготовленная А. Фроловым в 1820 г. по оригиналу Ф. Попова), сохранившимся с XVII в. чертежом сада царя Алексея Михайловича близ села Измайлова, фрагментом рукописи знаменитого историка-архивиста «Повествование о древних сношениях России и Франции» (1825) с характеристикой королевы Анны Ярославны (кн. 4, с. 5–16).

В первой книге говорится преимущественно об историках XIX в., исключение составляет лишь Татищев, представленный А.А. Чернобаевым и В.С. Астраханским как «отец русской историографии». Во второй, помимо Ломоносова и Миллера, речь идёт о Г.В. Плеханове (о нём и его историософских работах написала заведующая Домом Плеханова в Российской национальной библиотеке Т.И. Филимонова), П.Н. Милюкове (М.Г. Вандалковская, А.А. Чернобаев),

* Историки России. Иконография / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: Собрание. Кн. 1. 2008. 416 с.; Кн. 2. 2011. 398 с.; Кн. 3. 2015. 408 с.; Кн. 4. 2019. 416 с.

В.И. Невском (Г.А. Белоусова, Л.М. Коваль), Г.П. Федотове (А.В. Акимченко, С.С. Бычков, С.С. Петрушина), Б.А. Романове (В.М. Панях), А.В. Арциховском (С.О. Шмидт, А.В. Мельников), Н.А. Троицком (Ю.В. Варфоломеев), академиков И.И. Минце (В.Л. Телицын), Е.В. Тарле (М.Ю. Киселёв), А.А. Фурсенко (В.Ю. Афиани), В.Л. Янине (П.Г. Гайдуков). В третьей — о кн. М.М. Щербатове (Н.Ю. Болотина, А.А. Чернобаев), Т.Н. Грановском (А.С. Минаков), Н.П. Лихачёве (И.В. Лукоянов, А.В. Чирков), А.С. Лаппо-Данилевском (Е.Ю. Басаргина, И.Л. Тихонов), Е.А. Косминском (Н.М. Осипова), А.П. Окладникове (А.Ф. Бондаренко), Н.Н. Болховитинове (Е.В. Косырева) и др. В четвёртой книге читатели также найдут уникальные фотографии, уме-

ло встроенные в рассказ о творческом пути Н.П. Кондакова (Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова, К.Г. Шишкина), Ф.И. Успенского (А.Г. Цыпкина), Б.В. Ананьича и Р.Г. Пихои (А.А. Чернобаев), А.Ф. Бондаренко (С.М. Каштанов), В.В. Журавлёва (А.В. Репников), С.П. Карпова (Т.К. Афанасьева, Г.И. Науменко), И.В. Тункиной (Е.Ю. Басаргина), В.В. Шелухаева (Н.И. Канищева, К.А. Соловьёв) и др.

Конечно, в четырёх томах нельзя было объять необъятное. Но это издание, безусловно, требует продолжения, которое позволит существенно расширить созданный А.А. Чернобаевым иконографический ряд, включив в него ещё десятки, если не сотни, талантливых историков из разных регионов России, формировавших и формирующих облик отечественной науки.

Владислав Якимович Гросул (1939–2022)

EDN: FVZVVC

14 января 2022 г. на 83-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся российский учёный, доктор исторических наук, профессор, академик Международной славянской академии, главный научный сотрудник Института российской истории РАН Владислав Якимович Гросул.

Владислав Якимович родился 11 февраля 1939 г. в Тирасполе (тогда — столице Молдавской АССР, входившей в состав Украинской ССР), детские годы провёл в эвакуации в Казахстане, затем вместе с родителями вернулся в Молдавию. В 1956 г. он окончил школу в Кишинёве, а в 1961 г. — историко-филологический факультет Кишинёвского государственного университета, где специализировался по новой истории России и балканских стран. На его становление как учёного большое влияние оказал отец — историк, академик и первый президент (1961–1976) Академии наук Молдавской ССР Яким Сергеевич Гросул.

В 1961 г. Владислав Якимович поступил в аспирантуру Института истории АН СССР, где в 1964 г. под руководством академика Н.М. Дружинина защитил кандидатскую диссертацию «Реформы в Дунайских княжествах и Россия (1826–1834 гг.)», опубликованную в 1966 г. издательством «Наука». После защиты талантливому исследователю предлагали остаться в институтском коллективе, но он вернулся в Кишинёв и шесть лет проработал сначала младшим, а с декабря 1967 г. — старшим научным сотрудником в Институте истории АН Молдавской ССР. В 1969 г. вышла его вторая монография «Россия и формирование Румынского независимого государства», написанная в соавторстве с Е.Е. Чертаном.

В 1970 г. Владислав Якимович в составе молдавской делегации приехал в Москву на Всемирный конгресс историков. И тут ему предложили перейти в Институт истории СССР АН СССР. На этот раз он не стал отказываться, и в 1971 г. его зачислили старшим научным сотрудником в Отдел общих проблем истории народов СССР. Решение переехать в столицу не в последнюю очередь объяснялось склонностью к архивной работе, которую В.Я. Гросул вёл с завидной регулярностью, на протяжении многих десятилетий 2–3 дня в неделю посещая Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации) и просматривая горы документов, которые потом находили отражение в его трудах.

Спектр академических интересов Владислава Якимовича был исключительно широк. Он начинал как историк-международник, много размышлял о феномене почти безостановочных реформ, проходивших в России на протяжении двухсот лет после Петра I и тем не менее завершившихся революциями. Его волновали судьбы революционного движения и практически не изученной тогда эмиграции. Посвятив данной теме свою диссертацию «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.)», В.Я. Гросул в январе 1975 г. (в 36 лет) стал самым молодым доктором исторических наук Советского Союза.

Логическое продолжение и развитие начатая им работа получила в монографиях «Революционная Россия и Балканы (1874–1883 гг.)» (М., 1980) и «Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг.» (М., 1988).

В 1988 г. В.Я. Гросул возглавил Отдел истории капитализма, а в 1991 г. — группу, занимавшуюся изучением общественной мысли и общественного движения в Секторе истории России в XIX в. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Владислав Якимович всё чаще задумывался о той роли, которую играли в истории представители различных кругов образованного общества. В конце XX в. он взял на себя руководство авторами первого обобщающего монографического исследования, освещавшего историю охранительного течения в политике и публицистике Российской империи XIX в. В книге «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000) прослеживался генезис данной идеологии, выделялись её основные принципы, черты и оттенки, раскрывались позиции её сторонников (их было выявлено около 500) при решении ряда актуальных для страны проблем. Одновременно историк принял участие в создании биографического сборника «Российские либералы» (М., 2001), написав для него статью о кн. В.А. Черкасском. Не забывал он и о революционерах, выпустив в том же году монографию «Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX в.». В ней учёный обобщал накопленный материал и подводил итоги многолетних штудий. Основное внимание он уделил малоизвестному участию русских эмигрантов в политических событиях, научной и публицистической жизни тех стран, где они оказались, а также их взаимодействию с европейскими правительствами, парламентскими и общественными кругами. Затем Владислав Якимович обратился к более раннему времени и подготовил исследование «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008). В конце жизни он мечтал об очередной книге, в которой собирался изложить историю российской политической эмиграции всего XIX в. Но написать её В.Я. Гросул уже не успел. Последней его работой стал фундаментальный обобщающий труд «Российское революционное движение во второй половине XIX века», завершённый в конце 2021 г.

Русское образованное общество Владислав Якимович рассматривал как особый социальный организм, составлявший своего рода триаду с властью и народом. Особенности эволюции этого феномена, включая изменение его состава, общественного мнения, организационных форм взаимоотношений лиц, принадлежавших к «общественности», с представителями власти и народа, а также многие другие сюжеты, историк очертил в книгах «Русское общество XVIII–XIX вв. Традиции и новации» (М., 2003), «Общественное мнение в России XIX века» (М., 2013) и «Общественное движение в России первой половины XIX века» (М., 2017). Вместе с тем Гросул интересовался историей Церкви, став постоянным автором «Православной энциклопедии», изучал события первых лет советской власти, обстоятельства образования СССР и историю Великой Отечественной войны, внёс ощутимый вклад в развитие москвоведения и молдавистики. В монографии «Карагаш — минувший и нынешний (история одного приднестровского села)» (М., 2001) он подробно рассказал об экономической жизни, обычаях и культуре малой родины своей семьи, проследив их на протяжении нескольких поколений. Всего В.Я. Гросул написал более 600 научных и научно-популярных работ, включая 16 монографий.

Одновременно он состоял профессором Государственной академии славянской культуры, членом диссертационных советов Института российской

истории и Института славяноведения РАН, Учёного совета ИРИ РАН. Будучи научным руководителем многих аспирантов и докторантов, он проявил себя как замечательный педагог. Его хорошо знали не только в СССР и на постсоветском пространстве, но и в Великобритании, Германии, Италии, Франции, Венгрии, Польше, Турции, Болгарии, Румынии, странах бывшей Югославии, США, Уругвае и др.

Среди его многочисленных наград — орден Организации Объединённых наций «За выдающиеся заслуги перед народами» (2007) и «Орден Республики» — высшая награда Республики Молдова (2017). Владислав Якимович был лауреатом премии Ленинского комсомола (1971), дважды лауреатом Государственной премии Приднестровской Молдавской республики (1996 и 2002 гг.), имел звания заслуженного профессора Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (2015) и почётного работника науки и техники Российской Федерации (2016).

Владислав Якимович всегда находился в гуще событий. В Кишинёве и в Москве он играл видную роль в Совете молодых учёных, являлся председателем профкома Института истории СССР, секретарём его партийной организации, позже — активно участвовал в общественно-политической жизни России и Молдавии, входил в президиум Центрального совета Российских учёных социалистической ориентации.

Замечательный учёный и талантливый исследователь, В.Я. Гросул был открытым и общительным человеком, сочетавшим обширную эрудицию и профессионализм с отзывчивостью и доброжелательным вниманием к труду коллег. Память о яркой творческой личности Владислава Якимовича Гросула навсегда сохранится в наших сердцах.

Друзья и коллеги

Александр Васильевич Назаренко (1948–2022)

EDN: FWBGAN

19 января 2022 г., в праздник Крещения Господня, после продолжительной и тяжёлой болезни ушёл из жизни Александр Васильевич Назаренко — крупнейший учёный, филолог, историк и источниковед, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН и Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН. А.В. Назаренко широко известен академическому миру как ведущий специалист в области истории и источниковедения Древней Руси, Византии, средневековой Европы, Русской Церкви и отечественной культуры.

Александр Васильевич Назаренко родился 16 января 1948 г. в г. Паневежис Литовской ССР в семье офицера Советской армии и школьной учительницы. Вскоре семья переехала в ГДР — в старинный город Виттенберг, где юный Александр, по образному выражению Н.Н. Лисового, «навсегда полюбил древнее обаяние германской речи и поэзии». Вернувшись на родину, он был принят в знаменитую физико-математическую школу-интернат № 18 при МГУ им. М.В. Ломоносова (ныне — Специализированный учебно-научный центр МГУ им. А.Н. Колмогорова), по окончании которой, вопреки ожиданиям педагогов и родителей, поступил на романо-германское отделение филологического факультета МГУ.

По окончании университета в 1972 г. Александра Васильевича призвали в армию (два года он прослужил переводчиком в политуправлении и разведуправлении Группы советских войск в Германии). В 1974 г., после демобилизации, его уже ждали в Институте истории СССР АН СССР, в Секторе истории древнейших государств на территории СССР, созданном в 1969 г. крупнейшим историком-медиевистом В.Т. Пашуто главным образом для изучения и сводного комментированного издания в русском переводе иностранных источников по истории Древней Руси. Создание этого Сектора и идею Пашуто Александр Васильевич называл «счастливым для себя и эпохальным для исторической науки того времени событием», ибо всесторонне изучать историю Руси домонгольского времени (IX — середины XIII в.), особенно её международных связей, без иностранных документов невозможно, поскольку «кроме русских летописей, которые зачастую создавались значительно позже описываемых событий, существует огромное количество разноязычных зарубежных источников, иногда этим событиям современных». Для решения поставленной задачи Пашуто были нужны не столько историки, сколько филологи-классики, владеющие латинским, греческим, древнеисландским, арабским и другими языками. Одним из таких людей и стал А.В. Назаренко, чья дружеская армейская переписка (1972–1974) на латыни с одним из сотрудников Сектора произвела впечатление на Владимира Терентьевича. С 1977 г. Сектор Пашуто стал издавать серию «Древнейшие источники по истории народов СССР» (с 1993 г. — «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»).

Александр Васильевич всегда с большим уважением и благодарностью вспоминал В.Т. Пашуто, называя его своим наставником, который пестовал,

опекал, защищал, поддерживал и «как-то очень умело вёл» его и его коллег. «Мы жили у него как у Христа за пазухой, — говорил А.В. Назаренко. — И в этом смысле он был наш *pater familias*» (отец семейства. — *лат.*).

На становление А.В. Назаренко как учёного оказали влияние многие известные историки. Однако, по его собственному признанию, главную роль в его формировании сыграли книги и историки-филологи XIX в., труды которых он с упоением читал. Александр Васильевич называл себя по природе типичным автодидактом (от *autos* «сам» — *греч.* и *didaktos* «учёный» — *греч.*) — «человеком, который любит, а главное, может учиться сам, исходя из того, куда его ведёт логика исследования». Одним из своих «учителей в широком смысле слова» А.В. Назаренко считал лингвиста, историка и филолога, академика Императорской Санкт-Петербургской Академии наук А.А. Шахматова (1864–1920), успешно применявшего лингвистические методы для добывания исторического знания. Благодаря, в частности, ему, одной из самых главных целей Назаренко как учёного с самого начала стало возрождение в исследовательском процессе некогда существовавшего, но затем практически утраченного «историко-филологического единства», способного обеспечить комплексный подход к изучению Древней Руси. В своих исследованиях Александр Васильевич успешно применял и целый ряд специальных исторических дисциплин: историческую метрологию, историческую географию, генеалогию, просопографию, эпиграфику и др.

В 1989 г. А.В. Назаренко защитил кандидатскую диссертацию «Русь и Германия во второй половине X века. Начало политических взаимоотношений» (научный руководитель — д.и.н. А.Л. Хорошкевич); в 1996 г. — докторскую диссертацию «Древняя Русь и Запад: русско-немецкие связи IX–XII веков».

Начав путь в науке как филолог-германист, Александр Васильевич со временем стал не только ведущим отечественным латинистом, но и медиевистом мирового уровня, тонко и глубоко проникающим в суть источника, способным увидеть связь между свидетельствами разножанровых и разновременных документов как отечественных, так и иностранных. Его работы отличаются филологической культурой, тонким источниковедческим анализом и глубоким знанием исторического процесса. В определённой степени они способствовали сокращению разрыва, образовавшегося в XX в. между русской наукой о средневековье и мировой медиевистикой.

Ранний период этнокультурного и политического взаимодействия восточных славян с центральноевропейскими землями в IX–X вв., латинская и древненемецкая языковая традиция имени «Русь», история политических, торговых и культурных связей Руси с Германией, Византией, Польшей, Венгрией, Чехией — темы научных исследований Александра Васильевича, получивших высочайшую оценку и признание коллег. Любовь к математике проявилась в разработанной историком теории происхождения древнерусской денежно-весовой системы как синтеза многих культур (арабской, скандинавской, каролингской, византийской, славянской). Назаренко провёл типологическое сопоставление политического строя Руси и стран Центральной и Западной Европы. Итогом изучения византийских документов стала научно обоснованная гипотеза, касающаяся становления епархиальной структуры Русской Церкви.

За годы в науке А.В. Назаренко стал автором более 350 научных работ. Его монографии «Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.» (М., 2001),

«Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования)» (М., 2009), «“Слово на обновление Десятинной церкви”, или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси» (М.; Брюссель, 2013), «Князь Владимир Великий: креститель, строитель, небесный охранитель Руси: опыт общедоступного научного изложения» (М., 2020) внесли весомый вклад в российскую историческую науку. За монографию «Древняя Русь на международных путях...» в 2001 г. исследователь был удостоен премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) 1-й степени.

С именем А.В. Назаренко связано существенное пополнение издававшегося в русском переводе корпуса иностранных источников по истории Древней Руси — «Записки о Московии» С. Герберштейна (М., 1988; 2008), «Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.» (М., 1993), а также знакомство отечественных исследователей с зарубежной русистикой — работой Г. Подскальски «Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)» (СПб., 1996). Александр Васильевич был составителем, переводчиком и комментатором 4-го тома пятитомной хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (Т. 4: Западноевропейские источники. М., 2010). (Библиография научных работ А.В. Назаренко до 2019 г. приведена в двух юбилейных сборниках статей: История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 325–343; У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 576–581.)

Поскольку история Древней Руси теснейшим образом переплетена с историей Русской Церкви (по выражению Александра Васильевича, «это всё единый сплав»), то постепенно древнейшая русская церковная история стала для него предметом самостоятельного интереса. Будучи глубоко верующим человеком, А.В. Назаренко смог органично соединить в своём мировоззрении и творчестве науку и религию. Считая историю «полем богочеловеческого взаимодействия», он полагал, что основным методом «православного историка» должна быть работа «в сознании своей принадлежности к Церкви». Согласно фундаментальной концепции Назаренко, роль Древней Руси в мировой истории самым тесным образом связана с категорией *Христианской Империи*: «В христианской картине истории Царство неотделимо от Церкви... Царство в собственном смысле слова может быть только христианским, более того — только православным, ибо иначе оно теряет своё историософское оправдание».

История Церкви стала для А.В. Назаренко областью не только научных интересов, но и обширной научно-организационной деятельности: с 2001 г. он являлся председателем Научного совета РАН «Роль религий в истории»; длительное время в рамках Commission internationale d'histoire ecclésiastique сопрагее возглавлял Российскую комиссию по сравнительной истории Церкви; с 1996 г. был членом Научно-редакционного совета «Православной энциклопедии», активно участвовал в разработке научных принципов её издания и стал автором десятков статей для её томов.

В 1999 г. А.В. Назаренко перешёл из Института российской истории в Институт всеобщей истории РАН, где возглавил проект «Россия и страны Центральной Европы в IX–XV вв.». В 2012 г. Александр Васильевич вернулся (по совместительству) в ИРИ РАН, став руководителем Центра истории религии и Церкви. Широта взглядов, обширная эрудиция и ответственность позволяли ему успешно, с большим тактом, но вместе с тем с принципиальной

твёрдостью, руководить коллективом исследователей, чьи научные интересы лежали в различных плоскостях и сферах церковной науки, относились к самым разным направлениям и периодам истории Церкви.

Александр Васильевич являлся членом Учёных советов ИРИ РАН и ИВИ РАН, председателем Государственной аттестационной комиссии на богословском факультете Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, членом объединённого Диссертационного совета по теологии Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. равноап. Кирилла и Мефодия, ПСТГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова и РАНХиГС, координатором нескольких Экспертных советов РГНФ и РФФИ, членом редколлегий журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», ежегодников «Православный Палестинский сборник» и «Религии мира».

Интерес к культурному наследию Византии и ближневосточной цивилизации закономерно привёл учёного к многолетнему сотрудничеству с Императорским православным Палестинским обществом (ИППО), членом которого он был с 1997 г.; членом Совета — с 2003 г., председателем Научной секции — с 2004 г. Научные и паломнические поездки в Грецию, Сирию, Ливан, на Афон и в Святую Землю (Израиль и Палестину) дали новый импульс его научным изысканиям, подтвердили его концепцию тесных русско-европейско-византийских связей. Александр Васильевич много сделал для организации исследовательской работы ИППО, содействуя проведению российских и международных конференций, изданию новых работ и архивных материалов по истории Святой Земли, изучению канонических связей Русской Церкви с Патриархатами Востока, русско-палестинских духовных и культурных контактов.

Заслуги А.В. Назаренко перед Русской Православной Церковью отмечены орденами Преподобного Сергия Радонежского 2-й степени (1997) и Святого равноапостольного великого князя Владимира 3-й степени (2008), а также патриаршими грамотами в 2000 и 2006 гг.

Среди многих талантов Александра Васильевича нельзя не упомянуть и о его незаурядном поэтическом даре, отмеченном литературной премией «Александр Невский» (2015) и премией Союза писателей России «Имперская культура» (2020). В 2018 г. увидел свет сборник его стихов «И исшед вон плакался горько...».

Всем, кто соприкасался с А.В. Назаренко, он всегда служил эталоном подлинного исследователя — с широчайшим диапазоном интересов, высокой требовательностью и научной добросовестностью. Безвременная кончина Александра Васильевича является невосполнимой потерей для российской науки и культуры, и не одному поколению историков, филологов, теологов предстоит вдумчивое и благоговейное постижение богатейшего академического и богословского наследия этого незаурядного учёного и человека. Светлая ему память!

Коллеги, друзья, ученики

Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе (1957–2022)

EDN: FWBWCC

Ушёл из жизни замечательный человек и талантливый учёный, большой друг России и российских историков, профессор русской истории Университета Брока (Канада) Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе.

Историкам-русистам не надо напоминать, кем он был и что сделал для исторической науки. Его работы стали важным этапом в формировании современных научных представлений о характере и специфике места Российской империи на оси координат между Востоком и Западом, Европой и Азией. Эрудиция, основательное знание множества языков и широта исследовательского взгляда, глубокое погружение в изучаемый материал позволяли Схиммельпэннинку тонко анализировать различные аспекты культурной, интеллектуальной, общественно-политической, дипломатической и военной истории, воссоздавая пути и способы освоения Востока, который, по его словам, «всегда играл определённую роль в постоянном поиске Россией своего подлинного места в этом мире».

Книги и статьи Схиммельпэннинка всегда становились событием как для зарубежных, так и для отечественных читателей. Его идеи и наблюдения, подкреплённые тщательной проработкой найденных в архивах и библиотеках источников, а также неизменно взвешенная интерпретация полученных результатов являлись наглядным свидетельством высокого профессионализма. Но не только это привлекало к Давиду коллег и друзей. Его неподдельный благожелательный интерес к русской культурной традиции, восприятие истории империи и её опыта как ценности, отказ от обвинительных вердиктов в адрес тех или иных событий или явлений прошлого — черты достойного и мудрого человека, подлинного интеллигента и интеллектуала. Этика *понимания* — пожалуй, именно так можно определить его жизненное и профессиональное кредо. Наше научное сообщество высоко ценило эти качества, он нашёл в России настоящих друзей и опору в нелёгкие для себя жизненные моменты.

Представитель старинного голландского баронского рода, ранее пробовавший найти себя и в семейном бизнесе, и в банковском деле, Давид Схиммельпэннинк был одним из студентов семинара профессора Пола Кеннеди, автора фундаментальных работ по истории британского флота и международных отношений. Но его знакомство с Россией началось ещё раньше — с рассказов тёти, проживавшей в Париже, с увлечения русским языком, которым он прекрасно владел. Во время прохождения военной службы в Канадской армии (он служил в 1-м американском полку Королевских йоркских рейнджеров, чем всегда гордился) Схиммельпэннинк использовал свободное время для чтения книг по русской истории, что, естественно, не нравилось его командирам. Позже он стал автором краткой истории полка «Remembering their Gallantry in Former Days. A History of the Queen's York Rangers» (Toronto, 2006). В Йельском университете он оказался одним из первых аспирантов профессора Пола Бушковица — блестящего специалиста по петровскому времени и превосходного знатока истории России.

Перед широкой аудиторией специалистов-историков Схиммельпэннинк, пожалуй, впервые предстал в ноябре 1993 г. на Гавайях, где проходил конгресс Американской ассоциации содействия славяноведению. Демонстрируя блестящее владение предметом своего исследования, он оставался доброжелательным, улыбчивым, неизменно элегантным и в Гонолулу, и позже — на конференциях и конгрессах в Кембридже, в японских Саппоро, Токио, Макухари, в Институте российской истории РАН. Таким мы запомним его навсегда. Его авторские лекционные курсы, посвящённые истории России и особенностям русского ориентализма, всякий раз пользовались успехом у преподавателей и студентов российских университетов и вузов нашего ближнего зарубежья. Фундаментальные знания в сочетании с органичным демократизмом, артистичностью и культурой изложения материала делали его замечательным лектором-рассказчиком.

Работы Схиммельпэннинка печатались на русском языке со второй половины 1990-х гг., ещё в бытность его докторантом Йельского университета. Одну из своих первых русскоязычных статей он посвятил знаменитому путешественнику и разведчику, исследователю Монголии, Китая и Тибета Н.М. Пржевальскому. Затем последовали монографии, вышедшие в свет на Западе и в России, главные из которых — «*Toward the Rising Sun: Ideologies of empire and the path to war with Japan*» (DeKalb, 2001; перевод: «Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией». М., 2009) и «*Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*» (New Haven; L., 2010; перевод: «Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции». М., 2019). В них раскрывается восприятие Востока не только русскими востоковедами, но и поэтами, художниками, композиторами, фактически учитываются взгляды «всех, кто размышлял об Азии и об отношениях между Азией и Россией».

Давида Схиммельпэннинка можно с полным основанием отнести к числу «организаторов науки». Он являлся одним из ключевых участников тех инициативных команд, усилиями которых были осуществлены такие масштабные международные научно-издательские проекты, как двухтомник «*World War Zero: The Russo-Japanese War in Global Perspective*» и продолжающееся многотомное издание в нескольких сериях «*The Russia's Great War and Revolution, 1914–1922*», «Русский сборник» и др. Не менее весом его вклад в 20-томную «Историю России», которая создаётся в ИРИ РАН. Несмотря на пандемию, он рвался в Россию для работы в архивах, однако тяжёлая болезнь на долгие месяцы приковала его к постели.

Он помнил и ценил свои корни — голландские, французские, русские. Возможно, их удачное сочетание на уровне некоего культурного и психологического «генотипа» придало широту его научным интересам и добавило ему особой чуткости. С юмором относясь к своему сложнопроисносимому имени, он любил представляться на русский манер: Давид Александрович. Так его и звали в кругу российских друзей. Удивительно, но с первых же своих приездов в Россию, ещё студентом Йельского университета, и до визитов последних лет Давид неизменно становился «центром притяжения» для зарубежных и российских коллег, помогая им лучше узнавать друг друга, обмениваться взглядами, делиться творческими планами. Сам же он всегда был готов прийти на помощь — делом, советом, личной поддержкой.

Давид Александрович был тесно связан с историческим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Посещая Москву, он никогда не отказывался, как бы ни был занят, уделить время для встречи со студентами и аспирантами, помочь им консультацией, привезти и подарить необходимую, но отсутствующую в библиотеках литературу. Он неоднократно выступал с докладами в семинаре по военной и внешнеполитической истории России, через который прошёл не один десяток историков. Каждый раз ему хотелось делать это по-русски, но он соглашался говорить на английском, чтобы дать молодым коллегам возможность услышать живую и чистую речь и приобрести опыт участия в дискуссии на этом языке.

В нынешнем жёстком и сложном мире нам будет не хватать Давида Александровича Схиммельпэннинк — блестящего учёного, надёжного друга, яркого и нестандартного человека, любившего историю и культуру России и связавшего с ними свою судьбой.

Российские друзья и коллеги

Наши авторы

Агеева Ольга Гениевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Аксёнов Владислав Бэнович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Бушкович Пол (Bushkovitch Paul), профессор департамента истории Йельского университета (Великобритания)

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Графова Мария Александровна, кандидат искусствоведения, доцент департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Гуськов Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Егоров Александр Константинович, кандидат исторических наук, преподаватель Петрозаводского техникума городского хозяйства

Ефимов Артём Владимирович, стажёр-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Журавлёв Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН

Затравкин Сергей Наркизович, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Захаров Виктор Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Зотова Анастасия Валерьевна, доктор исторических наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Копелев Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Кротов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН, доцент Института международных отношений и всеобщей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Накишова Марина Тазабаевна, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии, ассистент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Павлова Ирина Петровна, доктор исторических наук, профессор Красноярского государственного аграрного университета

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), старший научный сотрудник Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России (Нижний Новгород)

Полторах Сергей Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Полянская Елизавета Евгеньевна, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник Государственного исторического музея

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Сергеев Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России (Нижний Новгород)

Топычанов Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Трефилов Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Хорошева Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Шамин Степан Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Шиган Евгений Евгеньевич, кандидат медицинских наук, заместитель директора Научно-исследовательского института медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова

СОДЕРЖАНИЕ

Пётр I и его эпоха

В.Н. Захаров

Пётр I и современная историография: размышления к 350-летию юбилею
великого реформатора 3

О.Г. Агеева

Пётр I и реформа Русской Церкви 15

П.А. Кротов

Был ли Пётр Великий Романовым? 31

А.Г. Гуськов, С.М. Шамин

Молодой Пётр как стратег: планирование военной кампании 1695 г. 34

А.В. Топычканов

«Починить против прежнего, без всякой отмены»: восстановление старых
подмосковных дворцов в контексте мемориальной и династической
политики Петра I 47

П. Бушкович

Пётр Великий и западная культура 57

История власти

Д.А. Редин

Странная реформа: реорганизация государственного управления в России
в 1700–1710-х гг. 64

М.Т. Накишова

Полицейстерская канцелярия в системе управления Санкт-Петербургом
в 1718–1727 гг. 77

А.В. Ефимов

Обвалился ли курс рубля после денежной реформы Петра I? 90

Народы и пространства

Е.Н. Трефилов

«Чтоб над нами Русь не владела»: отношение донских казаков —
участников булавинского восстания к России и русским 100

Россия и мир

Д.Н. Копелев

«Пираты приятнее примут протекцию его императорского величества»:
колониальные проекты Петра Великого и яacobитские заговоры
1718–1725 гг. 111

Медицина и болезни в России в XIX–XX вв.

А.К. Егоров

В поисках «отравителей»: пути распространения слухов в Центральной России
летом 1831 г. 126

<i>Е.Е. Полянская</i>	
В.А. Оппель на Кавказе в ноябре—декабре 1914 г.: организация работы РОКК и разработка принципа этапного лечения	135
<i>А.В. Хорошева</i>	
«В здоровом теле — здоровый дух!». Концепция естественного оздоровления населения Н.А. Семашко и культурная революция	145
<i>С.Н. Затравкин, Е.А. Вишленкова</i>	
Медикаменты и революция: лекарственное обеспечение советских людей в 1920-е гг.	156
<i>М.А. Графова</i>	
«Правда жизни»: борьба с венерическими заболеваниями в СССР в 1920-е гг. в официальной пропаганде и массовых представлениях	166
<i>В.Н. Сергеев, Е.Е. Шиган</i>	
Пенсионное обеспечение медицинских работников по профессиональной инвалидности в СССР в 1920-е гг.: проекты, дискуссии, законодательство . . .	180
<i>Н.Ю. Пивоваров, А.Д. Попов, В.В. Тихонов</i>	
«Инфекции — надёжный заслон!»: советская медицина, власть и общество в борьбе с эпидемиями 1960—1970-х гг.	198

Обзоры и рецензии

<i>В.Б. Аксёнов, С.В. Журавлёв</i> — Архивы между терапией «исторических травм» и «войнами памяти»	218
<i>В.В. Тихонов</i> — Историки права, Пётр I и прокурор Вышинский	223
<i>А.В. Морохин</i> — Арзамасский уезд в XVII веке. Источники по истории служилых землевладельцев: исследование и тексты	226
<i>И.П. Павлова</i> — Н.-С. Petersen. An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850—1914)	229
<i>С.Н. Полторак, А.В. Зотова</i> — Иконография жизни и творчества отечественных историков XVIII—XXI веков — первый опыт крупного обобщения	234

Pro memoria

В.Я. Гросул (1939—2022)	236
А.В. Назаренко (1948—2022)	239
Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе (1957—2022)	243
Наши авторы	246

CONTENTS

Peter I and his Era

<i>V.N. Zakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Peter I and modern historiography: reflections on the 350 th anniversary of the great reformer	3
<i>O.G. Ageeva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Peter I and the reform of the Orthodox Church of Russia	15
<i>P.A. Krotov (Saint Petersburg State University, Russia)</i> Was Peter the Great Romanov?	31
<i>A.G. Guskov, S.M. Shamin (both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Young Peter as a strategist: planning a military campaign of 1695	34
<i>A.V. Topychkanov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> «To restore to the former state, without any exception»: restoration of old palaces near Moscow in the context of the memorial and dynastic policy of Peter the Great	47
<i>P. Bushkovitch (Yale University, New Heaven, USA)</i> Peter the Great and the Western culture	57

History of power

<i>D.A. Redin (Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)</i> Strange reform: Reorganization of state administration in Russia in the 1700s–1710s	64
<i>M.T. Nakishova (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)</i> Police Chancellery in the management system of Saint Petersburg in 1718–1727	77
<i>A.V. Efimov (HSE University, Moscow, Russia)</i> Did the ruble collapse after Peter I's monetary reform?	90

Peoples and spaces

<i>E.N. Trefilov (HSE University, Moscow, Russia)</i> «So that Russia does not own us»: the attitude of the Don Cossacks – participants in the Bulavin's uprising to Russia and the Russians	100
--	-----

Russia and the world

<i>D.N. Kopelev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)</i> «Pirates will more pleasantly accept the patronage of his imperial majesty»: colonial projects of Peter the Great and Jacobite conspiracies (1718–1725)	111
---	-----

Medicine and diseases in Russia in the 19th–20th centuries

<i>A.K. Egorov (Petrozavodsk College of Urban Economy, Russia)</i> In search of «poisoners»: the ways of rumor transmission in Central Russia in the summer of 1831	126
---	-----

<i>E.E. Polyanskaya (State Historical Museum, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
V.A. Oppel in the Caucasus in November–December 1914: the Russian Red Cross Society's activity and the staged treatment	135
<i>A.V. Khorosheva (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
«Healthy mind in a healthy body». N.A. Semashko's concept of natural recovery of the population and the cultural revolution	145
<i>S.N. Zatravkin (N.A. Semashko National Research Institute of Public Health; HSE University Moscow, Russia), E.A. Vishlenkova (HSE University, Moscow, Russia)</i>	
Medicines and the Revolution: Medical care for Soviet people in the 1920s	156
<i>M.A. Grafova (HSE University, Moscow, Russia)</i>	
«Truth of life»: Controlling the epidemic of venereal diseases in the USSR during the 1920s. Official propaganda and popular attitudes	166
<i>V.N. Sergeev, E.E. Shigan (both – Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia)</i>	
Medical workers' pensions for occupational disability in the USSR in the 1920s: projects, discussions, legislation	180
<i>N.Yu. Pivovarov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russia; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia), A.D. Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia), V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia)</i>	
«A reliable barrier to infection!»: Soviet medicine, government and society in the fight against epidemics of the 1960s and 1970s	198

Reviews

<i>V.B. Aksenov, S.V. Zhuravlev (both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Archives between «historical trauma» therapy and «memory wars»	218
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Law historians, Peter the Great and Procurator Vyshinsky	223
<i>A.V. Morokhin (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: Arzamasskiy uyezd v XVII veke. Istochniki po istorii sluzhilykh zemlevladel'tsev: issledovaniye i teksty	226
<i>I.P. Pavlova (Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: H.-C. Petersen. An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914)	229
<i>S.N. Poltorak (Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia), A.V. Zotova (Saint-Petersburg State University, Russia)</i>	
The iconography of the life and work of Russian historians of the 18 th –21 st centuries – the first experience of a major generalization	234

Pro memoria

V.Ya. Grosul (1939–2022).	236
A.V. Nazarenko (1948–2022).	239
D. Schimmelpenninck van der Oye (1957–2022).	243
Contributors to this issue	246

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор